

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

ШМЯК!

Thud!

**ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ
ЯЗЫКЕ!**

Annotation

В самом блистательном городе Плоского мира – Анк-Морпорке – снова беспокойно: близится 200-летняя годовщина Кумской битвы. Именно в Кумской долине в один злополучный день то ли гномы исподтишка напали на троллей, то ли тролли исподтишка напали на гномов. Нет, враждовали они с сотворения мира, но именно эта битва придала обоюдной ненависти официальный статус. Она сделалась историческим объяснением того, почему нельзя доверять этим мелким бородатым/здоровенным бугристым ублюдкам.

А это значит, что на улицах Анк-Морпорка надо вводить дополнительные патрули.

Впрочем, спасение мира и поддержание порядка – это обычная работа для неподражаемого герцога Анкского. Ах да, надо же еще расследовать убийство глубинного гнома, разобраться с новой наркотой на улицах города и, самое главное, ровно в шесть вечера прочитать Юному Сэму «Где моя корова?». Последнее пропустить никак нельзя.

Впервые на русском языке!

-
- [Терри Пратчетт](#)
 -
 -
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)

- [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
-

Терри Пратчетт

Шмяк!

Terry Pratchett

THUD!

Copyright © 2005 by Terry and Lyn Pratchett

© В. Сергеева, перевод на русский язык, 2013

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

Первое, что сделал Так, – он написал себя.

Второе, что сделал Так, – он написал Законы.

Третье, что сделал Так, – он написал Мир.

Четвертое, что сделал Так, – он написал пещеру.

Пятое, что сделал Так, – он написал жеоду, каменное яйцо.

И в сумеречном чреве пещеры из жеоды вылупились Братья.

Первый Брат пошел на свет и встал под открытым небом.

Поэтому он вырос слишком высоким и стал первым Человеком. Он не нашел Законов и просветился.

Второй Брат пошел во мрак и встал под каменной кровлей.

Поэтому он достиг нужного роста и стал первым Гномом. Он нашел Законы, которые написал Так, и погрузился во тьму.

Но часть живой души Така осталась в разбитом каменном

яйце и превратилась в первого Тролля, который бродит по миру незванным и нежеланным, без души и без цели, не учась и не понимая. Опасаясь и света и тьмы, он вечно ковыляет в полумраке, ничего не зная, ничего не постигая, ничего не творя и будучи ничем...

Из книги «Гд Так' Гар» («Что написал Так»), в пер. проф. У. У. У. Уайлдблада, изд-во Незримого Университета, цена 8 АМ долларов. В оригинале последний абзац цитаты, судя по всему, позднейшая интерполяция.

Тот кого гора не сокрушить
Тот кого солнце не остановить
Тот кого молот не разбить
Тот кого огонь не утратить
Тот кого ум выше сердца
Тот алмаз

Перевод троллей пиктограммы, вырезанной на куске базальта и найденной на нижнем уровне анк-морпорской паточной шахты. Созд. примерно 500 000 лет назад.

Шмяк.

Именно такой звук издала дубина, войдя в соприкосновение с черепом. Тело дернулось и рухнуло навзничь.

Дело было сделано – неслышно, незримо. Идеальный финал, идеальное решение, идеальная история.

Но, как говорят гномы, там, где случаются неприятности, всегда ищи тролля.

Троль видел.

День начался идеально. Сэм Ваймс знал, что вскоре от удачного начала не останется и следа, но хотя бы на несколько минут можно было представить, что неизбежное не произойдет.

Сэм Ваймс брился. Ежедневный акт неповиновения, напоминающий о том, что он... просто Сэм Ваймс.

Конечно, он брился в особняке, и во время процедуры дворецкий

читал ему выдержки из «Таймс», но все это были... не более чем сопутствующие обстоятельства. Из зеркала по-прежнему глядел Сэм Ваймс. Если бы оттуда взглянул герцог Анкский, Ваймс счел бы это дурным знаком. «Герцог» – лишь название должности, и точка.

– Преимущественно новости касаются текущей... ситуации с гномами, сэр, – произнес Вилликинс, пока Ваймс обрабатывал область под носом, требующую особого внимания. Он до сих пор пользовался дедушкиной опасной бритвой. Еще один островок реальности. И потом, тогдашняя сталь была намного лучше теперешней. Сибилла, которая с непонятным восторгом относилась к новейшим техническим штучкам, предложила мужу приобрести самую современную бритву, в которой сидел маленький бесенок с индивидуальными ножницами и быстренько срезал все волоски, но Ваймс настоял на своем. Если кто-нибудь и будет орудовать лезвием по его лицу, то исключительно он сам.

– Кумская долина, Кумская долина, – пробормотал он, глядя на отражение в зеркале. – Что-нибудь новенькое?

– В общем, нет, сэр, – сказал Вилликинс, вновь открывая первую страницу. – Опубликован отчет о речи, которую произнес граг Бедролом. Пишут, что после нее начались беспорядки. Несколько гномов и троллей получили ранения. Главы диаспор призывают к спокойствию.

Ваймс стряхнул с лезвия пену.

– Ха! Неудивительно. Скажи, Вилликинс, ты часто дрался в детстве? Состоял в уличной банде или вроде того?

– Я имел честь принадлежать к Грубиянам с Поддельноображной улицы, сэр, – ответил дворецкий.

– Правда? – Ваймс искренне впечатлился. – Помнится, это были крепкие орешки.

– Спасибо, сэр, – невозмутимо отозвался Вилликинс. – Я горжусь тем, что обыкновенно мне доводилось нанести противнику больше уцерб, нежели пострадать самому, если вдруг молодые люди с Канатной улицы испытывали необходимость вновь обсудить больной вопрос относительно спорной территории. Их излюбленным оружием, насколько я помню, были крючья, которыми пользуются грузчики.

– А вашим? – с любопытством спросил Ваймс.

– Заточенные монетки, зашитые в поля шляпы, сэр. Всегда под рукой в трудной ситуации.

– Черт возьми, старина. Да ведь такой штукой ничего не стоит выбить глаз.

– Если постараться – да, сэр, – ответил Вилликинс, тщательно

сворачивая полотенце.

«А теперь ты стоишь здесь в полосатых брюках и форменной куртке, сияющий, как солнечный зайчик, и упитанный, как поросенок, – подумал Ваймс, вытирая под ушами. – А я стал герцогом. Вот оно как бывает».

– Ты когда-нибудь слышал, чтобы кто-то предлагал: «А давайте-ка устроим беспорядки?» – поинтересовался он.

– Никогда, сэр, – сказал Вилликинс, снова беря «Таймс».

– Я тоже. Такое случается только в газетах. – Ваймс мельком взглянул на повязку на руке. Рана до сих пор давала о себе знать.

– Там случайно не написано, что я взял ситуацию под контроль?

– Нет, сэр. Зато сказано, что враждующие стороны удалось развести благодаря героическим действиям Стражи, сэр.

– Так и сказано – героическим?

– Да, сэр.

– Ну ладно, – проворчал Ваймс. – А они не пишут, что двух полисменов пришлось отправить в Бесплатную больницу, причем один пострадал довольно серьезно?

– Как ни странно, нет, сэр, – ответил дворецкий.

– Хм. Как обычно. Продолжай.

Вилликинс многозначительно кашлянул.

– Я бы посоветовал вам прослушать следующий абзац, предварительно опустив бритву, сэр. Из-за маленького пореза на прошлой неделе мне досталось от ее светлости.

Ваймс увидел, как его отражение вздохнуло, и опустил бритву.

– Ну ладно, Вилликинс. Выкладывай худшее.

За спиной профессионально зашелестела газета.

– Заголовок на третьей странице гласит: «Констебль-вампиры в Страже?», сэр, – объявил дворецкий и осторожно отступил на шаг.

– Проклятье! Кто им сболтнул?

– Честное слово, не знаю, сэр. Здесь сказано, что в принципе вы возражаете против вампиров в Страже, но сегодня побеседуете с кандидатом. По этому вопросу идет оживленная полемика.

– Открой-ка восьмую страницу, – попросил Ваймс.

Бумага снова зашелестела.

– Ну? – потребовал он. – Именно там, если не ошибаюсь, обычно помещают дурацкую политическую карикатуру.

– Вы ведь опустили бритву, не так ли, сэр? – поинтересовался Вилликинс.

– Да!

– Также я посоветовал бы вам отойти от раковины, сэр.
– Там нарисовали меня, да? – мрачно уточнил Ваймс.
– Именно, сэр. Здесь изображен маленький перепуганный вампир и ваша светлость, если можно так выразиться, в величину гораздо крупнее натуральной. Вы опираетесь на конторку и держите в правой руке деревянный кол. Подпись гласит: «Как насчет протоКОЛа?», сэр. Это забавная игра слов, которая, с одной стороны, намекает на стандартную полицейскую процедуру...

– Да, да, я понял, – устало отозвался Ваймс. – Ты не мог бы сбегать и выкупить оригинал, прежде чем это сделает Сибилла? Каждый раз, когда на меня рисуют карикатуру, она добывает оригинал и вешает его в библиотеке!

– Э... мистер Физз весьма правдоподобно передает выражение лица, сэр, – подтвердил дворецкий. – С прискорбием вынужден признать, что ее светлость уже приказала мне сходить в редакцию «Таймс» от ее имени.

Ваймс застонал.

– Более того, – продолжал Вилликинс, – ее светлость настоятельно просила напомнить вам, что они с Юным Сэмом будут ждать в студии сэра Джошуа ровно в одиннадцать, сэр. Работа над портретом вступила в решающую фазу, насколько я понимаю.

– Но я...

– Она выразилась недвусмысленно, сэр. Ее светлость сказала: если даже командор не может взять отгул, то кто же тогда может?

В этот самый день в 1802 году художник Методия Плут проснулся посреди ночи, потому что из ящика ночного столика слышались поскребывающие звуки битвы.

Опять.

Маленький фонарик освещал подвал – то есть придавал темноте различную фактуру и отделял менее густую тень от более густой.

Фигуры едва виднелись во мраке. Обычными глазами было почти невозможно различить, кто говорит.

– Держите язык за зубами, поняли?

– Держать язык за зубами? Здесь же *труп!*

– Гномы сами разберутся. Лишь бы городская стража не пронюхала. Им тут делать нечего. Или кто-нибудь из нас хочет, чтобы они явились сюда?

– Но среди стражников тоже есть гномы...

– Хха. Д’ркса. Слишком много времени проводят на солнце. Теперь они просто люди-недоростки. Разве они думают по-гномьи? А Ваймс будет докапываться и размахивать дурацкими бумажками, которые у них зовутся законом. С какой стати нам допускать такое насилие? И потом, что тут расследовать? Преступление мог совершить только тролль. Вы согласны? Я спрашиваю: все согласны?

– Именно, именно, – ответила одна из фигур. Голос был тонкий, старческий и, сказать по правде, неуверенный.

– Конечно, тролль, – отозвался другой голос, почти двойник предыдущего, но уверенности в нем звучало чуть больше.

Наступившую тишину подчеркивал неумолкающий звук насосов.

– Это мог быть только тролль, – подытожил первый голос. – Недаром говорится: если случилось преступление, ищи тролля.

Когда командор Сэм Ваймс прибыл на службу, перед Псевдополис-Ярдом уже собралась небольшая толпа. До тех пор стояло ясное солнечное утро. Теперь солнечно было по-прежнему, но далеко не так ясно.

Люди держали плакаты. Ваймс прочитал: «Долой кровопийц!» и «Никаких клыков!». Лица, исполненные угрюмого полуиспуганного вызова, повернулись к нему.

Он тихонько выругался, но не более того.

Отто Шрик, иконограф из «Таймс», стоял неподалеку с зонтиком в руках, и вид у него был подавленный. Он перехватил взгляд Ваймса и неторопливо подошел.

– Чего тебе тут надо, Отто? – спросил Ваймс. – Пришел зарисовать классический мятеж?

– Нофости есть нофости, командор, – сказал Отто, разглядывая начищенные ботинки.

– Кто тебе проболтался?

– Я просто делает картинки, командор, – ответил Отто, уязвленно глядя на Ваймса. – Так или иначе, я не сказала бы фам, даже если бы знала, потому что у нас свобода слофа...

– Свобода подливать масла в огонь, ты это имеешь в виду? – уточнил Ваймс.

– Для фас это свобода, – сказал Отто. – Никто не гофорит, что это хорошо.

– Но... ты ведь тоже вампир, – заметил Ваймс, махнув рукой в сторону протестующих. – Неужели тебе по душе то, что тут творится?

– Нофости есть нофости, командор, – смиренно повторил Отто.

Ваймс вновь сердито взглянул на толпу. По большей части она состояла из людей. Плюс один тролль, хотя, скорее всего, он присоединился по самой очевидной причине – просто потому, что тут что-то происходило. Любому вампиру понадобились бы внушительный бурав и уйма терпения, чтобы причинить троллю хоть какой-то ощутимый вред. И все же в происходящем было нечто положительное, если подумать: небольшое уличное шоу отвлекало мысли от Кумской долины.

– Странно, что они не возражают против *тебя*, Отто, – сказал Ваймс, немного успокоившись.

– Ну, я не официальное лицо, – ответил тот. – У меня нет меча и значка. Я не угрожайт. Я просто работаю. И люди смеются, когда смотрят на меня.

Ваймс уставился на него. Он никогда раньше об этом не задумывался. И все-таки... Маленький суетливый Отто, в театральном черном плаще на красной подкладке, с многочисленными карманами для всякого барахла, в начищенных черных ботинках, с аккуратно подстриженным треугольным чубчиком, а главное – с нелепым акцентом, который ослабевал или усиливался в зависимости от того, с кем Отто разговаривал... нет, он никому не казался угрожающим. Ходячий анекдот, вампир из мюзик-холла. Раньше Ваймсу не приходило в голову, что, возможно, Отто в данном случае смеется последним. Развесели людей – и они перестанут бояться.

Он кивнул Отто и вошел. Сержант Шелли Задранец стояла за чересчур высоким столиком – взобравшись на ящик, – и на рукаве у нее сияли новенькие нашивки. Ваймс решил, что пора уже принять кое-какие меры. Некоторые гномы-стражники обижались из-за того, что были вынуждены пользоваться ящиком.

– Думаю, поставим снаружи парочку парней, Шелли, и хватит, – сказал он. – Никаких провокаций. Всего лишь небольшое напоминание о том, что за порядком тут следим *мы*.

– Вряд ли нам это понадобится, мистер Ваймс, – ответила Шелли.

– Я не хочу увидеть в «Таймс» карикатуру, где будет нарисовано, как толпа протестующих нападает на нашего первого новобранца-вампира, капра... сержант, – строго предупредил Ваймс.

– Я так и подумала, сэр, – сказала Шелли. – Поэтому я попросила сержанта Ангву встретить ее. Они прошли через заднюю дверь полчаса назад. Ангва показывает ей Ярд. Если не ошибаюсь, сейчас они в раздевалке.

– Ты попросила Ангву? – уточнил Ваймс, и сердце у него замерло.

– Да, сэр, – сказала Шелли и вдруг забеспокоилась. – Э... что-то не

так?

Ваймс уставился на нее. Он подумал: «Шелли – отличный, дисциплинированный стражник. Хотел бы я иметь еще парочку таких же. И, честное слово, повышение она получила по праву. Но ведь она из Убервальда, – напомнил себе Ваймс. – Шелли должна бы знать о... трениях между вампирами и вервольфами. Может быть, это моя вина. Я сам всегда твержу, что все стражники одинаковы».

– Что? Нет, нет, – ответил он. – Все в порядке.

«Вампир и вервольф в одном помещении, – думал Ваймс, шагая вверх по лестнице в кабинет. – Что ж, им придется как-нибудь поладить. И это – лишь *первая* проблема».

– А еще я проводила мистера Пессимала в кабинет! – крикнула вдогонку Шелли.

Ваймс остановился на полпути.

– Мистера Пессимала?

– Правительственный инспектор, сэр, – напомнила Шелли. – Тот, о котором вы мне говорили.

«Ах да, – подумал Ваймс. – И это *вторая* проблема».

...Это все политика. Ваймс никогда не мог ухватить ее суть, потому что для честного человека политика представляла собой сплошные ловушки. В одну из них он угодил на прошлой неделе, в кабинете Ветинари, на самом обыкновенном совещании...

– А, Ваймс, – сказал его светлость, когда тот вошел. – Очень любезно с вашей стороны прийти. Сегодня чудесный день, не правда ли?

«Да – был до сих пор», – подумал Ваймс, заметив в кабинете еще двоих.

– Вы хотели меня видеть, сэр? – спросил он, повернувшись к патрицию. – «Силиконовая лига противников клеветы» устроила марш протеста на Водяной улице, и вплоть до Малых ворот тянется длиннющий затор...

– Не сомневаюсь, затор может подождать, командор.

– Да, сэр. В том-то и проблема, сэр. Именно это он и делает.

Ветинари томно отмахнулся.

– Улицы, забитые груженными телегами, – признак прогресса, Ваймс.

– Только в переносном смысле, сэр.

– Во всяком случае, я уверен, что ваши стражники справятся, – сказал Ветинари, кивком указывая на пустое кресло. – У вас их теперь так много. Столько расходов. Садитесь же, командор. Вы знакомы с мистером Джоном

Смитом?

Мужчина за столом вынул трубку изо рта и взглянул на Ваймса с улыбкой дружелюбного маньяка.

– Кажется, до сих пор не имел удо'ольствия... – сказал он, протягивая руку. Невозможно, казалось бы, картавить на букву «в», но Джону Смиту это как-то удавалось.

Жать руку вампиру? Черта с два, подумал Ваймс. Даже вампиру в безобразном свитере домашней вязки. Вместо рукопожатия он отсалютовал.

– Рад познакомиться, сэр, – отрывисто сказал он, становясь по стойке «смирно». Свитер, связанный из шерсти несочетающихся оттенков, с тошнотворным зигзагообразным узором, действительно был ужасен. Больше всего он смахивал на подарок от тетушки, страдающей дальтонизмом, – вещь, которую ты не смеешь выбросить из опасения, что мусорщики посмеются и пинком перевернут бак.

– Ваймс, мистер Смит... – начал Ветинари.

– ...председатель анк-морпоркского представительства убервальдской Лиги воздержания, – сказал Ваймс. – Насколько я знаю, дама рядом с ним – миссис Дорин Подмиггинс, казначей упомянутого учреждения. Речь пойдет о том, чтобы я взял в Стражу вампира, не так ли? Опять.

– Да, Ваймс, именно так, – ответил Ветинари. – И – да, опять. Может быть, все мы сядем? Ваймс?..

Ваймс понял, что выхода нет. Он обреченно опустил в кресло. На сей раз предстояло потерпеть поражение. Ветинари загнал его в угол.

Ваймс хорошо знал все аргументы сторонников того, чтобы в городской Страже служили представители различных видов. Аргументы были веские, тогда как некоторые доводы противной стороны никуда не годились. В Страже наличествовали тролли, множество гномов, один вервольф, три голема, Игорь и, наконец, капрал Шноббс^[1]... так почему бы и не вампир? Лига воздержания была признанным фактом. Члены Лиги, носившие черную ленточку с надписью «Ни капли!», – тоже. По общему мнению, вампиры, отказавшиеся от крови, отличались некоторыми странностями, но зато славились умом и сообразительностью и, следовательно, являлись полезными членами общества. А Стража была самым наглядным в городе воплощением власти. Почему бы не установить прецедент?

«Потому что, – отозвался потрепанный, но еще не побежденный дух Ваймса, – ты ненавидишь проклятых вампиров. Довольно обвиняков, лицемерия, уклончивых фраз типа «общественное мнение этого не

потерпит» и «сейчас неподходящее время». Ты, черт возьми, ненавидишь вампиров, и речь, черт возьми, о *твоей* Страже».

Остальные трое внимательно смотрели на него.

– Мистер Файмс, – сказала госпожа Подмиггинс, – мы невольно замечайт, что фы до сих пор не приняли в Стражу ни однофо из членов Лиги...

«Меня зовут Ваймс, ради всего святого. Я ведь знаю, что ты в состоянии правильно выговорить мою фамилию. Впусти букву «в» в свою жизнь. Так или иначе, у меня есть еще один аргумент, и он воистину железобетонный».

– Госпожа Подмиггинс, – сказал Ваймс, – до сих пор ни один вампир и не *собирался* вступать в Стражу. У них просто голова не так устроена, чтоб быть стражниками. И, с вашего позволения, я – командор Ваймс.

Маленькие глазки госпожи Подмиггинс сверкнули праведным гневом.

– Фы хотите сказать, что фампиры... глупы?

– Нет, госпожа Подмиггинс. Я хочу сказать, что они слишком умны. В том-то и проблема. Зачем умному существу каждый день рисковать тем, что ему оторвут яй... в смысле, голову, и все это за тридцать восемь долларов в месяц плюс покрытие расходов? Вампиры полны собственного достоинства, образованны, и перед фамилией у них стоит «фон». Для вампира найдется сотня занятий получше, чем патрулировать улицы. Что вы от меня хотите – чтобы я силой загонял их служить в Страже?

– Может быть, сразу по'ышать их в чине? – намекнул Джон Смит. На лице у него выступил пот, неизменная улыбка казалась безумной. Ходили слухи, что исполнение обета воздержания дается ему нелегко.

– Нет. Все начинают с улицы, – отрезал Ваймс. Он слегка покривил душой, но предложение Смита его оскорбило. – В том числе в ночной смене. Хорошая подготовка. Лучшее, что только может быть. Целая неделя дождливых ночей, когда клубится туман, по шее течет вода и в темноте слышатся странные звуки... Вот тогда мы понимаем, достался ли нам хороший стражник.

Как только Ваймс закончил фразу, до него дошло: он сам загнал себя в ловушку.

Разумеется, они уже нашли кандидата.

– Да, это хороший нофость, – заметила госпожа Подмиггинс, откинувшись на спинку кресла.

Ваймсу захотелось встряхнуть ее и крикнуть: «Дорин, ты не вампир! Да, ты вышла замуж за вампира, но никакой нормальный человек не в силах представить, чтобы ему вдруг захотелось тебя укусить! Настоящие

абстиненты по мере сил держатся спокойно и ненавязчиво. Никаких развевающихся плащей, никакого причмокивания. Никто из них не срывает декольтированные ночные сорочки с юных девушек. Все знают, что Джон Никакой-Не-Вампир Смит на самом деле – граф Варго Сент-Груэт фон Вилинус. Но теперь он курит трубку, носит ужасные свитера, коллекционирует бананы и делает из спичек модели человеческих органов, поскольку считает, что хобби делает его человечнее. Но ты, Дорин? Ты родилась на Петушиной улице, и твоя матушка была прачкой! Никому бы и в голову не пришло срывать с тебя ночнушку, разве что в исследовательских целях. Но ты... кажется, всерьез увлеклась. Это, черт возьми, *тоже* хобби. Ты пытаешься выглядеть вампирстее, чем настоящие вампиры! И, кстати, твои вставные клыки прыгают, когда ты говоришь!»

– Ваймс?

– Да?.. – Он понял, что все это время остальные что-то обсуждали.

– У мистера Смита хорошие новости, – сказал Ветинари.

– Действительно, – подтвердил Джон Смит с безумной улыбкой. – У нас есть для ‘ас кандидат, командор. ‘ампир, который хочет служить ‘Страже.

– И, конечно, ночное время не представляет никаких проблем, – торжествуя подхватила Дорин. – Мы и есть *ночь*!

– Вы хотите сказать, что я должен... – начал Ваймс.

– О нет, командор, – быстро перебил патриций. – Мы, несомненно, признаем вашу независимость в качестве командира Стражи. Разумеется, вы вправе принять любого, кого сочтете подходящим. Я прошу лишь справедливости ради побеседовать с новым кандидатом.

«Да, конечно, – подумал Ваймс. – Отношения с Убервальдом немного упростятся, не так ли, если вы похвалитесь, что в Страже у вас служит вампир с черной ленточкой. А если я его прогоню, мне придется назвать причину. «Я, понимаете ли, не терплю вампиров» вряд ли послужит удовлетворительным объяснением».

– Конечно, – сказал он вслух. – Присылайте его.

– На самом деле ее. – Ветинари заглянул в бумаги. – Салация Делорезиста Аманита Тригестатра Зелдана Малефи... – Он запнулся и перевернул несколько страниц. – Думаю, часть имен можно пропустить, но в конце стоит «фон Хампеддинг». Ей пятьдесят один год. Но, – быстро добавил патриций, прежде чем Ваймс успел ухватиться за соломинку, – возраст для вампира ничего не значит. Кстати, она предпочитает, чтобы ее называли просто Салли.

Раздевалка казалась слишком маленькой. Как и все остальные помещения. Сержант Ангва попыталась затаить дыхание.

Выйти в просторный коридор. Еще лучше – на свежий воздух. Ей нечем было дышать. Точнее сказать, нечем, кроме запаха вампира.

Дура Шелли! Но Ангва не могла отказаться, потому что это выглядело бы нехорошо. Оставалось лишь улыбаться и терпеть, подавляя сильнейшее желание перекусить вампирше горло.

«Она, *разумеется*, понимает, что происходит, – подумала Ангва. – Вампиры прекрасно знают, что источают ауру безыскусной непринужденности. Они не теряют уверенности в любой компании, повсюду как дома, и остальные в их присутствии чувствуют себя неуклюжими, второсортными созданиями. О Господи. «Зовите меня Салли!»

– Извини, – сказала она, усилием воли стараясь не щетиниться. – Здесь немного тесновато... – Ангва кашлянула. – В любом случае делать нечего. Не беспокойся, здесь всегда так пахнет. И можешь даже не трудиться запирать свой шкафчик, потому что все ключи одинаковые, и потом, дверца, как правило, открывается, если правильно надавить. Не храни в шкафчике ничего ценного, здесь слишком много стражников. И не расстраивайся, если однажды обнаружишь святую воду или деревянный кол.

– А такое возможно? – спросила Салли.

– Не просто возможно, – заверила Ангва. – Это обязательно произойдет. Я, например, постоянно находила в шкафчике ошейники и собачье печенье.

– Ты не жаловалась?

– Что? Нет! Исключено! – огрызнулась Ангва. Она жалела, что нельзя перестать дышать. Волосы наверняка уже пришли в полный беспорядок.

– Но я думала, что Стража...

– Послушай, стражникам все равно, кто ты... кто *мы* такие, – перебила Ангва. – Будь ты гномом, тебе подсунули бы башмаки на платформе или стремянку, ну и так далее, хотя в последнее время шуточек стало меньше. Разыгрывают всех, у стражников такой обычай. Им интересно, как ты себя поведешь. Понятно? Никому нет дела до того, кто ты – тролль, гном, зомби или вампир...

«Ну, почти никакого дела», – подумала Ангва.

– Главное – не будь нытиком и ябедой. И, по правде говоря, то печенье было вкусное. Кстати, ты видела Игоря?

– И не раз, – сказала Салли. Ангва натянуто улыбнулась. В Убервальде Игори встречаются на каждом шагу. Особенно если ты вампир.

– Нашего Игоря, я имею в виду.

– Кажется, нет.

Ага. Прекрасно. Обычно Ангва избегала заходить в лабораторию, потому что витавшие там запахи были либо до жути искусственными, либо, напротив, вызывающе органическими, но теперь она бы с наслаждением их понюхала. Ангва устремилась к двери быстрее, чем дозволяется приличиями, и постучала.

Дверь со скрипом отворилась. Всякая дверь, которую открывает Игорь, обязательно скрипит. Это особый шик.

– Привет, Игорь, – жизнерадостно воскликнула Салли. – Дай шесть!

Ангва оставила их болтать. Игори по природе своей раболепны – а вампиры нет. Идеальное сочетание. По крайней мере, теперь-то она пойдет и подышит свежим воздухом.

Дверь открылась.

– Мистер Пессимал, сэр, – сказала Шелли, вводя в кабинет человечка едва ли выше себя ростом. – А вот и редакционный экземпляр «Таймс»...

Мистер Пессимал был очень аккуратным. Даже слишком. Он казался складным. Дешевый, но очень чистый костюм, маленькие сверкающие ботинки. Волосы тоже сверкали, даже ярче ботинок. По центру головы шел пробор, столь старательно разглаженный на обе стороны, что казался нарисованным.

Все городские учреждения время от времени подвергаются проверке – так сказал Ветинари. С какой стати Ваймс должен оставаться в стороне? В конце концов, Стража – главная «дыра» в городском бюджете.

Ваймс намекнул, что «дыра» предполагает пустую трату денег.

«И все-таки», – сказал Ветинари. Этого оказалось достаточно. Нельзя спорить с «и все-таки».

Итогом оказался мистер Пессимал.

Он шел к Ваймсу и буквально мерцал на ходу. Ваймс вряд ли смог бы обозначить это каким-нибудь другим словом. Каждое движение было... аккуратным. «Держу пари, что у него складной бумажник и очки на ленточке», – подумал Ваймс.

Мистер Пессимал, сложившись в поясе, уселся на стул перед столом Ваймса и расстегнул портфель. Два негромких щелчка прозвучали как смертный приговор. Затем он торжественно надел очки. На черной ленточке.

– Удостоверение от лорда Ветинари, ваша светлость, – сказал он, протягивая бумагу.

– Спасибо, мистер... Э.И. Пессимал, – ответил Ваймс, взглянул на письмо и отложил в сторону. – Чем могу помочь? Кстати, в служебное время я – командор Ваймс.

– Мне понадобится свободный кабинет, ваша светлость. И доступ ко всем документам. Как вам известно, я обязан представить его милости полный отчет и расходно-доходный анализ в отношении Стражи, а также изложить свои идеи касательно улучшений в различных сферах ее деятельности. Ваше сотрудничество приветствуется, но не обязательно.

– Идеи касательно улучшений? – бодро переспросил Ваймс. Стоявшая за спиной Э. И. Пессимала сержант Задранец в ужасе закрыла глаза. – Прекрасно. Я славлюсь любовью к сотрудничеству. Если не ошибаюсь, насчет герцога вы в курсе?

– Да, ваша светлость, – сдержанно отозвался Э. И. Пессимал. – Так или иначе, вы – герцог Анкский, и было бы неуместным обращаться к вам как-то иначе. Это значило бы проявить неуважение.

– Понимаю. А как обращаться к вам, мистер Пессимал? – спросил Ваймс. Краем глаза он заметил, как половица в дальнем углу чуть заметно приподнялась.

– Э. И. Пессимал – этого вполне достаточно, ваша светлость, – ответил инспектор.

– Что значит «Э»? – поинтересовался Ваймс, на мгновение отводя взгляд от половицы.

– Просто «Э», ваша светлость, – терпеливо повторил Э. И. Пессимал. – Э. И. Пессимал.

– Вы хотите сказать, что вместо имени вам дали *инициалы*?

– Именно так, ваша светлость, – подтвердил инспектор.

– А как вас называют друзья?

Судя по лицу Э. И. Пессимала, он не понял основного тезиса. Ваймсу даже стало его немного жаль.

– Сержант Задранец за вами присмотрит, – сказал он с наигранной бодростью. – Найди для мистера Э. И. Пессимала помещение, сержант, и покажи все документы, какие он попросит.

И побольше, подумал Ваймс. Засыпь его бумагами, лишь бы он держался подальше от меня.

– Спасибо, ваша светлость, – сказал Э. И. Пессимал. – Но, кроме того, я буду должен опросить нескольких стражников.

– Зачем? – удивился Ваймс.

– Чтобы отчет получился исчерпывающим, ваша светлость, – спокойно объяснил мистер Э.И. Пессимал.

– Все, что вам нужно знать, расскажу я.

– Да, ваша светлость, но у ревизии свои правила. Я должен действовать совершенно независимо. *Quis custodiet ipsos custodes*, ваша светлость.

– Я знаю, как это переводится, – сказал Ваймс. – «Кто сторожит стражников?» Я, мистер Пессимал.

– Допустим, но кто сторожит *вас*, ваша светлость? – с легкой улыбкой заметил инспектор.

– Опять-таки я. Постоянно, – ответил Ваймс. – Поверьте.

– Предположим, ваша светлость. Тем не менее я представляю общественные интересы. Постараюсь не быть назойливым.

– Очень любезно с вашей стороны, мистер Пессимал, – сказал Ваймс, сдаваясь. Он и не подозревал, что в последнее время Ветинари отрастил на него такой зуб. Визит инспектора очень уж походил на очередной фокус его милости. – Ладно. Желая приятно провести время в Псевдополис-Ярде... надеюсь, вы тут не задержитесь. Извините, я очень занят, проклятая Кумская долина и все такое. Зайди, Фред!

Этому трюку он научился у Ветинари. У посетителя пропадает желание задерживаться, когда уже вошел следующий. Вдобавок в жаркую погоду Фред сильно потел – он был просто чемпионом по потению. И за столько лет он так и не понял, что, если стоять в коридоре за дверью, то определенная половица слегка приподнимается – именно в том месте, где видно Ваймсу.

Половица опустилась, и сержант Колон вошел.

– Не знаю, как вы это проделываете, мистер Ваймс, – бодро сказал он. – Я только-только собирался постучать!

«Но сначала побольше подслушать», – подумал Ваймс. Впрочем, он с удовольствием отметил, что Э. И. Пессимал принюхался и поморщился.

– Что стряслось, Фред? – спросил он. – Не беспокойся, мистер Пессимал уже уходит. Займитесь делом, сержант Задранец. Приятного вам утра, мистер Пессимал.

Фред Колон снял шлем, как только Шелли увела инспектора, и вытер лоб.

– Там становится все жарче, – сказал он. – Похоже, собирается гроза.

– Да, Фред. Чего конкретно ты хотел? – Хотя Ваймс всегда был рад видеть Колона, он постарался намекнуть, что сейчас не лучшее время для визита.

– Э... в городе назревает кое-что серьезное, сэр, – сказал Фред с видом человека, который заучил эту фразу наизусть.

Ваймс вздохнул.

– Фред, ты хочешь сказать – что-то случилось?

– Да, сэр. Гномы, сэр. Я имею в виду, наши. Все хуже и хуже. Они собираются кучками. Всюду, куда ни глянь, сэр, шепчутся гномы. Замолкают, как только кто-нибудь подходит ближе. Даже сержанты. Они замолкают и странно смотрят, сэр. Тролли просто с ума сходят, и ничего удивительного.

– Повторения Кумской долины не будет, Фред, – предупредил Ваймс. – Я знаю, в городе сейчас только об этом и говорят, тем более что приближается годовщина, но я вывалю тонну кирпичей на голову любого стражника, который попытается устроить в раздевалке историческую реконструкцию. Он получит под зад, прежде чем успеет сообразить, в чем дело. Донеси эту мысль до каждого.

– Да, сэр. Но я не о том говорю, сэр. Про долину мы все в курсе. А сегодня появилось нечто новенькое. Неприятное ощущение, сэр, у меня прямо шея чешется. Гномы что-то знают. Но не говорят.

Ваймс помедлил. Фред Колон в служебном отношении был не подарок – медлительный, вялый, без особого воображения. Но он так долго патрулировал улицы, что буквально протер в мостовой желоб, и где-то в недрах этого толстого туповатого сержанта сформировалось наблюдательное существо, которое держало нос по ветру, внимательно слушало городские сплетни и читало свежие надписи на стенах, пусть даже ему и приходилось водить по ним пальцем.

– Наверное, проклятый Бедролом снова их взбудоражил, Фред, – сказал Ваймс.

– Я слышал, они упоминали его на своем жаргоне, сэр, но дело не только в нем, честное слово. Гномы по-настоящему встревожены, сэр. Творится что-то серьезное. Я прямо-таки вижу это, как в воде.

Ваймс догадался, что в данном случае речь идет не об анкских водах с их консистенцией. Хотя интуицию не отнесешь к доказательствам, которые можно без опаски предъявить в суде, но предчувствия городского динозавра вроде Фреда имели немалый вес, особенно для стражника.

– Где Моркоу? – спросил Ваймс.

– В городе, сэр. Он двинул обе смены на улицу Паточной шахты. Все работают по две смены, сэр, – с упреком закончил Фред Колон.

– Прости, Фред, сам знаешь, что творится. Я поговорю с ним, когда он вернется. Моркоу – гном, он разужнает, о чем говорят.

– Я бы сказал, что Моркоу для этого малость высоковат, – странным тоном произнес Колон.

Ваймс глянул на него искоса.

– С чего ты взял, Фред?

Колон покачал головой.

– Просто ощущение, сэр, – ответил он и добавил, с ноткой страдальческой ностальгии: – Было гораздо лучше, когда в Страже служили только мы с вами, Шнобби и Моркоу. В те дни мы знали, кто есть кто... и каждый знал, о чем думают другие...

– Да, потому что все думали об одном и том же, Фред: «Пусть хотя бы раз перевес будет на нашей стороне», – заметил Ваймс. – Слушай, я в курсе, что стражники устали. Но мне нужно, чтобы старшие офицеры не падали духом. Как тебе нравится твой новый кабинет?

Колон просиял.

– Очень мило, сэр. Не считая двери, конечно.

Найти нишу для Фреда Колона было нелегко. Если судить по первому взгляду – перед вами стоял человек, который, падая с отвесной скалы, непременно завис бы в воздухе и спросил дорогу. Новички обычно не удосуживались узнать сержанта Колона поближе. Они видели трусливого глупого толстяка – по правде говоря, Фред таким и был. Но дело тем не ограничивалось.

Колон приближался к пенсионному возрасту, но отнюдь не хотел уходить на покой. Ваймс обошел проблему, назначив его на пост начальника охраны, к всеобщему изумлению^[2], и выделив Фреду кабинет в Тренировочной школе на противоположной стороне переулка. Это здание давно – и, скорее всего, навсегда – вошло в городскую историю как «старая лимонадная фабрика». Вдобавок Ваймс придумал должность «офицера связи», потому что она внушительно звучала и никто не знал, что это значит. Еще он дал в помощь Фреду капрала Шноббса – еще одного динозавра Стражи.

Тем не менее система работала. Шнобби и Колон так хорошо знали город, что могли посостязаться с Ваймсом. На первый взгляд совершенно безвредные, они слонялись по улицам как будто бесцельно, наблюдая и прислушиваясь к городскому эквиваленту сигнального барабана. И иногда барабан звучал.

Некогда на том месте, где находился маленький душный кабинет Фреда, трудились женщины – засучив рукава, они мешали в огромных котлах «Сарсапариллу», «Малиновую лаву» и «Имбирный хлоп». А сейчас там всегда стоял наготове чайник, и к Фреду сходились давние приятели,

бывшие стражники и старые жулики – иногда в одном лице. Ваймс охотно подписывал счета на пончики, которые поглощала вся эта публика, когда ей удавалось ненадолго вырваться из-под присмотра жен. Оно того стоило. Старые стражники держали глаза открытыми и сплетничали, как торговки.

Фактически единственной проблемой в нынешней жизни Фреда была дверь.

– Гильдия историков требует сохранить старую фабрику в том виде, как она есть, сержант, – сказал Ваймс.

– Знаю, сэр, но... на моей двери написано «Старые мешалки»!

– Красивая латунная табличка, Фред. Нужно же было где-то хранить запчасти. Важный исторический факт. Можешь наклеить сверху лист бумаги.

– Мы так и делаем, сэр, но парни всякий раз его срывают и гнусно хихикают.

Ваймс вздохнул.

– Уж разберись как-нибудь, Фред. Если старый сержант не в состоянии уладить такую мелочь, значит, мир стал очень странным местом. У тебя все?

– В общем, все, сэр, но...

– Ну же, Фред. День предстоит трудный.

– Вам никогда не попадался мистер Блеск, сэр?

– Чистящее средство для неровных поверхностей? – уточнил Ваймс.

– Э... что, сэр?

Сержанта Колона было легко сбить с толку. Ваймс устыдился.

– Прости, Фред. Нет, мне никогда не попадался мистер Блеск. А что?

– Э... да, в общем, ничего. «Мистер Блеск, он алмаз!» Я в последнее время несколько раз видел эту надпись на стенах. Тролльи граффити, сами знаете, обычно врезаны глубоко. И, похоже, тролли по этому поводу изрядно волнуются. Может, что-то важное.

Ваймс кивнул. Не обращать внимания на граффити можно только на свой страх и риск. Иногда таким образом город предупреждает о том, что у него на сердце, если не на уме.

– Значит, держи ухо востро, Фред. Я на тебя полагаюсь – пусть гудят, лишь бы не жалили, – сказал Ваймс с наигранной бодростью, рассчитывая воодушевить сержанта. – А я сейчас пойду взглянуть на нашего вампира.

– Удачи, Сэм. Похоже, нас ждет долгий день.

«Сэм», – подумал Ваймс, когда старый сержант вышел. – Ей-богу, он это заслужил, но Фред зовет меня Сэмом, лишь когда всерьез обеспокоен. Впрочем, все мы на нервах. Ждем первого взрыва...»

Ваймс развернул газету, которую Шелли оставила на столе. Он всегда читал на работе «Таймс», чтобы узнать новости, которые, по мнению Вилликинса, небезопасно было слушать во время бритья.

Кумская долина, Кумская долина. Ваймс перелистал газету и обнаружил Кумскую долину повсюду. Провалилась она, эта долина, чтоб ее боги разразили, хотя, судя по всему, они уже это сделали, прокляли и забыли. При близком рассмотрении долина была всего лишь очередной каменистой пустошью в горах. С точки зрения географии она находилась далеко, но в последнее время, казалось, изрядно приблизилась к Анк-Морпорку. Кумская долина перестала быть просто местом – во всяком случае, теперь. Она превратилась в образ мыслей.

Факты были таковы: именно там в один злополучный день, под недобрыми звездами, то ли гномы исподтишка напали на троллей, то ли тролли исподтишка напали на гномов. Насколько понимал Ваймс, они враждовали с сотворения мира, но в Кумской долине обоюдная ненависть обрела, так сказать, официальный статус и стала географически подвижной: Кумская долина была везде, где бы гном ни дрался с троллем. Даже если они спьяну сцепились в пабе – все равно это была Кумская долина. Она сделалась частью мифологии обеих рас, боевым кличем, историческим объяснением того, почему нельзя доверять этим мелким бородатым/здоровенным бугристым ублюдкам.

Со времен той, первой Кумской битвы случалось еще много других. Война между гномами и троллями была столкновением природных сил, наподобие вражды ветра и волн. Она катилась по инерции.

В субботу предстояла годовщина Кумской битвы, Анк-Морпорк кишел троллями и гномами – и знаете что? Чем больше тролли и гномы отдалялись от родных гор, тем важнее становилась проклятая Кумская долина. Черт с ними, с парадными, – городская стража ловко их разделяла, и в любом случае они проходили с утра, когда, по большей части, все еще были трезвы. Но когда по вечерам гномьи и тролли бары пустели, разверзался ад.

В недобрые старые времена Стража находила себе еще какие-нибудь дела и возвращалась на улицы, лишь когда горячие головы остывали. После чего стражники выкатывали фургон и арестовывали всех троллей и гномов, слишком пьяных, избитых, чтобы двигаться, или мертвых. Проще некуда.

Так было раньше. А теперь город кишел троллями и гномами – нет, мысленно поправил себя Ваймс, город обогатился энергичными, быстро растущими диаспорами троллей и гномов, так что стало еще больше... скажем, разлитой в воздухе злобы. Слишком много древней политики,

слишком много подначек. Ну и слишком много спиртного.

А когда начинаешь думать, что хуже уже некуда, вдруг появляется Бедролом и его дружки. Глубинные гномы, как их называют. Фундаментальные, что твой гранит. Они пришли этак с месяц назад, поселились в старом доме на Паточной улице и наняли местных парней, чтобы размуровать подвалы. Бедролом был грагом. Ваймс знал гномий язык достаточно, чтобы понять, что граг значит «уважаемый знаток гномьей мудрости». Бедролом, впрочем, трактовал ее каким-то особым образом. Он проповедовал превосходство гномов над троллями и утверждал, что долг каждого гнома – идти по стопам предков и стереть троллий род с лица земли. Так, вероятно, гласила какая-то священная книга, а значит, все законно и даже обязательно для исполнения...

Молодые гномы слушали его, потому что Бедролом говорил об истории и предназначении и употреблял другие слова, которыми обычно пользуются, чтобы навести глянец на убийство. От них шли кругом головы... правда, преимущественно пустые. Злобные идиоты вроде Бедролома и были причиной того, что теперь гномы расхаживали повсюду не только с традиционными боевыми топорами, но и в тяжелых кольчугах, с кистенями, моргенштернами, секирами... тупая показная чванливость, обычно сопровождаемая бряцанием и лязгом.

Тролли тоже прислушивались. Появилось больше лишайников, больше клановых граффити, больше татуировок – и дубины тоже стали намного, намного больше.

Так было не всегда. В последние десять лет, ну или около того, напряжение немного спало. Гномы и тролли никогда не станут друзьями, но город их перемешал и сплавил, и Ваймсу казалось, что обе расы умудрялись уживаться бок о бок, обходясь, так сказать, поверхностным трением.

И теперь в плавильном котле вновь образовались комья.

Проклятый Бедролом. У Ваймса руки чесались арестовать его. Теоретически Бедролом не сделал ничего дурного, но для стражника, который знает свое дело, не существует преград. Разумеется, ничего не стоило пришить грагу «поведение, грозящее нарушением общественного порядка». Хотя Ветинари возразил бы. Он бы сказал, что арест Бедролома лишь накалит ситуацию, но куда еще хуже?!

Ваймс закрыл глаза и вспомнил маленькую фигурку в сплошном черном кожаном одеянии с капюшоном, который не позволял грагу совершить тяжкое преступление – увидеть дневной свет. Маленькая фигурка, большие слова. Ваймс их хорошо запомнил. «Берегитесь тролля.

Не доверяйте ему. Гоните его от своих дверей. Троль есть ничто, случайное порождение природы, он никем не написан, нечист, он – бледное, ревнивое каменное эхо живых, мыслящих созданий. В его черепе камень, в сердце камень. Он не строит, не копает, не сажает и не собирает урожай. Его рождение есть кража. Всюду, куда троль приходит со своей дубиной, он крадет. Если он не крадет, то замышляет украсть. Единственная цель его злополучной жизни – приблизиться к концу, освободиться от непомерно тяжелой ноши – собственных окаменелых мыслей. Я говорю это с грустью. Убить тролля – не преступление. Даже в худшем случае это акт милосердия».

И в ту самую минуту толпа ворвалась в зал...

Куда еще хуже? Вот куда. Ваймс, моргнув, вновь уставился в газету, на сей раз ища что-нибудь, хоть в малейшей степени указывающее на то, что обитатели Анк-Морпорка по-прежнему живут в реальном мире...

– Ах, чтоб тебе! – он встал и зашпешил вниз по лестнице. Шелли буквально съежилась, заслышав его гневные шаги.

– Мы об этом знали? – спросил Ваймс, швыряя газету на «Отчет о происшествиях».

– Знали о чем, сэр? – уточнила Шелли.

Ваймс ткнул в короткую иллюстрированную статью на четвертой странице, пронзив пальцем бумагу.

– Видишь? – прорычал он. – Какой-то безмозглый идиот из Почтового управления взял и выпустил марку с изображением Кумской битвы!

Гномиха нервно взглянула на статью.

– Э... две марки, сэр, – поправила она.

Ваймс пригляделся. Алый туман накрыл его так быстро, что он не успел разобрать подробности. Действительно, две марки. Почти одинаковые. Обе изображали Кумскую долину – каменистую чашу в кольце гор. Обе изображали битву. Но на одной маленькие фигурки троллей преследовали гномов справа налево, а на другой – гномы гнали троллей слева направо. Кумская долина, где тролли напали на гномов из засады, и наоборот. Ваймс застонал. Выбери свой вариант истории, по дешевке, за десять пенсов, ценный образец для коллекции.

– «Кумская долина, юбилейный выпуск», – прочел он. – Но мы не хотим, чтобы они ее вспоминали! Мы хотим, чтобы ее забыли!

– Это всего лишь марки, сэр, – сказала Шелли. – Нет закона против марок...

– Значит, должен быть закон против идиотов!

– Если бы он был, сэр, мы бы каждый день работали сверхурочно. –

Шелли ухмыльнулась.

Ваймс слегка расслабился.

– Да, да, и не успели бы понастроить достаточно камер. Помнишь ту марку с запахом капусты? «Пошли эмигрировавшим детям знакомый запах родины!» Они буквально самовозгорались, если сложить кучку побольше!

– Я до сих пор не могу вывести запах с одежды, сэр.

– Думаю, точно такая же проблема у целого ряда людей, живущих в сотне миль отсюда. Что мы, в конце концов, сделали с теми проклятыми марками?

– Я сложила их в шкафчик номер четыре и оставила ключ в замке, – ответила Шелли.

– Но Шнобби всегда ворует все, что не... – начал Ваймс.

– Вот именно, сэр, – радостно откликнулась Шелли. – Я их уже несколько недель не видела.

Со стороны столовой донесся грохот, а потом крик. Какая-то часть души Ваймса – притом немалая, – которая жила в ожидании первого взрыва, заставила его бегом пересечь кабинет, пронестись по коридору и ворваться в столовую с такой скоростью, что пыль за спиной встала столбом.

Взгляду командора предстала живая картина, участники которой воплощали различную степень вины. Один из деревянных столов был перевернут, еда и дешевая посуда валялись на полу. С одной стороны стоял констебль Слюда (тролль), стиснутый между констеблями Флюоритом и Сланцем (троллями же), с другой – констебль Треснувцит (гном), которого удерживали, оторвав от земли, капрал Шнобби (предположительно человек) и констебль Хэддок (несомненно человек).

За другими столами тоже находились стражники, застигнутые в тот момент, когда они начали приподниматься. В тишине слышался звук, который можно было различить, лишь специально наострив уши, – это руки, застывшие в дюйме от оружия, медленно опускались обратно.

– Так, – в звенящей пустоте произнес Ваймс. – И кто бессовестно соврет первым? Капрал Шноббс?

– Ну, это, мистер Ваймс, – сказал Шнобби Шноббс, опуская онемевшего Треснувцита наземь. – Э... Треснувцит взял... э... ну да, взял *по ошибке* кружку Слюды... и... мы все заметили и вскочили... ну да... – успешно преодолев наиболее неловкий момент, Шнобби набирал обороты. – И кто-то опрокинул стол... потому что... – на лице капрала застыло выражение добродетельного идиотизма, – потому что он бы ведь обжегся, если бы хлебнул тролльего кофе, сэр.

Ваймс мысленно вздохнул. Глупая, нелепая отговорка, впрочем, не из худших. Для начала, в нее невозможно было поверить. Никакой гном по доброй воле не притронется к троллею эспрессо, который представляет собой расплавленную химическую бурду, посыпанную сверху ржавчиной. Все это знали – точно так же, как знали, что Ваймс заметил в руках у Треснувцита занесенный топор, а у констебля Сланца – дубину, которую тот выкручивал у Слюды.

И все знали, что Ваймс вполне способен уволить первого же чертова идиота, который не вовремя шелохнется, а заодно, возможно, того, кто просто стоит рядом.

– Значит, вот как было дело? – уточнил Ваймс. – Значит, никто, например, не отпустил дурацкую шуточку в адрес коллеги-констебля и его собратьев по крови? Никто не совершил маленькую глупость вдобавок к большому бардаку, который сейчас творится на улицах?

– Ничего такого, сэр, – ответил Шнобби. – Просто небольшая... неприятность.

– Чуть не произошел несчастный случай, да?

– *Дасэр!*

– Нам тут не нужны несчастные случаи, не так ли, Шнобби?

– *Нетсэр!*

– Никому из нас не нужны несчастные случаи, я так полагаю, – добавил Ваймс, обводя взглядом комнату, и с мрачной радостью отметил, что некоторые констебли буквально вспотели, отчаянно стараясь не двигаться. – Они с такой легкостью случаются, если думать о чем-то, кроме работы... Всем понятно?

Послышалось общее бормотание.

– Не слышу!

На сей раз зазвучали вариации на тему «дасэр».

– Так, – подытожил Ваймс. – Теперь убирайтесь отсюда и поддерживайте порядок, потому что, черт возьми, здесь вы уж точно не этим занимаетесь.

Он с особой яростью уставился на Треснувцита и Слюду и зашагал обратно в кабинет, где чуть не столкнулся с сержантом Ангвой.

– Простите, сэр, я только что узнала... – начала она.

– Я все уладил, не беспокойся, – ответил Ваймс. – Но подступило уже близко.

– Некоторые гномы дошли до ручки, сэр. Я чую.

– Фред Колон тоже, – сказал Ваймс.

– Не думаю, что дело только в Бедроломе, сэр. Тут что-то... гномье.

– Да уж, это никак из них не выбьешь. И теперь, когда хуже уже некуда, изволь общаться с чертовым вампиром!

Ваймс слишком поздно заметил настойчивый взгляд Ангвы.

– Я так понимаю, речь обо мне, – негромко произнес кто-то позади него.

Фред Колон и Шнобби Шноббс, которым наскучил продолжительный обеденный перерыв, неторопливо шагали по Главной улице – так сказать, проветривали униформу. Случилось столько всего, что, возможно, не стоило торопиться обратно в Ярд.

Они шли как люди, в чьем распоряжении все время мира. Это и вправду было так. Они выбрали Главную улицу, потому что она была широкой и людной и на ней попадалось не слишком много гномов и троллей. Расчет безошибочный – во многих районах гномы и тролли сейчас слонялись или, как вариант, стояли компаниями, на тот случай, если кто-нибудь из этих бродячих ублюдков попытается поднять бучу в их квартале. Что ни день случались небольшие вспышки. В таких местах, с точки зрения Шнобби и Фреда, порядка было мало, поэтому какой толк стараться поддерживать то немногое, что еще осталось, не правда ли? Никто не станет сторожить овец там, где резвятся волки, ведь так? Само собой разумеется. Это просто глупо. В то время как на Главной улице – масса порядка, который, самоочевидно, нужно охранять. Здравый смысл подсказывал, что так оно и есть. Элементарно, как дважды два, хотя, впрочем, у Шнобби всегда были трудности с арифметикой.

– Дело скверное, – на ходу сказал Колон. – Я еще никогда не видел гномов такими.

– Ну, перед готовщиной Кумской битвы всегда нелегко, – заметил Шнобби.

– Да, но Бедролом их здорово взбудоражил, ей-богу. – Колон снял шлем и вытер лоб. – Я сказал Сэму, что, мол, вижу это в воде, и он впечатлился.

– Да уж, – согласился Шнобби. – Такое кого угодно впечатлит.

Колон постучал по переносице.

– Будет буря, Шнобби.

– На небе ни облачка, сержант.

– Фигура речи, Шнобби, фигура речи... – Колон вздохнул, искоса взглянув на приятеля, и продолжал уклончивым тоном человека, у которого что-то на уме: – Кстати говоря, Шнобби, еще одно дело, о котором я хотел с тобой поговорить как мужчина... – последовала чуть заметная пауза, – с

мужчиной.

– Что, сержант?

– Знаешь, Шнобби, я всегда был лично заинтересован в твоём моральном благополучии, раз уж ты вырос без отца и некому направить тебя на путь истинный...

– Точно, сержант. Я бы совсем сбился с пути, если б не ты, – благонаравно отозвался Шнобби.

– Помнишь, ты рассказывал мне про девушку, с которой ты встречаешься, как ее там...

– Беллочка, сержант?

– Ну да. Та, которая, ты сказал, работает в клубе.

– Она самая, сержант. Так в чем проблема? – тревожно спросил Шнобби.

– В общем, ни в чем... но когда на прошлой неделе у тебя был выходной, мы с констеблем Джолсоном зашли по делу в клуб «Розовая киска», Шнобби. Там, где танцуют на шесте и на столах, ну и все такое. Знаешь старую миссис Спуддинг, которая живет на Новой Булыжной улице?

– Старую миссис Спуддинг, у которой деревянные зубы, сержант?

– Точно, Шнобби, – авторитетно подтвердил Колон. – Она в том клубе моет полы. Так вот, когда она в восемь утра пришла на работу и больше там никого не было... короче, Шнобби, прямо неловко сказать, но, судя по всему, ей пришлось в голову взобраться на шест.

Оба помолчали. Шнобби прокрутил эту картинку на экране своего воображения и поспешно решил воспользоваться цензорскими ножницами.

– Но ей же не меньше семидесяти пяти, сержант! – воскликнул он, с ужасом и трепетом глядя в никуда.

– Что поделать, Шнобби, всякая женщина имеет право помечтать. Разумеется, миссис Спуддинг позабыла, что она уже не такая гибкая, как раньше, и вдобавок запуталась ногой в собственных кальсонах и перепугалась, когда платье задралось на голову. Ей было уже совсем скверно, когда пришел управляющий. Бедняжка провисела вниз головой три часа, и вставные зубы у нее вывалились на пол. Шеста она, впрочем, так и не выпустила. Жуткая картина – с твоего позволения, без подробностей. Короче говоря, Джолсону пришлось оторвать шест от пола, и только тогда мы ее сняли. У этой старушки мускулы как у тролля, Шнобби, ей-богу. А потом, Шнобби, когда мы за сценой приводили миссис Спуддинг в чувство, пришла молодая особа, на которой из одежды были две блески и шнурок, и сказала, что она твоя подружка! Я прямо не знал

куда смотреть!

– Смотреть можно куда угодно, главное – не трогать, сержант. За такое вышвыривают из клуба.

– Ты не сказал, что она танцует стриптиз, Шнобби! – возопил Фред.

– Не говори таким тоном, сержант, – обиженно отозвался тот. – Теперь другие времена. Беллочка – танцовщица высокого класса. Она даже ходит в клуб со своим шестом. И никаких шашней на рабочем месте.

– Но... продемонстрировать свое тело непристойным образом, Шнобби? Танцевать без лифчика и практически без трусов? Разве так должна вести себя девушка?

Шнобби обдумал этот серьезный метафизический вопрос с разных сторон.

– Э... да, – предположил он.

– А я-то думал, ты по-прежнему встречаешься с Верити Тянитолкай. У нее отличный ларек с морепродуктами, – сказал Колон таким тоном, как будто выступал адвокатом в суде.

– Верити – славная девушка, если застать ее в хорошем настроении, – подтвердил Шнобби.

– То есть в те дни, когда она не велит тебе отвалить и не гоняется за тобой по улице, швыряясь крабами?

– Точно, сержант. Но, к сожалению, от нее всегда пахнет рыбой. И глаза слишком широко расставлены. Трудно встречаться с девушкой, которая не заметит тебя, если ты встанешь прямо перед ней.

– Сомневаюсь, что твоя Беллочка тебя заметит, если ты встанешь прямо перед ней! – взорвался Колон. – В ней почти шесть футов росту, а грудь... короче, она *крупная* девушка, Шнобби.

Фред Колон растерялся. Шнобби Шноббс – и танцовщица с пышными волосами, широкой улыбкой и... и так далее? Вы только вообразите. Тут у всякого пойдет ум за разум.

Он с усилием продолжал:

– Она мне сказала, Шнобби, что в мае ее выбрали девушкой месяца в журнале «Красотки и купальники». Это ж надо!..

– Ну и что, сержант? И не только в мае, но и в начале июня, – поправил Шнобби. – Для некоторых это единственный способ к ней приблизиться!

– Э... но все-таки я тебя спрашиваю, – барахтался Фред, – разве из девушки, которая показывает свое тело за деньги, получится подходящая жена для стражника? Подумай хорошенько!

Второй раз за пять минут так называемое лицо Шнобби сморщилось в

тяжком раздумье.

– Это был вопрос на засыпку, сержант? – наконец поинтересовался он. – Потому как я точно знаю, что у Хэддока в шкафчике пришпилена одна картинка, и он всякий раз, когда открывает дверцу, говорит: «Ого, ну ты посмотри, какие у нее...»

– И вообще, как вы познакомились? – поспешно перебил Колон.

– Что? А. Наши взгляды встретились, когда я засовывал ей за подвязку долговую расписку, – радостно ответил Шнобби.

– Ее случайно не били по голове незадолго до того?

– Вряд ли, сержант.

– Она... ничем не больна? – Фред Колон исследовал все возможности.

– Нет, сержант!

– Ты уверен?

– Она говорит, что, возможно, мы – две половинки одной души, сержант, – мечтательно произнес Шнобби.

Колон застыл с поднятой ногой. Он смотрел в пустоту, и губы у него шевелились.

– Сержант?.. – озадаченно позвал Шнобби.

– Ну да... ну да... – сказал Фред, обращаясь, по большей части, к самому себе. – Да. Понимаю. Каждая половинка – со своим содержимым. Вроде как прошло через фильтр...

Нога опустилась на мостовую.

– Подождите!

Это было скорее блеяние, чем крик, и исходило оно из дверей Королевского музея искусств. Высокая худая фигура подзывала стражников. Те неторопливо подошли.

– Да, сэр? – спросил Колон, притронувшись к шлему.

– У нас кра-ажа! Не-екоторое время-я на-азад...

– Какой-какой зад? – переспросил Шнобби, который больше ничего не разобрал.

– Ох, боги. – Колон предостерегающе положил руку на плечо капрала. – Что-нибудь пропало?

– О, да-а, о, да-а. Строго говоря, потому-то я и ду-умаю, что имела место кра-ажа, – ответил незнакомец. У него был вид озадаченного цыпленка, но Фред Колон впечатлился. Этого человека с трудом можно было понять, с таким аристократизмом он выговаривал слова. Не столько речь, сколько музыкальные зевки.

– Я сэр Рейнольд Сшитт, куратор Музея изящных искусств. Я ше-ел по Длинной га-алере-е, и... воры украли Плути!

Он взглянул на бесстрастные лица двух стражей порядка.

– Методия Плут, – пояснил он. – Картина «Кумская битва». Бесценное произведение искусства.

Колон подтянулся.

– А. Это серьезно. Мы бы хотели посмотреть на нее. Э... то есть на то место, где она раньше висела.

– Да-а, да-а, конечно, – сказал сэр Рейнольд. – Сюда-а, пожа-алуйста. Насколько я знаю, современная стра-ажа способна узнать многое, всего лишь взглянув туда, где находилась пропавшая вещь. Не правда ли?

– Типа, узнать, что вещь пропала? – уточнил Шнобби. – Ну да. У нас это здорово получается.

– Э... да, например, – отозвался сэр Рейнольд. – Пройдемте.

Стражники последовали за ним. Разумеется, они и раньше захаживали в музей, как и большинство горожан, когда не намечалось развлечения получше. В эпоху патриция Ветинари в музее стало меньше современных экспозиций, поскольку его светлость придерживался Определенных Взглядов, но неторопливая прогулка среди старинных гобеленов и пыльных потемневших полотен считалась неплохим способом провести вечер. И потом, всегда приятно посмотреть на изображения полных розовых женщин без одежды.

У Шнобби явно возникла проблема.

– Слушай, сержант, о чем вообще речь? – шепнул он. – Такое ощущение, что он все время зеваает. Что такое га... гаре... «га-алере-ея»?

– Просто коридор, Шнобби. Так разговаривают настоящие аристократы.

– Да я его почти не понимаю!

– Потому что это высший класс, Шнобби. Им и не надо, чтоб люди вроде нас с тобой их понимали.

– Здорово подмечено, сержант, – сказал Шнобби. – Я бы не догадался.

– Вы обнаружили пропажу утром, сэр? – спросил Колон, пока они шагали вслед за куратором по галерее, все еще заставленной стремянками и чехлами.

– Да-а, да-а!

– Значит, картину украли ночью?

Сэр Рейнольд помедлил.

– Э... боюсь, де-ело не обяза-ательно обстояло именно так. Мы перестраиваем Длинную га-алере-ею. Картина слишком велика, чтобы ее переносить, разумеется, поэтому месяц назад мы-ы накрыли ее чехлами. Но когда сего-одня утром их сняли, то обнаружили пустую раму! Вот,

полюбуйтесь!

Картина Плу́та занимала – точнее, *некогда* занимала – раму в десять футов высотой и пятьдесят длиной, которая сама по себе была произведением искусства. Хоть она и осталась на месте, но не обрамляла ничего, кроме неровной пыльной штукатурки.

– Подозреваю, теперь картина находится у какого-нибудь богатого частного коллекционера, – простонал сэ́р Рейнольд. – Но разве он сможет сохранить ее в тайне? Полотно Плу́та – одно из самых известных в мире! Каждый цивилизованный человек опознает его в одно мгновение!

– А как оно выглядело? – спросил Фред Колон.

Сэ́р Рейнольд немедленно снизил планку – естественная реакция при разговоре с анк-морпорскими «лучшими из лучших».

– Я, ве-ероятно, смогу найти репродукцию, – вздохнув, ответил он. – Но оригинал имеет пятьдесят футов длины! Вы что, никогда его не видели?

– Помнится, меня приводили сюда посмотреть на картину, когда я был мальчишкой. Она длинная, это точно. На нее даже толком не *посмотришь*. Пока доберешься до другого конца, уже забудешь, что случилось в начале.

– Увы! Как ни приско-орбно, вы правы, сержант, – ответил сэ́р Рейнольд. – А доса-аднее всего то, что целью текущего ремо-онта было выстроить специальный круглый за-ал для картины Плу́та. Идея художника заключалась в том, чтобы изображение по-олностью окружало зрителя. Чтобы он чу-увствовал себя в центре событий. Прямо в Ку-умской долине! Мастер называл это паноскопическим искусством. Говори-ите что угодно про злободневный интерес, но лишние посетители помогли-и бы осуществить демонстрацию великой картины в тако-ом виде, как, по нашему мнению, мечта-ал сам художник. И теперь такое несчастье!

– Если вы все равно собирались перенести картину, то почему же не сняли ее и не убрали в безопасное место, сэ́р?

– То есть почему мы ее не скатали? – в ужасе уточнил сэ́р Рейнольд. – Это нанесло бы шедевру страшный вред! О, ужас, ужас, ужас! Не-ет, на следующей неделе у нас было запланировано осторожное перенесе-ение картины, с величайшей аккуратностью... – Он содрогнулся. – Как только поду-умаю, что кто-то просто вырезал ее из рамы, мне становится дурно...

– Эй, а вот, похоже, и улика, сержант, – сказал Шнобби, который вернулся к привычному занятию – слоняться вокруг и тыкать во все подряд, чтобы проверить, не ценная ли вещь. – Гляньте-ка, кто-то свалил здесь целую кучу вонючего старого барахла.

Он подошел к постаменту, который действительно был завален какими-то тряпками.

Но воры вырезали картину из рамы, как будто не заботясь о товарном виде. Повсюду остались разлохмаченные клочки... погодите-ка...

Фред отступил на шаг. Улика. Вот она, прямо перед ним. Он тоже ощутил приятный легкий трепет.

– Картину... – начал он. – Картину украл тролль!

– О господи, откуда вы знаете? – спросил сэра Рейнольд.

– Я очень рад, что вы задали этот вопрос, сэра, – сказал, не покрывив душой, Фред Колон. – Я заметил, что сверху картину вырезали по всей длине почти вплотную к раме. – Он показал пальцем. – Тролль, разумеется, с легкостью дотянется туда с ножом и вырежет картину вдоль самого края сверху и еще немного по краям. Видите? Но среднестатистический тролль не станет низко нагибаться, поэтому, когда пришлось резать вниз, он напортачил и оставил кучу клочков. И потом, только тролль смог бы ее унести. Ковер с лестницы – и то здоровая штука, ну а скатанная в трубку картина наверняка еще тяжелее.

Он просиял.

– Отличная работа, сержант, – сказал куратор.

– Соображаешь, Фред, – заметил Шнобби.

– Спасибо, капрал, – великодушно отозвался Фред Колон.

– Ну, или это были два гнома со стремянкой, – бодро продолжал Шнобби. – Рабочие оставили несколько стремянок. Гляди, они даже тут стоят.

Фред Колон вздохнул.

– Знаешь, Шнобби, почему я сержант, а ты нет? Из-за таких вот слов, сказанных в присутствии частных лиц. Будь это гномы, разумеется, они бы вырезали картину аккуратно со всех сторон. Музей запирается на ночь, мистер сэра Рейнольд?

– Конечно! Не только на замок, но и на засов. Старый Джон крайне аккуратен. Сам он живет на чердаке, так что на ночь музей превращается в настоящую крепость.

– Он, должно быть, смотритель? – уточнил Фред. – Надо будет с ним поговорить.

– Разумеется, – нервно ответил сэра Рейнольд. – Кстати, я думаю, что у нас на складе должны быть материалы, посвященные этой картине. Я сейчас... э... схожу и... э... поищу...

Он заспешил к маленькой дверце.

– Интересно, как воры ее вынесли? – спросил Шнобби, когда они остались одни.

– А кто сказал, что вынесли? – ответил Фред Колон. – Большое

помещение, где полно чердаков, погребов и потайных уголков... почему бы просто не спрятать картину подальше и не подождать? В один прекрасный день заходишь под видом посетителя, прячешься под чехол, ночью снимаешь картину и суешь куда-нибудь, а на следующий день выходишь вместе с остальными. Все просто! – он широко улыбнулся. – Главное, капрал, – мыслить как преступник.

– Ну, или можно просто выбить дверь и убраться вместе с картиной посреди ночи, – сказал Шнобби. – Зачем возиться с мудреным планом, если сойдет и простой?

Фред вздохнул.

– Я предчувствую, что дело будет запутанное, Шнобби.

– Тогда спроси у Ваймси, можно ли нам им заняться, – сказал Шнобби. – То есть мы ведь уже знаем факты.

В воздухе витали невысказанные слова: «Где бы вы предпочли провести следующие несколько дней? На улицах, где, с вероятностью, будут мелькать топоры и дубины, или здесь, за тщательным, очень тщательным обыском чердаков и подвалов? Подумайте хорошенько. Ведь это не будет трусостью, не так ли? Потому что любая знаменитая картина – часть национального достояния, правильно? Пусть даже на ней нарисована всего лишь толпа гномов и троллей, устроивших потасовку».

– Я составлю подобающий рапорт и попрошу мистера Ваймса поручить это дело нам, – медленно сказал Фред Колон. – Оно требует внимания опытных стражников. Ты хорошо разбираешься в искусстве, Шнобби?

– Если надо, сержант.

– Да ладно!

– А что? Беллочка говорит, что ее работа – тоже искусство, сержант. И одежды на ней побольше, чем на иных женщинах, которые тут нарисованы. Так что незачем задирать нос.

– Да, но... – Фред Колон помедлил. В глубине души он понимал, что, когда тебя рисуют лежащим на постели, причем на тебе нет ничего, кроме грозди винограда и улыбки, – это настоящее, подлинное искусство, а когда ты вертишься вниз головой на шесте, в костюме, которым при случае можно воспользоваться как зубной нитью, – нет. Но обозначить разницу Колон не мог.

– У Беллочки нет амфоры, – наконец сказал он.

– Чего-чего нет?

– Обнаженная женщина – это искусство, только если где-нибудь рядом стоит амфора, – сообщил Фред Колон. Даже ему объяснение показалось

неубедительным, поэтому он добавил: – Ну, или постамент. Лучше всего, конечно, то и другое. Так сказать, тайный знак, который гласит: это искусство, ребята, смотрите спокойно.

– А пальма в горшке?

– Тоже сойдет. Но лучше в амфоре.

– А если нет ни амфоры, ни постамента, ни пальмы в горшке? – настаивал Шнобби.

– У тебя что-то на уме, капрал? – подозрительно спросил Колон.

– Да. «Богиня Анойя, восстающая из серванта»^[3], – сказал Шнобби. – Вон она висит. Ее нарисовал какой-то тип, у которого три буквы «и» в фамилии. По-моему, вот это искусство так искусство.

– Количество «и» очень важно, Шнобби, – серьезно заявил сержант Колон, – но в таких ситуациях надлежит спрашивать себя: а где тут херувим? Если на картине есть толстозадый розовый мальчишка, который держит зеркало, или веер, или что-нибудь такое, то все нормально. Даже если он при этом ухмыляется. Нельзя же, в конце концов, везде рисовать амфоры.

– Да-а, но, предположим... – начал Шнобби.

Дальняя дверь отворилась, и сэр Рейнольд заспешил к ним по мраморному полу с книгой под мышкой.

– Боюсь, репродукции картины нет, – сказал он. – Копию, которая полностью отражала бы оригинал, слишком трудно сделать. Но в этом сенсационном труде, по крайней мере, множество подробных набросков. В наши дни, конечно, почти у каждого посетителя есть копия. Вы знаете, что на картине можно различить более двух тысяч четырехсот девяноста отдельных гномов и троллей – по типу оружия и меткам на теле? Плут, бедолага, сошел с ума за работой. У него ушло шестнадцать лет, чтобы закончить картину!

– Это еще ничего, – бодро ответил Шнобби. – Фред еще не закончил красить свою кухню, а ведь он начал двадцать лет назад!

– Спасибо, Шнобби, – холодно отозвался Колон, беря у куратора книгу. Она называлась «Энциклопедия «Кумской битвы».

– В смысле – сошел с ума? – спросил он.

– Он пренебрегал всей остальной работой. То и дело менял место жительства, потому что не мог заплатить, и вынужден был таскать огромный холст с собой. Только вообразите! Ему приходилось выпрашивать краски на улице, и на это уходило много времени, потому что не у каждого встречного с собой тюбик со жженой умброй. Плут утверждал, что картина с ним разговаривает. Здесь обо всем этом написано,

хотя, боюсь, слишком драматизировано.

– Картина с ним разговаривала?!

Сэр Рейнольд поморщился.

– Да, именно так он утверждал. Никто не знает, как было на самом деле. У Методии Плути не было друзей. Он считал, что превратится в цыпленок, если заснет ночью. Он повсюду оставлял записочки, которые гласили: «Ты не цыпленок», хотя порой не доверял самому себе. Считается, что он настолько сосредоточился на картине, что заработал нечто вроде воспаления мозга. Ближе к концу работы он был уве-ерен, что лишается рассудка. Он говорил, что слы-ышит звуки битвы.

– А вы откуда знаете, сэр? – спросил Фред Колон. – Вы же сказали, у него не было друзей.

– Ох уж этот острый ум полисмена! – с улыбкой воскликнул сэр Рейнольд. – Он писал записки самому себе, сержант. Постоянно. Когда-а его последняя хозяйка вошла в комнату, то нашла сотни бумажек, засунутых в старые мешки для цыплячьего корма. К счастью, она не умела читать. Поскольку она пола-агала, что ее жилец – некоторым образом гений, а следовательно, у него может быть что-то, что она сумеет продать, хозяйка позвала соседку, некую мисс Аделину Радда, ко-оторая писала акварели. Мисс Радда позвала своего знакомого, ко-оторый изготовлял рамы для картин, а тот поспешно вызвал Эфраима Даустера, знаменитого пейзажиста. Ученые до сих пор бьются над записками Плути и пытаются проникнуть в тайны этого несчастного ума. Записки расположены не в хронологическом порядке. Некоторые из них очень... странные.

– Еще хуже, чем «Ты не цыпленок»? – спросил Фред.

– О да, – сказал сэр Рейнольд. – Плут писал о голосах, предзнаменованиях, призраках... Еще он вел дневник на разрозненных клочках бумаги и никогда не ставил дату и не оста-авлял никаких намеков на то, где он жи-ил, чтобы его не нашел цыпленок. Он пользовался массой иносказаний, потому что не хо-отел, чтобы цыпленок понял...

– Простите, я думал, вы сказали, что это он считал себя цып... – начал Колон.

– Кто способен постичь мыслительные процессы человека, чей разум столь прискорбным образом поколеблен? – устало произнес сэр Рейнольд.

– Э... а картина правда говорит? – спросил Шнобби Шнобс. – Оно, конечно, бывало и не такое...

– К сожалению, нет, – ответил сэр Рейнольд. – По крайней мере, не в наше время. С тех пор как книга была переиздана, в часы работы музея в зале всегда стоит охранник. Он утверждает, что картина не произнесла ни

единого слова. Разумеется, она всегда привлекала внимание. Издавна ходят истории о том, что на ней указан путь к сокровищам. Вот почему, в частности, кни-игу переиздали. Люди любят та-айны, не правда ли?

– Только не мы, – сказал Фред Колон.

– Кстати, я слышал про эту книжку, – сказал Шнобби, листая «Энциклопедию». – Мой приятель Дэйв, который держит магазинчик марок, говорит, что есть, типа, история про гнома, который появился в каком-то городе вблизи Кумской долины спустя две недели после битвы, и он был ранен, потому как тролли на них напали из засады, и умирал от голода, ну и вот, типа, никто там толком не знал по-гномьи, а он хотел их куда-то отвести и твердил все время одно и то же слово, и оказалось, что оно по-гномьи значит «сокровище», ну и вот, когда люди пошли с ним обратно в долину, он умер по пути, и они ничего не нашли, а потом этот художник наткнулся в долине на что-то такое и указал на картине место, только эта штука свела его с ума, потому что она вроде как была заколдованная. Дэйв сказал, правительство всем велело молчать.

– Дэйв всегда так говорит, Шнобби, – сказал сержант.

– И он прав.

– Только сам он почему-то всегда в курсе, и никто ему не велит молчать, – продолжал Фред.

– Да, да, смейся сколько хочешь, сержант, но все-таки происходит много такого, о чем мы и не знаем.

– Что, например? – поинтересовался Колон. – Назови мне хоть одну вещь, о которой ты не знаешь. Что, не можешь?

Сэр Рейнольд кашлянул.

– Разумеется, это одна из те-орий, – сказал он, тщательно подбирая слова, как всегда делали собеседники, послушав обмен шпильками в исполнении мозгового треста «Колон-Шноббс». – К сожалению, в записках Методии Плута можно найти подтверждение буквально любой теории, какой только вздумается. Честно говоря, нынешней популярностью картина обязана тому, что автор книги поддерживает давнюю легенду о некоем секрете, зашифрованном на полотне.

– Да? – Фред Колон наострил уши. – И что за секрет?

– Понятия не имею. Пейзаж изо-ображен во всех подробностях. Может быть, поза одного из участников битвы указывает на тайную пещеру. Теории есть на любой вкус. Разные странные люди, с довольно неприятным, очень целеустре-емленным, выражением лица, приходят сюда с рулетками, но вряд ли они хоть что-нибудь обнаружат.

– Может, один из таких и спер картину? – предположил Шнобби.

– Сомневаюсь. Это довольно замкнутые личности, которые приносят с собой сэндвичи и фляжку и торчат в музее целый день. Они обожают анаграммы и тайные знаки, и у каждого – своя теория и уйма прыщей. Вред они причиняют разве что друг другу. И потом, за-ачем им красть картину? Нам приятно, что ею интересуются. Сомневаюсь, что кто-нибудь из подобных индивидуумов пожелал бы забрать ее домой, поскольку она слишком велика, чтобы поместиться под кроватью. Знаете, Плут писал, что иногда ночью слышал крики. Предположительно, шум битвы. Очень, очень печально...

– Таковую картину точно не захочешь вешать над камином, – согласился Фред Колон.

– Вот именно, сержант. Даже е-если у кого-нибудь найдется камин длиной в пятьдесят футов.

– Спасибо, сэр. А, еще кое-что. Сколько в музее входов?

– Три, – подумав, ответил сэр Рейнольд. – Но два всегда заперты.

– Но если бы тролль...

– Или гномы, – подсказал Шнобби.

– ...или, как указывает мой младший коллега, если бы гномы попытались вынести картину...

– Горгульи, – с гордостью сказал сэр Рейнольд. – Две горгульи постоянно наблюдают за главным входом, сидя на крыше до-ома напротив, и еще по одной охраняют боковые двери. А днем здесь везде сотрудники, разумеется.

– Может, вам это покажется глупым вопросом, сэр, но вы везде поискали?

– Персонал искал все утро, сержант. Сверток должен быть очень большим и тяжелым. В музее полно скрытых закоулков, но картину непременно заметили бы.

Колон отсалютовал.

– Спасибо, сэр. Мы тут немножко оглядимся, если вы не против.

– Ага... поищем амфоры, – добавил Шнобби Шноббс.

Ваймс поудобнее устроился в кресле и посмотрел на проклятого вампира.

Салли выглядела лет на шестнадцать – с трудом верилось, что она не намного младше Ваймса. У нее были короткие волосы (раньше Ваймс у вампиров такого не видел); она походила если не на мальчика, то, во всяком случае, на девушку, которая не прочь сойти за мальчика.

– Прошу прощения за это... замечание, – сказал он. – Неделя выдалась

тяжелая, и с каждым часом легче не становится.

– Не надо так пугаться, – произнесла Салли. – Если угодно, происходящее нравится мне ничуть не больше, чем вам.

– Я и не пугаюсь, – отрезал Ваймс.

– Извините, мистер Ваймс. Но от вас пахнет страхом. Не слишком сильно, – добавила Салли. – Так, чуть-чуть. И ваше сердце забилось быстрее. Прошу прощения, если обидела. Я просто хотела, чтоб вы успокоились.

Ваймс откинулся на спинку стула.

– Лучше не пытайтесь меня успокоить, мисс фон Хампеддинг, – сказал он. – Когда кто-то это делает, я начинаю нервничать. Покой, видимо, мне просто не завезли. И попрошу не обсуждать мои запахи. Кстати, я – командор Ваймс либо – сэр. Но не «мистер Ваймс».

– А я предпочитаю, чтобы меня называли Салли, – сказала вампирша.

Они посмотрели друг на друга, в равной мере сознавая, что дело не клеится, и сомневаясь, что ситуацию можно как-то исправить.

– Итак... Салли... вы хотите стать копом? – начал Ваймс.

– То есть стражником? Да.

– В вашем роду были стражники?

Стандартный первый вопрос. Всегда полезно узнать, не впитал ли новобранец, так сказать, с молоком матери каких-нибудь представлений об обязанностях стражника.

– Нет, только кровопийцы, – ответила Салли.

Вновь последовала пауза.

Ваймс вздохнул.

– Слушайте, я хочу знать ровно одну вещь, – сказал он. – Вас уломали Джон Никакой-Не-Вампир Смит и Дорин Подмиггинс?

– Нет, – возразила Салли. – Я сама к ним обратилась. Между прочим, я тоже не думала, что будет столько шума.

Ваймс удивился.

– Вы подали заявление в Стражу!

– Да, но я не понимаю, почему ко мне... такой интерес.

– Я тут ни при чем. Это все ваша Лига воздержания.

– Правда? Но это *вашего* патриция Ветинари цитируют газеты, – отрезала Салли. – Якобы в славные традиции городской Стражи входит дискриминация по видовому признаку.

– Ха! Да, да, на мой взгляд, все стражники равны, но славные традиции Стражи, мисс фон Хампеддинг, преимущественно заключаются в том, чтобы укрываться от дождя, клянчить дармовое пиво с черного хода и

вести двойную бухгалтерию!

– То есть вы меня не примете? – уточнила Салли. – А я думала, вы не отказываетесь от кандидатов. Послушайте, я, вероятно, сильнее любого из ваших стражников, исключая троллей, я неглупа, готова работать как вол, и у меня идеальное ночное зрение. Я могу быть полезна. Я хочу быть полезна.

– А вы умеете превращаться в летучую мышь?

Салли, казалось, была шокирована.

– Что? Ну и вопрос.

– Не исключено, что наименее сложный, – сказал Ваймс. – И потом, это уж точно *может* оказаться полезным. Так умеете или нет?

– Нет.

– Ладно, проехали...

– Я умею превращаться в *стаю* летучих мышей, – продолжала Салли. – В одну-единственную мышь – слишком трудно, потому что резко меняется масса тела, и, кстати, все равно не получится, если ты *воздерживаешься*. Лично у меня от этого болит голова.

– Каково было ваше последнее место работы?

– Я нигде не работала. Я занималась музыкой.

Ваймс просветлел.

– Правда? У наших ребят была идея устроить сводный оркестр...

– Кто-нибудь здесь играет на виолончели?

– Боюсь, что нет.

Ваймс побарабанил пальцами по столу. В любом случае она еще не схватила его за горло, не правда ли? В том-то, конечно, и проблема. Вампиры просто душики... до той самой секунды, когда они внезапно перестают ими быть. Но, по правде говоря, сейчас Ваймс вынужден был признать: ему не доставало стражников, способных твердо держаться на ногах и договаривать фразы до конца. Проклятая усталость брала свое. Он постоянно держал патрули на улицах, просто чтобы приглушать кипение. Пока, конечно, обходилось случайными потасовками, камнями, разбитыми окнами и беготней, но снежный ком рос и рос, уподобляясь лавине на склоне. В такое время горожанам *необходимо* видеть стражников. Стража создает иллюзию того, что мир не сошел с ума.

А Лига всячески поддерживала своих адептов. В их общих интересах было, чтобы никто из обладателей Черной ленточки не очнулся в незнакомой спальне с неприятным чувством сытости. Они будут присматривать за Салли...

– В Страже нет места для случайных визитеров, – сказал Ваймс. –

Сейчас мы слишком заняты, чтобы обеспечить вам нечто большее, нежели так называемая практика на рабочем месте, ха-ха. Вы с первого же дня окажетесь на улице. Э... а как у вас обстоят дела с дневным светом?

– Ничего страшного, если на мне одежда с длинными рукавами и шляпа с широкими полями. В любом случае я ношу с собой набор.

Ваймс кивнул. Набор включал совочек, щетку, пузырек с кровью и карточку с надписью:

«Помогите, я рассыпался прахом и не могу восстать. Пожалуйста, соберите меня в кучку и разбейте пузырек. Я ношу Черную ленточку и не причиню вам вреда. Заранее благодарю».

Командор снова побарабанил пальцами по столу. Салли смотрела на него.

– Ладно, вы приняты, – наконец сказал Ваймс. – Для начала – на испытательный срок. Так уж положено. С документами разберитесь внизу с сержантом Задранец, за снаряжением и напутственным словом обратитесь к сержанту Детриту, только постарайтесь не смеяться. А теперь, когда вы добились чего хотели и мы уже разговариваем неофициально... объясните мне зачем.

– Простите?

– Вампир хочет стать стражником? – Ваймс откинулся на спинку кресла. – Честное слово, не понимаю... Салли.

– Это интересная работа на свежем воздухе, которая позволяет служить обществу, командор Ваймс.

– Хм... Если вы способны сказать это без улыбки, возможно, из вас все-таки получится стражник. Добро пожаловать в Стражу, младший констебль. Надеюсь, вы...

Дверь хлопнула. Капитан Моркоу зашел в кабинет, увидел Салли и замялся.

– Младший констебль фон Хампеддинг только что вступила в Стражу, капитан, – объяснил Ваймс.

– Э... прекрасно... добрый день, мисс, – быстро сказал Моркоу и обернулся к Ваймсу. – Сэр, Бедролома убили.

Анк-морпорские «лучшие из лучших» неторопливо шагали в сторону Ярда.

– Что бы лично я сделал, – сказал Шнобби, – так это разрезал картину на маленькие кусочки, по несколько дюймов в длину.

- Нет, Шнобби. Так избавляются от краденых бриллиантов.
 - Допустим. А как тебе такой вариант? Режешь эту махину на куски, размером примерно с обычную картину. Так? Потом на другой стороне каждого куска что-нибудь рисуешь, вставляешь в раму и оставляешь в музее. Несколько лишних картин в таком огромном месте никто даже не заметит. А потом можно прийти и забрать, когда шум уляжется.
 - И как ты их вынесешь, Шнобби?
 - Ну, сначала надо раздобыть клей и длинную-длинную палку...
- Фред Колон покачал головой.
- Представить себе не могу, Шнобби.
 - Ладно, тогда берешь краску того же цвета, что и стены, приклеиваешь картину к стене, где есть свободное место, а потом красишь сверху, чтоб оно выглядело как стена...
 - Ты где-нибудь там видел подходящий кусок стены, а?
 - Может, под рамой, которая осталась там висеть, сержант?
 - Черт возьми, Шнобби, а вот это умно, – сказал Фред, резко останавливаясь.
 - Спасибо, сержант. От тебя особенно приятно слышать.
 - Но все-таки картину еще нужно вынести, Шнобби.
 - Видал чехлы, сержант? Ей-богу, через пару недель оттуда спокойно выйдут несколько рабочих в комбинезонах, с большим белым свертком под мышкой, и никто ничего не заподозрит, потому что все будут думать, что картину сперли уже давным-давно.
- Несколько секунд висела тишина, а затем сержант Колон приглушенно сказал:
- У тебя прямо-таки опасный ум, Шнобби. Очень опасный. А как же смыть с картины свежую краску?
 - Да запросто, – ответил Шнобби. – И я знаю, где раздобыть фартуки, как у маляров...
 - Шнобби! – в шоке воскликнул Фред.
 - Ладно, ладно, сержант. Уж и помечтать нельзя.
 - Мы получим премию, Шнобби. И уж мы ею распорядимся...
 - Снова как в воду глядишь, сержант?
 - Смейся, Шнобби, если угодно, но лучше посмотри по сторонам, – мрачно ответил Фред. – Сейчас всего-навсего дерутся шайки, но будет хуже, помяни мое слово. Ох уж мне эти свары из-за того, что стряслось тысячу лет назад! Не знаю, почему гномы и тролли не уберутся туда, откуда взялись, раз уж им не терпится!
 - Потому что большинство родились здесь, – заметил Шнобби.

Фред презрительным смешком отмел географический фактор.

- Война, Шнобби... хэх!.. Зачем она вообще нужна?
- Не знаю, сержант. Чтобы освободить рабов?
- Чепу... хм. Ну, допустим.
- Чтобы защититься от тирана-агрессора?
- Хорошо, допустим, но...
- Спасти цивилизацию от орд...
- В перспективе все равно никакого толку, вот что я тебе скажу, Шнобби, если ты замолкнешь на пять секунд, – перебил Фред Колон.
- Да-а, но в перспективе хоть от чего-то есть толк?

– Повтори еще раз, взвешивая каждое слово, пожалуйста, – попросил Ваймс.

- Он мертв, сэр. Бедролом мертв. Гномы в этом уверены.

Ваймс уставился на капитана. Потом на Салли. И сказал:

- Я отдал приказ, младший констебль Хампеддинг. Ступай и займись делом.

Когда девушка поспешно вышла, он сказал:

- Надеюсь, ты тоже уверен, капитан...
- Новость распространяется среди гномов, как... как... – начал Моркоу.
- Спиртное? – подсказал Ваймс.
- В общем, очень быстро. Говорят, он погиб вчера ночью. В дом Бедролома на Паточной улице забрался тролль и забил его насмерть. Я слышал, как наши гномы об этом говорили.
- Моркоу, но если это правда, разве мы не знали бы? – поинтересовался Ваймс, и перед его мысленным взором предстали Ангва и Фред Колон со своими пророческими предупреждениями. «Гномам что-то известно. Гномы встревожились».
- А разве мы не знаем, сэр? – спросил Моркоу. – Я ведь только что вам рассказал.
- Я имею в виду – почему об этом не кричат на улицах? Почему не твердят о заказном политическом убийстве, о подлом преступлении? Кто тебе сказал?
- Констебль Сталькрутссон и капрал Кольцедел. Надежные ребята. Кольцедела скоро повысят до сержанта. Э... и еще кое-что, сэр. Я спросил у них, почему мы не получили официального извещения, и Сталькрутссон сказал... вам не понравится, сэр... он сказал, что городским гномам запретили обращаться к Страже.

Моркоу внимательно наблюдал за Ваймсом. Трудно было заметить смену выражения на лице командора, но отдельные крошечные мускулы вдруг напряглись.

– Кто распорядился? – поинтересовался Ваймс.

– Насколько я знаю, гном по имени Пламен. Это... можно сказать, переводчик Бедролома. Он говорит, гномы сами разберутся.

– Но мы в Анк-Морпорке, капитан. И убийство есть убийство.

– Да, сэр.

– А мы – городская Стража, – продолжал Ваймс. – Так даже у нас на двери написано.

– Честно говоря, сейчас там написано «Копы при дурки», но я кого-нибудь пошлю оттереть, – сказал Моркоу. – А я...

– И если кого-нибудь убивают, отвечаем мы, – продолжал Ваймс.

– Я понимаю, сэр, – осторожно отозвался Моркоу.

– Ветинари знает?

– По-моему, он не может не знать.

– По-моему, тоже... – Ваймс ненадолго задумался. – А как насчет «Таймс»? Там работает уйма гномов.

– Я бы удивился, если бы они вдруг проболтались людям, сэр. Я сам узнал только потому, что я гном, ну и потому, что Кольцедел очень хочет получить повышение. Если честно, я случайно услышал разговор. Поэтому сомневаюсь, чтобы гномы-печатники стали делиться с редактором.

– Ты хочешь сказать, капитан, что даже гномы-стражники держат убийство в секрете?

Моркоу явно пришел в ужас.

– Нет, сэр!

– Тогда...

– Они просто не рассказывают об этом *людям*. Простите, сэр.

«Главное – не орать, – внушал себе Ваймс. – Не лезть, что называется, в бутылку. Рассматривай случившееся как учебное упражнение. Выясни, почему мир не таков, как ты думал. Собери факты, усвой информацию, обдумай выводы. А потом уже лезь в бутылку. Но прицельно».

– Гномы всегда были законопослушными гражданами, капитан, – сказал он. – Они даже платят налоги. И вдруг они решили не сообщать об убийстве?

Моркоу увидел стальной блеск в глазах Ваймса.

– На самом деле... – начал он.

– Что?

– Бедролом – глубинный гном, сэр. Настоящий. Он терпеть не может

подниматься на поверхность. Говорят, он живет гораздо ниже подвального уровня...

– Я в курсе. Дальше.

– Как глубоко простираются наши полномочия, сэр? – спросил Моркоу.

– Что? Так глубоко, как надо!

– Э... то есть буквально *всюду*, сэр? Большинство городских гномов родом из Медянки, Лламедоса и Убервальда, – сказал Моркоу. – Там есть законы поверхности – и законы подземья. Конечно, здесь все по-другому... но так они смотрят на мир. И, разумеется, друзья Бедролома – тоже глубинные, а вы же знаете, как обычные гномы к ним относятся.

«Да, они, черт возьми, обожествляют их, – подумал Ваймс, пощипывая себя за переносицу и закрывая глаза. – Кажется, хуже некуда...»

– Допустим, – сказал он. – Но мы в Анк-Морпорке, и у нас свои законы. Что плохого, если мы просто справимся о здоровье уважаемого Бедролома? Мы имеем право постучать в дверь, ведь так? У Стражи есть веские причины нанести визит. Конечно, это только слухи, но если им поверят слишком многие, мы уже не сможем удержать толпу...

– Отличная идея, сэр.

– Ступай и скажи Ангве, что она пойдет со мной. И... Хэддок. И, например, Кольцедел. Ты, разумеется, тоже.

– Э... боюсь, это не очень хорошая идея, сэр. Я знаю, что большинство глубинных гномов меня недолюбливают. Они полагают, что я слишком человек для того, чтобы быть гномом.

– Правда?

«Рост шесть футов три дюйма, – подумал Ваймс. – Усыновлен и воспитан гномами в маленькой горной шахте. Гномье имя Моркоу – Кзадбхат, что означает «Головостук»...»

Он кашлянул.

– Интересно, и с чего бы это?

– Да, да, я знаю, что я... теоретически человек, сэр, но для гномов рост никогда не был главным критерием. Тем не менее Бедролом и его друзья меня не любят.

– Очень жаль это слышать. Тогда я возьму с собой Шелли.

– Вы с ума сошли, сэр? Вы же знаете, как они относятся к гномам, которые открыто признают свой пол!

– Ладно, ладно, значит, пойдет сержант Детрит. В него-то они поверят?

– Возможно, это сочтут провокацией, сэр... – с сомнением начал Моркоу.

– Детрит – анк-морпорский стражник, капитан, точь-в-точь как ты и я! – перебил Ваймс. – Надеюсь, я-то вполне приемлем?

– Да, сэр, конечно. Хотя они наверняка встревожатся.

– Да? – Ваймс задумался. – Ну и хорошо. Детрит – слуга закона. У нас, знаешь ли, тут еще остались законы. И, насколько мне известно, их действие распространяется очень далеко... и глубоко. До самого низа.

«Ну и чертову глупость я сморозил», – подумал Ваймс через пять минут, шагая по улицам во главе маленького отряда. Он сам себя клял за свои слова.

Стража выживала благодаря хитрости. Именно так, и никак иначе. Ты строишь полицейское управление, вешаешь большие синие фонари, ставишь на виду в общественных местах здоровяков-констеблей и ходишь по городу, словно он принадлежит тебе. Но он тебе не принадлежит. Это все – дымовая завеса. Ты хитрость внедряешь в каждую голову такого маленького стражника и полагаешься на то, что люди уступят, что они знают *правила*. На самом деле сотне хорошо вооруженных бойцов ничего не стоит стереть Стражу с лица земли, если знать, как правильно взяться за дело. Однажды какой-нибудь безумец поймет, что захваченный врасплох стражник умирает как самый обыкновенный человек – и тогда чары рухнут...

Гномы Бедролома не верят в городскую Стражу? Это чревато. Возможно, привести с собой тролля – и впрямь провокация, но Детрит – гражданин Анк-Морпорка, черт побери, как и все остальные. Если...

– Динь-дилинь-динь!

Ах да. Неважно, насколько плохи дела, – всегда есть шанс, что станет еще хуже.

Ваймс вытащил из кармана красивую коричневую коробочку и открыл крышку. Остроухая мордочка маленького зеленого бесенка уставилась на него с тоскливой, безнадежной улыбкой, которую, в ее различных вариациях, он уже привык побаиваться.

– Доброе утро, Введи-Свое-Имя. Тебя приветствует бес-органайзер «Груша™» пятой модели. Чем могу... – начал бесенок очень быстро, в попытке сказать как можно больше, прежде чем его неизбежно перебьют.

– Ей-богу, я ведь тебя выключил, – сказал Ваймс.

– Ты грозил мне молотком, – с упреком произнес бесенок. Он со стуком задвигал крохотными рычажками и вдруг завопил: – Эй, слушайте, слушайте! Он угрожает молотком новейшему произведению науки и техники! Он даже не заполнил регистрационную карточку! Поэтому я зову

его «Введи-Свое...»...

– А я думала, вы избавились от этой штуки, сэр, – сказала Ангва, когда Ваймс захлопнул крышку. – Я думала, она... случайно сломалась.

– Х-ха!.. – приглушенно донеслось из-под крышки.

– Сибилла каждый раз покупает новый, – поморщившись, ответил Ваймс. – Притом усовершенствованной модели. Но на сей раз я его точно выключил!

Крышка снова отскочила.

– Я просыпаюсь, когда нужно о чем-нибудь напомнить! – провизжал бесенок. – Десять сорок пять, «позировать для проклятого портрета»!!!

Ваймс застонал. Сэр Джошуа и портрет. Ему грозили неприятности. Он уже пропустил два сеанса. Но убийство гнома... это же очень важно.

– Я не смогу, – пробормотал он.

– Не хочешь ли воспользоваться удобной встроенной функцией передачи сообщений?

– А что она дает? – с сильнейшим подозрением спросил Ваймс. Бесорганайзеры, которые покупала Сибилла, один за другим с успехом устраняли проблемы, которые проистекали исключительно от пользования ими.

– Э... короче говоря, я очень быстро сбегая с сообщением в ближайшую клик-башню, – с надеждой сказал бесенок.

– И вернешься? – с не меньшей надеждой спросил Ваймс.

– Разумеется!

– Нет, спасибо.

– Тогда, может быть, сыграешь в «Сплонг™»? Игра, специально разработанная для пятой модели, – взмолился бесенок. – Биты у меня прямо здесь. Нет? А как насчет суперпопулярной игры «Угадай, сколько ты весишь в свиньях»? Ну, или я могу насвистеть твой любимый мотивчик. Встроенная функция дает возможность запомнить полторы тысячи самых...

– Научитесь наконец им пользоваться, сэр, – предложила Ангва, когда Ваймс вновь захлопнул крышку, заглушив протестующий голосок.

– Одним я уже попользовался, – ответил Ваймс.

– Да, подложили под дверь, – пробурчал за спиной Детрит.

– Я просто не люблю технику! Все, конец дискуссии. Хэддок, сгоняй на Луннопрудную улицу. Передай мои извинения леди Сибилле, которая сидит в студии сэра Джошуа, и скажи, что мне очень жаль, но у нас тут дела, которые требуют максимального внимания.

«И это правда, – подумал Ваймс, когда отряд двинулся дальше. –

Возможно, они требуют даже больше внимания, чем я в состоянии им уделить. Ну и плевать. Непременно что-то будет, раз уж требуется так осторожничать лишь для того, чтобы выяснить, *было ли* убийство».

Паточная улица принадлежала к числу тех мест, которые обычно колонизировали гномы – она граничила с наименее приятными частями города, но все-таки не относилась к ним. Пришелец немедленно замечал приметы гномьего быта: многочисленные окошки свидетельствовали о том, что двухэтажный дом превратили в трехэтажный без наращивания его в высоту, множество маленьких пони были запряжены в крошечные тележки, и, разумеется, уйма человечков-малоросликов с бородами и в шлемах, что также наводило на мысль.

Гномы всегда копают. Это... гномий образ жизни. Здесь, подальше от реки, они добирались до подвального уровня, не рискуя оказаться по шею в воде.

Тем утром они толпились повсюду. Они не то чтобы злились (насколько мог распознать Ваймс, поскольку открытая взгляду область между бровями и усами занимала всего несколько дюймов). Но он не привык видеть гномов просто стоящими на улице. Обычно они занимались тем, что работали не покладая рук. Нет, они не злились... но беспокоились. Чтобы это понять, не нужно было видеть лиц. Гномы в целом недолюбливали газеты, относясь к газетным новостям точно так же, как любитель сочного винограда относится к изюму. Новости они получали от сородичей – горячие, свежие, полные индивидуальных черточек и, несомненно, обрастающие в пересказе все новыми и новыми подробностями.

Толпа на Паточной улице неуверенно ожидала слухов о предстоящем мятеже.

Но все-таки она расступилась, чтобы пропустить Стражу. Присутствие Детрита вызвало прилив бормотаний, но тролль рассудительно предпочел пропустить их мимо ушей.

– Чувствуете? – спросила Ангва, пока они шли по улице. – Вы чувствуете что-нибудь под ногами?

– У меня не так развиты чувства, как у тебя, сержант, – напомнил Ваймс.

– Под землей что-то непрерывно стучит, – сказала Ангва. – Я ощущаю, как дрожит мостовая. Как будто работает насос.

– Наверное, осушают подвалы, – предположил Ваймс.

«Нешуточное дело. Интересно, как далеко способны прорыться

гномы? Анк-Морпорк преимущественно выстроен на Анк-Морпорке. Город стоял всегда».

Если приглядеться повнимательнее, это была не случайная толпа, а очередь, которая вытянулась вдоль одной стороны улицы и медленно двигалась к боковой двери дома. Гномы хотели видеть грагов. «Пожалуйста, произнесите последнее напутствие над моим отцом. Пожалуйста, посоветуйте, продавать ли магазин. Пожалуйста, наставьте меня в моем ремесле. Я далеко от тех мест, где покоятся кости моих предков, пожалуйста, помогите мне остаться гномом...»

В тревожные времена никто не хочет быть д'ркза. Строго говоря, большинство анк-морпорских гномов были д'ркза, что означало примерно – «ненастоящий гном». Они не жили глубоко под землей, не выходили исключительно по ночам, не добывали в шахтах металлы, позволяли дочерям демонстрировать хотя бы *некоторые* признаки своего пола и в ряде церемоний допускали небольшие небрежности. Но в воздухе витал запах Кумской долины. Неподходящее время, чтобы быть «почти гномом». Поэтому гномы прислушивались к грагам.

Граги наставляли их на путь истинный.

До сих пор Ваймс с этим мирился. До сих пор, впрочем, городские граги не одобряли убийств.

Ваймсу нравились гномы. Из них получались надежные офицеры, и вдобавок гномы по природе отличались законопослушностью, по крайней мере в трезвом виде. Но теперь все они наблюдали за ним. Он буквально ощущал на себе их взгляды.

Разумеется, испокон веков жители Анк-Морпорка охотнее всего торчали на улице, наблюдая за прохожими. Анк-Морпорк был мировым экспортером пронизывающих взглядов. Но сегодняшние взгляды казались Ваймсу не такими, как обычно. Улица стала если не враждебной, то чуждой. И все-таки это была анк-морпоркская улица. Разве Ваймс мог превратиться в чужака в родном городе?

«Может быть, я все-таки зря привел тролля, – подумал он. – Но к чему мы этак придем? «Выбери себе стражника из списка»?»

Двое гномов несли караул возле дома Бедролома. Они были вооружены серьезнее среднестатистического гнома, насколько такое возможно, но главным образом толпу усмиряли их черные кожаные пояса. Эти пояса говорили всякому посвященному, что их обладатели служат глубинным гномам, и, следовательно, на них распространяются волшебство и харизма, которыми обладают граги, в отличие от рядового гнома, погрязшего в пороках.

Гномы смотрели на Ваймса как испокон веков смотрит охрана. Этот взгляд говорит примерно следующее: считай, что ты уже труп; между тобой и смертью стоит только мое долготерпение. Но Ваймс не дрогнул. Свидетели ему все пять преисподних, он и сам достаточно часто прибежал к этому приему! Он ответил равнодушным взглядом человека, который попросту не замечает никаких охранников.

– Командор Ваймс, городская Стража, – объявил он, показывая значок. – Мне нужно немедленно видеть грага Бедролома.

– Он никого не принимает, – сказал один из стражников.

– Ага. То есть он мертв? – уточнил Ваймс.

Он *почувствовал* ответ. Излишним был даже чуть заметный кивок Ангвы. Гномы боялись этого вопроса. Так, что даже вспотели.

К ужасу и изумлению караульных – и отчасти к удивлению самого Ваймса, – он присел на ступеньку между ними и вытащил из кармана пачку дешевых сигарет.

– Вам я не предлагаю, парни, потому что знаю, что на посту курить не разрешается, – добродушно сказал он. – Лично я своим парням не разрешаю. Сейчас я курю исключительно потому, что никто мне не запретит, ха-ха... – Ваймс выпустил струйку синего дыма. – Итак, я, как вам известно, глава городской Стражи. Так?

Гномы, глядя прямо перед собой, чуть заметно кивнули.

– Прекрасно, – сказал Ваймс. – А значит, вы – вы оба – препятствуете мне в исполнении моих обязанностей. О-о, сколько вариантов разом открывается передо мной. В данный момент, например, я подумываю о том, чтобы вызвать констебля Дорфла. Он голем. Поверьте, ему-то никто не воспрепятствует. Вы несколько недель будете выметать щепочки, в которые превратится ваша дверь. И я бы на вашем месте не становился у него на пути. Он будет действовать строго по закону, то есть, если кто-нибудь затеет драку, начнется самое интересное. Я вам это говорю потому только, что сам немало прослужил стражником. Иногда сурового вида достаточно. Но в некоторых случаях – и я полагаю, что сейчас именно такой случай, – самым разумным решением будет сходить внутрь и спросить, что вам делать дальше.

– Мы не можем бросить пост, – сказал один из гномов.

– Не беспокойся, – Ваймс встал. – Я за тебя посторожу.

– Нельзя!

Ваймс нагнулся к уху охранника.

– Я командор Стражи, – прошипел он. Все дружелюбие как рукой сняло. Ваймс указал на булыжники мостовой. – Это *моя* улица. Я могу

стоять где захочу. Ты стоишь на *моей* улице. Это общественное место. Иными словами, есть с десятков поводов, по которым я могу арестовать тебя сию же секунду. Да, у меня, несомненно, будут неприятности, но ты в любом случае окажешься в самом эпицентре. И я тебе скажу как стражник стражнику – лучше бери ноги в руки и сбегай доложишь кому-нибудь повыш... в смысле, подальше по служебной лестнице. Ясно?

Увидев встревоженные глаза, смотревшие на него в щелочку между кустистыми бровями и роскошными усами, Ваймс заметил скрытые знаки, которые уже научился распознавать, и добавил:

– Ступайте, мисс.

Гном застучал в дверь. Щеколда отодвинулась, послышался шепот. Дверь открылась, и гном поспешно шмыгнул внутрь. Дверь закрылась. Ваймс развернулся, встал на пороге и вытянулся по стойке смирно чуть эффективнее необходимого.

Кое-где прокатился смех. Жители Анк-Морпорка – даже гномы – всегда не прочь посмотреть, что будет дальше.

Оставшийся стражник прошипел:

– Нам запрещено курить на посту!

– Ох, прости, – сказал Ваймс, вынул сигару и сунул ее за ухо. Вновь послышались смешки. «Пускай посмеются, – сказал себе Ваймс. – По крайней мере, они ничем не швыряются».

Солнце припекало. Толпа не думала расходиться. Сержант Ангва, с подчеркнута равнодушным видом, смотрела на небо. Детрит перешел в состояние абсолютной, каменной неподвижности, характерной для тролля, которому нечем заняться. Только Кольцедел явно нервничал. «Возможно, – подумал Ваймс, – здесь и сейчас не лучшее время и место для гнома со значком. Но отчего же? В последние несколько недель мы только тем и занимались, что мешали двум толпам идиотов перебить друг друга».

А теперь еще сэр Джошуа. Это будет стоить ему головной боли, признал Ваймс. Сибилла, впрочем, никогда не кричала, когда отчитывала мужа. Она всего лишь говорила печальным тоном, что было намного хуже.

Проклятый семейный портрет представлял огромную проблему. Для него, как оказалось, требовалась масса сеансов, но портреты были традицией в семье Сибиллы, и точка. Поколение за поколением портрет более или менее оставался неизменным – счастливая семья на фоне бесконечных акров пейзажа. Прежде Ваймс не мог похвалиться акрами – разве что больными икрами, – но, женившись на Сибилле Овнец, он заодно стал владельцем Кранделла, огромного красивого загородного поместья. Ваймс его еще даже не видел. Он ничего не имел против сельской

местности, если та находилась подальше и не вторгалась в его жизненный уклад, но предпочитал бульжную мостовую под ногами. Ваймса, в общем, не волновало, нарисуют его в обличье сельского землевладельца или нет. До сих пор поводы, позволявшие отсутствовать на бесконечных сеансах, были довольно вескими, но все-таки он едва избегал столкновения...

Время шло. Толпа частично разбрелась. Ваймс не двигался с места – даже когда услышал, как щеколда на мгновение отодвинулась и тут же скользнула обратно. Они надеялись его пересидеть.

– Динь-дилинь-дилинь-динь-динь-дилинь!

Ваймс, не опуская глаз, уставился столь типичным для стражника взглядом, устремленным за тысячу миль в пространство; он вытащил из кармана бес-органайзер и поднес к губам.

– Я помню, что выключил тебя, – прорычал он.

– Я включаюсь, если есть срочное дело, – напомнил бесенок.

– И как тебя заткнуть?

– Необходимая комбинация слов указана в инструкции, Введи-Свое-Имя, – хладнокровно ответил бесенок.

– Где проклятая инструкция?!

– Ты ее выбросил, – сказал бесенок с упреком. – Ты всегда выбрасываешь инструкцию. Поэтому ты неправильно вводишь команды. Поэтому я вчера не пошел и не «сунул голову утке в зад». Через полчаса у тебя назначена встреча с патрицием Ветинари.

– Я занят, – пробормотал Ваймс.

– Хочешь, чтобы я снова тебе напомнил через десять минут?

– Скажи на милость, что конкретно в словах «иди и засунь голову утке в зад» тебе непонятно? – поинтересовался Ваймс и убрал органайзер обратно в карман.

Итак, полчаса. Времени вполне достаточно. Действовать придется решительно, но он видел, как гномы смотрели на Детрита. Слухи – сильнодействующий яд.

Едва он шагнул вперед, намереваясь вызвать констебля Дорфла и решать проблемы, которые неизбежно возникнут вслед за вторжением в дом грага, дверь у него за спиной открылась.

– Командор Ваймс? Войдите.

На пороге стоял гном. Ваймс едва различал его силуэт в темноте. И тут он впервые заметил знак, нарисованный мелом на стене над дверью, – кружок, перечеркнутый горизонтальной линией.

– Со мной пойдет сержант Ангва, – сказал он.

Меловой знак почему-то слегка обеспокоил Ваймса. Это было

хозяйское клеймо, гораздо более выразительное, чем, например, маленькая табличка с надписью «Монплеэир».

– Троль останется снаружи, – спокойно произнес гном.

– Сержант Детрит будет стоять на страже вместе с констеблем Кольцеделом, – распорядился Ваймс.

Перифраз прошел незамеченным, и командор заподозрил, что возня с железом, похоже, сделала его собеседника железобетонно непроницаемым для иронии. Дверь приоткрылась чуть шире, и Ваймс вошел.

Коридор пустовал, не считая нескольких поставленных друг на друга ящиков. Пахло... чем? Едой. Старым нежилым домом. Запертыми комнатами. Чердаком.

«Весь этот дом – сплошной чердак», – подумал Ваймс. Доносившееся снизу «тук-тук» здесь было особенно ощутимо. Звук напоминал биение сердца.

– Сюда, пожалуйста, – сказал гном, вводя Ваймса и Ангву в боковую комнату. Опять-таки, мебель состояла только из деревянных ящиков. Там и сям валялись источенные работой лопаты.

– Мы нечасто отрываемся от работы. Пожалуйста, проявите терпение, – попросил гном и, пятясь, вышел из комнаты. Ключ щелкнул в замке.

Ваймс сел на ящик.

– Очень вежливо, – заметила Ангва. Ваймс поднес руку к уху и ткнул пальцем, указывая на сырую, покрытую пятнами штукатурку. Ангва кивнула, беззвучно произнесла «труп» и указала вниз.

– Уверена? – спросил Ваймс.

Ангва постучала себя по носу. С чутьем вервольфа не поспоришь.

Ваймс прислонился к ящику побольше – достаточно удобному для человека, который научился спать, привалившись к любой подходящей поверхности.

Штукатурка на противоположной стене была потрескавшаяся, зеленая от сырости, увешанная старой пыльной паутиной. Кто-то, впрочем, так глубоко нацарапал на ней некий знак, что местами она отлетела. Это тоже был кружок, на сей раз с двумя диагональными линиями поперек. В знаке ощущалось некое волнение. Отнюдь не то, чего ожидаешь от гномов.

– Отлично держитесь, сэр, – сказала Ангва. – Вы, конечно, поняли, что это намеренная неучтивость.

– Грубость не противозаконна, сержант. – Ваймс надвинул шлем на глаза и уселся поудобнее.

«Вот мелкие сукины дети! Вздумали валять дурака! Думают меня

разозлить, да? Скрыть все от Стражи? В Анк-Морпорке нет запретных территорий. И я уж позабочусь, чтоб они это поняли. О да».

В городе в последнее время становилось все больше и больше глубинных гномов, хотя они редко выходили за пределы гномьих кварталов. В любом случае сами они не показывались на глаза – прохожие видели только пыльные черные носилки, которые тащили через толпу четверо обычных гномов. В занавесях носилок не было отверстий; решительно ничего во внешнем мире не могло заинтересовать глубинного гнома.

Городские гномы относились к ним с благоговением и одновременно с толикой смущения, как к уважаемому, но слегка сдвинутому по фазе родственнику. Потому что в голове у каждого городского гнома звучал тихий голос, который говорил: «Ты должен жить в шахте, ты должен работать в горах, ты должен остерегаться дневного света, ты должен быть *настоящим* гномом». Иными словами, тебе нельзя работать на красильной фабрике твоего дядюшки на улице Сестричек Долли. Ну а раз ты там все-таки работаешь, то, по крайней мере, попытайся *мыслить* как настоящий гном. В том числе это значит, что тобой должен руководить граг, *самый* настоящий гном, который живет в пещере, глубоко под землей, и никогда не видит солнца. Где-то там, в темноте, обитает подлинная гномья суть. Глубинные гномы постигли ее, и они могут направить тебя на путь истинный...

Ваймс не возражал. Гномья премудрость по части здравого смысла не уступала человеческим верованиям, и большинство гномов были образцовыми гражданами, хоть и в масштабе один к трем.

Но счастье убийство – внутрисемейным делом?! Со Стражей такое не пройдет.

Через десять минут дверь отперли, и вошел еще один гном – типичный городской гном, с точки зрения Ваймса. Но в добавление к шлему, кожаной куртке, кольчуге, боевому топору и рабочей кирке он еще держал шипастую дубину. На нем тоже был черный пояс. Гном казался встревоженным.

– Командор Ваймс! У меня просто нет слов! Прошу прощения за то, как с вами обошлись!

«Да уж».

Вслух Ваймс сказал:

– Кто вы такой?

– Опять-таки прошу прощения. Меня зовут Мудрошлем. Я... скажем так, «дневное лицо» грага Бедролома. Я занимаюсь делами, которые требуют появления на поверхности. Пожалуйста, пройдемте в мой кабинет.

Он зарысил прочь, предоставив Ваймсу и Ангве следовать за ним.

Кабинет находился внизу, в каменном подвале. Он выглядел довольно уютно. Мешки и ящики были свалены у одной стены. В пещерах, в конце концов, мало еды; простая жизнь глубинных гномов текла гладко благодаря довольно непростым усилиям множества обитателей поверхности. Мудрошлем мало чем отличался от слуги, для которого главное – удостовериться, что хозяева сыты, хотя, вероятно, он и полагал, что выполняет куда более важные обязанности. За занавеской в углу, скорее всего, пряталась кровать. Гномы не приучены к роскоши.

Стол был завален бумагами. Рядом, на маленьком столике, лежала восьмиугольная игральная доска, уставленная маленькими фигурками. Ваймс вздохнул. Он ненавидел настольные игры. По сравнению с ними реальный мир выглядел таким незатейливым.

– Вы играете, командор? – спросил Мудрошлем с ненасытным выражением подлинного энтузиаста. Ваймс знал таких. Выкажи интерес из вежливости – и застрянешь на весь вечер.

– Патриций Ветинари играет. А я никогда не увлекался, – сказал Ваймс^[4]. – Кстати, Мудрошлем – необычная фамилия для гнома. Вы, случайно, не родня Мудрошлемам из Сального проезда?

Он всего лишь намеревался разбить лед добродушной репликой, но с тем же успехом мог непристойно выругаться. Мудрошлем потупился и забормотал:

– Э... да... но для грага... даже для новичка... все гномы – его семья... Это не... честное слово...

Он замолк, и тут у него в мозгу, видимо, что-то щелкнуло. Он бодро поднял глаза.

– Хотите кофе? Сейчас принесу.

Ваймс открыл рот, чтобы отказаться, но не стал. Гномы варят хороший кофе, и из соседней комнаты уже доносился аромат. И потом, тревога, которую излучал Мудрошлем, наводила на мысль, что гном сегодня уже потребил немало кофеина. Если поощрить его выпить еще, хуже не будет. Ваймс внушал подчиненным: люди всегда волнуются в присутствии стражника, который знает свое дело, и тот, у кого нервы не в порядке, наверняка сболтнет лишнее.

Пока гнома не было, Ваймс окинул комнату взглядом и увидел слова «Энциклопедия «Кумской битвы» на корешке книги, наполовину скрытой под бумагами.

Снова проклятая долина, на сей раз в окружении дополнительной тайны. Сибилла тоже купила экземпляр «Энциклопедии», как и

большинство читающей публики в городе, и потащила Ваймса смотреть эту злополучную картину в Королевском музее изящных искусств.

Картина с секретом? Да ладно. Каким образом какой-то чокнутый молодой художник сто лет назад узнал тайну битвы, случившейся за тысячу лет до его рождения? По словам Сибиллы, в «Энциклопедии» говорилось, что Плут нашел на поле боя некий предмет, который оказался зачарованным. Голоса внушили художнику, что он цыпленок, ну или типа того.

Гном принес кофе, немного разлив на стол, потому что руки у него дрожали. Ваймс сказал:

– Я должен видеть грага Бедролома, сэр.

– Прошу прощения, но это невозможно.

Ответ прозвучал ровно и бесстрастно, как будто гном долго тренировался. Но в его глазах что-то мелькнуло, и Ваймс взглянул на забранную решеткой отдушину в стене.

Ангва слегка кашлянула. «Так, – подумал Ваймс. – Нас подслушивают».

– Мистер Мудрошлем, – сказал он, – у меня есть причины полагать, что на территории Анк-Морпорка совершено серьезное преступление. Точнее сказать, под территорией, – добавил он. – Но в любом случае в Анк-Морпорке.

И вновь странное спокойствие выдало Мудрошлема. Взгляд у него был затравленный.

– Очень жаль это слышать. Каким образом я могу вам помочь?

«Так, – подумал Ваймс. – Я, кажется, предупредил, что не играю ни в какие игры».

– Покажите труп, который вы держите внизу, – потребовал он.

И до неприличия обрадовался испугу Мудрошлема.

А теперь пора надавить. Ваймс извлек значок.

– Вот мои полномочия, мистер Мудрошлем. Я обыщу дом. Но предпочел бы сделать это с вашего позволения.

Гном дрожал, от страха или от волнения – а может быть, от того и другого.

– Вы *вторгнетесь* в наши помещения? Нельзя! Гномьи законы...

– Это Анк-Морпорк, – повторил Ваймс. – Сверху ли, снизу ли. И мой приход сюда – не вторжение. Вы не шутя хотите сказать, что я не вправе обыскать подвал? А ну-ка отведите меня к грагу Бедролому, или кто там у вас главный. Немедленно!

– Я... я отказываюсь выполнить вашу просьбу!

– Это не просьба!

«Вот она, наша Кумская долина в миниатюре, – подумал Ваймс, глядя ему в глаза. – И ни один не отступит. Мы оба думаем, что правы. Но *он* ошибается!»

Какое-то движение заставило его опустить взгляд. Дрожащий палец Мудрошлема размазывал пролитый кофе, рисуя на столе кружок. Ваймс увидел, как гном провел две линии поперек круга. Командор снова взглянул в глаза Мудрошлема, полные гнева, страха... и чего-то еще...

– А, командор Ваймс, если не ошибаюсь? – В дверях возникла новая фигура.

Перед Ваймсом как будто предстал Ветинари. Тот же спокойный голос, намекающий, что твое присутствие приняли к сведению и что иметь с тобой дело – неизбежная, пусть и неприятная, необходимость. Но этот голос, несомненно, исходил от гнома, хотя его негнувшийся остроконечный черный капюшон достигал высоты среднего человеческого роста.

Гном был полностью закутан (по-другому и не скажешь) в черный кожаный чешуйчатый доспех, оставлявший лишь узкую прорезь для глаз. Если бы не спокойный властный голос, стоявшая перед Ваймсом фигура могла сойти за чрезмерно мрачное украшение к Страшдеству.

– А вы?.. – спросил Ваймс.

– Меня зовут Пламен, командор. Мудрошлем, ступай и займись своими делами.

Когда «дневное лицо» поспешно вышло из комнаты, Ваймс повернулся и как бы случайно провел рукой по столу, стирая липкий рисунок.

– Вы *тоже* хотите оказать нам помощь? – поинтересовался он.

– Если смогу, – ответил гном. – Пожалуйста, следуйте за мной. И лучше, если сержант не будет вас сопровождать.

– Почему?

– По очевидной причине, – сказал Пламен. – Она не скрывает свой пол.

– Ну и что? Сержант Ангва – уж точно не гном, – возразил Ваймс. – Нельзя требовать, чтобы все подчинялись вашим правилам.

– Почему? *Вы* ведь требуете, – ответил гном. – Не могли бы мы вдвоем ненадолго пройти в мой кабинет и побеседовать?

– Все нормально, сэр, – сказала Ангва. – Наверное, это лучший вариант.

Ваймс постарался расслабиться. Он понимал, что позволил себе разозлиться. Молчаливые стражи на улице его взбесили, а взгляд Мудрошлема требовал серьезного осмысления. Но...

– Нет, – сказал он.

– Вы не согласны пойти на маленькую уступку? – уточнил Пламен.

– Я уже пошел на несколько больших, поверьте, – ответил Ваймс.

Скрытые под остроконечным капюшоном глаза несколько секунд пристально смотрели на него.

– Очень хорошо, – сказал Пламен. – Пожалуйста, следуйте за мной.

Гном повернулся и, открыв дверь, шагнул в маленькую квадратную комнатку. Он жестом подозвал стражников и, как только они вошли, потянул за какой-то рычаг.

Комнатка слегка задрожала, и стены поползли вверх.

– Это... – начал Пламен.

– ...подъемник, – закончил Ваймс. – Я знаю. Я видел такие, когда был у Короля-под-Горой, в Убервальде.

Имя словно упало в пустоту.

– Короля-под-Горой здесь... не уважают, – сказал Пламен.

– А я думал, он правит всеми гномами.

– Распространенное заблуждение. Однако мы уже приехали.

Подъемник с легким толчком остановился.

У Ваймса глаза полезли на лоб.

Анк-Морпорк строился на Анк-Морпорке, все это знали. Каменные дома стояли здесь еще десять тысяч лет назад. Ежегодный разлив Анка приносил массу ила, поэтому город поднимался и поднимался, и чердаки становились подвалами. Но даже теперь, как говорили, человек, вооруженный киркой и хорошим чувством направления, мог пересечь весь город по подвалам, прокладывая дорогу через подземные стены. Разумеется, если он умел дышать жидкой грязью.

Что было здесь прежде? Дворец? Храм какого-то божества, которое в конце концов стерлось из человеческой памяти? Они стояли в просторном помещении, в котором царил непроглядный мрак, но в слабом сиянии угадывались красивые своды над головой. Странное сияние...

– Это вурмы, – объяснил Пламен. – Из глубоких пещер в окрестных горах Лламедоса. Мы привезли их сюда. Здесь они быстро размножаются. Ваш ил оказался для них подходящей пищей. Они даже стали светиться ярче.

Свет двигался. Он не то чтобы освещал – скорее, обрисовывал контур предметов и полз в сторону подъемника, растекаясь по великолепному потолку.

– Они реагируют на тепло и движение, – объяснил гном.

– Э... зачем?

Пламен негромко рассмеялся.

– На тот случай, если вы умрете, командор. Они думают, что вы крыса или небольшой олень, который провалился в их пещеру. Под землей еды мало. Каждый ваш выдох – пища для вурмов. А когда наконец вы умрете, они... спустятся. Вурмы очень терпеливы. Они не оставят ничего, кроме костей.

– Я не намерен здесь умирать, – заявил Ваймс.

– Разумеется. Пожалуйста, следуйте за мной. – Пламен подвел гостей к большой круглой двери. Таких в дальнем конце зала было много. А еще – несколько открытых туннелей.

– Насколько глубоко мы находимся?

– Не так уж глубоко. Примерно сорок футов. Гномы хорошо копают.

– В сорока футах под Анк-Морпорком?! Тогда почему мы сейчас не дышим водой? Впрочем, назвать ее водой было бы незаслуженным комплиментом.

– Воду мы тоже хорошо умеем откачивать. К сожалению, гораздо хуже мы, кажется, умеем впутывать в наши дела Сэмюэля Ваймса... – Гном вошел в помещение поменьше. Его потолок был покрыт толстым слоем сверкающих вурмов. Пламен указал на два маленьких стула.

– Садитесь. Не желаете ли подкрепиться?

– Нет, спасибо, – ответил Ваймс и осторожно опустился на стульчик. Он сидел почти подперев коленями подбородок. Пламен сел за маленький стол, сложенный из каменных плиток, и, к изумлению Ваймса, снял капюшон, оказавшись довольно молодым и с аккуратно подстриженной бородой.

– Как далеко простираются ваши туннели? – поинтересовался Ваймс.

– Я не вправе об этом говорить, – спокойно ответил Пламен.

– То есть вы подрываете мой город?

– Перестаньте, командор. Вы же были в убервальдских пещерах. Вы видели, как гномы умеют строить. Мы – мастера. Не опасайтесь, что ваш дом рухнет.

– Но вы не просто строите подвалы! Вы прокладываете шахты!

– В некотором смысле. Мы таким образом ищем пустоты. Свободное пространство, командор. Вот что нам нужно. Да, мы копаем в поисках отверстий. Хотя в процессе разработок порой находим глубоко залегающую патуку – наверное, вам это будет небезынтересно узнать...

– Но так нельзя!

– Правда? Тем не менее мы продолжаем работать, – спокойно отозвался Пламен.

– Вы роетесь под собственностью, которая принадлежит другим?
– Роются кролики, командор. Мы – копаем. И – да, под чужой собственностью. Как далеко вниз и вверх простирается право собственности, в конце концов?

Ваймс взглянул на гнома. «Успокойся, – подумал он. – Ты здесь ничего не поделаешь, проблема слишком велика. Пусть решает Ветинари. А ты придержишься того, что знаешь. Разбирайся с чем *можешь*».

– Я веду следствие по поводу одной внезапной смерти, – сказал он.

– Да. Граг Бедролом. Ужасное несчастье, – с невозмутимостью, от которой хотелось лезть на стенку, произнес Пламен.

– Я слышал, произошло подлое убийство.

– Да, это вполне справедливо сказано.

– То есть вы признаете?

– Я так полагаю, командор, вы имеете в виду – признаю ли я, что произошло именно убийство? Да. И мы сейчас решаем проблему.

– Каким образом?

– Обсуждаем назначение *задкрдга*, – ответил Пламен, складывая руки на груди. – Это буквально значит «тот, кто чует». Тот, кто способен найти чистую руду истины среди обманки. По-вашему говоря, нюхач.

– *Обсуждаете?* Вы еще не опечатали место преступления?

– Нюхач может отдать такой приказ, командор, но мы и так уже знаем, что преступление совершил тролль. – На лице Пламена возникла презрительная насмешка, которую Ваймсу захотелось стереть.

– Откуда вы знаете? Были свидетели?

– Нет. Но рядом с трупом нашли троллью дубину, – ответил гном.

– И это все, что у вас есть? – Ваймс встал. – Хватит с меня. Сержант Ангва!

– Сэр? – отозвалась та.

– Идем. Осмотрим место преступления, пока там можно найти еще хоть какие-нибудь улики!

– Вам нечего делать на нижнем ярусе! – огрызнулся Пламен, вскакивая.

– Как вы намерены меня удержать?

– А как вы намерены миновать запертые двери?

– А как *вы* намерены выяснить, кто убил Бедролома?

– Я же сказал, мы нашли троллью дубину!

– И все? «Мы нашли дубину, значит, виноват тролль»? С помощью этих врак вы собираетесь развязать войну в моем городе? Потому что, поверьте, когда слухи разойдутся, начнется война. Так вот, только

попробуйте – и я вас арестую.

– И развяжете войну в своем городе? – спросил Пламен.

Гном и человек яростно смотрели друг на друга, затаив дыхание. На потолке над ними собирались вурмы, впитывая брызги слюны и запах гнева.

– Кто, кроме тролля, способен напасть на грага? – наконец сказал Пламен.

– Отлично! Вы наконец-то начали задавать вопросы. – Ваймс склонился через стол. – Если хотите получить ответы, отойдите от двери.

– Нет! Вам нельзя вниз, Дежурный по доске Ваймс!

Гном не смог бы вложить больше яда даже в слово «детоубийца».

Ваймс уставился на него.

Дежурный по доске... Действительно, он был дежурным по доске в маленькой школе на углу более сорока пяти лет тому назад. Мама настояла. Бог весть как она добывала этот пенни – столько стоило дневное пребывание в школе, – хотя, как правило, мадам Мало охотно принимала плату ношеной одеждой, дровами, а главное, джином. Цифры, буквы, меры и весы – программа была не самая насыщенная. Ваймс ходил в школу девять месяцев, а потом улица начала давать ему более суровые уроки. Но ему действительно доверили вытирать грифельные дощечки и доску. Ох уж это головокружительное сознание собственной власти в шесть лет!

– Вы это отрицаете? – поинтересовался Пламен. – Вы уничтожали написанные слова! Вы сами признались Королю-под-Горой в Убервальде!

– Я пошутил! – ответил Ваймс.

– То есть вы отрицаете?

– Что? Нет! Он был впечатлен моими титулами, и я упомянул и об этом... просто для смеха.

– Вы все-таки отрицаете свое преступление? – настаивал Пламен.

– Какое преступление? Я вытирал доску, чтобы на ней можно было написать еще что-нибудь? Где тут преступление?

– И вы не задумывались о том, куда отправлялись стертые вами слова? – спросил Пламен.

– С какой стати? Это же просто меловая пыль.

Пламен вздохнул и потер глаза.

– Тяжелая ночка? – поинтересовался Ваймс.

– Командор, я понимаю, что вы были юны и, наверное, не сознавали, что делали. Но теперь-то вы *должны* понять: с нашей точки зрения, вы гордитесь тем, что совершили наигнуснейшее преступление – уничтожение слов.

– Что-что? Стереть с доски «А – арбуз» – это тяжкое преступление?
– Немыслимое для настоящего гнома, – подтвердил Пламен.
– Правда? Но я пользуюсь доверием самого Короля-под-Горой, – сказал Ваймс.

– Я понимаю. Но здесь, внизу, шестеро многоуважаемых грагов, командор. С их точки зрения, Король-под-Горой и подобные ему сбились с пути истинного. – Пламен быстро проговорил что-то по-гномы, слишком быстро, чтобы Ваймс успел понять, после чего перевел: – Он слишком слаб. Опасно либерален. Мелок. Он видел свет.

Пламен внимательно наблюдал за ним. «Думай». Насколько помнил Ваймс, Король-под-Горой и его окружение были те еще крепкие орешки. А граги считали их слюнявыми либералами.

– Слишком слаб? – переспросил он.
– Да. Пожалуйста, сделайте из моих слов некоторый вывод о гномах, которым я служу.

«Ага, – подумал Ваймс. – Что-то тут кроется. Намек, не более. Наш друг Пламен – мыслитель».

– Когда вы говорите «он видел свет», то как будто имеете в виду «безнадежно испорчен», – заметил он.

– Примерно так и есть. Мы живем в разных мирах, командор. Здесь, внизу, ваши метафоры теряют смысл. Увидеть свет значит ослепнуть. Разве вы не знаете, что в темноте глаза открываются шире?

– Отведите меня к тем, кто внизу, – потребовал Ваймс.
– Они не станут слушать. Не станут даже смотреть на вас. Граги не имеют никаких дел с Верхним Миром. Они считают его дурным сном. Я не посмел рассказать им про ваши газеты, которые печатают каждый день и выбрасывают, словно мусор. Граги умерли бы от ужаса.

«Но именно гномы изобрели печатный станок, – подумал Ваймс. – Несомненно, это были неправильные гномы. И я сам видел, как Шелли выбрасывает исписанную бумагу в мусорную корзинку. Похоже, почти все гномы – неправильные. Так, что ли?»

– В чем конкретно состоят ваши обязанности, мистер Пламен? – спросил он.

– Я – главный посредник между грагами и Верхним Миром. Можно сказать, распорядитель.

– А я думал, это обязанность Мудрошлема.
– Мудрошлема? Он распоряжается покупками, передает мои приказы, расплачивается с рабочими и так далее. По сути, рутинная работа, – пренебрежительно ответил Пламен. – Он новичок. Его обязанность –

делать то, что велят. От лица грагов говорю я.

– От их имени вы общаетесь с дурными снами?

– Можно и так сказать. Они ни за что не позволят заносчивому словоубийце стать нюхачом. Это кощунство.

Они вновь яростно уставились друг на друга.

«И мы опять возвращаемся к Кумской долине», – подумал Ваймс.

– Они не...

– Вы позволите? – негромко перебила Ангва.

Две головы повернулись к ней, два рта произнесли:

– Что?

– Этот... нюхач. Искатель правды. Он обязательно должен быть гномом?

– Конечно! – ответил Пламен.

– Тогда как насчет капитана Моркоу? Он гном.

– Мы про него знаем. Он... аномалия, – сказал Пламен. – Его принадлежность к гномьему роду весьма сомнительна.

– Но большинство городских гномов признают, что Моркоу гном! – возразила Ангва. – И он стражник!

Пламен плюхнулся обратно на стул.

– Для здешних гномов – да, он гном. Но для грагов это неприемлемо.

– Нет ни одного закона, который воспрещал бы гному быть выше шести футов росту, сэр!

– Граги и есть закон, женщина, – огрызнулся Пламен. – Они толкуют законы, которые возникли десятки тысяч лет назад!

– Ну, наши законы поновее будут, – сказал Ваймс, – но убийство есть убийство. Слухи уже разошлись. Из-за вас гномы и тролли беспокоятся, и скоро закипят страсти. Вы хотите войны?

– С троллями?

– Нет, с городом. С обнесенным стенами местом, где существует единый незыблемый закон. Его светлость ни за что не согласится...

– Вы не посмеете!

– Погляди мне в глаза, – предложил Ваймс.

– Гномов больше, чем городских стражников, – сказал Пламен, но уже без усмешки.

– То есть вы хотите сказать, что закон – всего лишь вопрос количества? – уточнил Ваймс. – А я думал, вы, гномы, буквально поклоняетесь самой идее закона. Значит, все сводится к числам? Тогда я начну вербовать добровольцев. Троллей в том числе. Они – граждане Анк-Морпорка, как и я. Вы уверены, что каждый гном на вашей стороне? Я

соберу армию. Вы не оставляете мне выбора. Я знаю, каковы порядки в Лламедосе и Убервальде, но здесь они другие. Один закон для всех, мистер Пламен. Вот как мы живем. Если я позволю захлопывать дверь перед носом у закона, можно сразу распустить Стражу.

Ваймс зашагал к двери.

– Вы слышали мое предложение. А теперь я возвращаюсь в Ярд и...

– Подождите!

Пламен не отрываясь смотрел на крышку стола и барабанил по ней пальцами.

– Я... здесь не самый главный, – сказал он.

– Позвольте мне поговорить с грагами. Обещаю не стирать слова.

– Нет. Они не станут с вами говорить. Граги не разговаривают с людьми. Они ждут внизу. Им известно о вашем приходе. Они испуганы. Граги не доверяют людям.

– Почему?

– Потому что вы не гномы, – ответил Пламен. – Потому что вы... вроде сна.

Ваймс положил руки ему на плечи.

– Тогда пойдем вниз, – предложил он. – Расскажи им о ночных кошмарах и укажи на меня.

Долго стояла тишина. Наконец Пламен произнес:

– Хорошо. Но я действую против собственной воли, учтите.

– Я с радостью внесу это в протокол, – сказал Ваймс. – Спасибо за помощь и сотрудничество.

Пламен встал и извлек из недр одеяния связку замысловатых ключей.

Ваймс пытался следить за дорогой, но это было нелегко. Повороты и развилки в темных коридорах казались одинаковыми. И под ногами не хлюпало. Как далеко тянулись туннели? И как глубоко? Где они выходили на поверхность? Гномы пробивались сквозь гранит. Возможно, они умели ходить и по речной тине.

Впрочем, в большинстве случаев гномы не столько вели шахту, сколько расчищали место – выносили ил, прокапывались из одного старинного, сочащегося водой помещения в другое. И вода отчего-то уходила.

Что-то блестящее – возможно, волшебное – смутно виднелось в темных коридорах, когда они проходили мимо. Слышалось странное пение. Ваймс знал некоторые выражения на гномьем – например, «топор моей тетки тебе в голову!», – но это пение не походило ни на что знакомое. Оно больше напоминало короткие слова, произносимые очень-очень быстро.

С каждым новым поворотом его гнев возрастал. Их водят кругами, так ведь? Исключительно издевки ради. Пламен шагал впереди, предоставив Ваймсу брести на ощупь и периодически стучаться головой.

Гнев так и бурлил. «Все это просто дурацкие отговорки! Гномов не волнует закон, Ваймс, Верхний Мир! Они копают под городом и не повинуются нашим правилам! Черт возьми, Пламен сам признал, что совершилось убийство! Так почему же я терплю эту проклятую комедию?»

Он миновал еще один туннель, на сей раз с приколоченной поперек входа доской. Ваймс выхватил меч, крикнул: «А здесь что такое?», разрубил доску и зашлепал по туннелю. Ангва последовала за ним.

– Разумно ли это, сэр? – шепнула она на ходу.

– Нет. Но мистер Пламен у меня уже в печенках сидит, – прорычал Ваймс. – Ей-богу, еще один дурацкий туннель – и я приведу сюда толпу стражников, и плевать на политику!

– Успокойтесь, сэр.

– Все, что Пламен говорит и делает, – вопиющее оскорбление! У меня прямо кровь кипит! – заявил Ваймс, шагая вперед и не обращая внимания на возгласы Пламена.

– Впереди дверь, сэр!

– Я еще не совсем ослеп! Только наполовину! – рявкнул Ваймс.

Он протянул руку к большой круглой двери с колесом в центре. На ней мелом были написаны гномьи руны.

– Ты можешь их прочесть, сержант?

– Э... «Смертельная опасность. Затопление. Не входить», – сказала Ангва. – Примерно так, сэр. Это водонепроницаемая дверь, сэр. Я такие видела.

– И тоже заперта, – заметил Ваймс. – Похоже, сплошное железо... Черт!

– Сэр?

– Напоролся на гвоздь. – Ваймс сунул руку в карман. Сибилла исправно следила за тем, чтобы в нем каждый день был чистый платок.

– Гвоздь в железной двери, сэр?

– Ну, значит, заклепка. Я в темноте ничего не вижу. Почему бы им не...

– Следуйте за мной! Это же шахта. Здесь опасно, – предостерег Пламен, наконец догнав их.

– Вас заливает? – поинтересовался Ваймс.

– Ничего удивительного. Но мы знаем, как бороться с водой. А теперь держитесь ближе ко мне!

– Я так и поступлю, сэр, если буду знать наверняка, что мы идем

прямой дорогой! – возразил Ваймс. – В противном случае я предпочту поискать короткий путь.

– Мы уже почти пришли, командор, – сказал Пламен, шагая в темноту. – Почти пришли.

Троль брел бесцельно и безнадежно...

Его звали Кирпич, хотя сейчас он этого и не помнил. Голова болела. Дико болела. Это все из-за «Скреба». Как там, эта, говорят? Когда начинаешь наводить «Скреб», значит, типа, ты пал так низко, что даже тараканам приходится нагибаться, чтоб на тебя плюнуть...

Вчера ночью... что там стряслось? Что он видел, что сделал? Какие именно картинки в его пульсирующем, кипящем мозгу были правдой? Эта, огромные косматые слоны, наверное, все-таки ему померещились. Кирпич был уверен, что в городе нет никаких огромных косматых слонов, потому как если б они были, то, эта, он бы их раньше заметил и на улицах лежали бы огромные кучи этого самого, ну и, типа, все такое... короче, он бы точно заметил.

Его звали Кирпич, потому что он родился в городе. Тролли состоят из метаморфической породы, а потому зачастую принимают облик местных камней. Он был грязно-оранжевого цвета, с рисунком в виде горизонтальных и вертикальных линий. Если Кирпич стоял вплотную к стене, то почти сливался с ней. Но большинство и так не замечало Кирпича. Он был из тех, чье существование – само по себе оскорбление для приличных граждан. С их точки зрения.

Эта, а шахта с теми гномами – правда или нет? Он, типа, пошел искать укромное местечко, чтоб отлежаться и поглядеть красивые картинки, и вдруг – опаньки! – оказался в гномьей норе. Ну, это точно глюк. Хотя-я... на той улице говорили, типа, что какой-то троль залез в гномий ход, ага, и все теперь его ищут, и вовсе не затем, чтоб поздороваться... говорят, Лавина очень, очень хочет его найти. Пацаны разозлились. Пацанам не понравилось, что какой-то троль, эта, замочил гнома, который говорил плохие слова. Они там, эта, рехнулись все, что ли? Хотя-я... неважно, рехнулись или нет, потому что они, эта, будут задавать вопросы, от которых потом больно целый месяц, так что, эта, он лучше спрячется подальше...

С другой стороны... гномы все равно не отличают одного тролля от другого. И никто его не видел. Поэтому, типа, надо вести себя как всегда. И все будет тип-топ. Тип-топ, ага. И ваще, это ж не мог быть он...

До Кирпича... – ага, эта, типа, меня так зовут, я ж всю дорогу

помнил – до Кирпича дошло, что на дне мешочка у него еще осталось немного белого порошка. Теперь надо только найти испуганного голубя и капельку спиртного. Любого. И тогда все будет топ-топ. Дык. Да ваще. Не о чем беспокоиться.

Дык.

Когда Ваймс вышел на улицу, залитую ослепительным солнечным светом, первое, что он сделал, так это втянул побольше воздуха, а затем вытащил меч и поморщился, когда раненая рука дала о себе знать.

Свежий воздух. О да. Под землей у Ваймса кружилась голова и крошечный порез чесался. «Пусть Игорь на него глянет. В подземной грязи можно подцепить любую дрянь».

Да, вот так уже лучше. Ваймс почувствовал, что остывает. Внизу ему было не по себе.

С первого взгляда толпа на улице уже всерьез походила на банду, но со второго взгляда Ваймс определил, что она скорее напоминает кекс с изюмом. Вовсе не нужно много людей, чтобы превратить встревоженную, возбужденную толпу в боевую силу. Там крикнуть, тут пихнуть, здесь бросить камень... и тогда, если правильно постараться, нерешительные и робкие индивидуумы сольются в *большинство*, которого, по сути, не существует.

Детрит по-прежнему стоял как статуя и, видимо, не обращал внимания на растущий гам. Но Кольцедел... о, черт. Он горячо спорил с первыми рядами. Стражнику нельзя спорить! Нельзя позволять втягивать себя в скандал!

– Капрал Кольцедел! – рявкнул Ваймс. – Сюда!

Гном повернулся – и тут же половинка кирпича, пролетев над головами, с лязгом отскочила от его шлема. Стражник повалился, как срубленное дерево.

Детрит двигался так быстро, что добрался до середины толпы, прежде чем Кольцедел рухнул на булыжники. Троль сунул руку в гущу спрессованных тел и извлек оттуда извивающегося нарушителя. Затем он развернулся, зашагал обратно по проходу, который еще не успел сомкнуться, и остановился перед Ваймсом. Шлем Кольцедела вращался на мостовой.

– Отличная работа, сержант, – вполголоса сказал Ваймс. – У тебя есть план, что делать дальше?

– Я, ета, в основном тактик, сэр, – ответил Детрит.

Ну-ну. В такие минуты нельзя спорить – и нельзя отступать. Ваймс

вытащил и поднял повыше значок.

– Этот гном арестован за нападение на офицера Стражи! – заорал он. – Пропустите нас, именем закона!

К его удивлению, толпа затихла, совсем как школьники, которые поняли, что на сей раз учитель разозлился всерьез. «Может быть, – подумал он, – все дело в словах на значке. Их-то не сотрешь».

В тишине из свободной руки гнома, которого крепкой хваткой держал Детрит, вывалилась вторая половинка кирпича. Годы спустя Ваймс достаточно было закрыть глаза, чтобы припомнить стук, с которым кирпич упал на мостовую.

Ангва выпрямилась, держа на руках безчувственного Кольцедела.

– Он оглушен, – сказала она. – И, кстати, сэр, обернитесь на секундочку...

Ваймс рискнул оглянуться. Пламен – по крайней мере, этот гном в кожаном облачении вполне мог быть им – стоял в тени за дверью. Толпа смотрела на него.

– Нам дозволено уйти? – уточнил Ваймс, кивком указывая на гнома.

– Думаю, это самое лучшее, сэр, вам так не кажется?

– Ты права, сержант. Детрит, держи крепче этого придурка. Возвращаемся, ребята.

Толпа почти беззвучно расступилась, пропуская их. Тишина сопровождала стражников всю дорогу до Псевдополис-Ярда...

...А там ждал Отто Шрик из «Таймс» с иконографом наготове.

– Нет, Отто, – сказал Ваймс, как только стражники приблизились.

– Я нахожусь в общественном месте, мистер Файмс, – кротко ответил Отто. – Улыбочку, пошалуйста...

И сделал картинку тролля, который держал на весу арестованного гнома.

«Так, – сказал себе Ваймс. – Вот она, первая страница. И, возможно, сюжет для комикса».

«Один гном в камере, другой в заботливых руках Игоря, – думал Ваймс, плетясь по лестнице в кабинет. – И дальше будет только хуже. Гномы подчинились Пламену. А что бы они сделали, если бы он покачал головой?»

Он плюхнулся на стул с такой силой, что тот отъехал на фут.

Ваймс встречал глубинных гномов и раньше. Они были странные, но до сих пор он с ними ладил. Король-под-Горой был глубинным гномом, но Ваймс нашел с ним общий язык. Стоило только признать, что сказочный

человечек с бородой, как у Санта-Хрякуса, – ловкий политик. Король-под-Горой был гномом с широким кругозором. Он охотно имел дело с окружающим миром. Ха. Он «видел свет». Но граги...

Ваймс не видел их, хотя они сидели в комнате, залитой ослепительным светом сотен свечей. Это казалось очень странным, поскольку самих грагов полностью скрывали черные кожаные одеяния с островерхими капюшонами. Но, возможно, того требовала какая-то таинственная церемония, и не Ваймсу в любом случае искать ее смысл. Может быть, в самом сердце света кроется священная тьма? Чем ярче свет, тем глубже тень?

Пламен заговорил на языке, который *напоминал* гномий. Из-под темных капюшонов слышались вопросы и ответы – отрывистые, резкие, односложные.

Ваймса попросили изложить самую суть заявлений, которые он сделал наверху – теперь казалось, что где-то очень далеко. Он подчинился, и последовала долгая дискуссия – на языке, который Ваймс про себя назвал «глубинным». Он чувствовал, что невидимые глаза внимательно наблюдают за ним. К сожалению, у него мучительно ныла голова, а в руке то и дело вспыхивала острая боль.

Потом беседа закончилась. Ваймс не знал, поняли ли его граги. Пламен сказал, что они, хоть и с заметной неохотой, согласились. Ой ли? Ваймс не имел абсолютно никакого понятия о том, что было сказано на самом деле. Он так и не понял, получит ли Моркоу доступ на место преступления и не будут ли ему мешать. Ваймс фыркнул. А вы что думаете, мальчики и девочки?

Он ущипнул себя за переносицу, после чего устался на свою правую руку. Игорь долго распространялся о «крошечных невидимых кушачих шушшешствах» и смазал царапину какой-то едкой мазью, которая, с вероятностью, убила все живое, вне зависимости от размера и прочих свойств. Пять минут она жгла как сто чертей, а потом впиталась, и вместе с ней ушла боль. Так или иначе, главным было то, что официально убийство грага расследовала Стража.

Взгляд Ваймса упал на верхний листок в стопке «входящих»^[5]. Он взял его и застонал.

*«Кому: его светлости сэру Сэмюэлю Ваймсу, командору
Стражи*

От кого: от мистера Э. И. Пессимала, инспектора

Ваша светлость, надеюсь, вы не откажетесь как можно скорее ответить на следующие вопросы:

1. Для чего в Страже капрал «Шнобби» Шноббс? Почему вы держите на службе общеизвестного воришку?

2. Я наблюдал за двумя патрульными на Главной улице, и в течение часа они не произвели ни одного ареста. Разве можно назвать это рациональным использованием времени?

3. Уровень жестокости полисменов-троллей в отношении троллей-заключенных кажется мне неоправданно высоким. Не могли бы вы прокомментировать?»

...И так далее. Ваймс дочитал с нескрываемым изумлением. Да, да, этот тип не был стражником – вот уж точно не был, – но, несомненно, мозг у него работал как надо. Ох, боги, он даже заметил ежемесячное несоответствие в графе мелких расходов. Но поймет ли Э. И. Пессимал, если объяснить ему, что многолетняя служба Шнобби более чем окупила мелкое воровство, которое Ваймс рассматривал как неизбежное зло? «Сомневаюсь, что общение с инспектором – это рациональное использование моего времени».

Бросив письмо обратно на поднос, он заметил еще один лист, исписанный почерком Шелли. Ваймс взял его и прочел.

Два гнома и один тролль вернули сегодня утром свои значки, отговорившись «семейными обстоятельствами». Черт возьми. За неделю Стража лишилась семи полисменов! Проклятая Кумская долина! Она повсюду. Да, разумеется, ничего хорошего нет, если ты тролль, который вынужден стоять в оцеплении, сдерживая компанию своих сородичей и защищая какого-нибудь гнома наподобие покойного Бедролома. И уж точно ничуть не лучше, если ты гном и какая-нибудь уличная тролля банда избил твоего брата из-за того, что этот идиот наговорил. Рано или поздно кто-нибудь спросит: на чьей ты стороне? Если ты не с нами, ты против нас. Х-ха. Мухи отдельно, котлеты отдельно...

Моркоу тихо вошел и поставил на стол тарелку.

– Ангва мне рассказала, – произнес он. – Вы отлично сработали, сэр.

– Что значит «отлично сработал»? – поинтересовался Ваймс, глядя на внушительный сэндвич с беконом, салатом и помидорами. – Я чуть не развязал войну!

– Да, но граги не знали, что вы блефуете.

– Возможно, я не блефовал.

Ваймс осторожно приподнял верх сэндвича и улыбнулся в душе.

Старая добрая Шелли. Она знала, что такое сэндвич с беконом, салатом и помидорами в представлении Ваймса. Нужно было разгрести уйму хрустящего бекона, чтобы добраться до ничтожных, погребенных под его тяжестью овощей. Они вообще могли остаться незамеченными.

– Возьми с собой под землю Ангву, – сказал он. – И... да, младшего констебля Хампединга. Нашу маленькую Салли. Подходящая работка для вампира, который, как по заказу, возник в критический момент. Посмотрим, на что она годится.

– Только их, сэр?

– Э... да. У обеих, если не ошибаюсь, хорошее ночное зрение. – Ваймс посмотрел на сэндвич и добавил: – Придется обойтись без искусственного освещения.

– Расследование убийства в темноте, сэр?

– У меня нет выбора! – воскликнул Ваймс. – Я распознаю проблему, как только вижу ее, капитан. Никакого искусственного света. Если гномы намерены изображать передо мной дурачков – пожалуйста. Ты разбираешься в шахтах, а у Салли и Ангвы – врожденное ночное зрение. По крайней мере, у вампирши, а Ангва буквально видит носом. Так что решено. Уж пожалуйста, постарайтесь. Там полно этих дурацких светящихся жучков, хоть какая-то от них польза.

– Вурмы? – уточнил Моркоу. – Ничего себе! Пожалуй, я кое-что смогу сделать, сэр.

– Вот и хорошо. Гномы говорят, Бедролома убил какой-то тролль и сбежал. Выясни как можно больше.

– Они могут возразить против Салли, сэр, – сказал Моркоу.

– Что? А они догадаются, что она – вампир?

– Нет, сэр, не думаю...

– Ну так и не говори им. Ты ведь... нюхач, значит, тебе решать, какими, эгм... инструментами пользоваться. Видел это? – Ваймс помахал рапортом о трех стражниках, которых он старался не считать дезертирами.

– Да, сэр. Я как раз хотел поговорить с вами. Возможно, будет лучше, если мы слегка изменим состав патрулей.

– Что ты имеешь в виду?

– Э... я предлагаю составить расписание таким образом, чтобы троллям и гномам не приходилось работать в одной смене, сэр. Э... некоторые говорят, что были бы просто счастливы, если бы мы...

Моркоу осекся, встретив каменный взгляд Ваймса.

– Когда мы составляем расписание, капитан, то не обращаем внимания на то, к какой расе принадлежит патрульный, – ледяным тоном произнес

командор. – Разумеется, за исключением пиктси.

– Значит, уже есть прецедент... – начал Моркоу.

– Не говори глупостей. Пиктси живет в комнате, которая немногим больше обувной коробки. Ты же сам понимаешь, что менять расписание – бредовая идея. Вдобавок и опасная. Придется отправлять на дежурство гнома с гномом, тролля с троллем, человека с человеком...

– Необязательно, сэр. Люди могут выходить с кем угодно.

Ваймс качнулся вперед.

– Нет, не могут! Дело тут не в здравом смысле, а в страхе. Если тролль увидит гнома и человека вместе в патруле, он подумает: «Это мои враги, двое против одного». Понимаешь, чем это пахнет? Если стражнику придется туго и он запросит помощи, я не хочу, чтобы он отказывался от подкрепления, если оно, черт возьми, будет неподходящего роста!

Ваймс немного успокоился, открыл записную книжку и бросил ее на стол.

– Кстати говоря, ты не знаешь, что это такое? Я видел этот значок в шахте. Гном по имени Мудрошлем нарисовал его на столе при помощи пролитого кофе – по-моему, сам того не сознавая.

Моркоу взял блокнот и несколько секунд серьезно рассматривал рисунок.

– Шахтерский знак, сэр, – сказал он. – «Наступающая Тьма».

– А это, в свою очередь, что значит?

– Э... что дело плохо, сэр, – немедленно ответил Моркоу. – Ох, боги.

Он медленно опустил блокнот, как будто опасаясь, что тот взорвется.

– В шахте произошло убийство, капитан, – напомнил Ваймс.

– Да, сэр. Но эта штука означает нечто худшее, сэр. Шахтерские знаки – странный феномен.

– Примерно такой же я видел над дверью, только линия была одна и горизонтальная, – добавил Ваймс.

– Это Долгая Тьма, сэр, – небрежно отозвался Моркоу. – Всего лишь обозначение туннеля. Не о чем беспокоиться.

– А здесь, значит, есть о чем? Это как-то связано с грагами, которые сидят в окружении горящих свечей?

Всегда было приятно озадачить Моркоу, и на сей раз капитан действительно удивился.

– Как вы догадались, сэр?

– Слова, слова, капитан, – отмахнулся Ваймс. – «Наступающая Тьма» звучит зловеще. Значит, придется зажечь свет поярче. Когда я увидел грагов, они были окружены свечами. Я подумал: может, это какая-нибудь

церемония.

– Может быть... – осторожно согласился Моркоу. – Спасибо, сэр. Я пойду и все приготовлю.

Когда он был уже у двери, Ваймс остановил его:

– И еще кое-что, капитан.

– Да, сэр?

Ваймс сказал, не отрывая взгляда от сэндвича (он методично отделял кусочки помидора и салата от хрустящего бекона):

– Не забывай, что ты стражник, ладно?

Салли поняла, что дело нечисто, как только вернулась в раздевалку в новеньком сверкающем нагруднике и шлеме, похожем на суповую миску. Стражники самого разного обличья толпились вокруг и старались казаться равнодушными. Стражникам это всегда удается плохо.

Они наблюдали за ней, когда Салли приблизилась к шкафчику. Поэтому она открыла дверцу с должной осторожностью. Шкафчик был набит чесноком.

Ага. Началось. И так быстро! Впрочем, она приготовилась...

Там и сям за спиной слышалось слабое покашливание и хмыканье стражников, которые старались не смеяться. Они ухмылялись. Ухмылка сопровождается слабым звуком, если хорошенько прислушаться.

Салли обеими руками полезла в ящик и вытащила две большие головки чеснока. Все взгляды были устремлены на нее. Стражники застыли, когда вампирша медленно двинулась по комнате.

Особенно сильно пахло чесноком от одного юного констебля. Его широкая ухмылка вдруг выдала легкое волнение. У этого парня был вид всеобщего шута, который сделает что угодно, лишь бы окружающие посмеялись.

– Извините, констебль, как вас зовут? – кротко спросила Салли.

– Э... Фитли, мисс.

– Это ваше? – поинтересовалась вампирша, слегка обнажив клыки.

– Э... я просто пошутил, мисс...

– Ничего смешного не вижу, – ласково сказала Салли. – Я люблю чеснок. Обожаю чеснок. А вы?

– Э... да, – горестно ответил Фитли.

– Прекрасно, – сказала Салли.

Стремительным движением, от которого Фитли вздрогнул, она сунула головку чеснока в рот и с хрустом раскусила. Это был единственный звук, пронесшийся по комнате.

Салли сглотнула.

– Ну надо же, совсем забыла поделиться, констебль, – сказала она, протягивая вторую головку. – Это вам...

В раздевалке послышался смех. Компания стражников ничем не отличается от любой другой. Шутка вышла боком самому же шутнику, и стало еще смешнее. Это же просто розыгрыш, никто никому не желает зла, правда?

– Давай, Фитли, – сказали из толпы. – Все по-честному. Она съела свою долю.

Кто-то другой, как всегда бывает, начал хлопать в ладоши и восклицать: «Ешь! Ешь! Ешь!» Остальные подхватили, вдохновленные тем, что Фитли густо покраснел.

– Ешь, ешь, ешь, ешь, ешь, ешь, ешь, ешь!

Фитли, у которого не осталось выбора, схватил головку чеснока, сунул в рот и, под аккомпанемент одобрительных возгласов, раскусил. В ту же секунду Салли увидела, как глаза у него полезли на лоб.

– Младший констебль Хампеддинг?

Она обернулась. В дверях стоял мужчина, сложенный как молодой бог^[6]. Его нагрудник, в отличие от доспехов других стражников, сиял, а на кольчуге почти не было ржавчины.

– Все в порядке? – Он посмотрел на Фитли, который стоял на коленях, выплевывая чеснок, но как будто не заметил ничего странного.

– Э... да, сэр, – озадаченно ответила Салли.

Фитли вырвало.

– Мы уже встречались. Меня зовут капитан Моркоу. Пройдемте со мной, пожалуйста.

В кабинете Моркоу спросил:

– Итак, младший констебль, вы ведь приготовили головку чеснока заранее? И не надо так смотреть, сегодня на углу как раз стояла тележка с овощами. Нетрудно догадаться.

– Э... сержант Ангва меня предупредила.

– И?

– И я сделала головку чеснока из редиски, сэр.

– А та, что вы дали Фитли?

– Она тоже из редиски. Я стараюсь не притрагиваться к чесноку, сэр, – сказала Салли.

Ох, боги, он действительно красив...

– Правда? Из обыкновенной редиски? Но, если не ошибаюсь, Фитли стошнило...

– Я воткнула в нее несколько семян жгучего перца, – призналась Салли. – Примерно штук тридцать...

– Да? И зачем?

– Да так, сэр, – ответила Салли – воплощенная невинность. – Шутки ради. Чтобы посмеяться. Я никому не желаю зла.

Капитан задумался.

– Ладно, забудем, – сказал он. – Кстати, младший констебль, вы когда-нибудь видели трупы?

Салли помедлила, стараясь понять, серьезно ли он говорит.

Моркоу говорил серьезно.

– Строго говоря, нет, сэр, – ответила она.

Ваймс весь день сходил с ума. На него обрушилась бумажная работа. Бумаги никогда не заканчивались. И подносы были лишь каплей в море. Бумаги самым отвратительным образом громоздились вдоль стены, сливаясь в сплошную массу^[7]. Ваймс знал, что неизбежно придется ими заняться. Ордеры, досье, уведомления, документы на подпись... все, что делало Стражу правоохранительной структурой, а не просто кучкой громил с инквизиторскими наклонностями. Бумаги... Их было много, и на всех должна была стоять подпись Ваймса.

Ваймс подписал рапорт об арестах, рапорт о происшествиях и даже отчет о пропавшем имуществе. Отчет о пропажах! В старые добрые времена Стража не знала ничего подобного. Если кто-нибудь приходил с жалобой на исчезновение какой-нибудь мелочи, достаточно было перевернуть Шнобби Шноббса вверх ногами и подобрать то, что выпало.

Но теперь Ваймс не знал лично и половины стражников, принятых на службу. Не знал их достоинства и недостатки, не знал крошечных сигналов, способных подсказать, когда они лгут, а когда напуганы до чертиков... Стража перестала принадлежать ему. Она стала *городской* Стражей. Ваймс всего лишь осуществлял руководство.

Он просмотрел рапорты дежурных и патрульных, список взявших отгул по болезни, дисциплинарный рапорт, отчет о мелких расходах...

– Динь-дилинь-дилинь-динь!

Ваймс бросил бес-органайзер на стол и схватил небольшую буханку гномьего хлеба, которая вот уже несколько лет служила ему пресс-папье.

– Выключись или умри! – прорычал он.

– Так-так, я вижу, ты слегка не в духе, – сказал бесенок, глядя на нависшую над ним угрозу, – но, может быть, взглянешь на вещи с моей точки зрения? Это моя работа. Ничего не поделаешь. Я существую,

следовательно, я мыслю. И, по-моему, мы могли бы отлично поладить, если бы только ты прочитал инструкцию... нет, пожалуйста, не надо! Я правда могу тебе помочь!

Ваймс помедлил, задержав буханку в воздухе, потом осторожно отложил ее.

– Как именно? – поинтересовался он.

– Ты считаешь с ошибками, – сказал бесенок. – Не всегда сносишь десятки.

– Откуда ты знаешь? – спросил Ваймс.

– Ты бормочешь под нос.

– Ты подслушиваешь?!

– Это моя работа! Я не могу взять и отключить уши! Я обязан слушать! Иначе как я узнаю про важную встречу?

Ваймс взял отчет о мелких расходах и взглянул на хаотичные колонки цифр. Он с детства гордился умением решать так называемые «примерчики». Да, он знал, что соображает туго, но все-таки некий итог получался...

– Думаешь, ты справишься лучше? – спросил он.

– Выпусти меня и дай карандаш, – потребовал бесенок. Ваймс пожал плечами. В конце концов, день выдался странный. Он открыл дверцу.

Бесенок был бледно-зеленый и полупрозрачный – он состоял по большей части из подсвеченного воздуха. Но крошечный огрызок карандаша каким-то образом держался у него в лапках. Бесенок забегал вдоль колонки цифр, что-то бормоча под нос, к большому удовольствию Ваймса.

– Три доллара пять пенсов, – сообщил бесенок через несколько секунд.

– Прекрасно, – сказал Ваймс.

– Непонятно, куда они делись!

– Да все понятно, их украл Шнобби Шноббс. Как всегда. Он никогда не крадет больше четырех с половиной долларов.

– Хочешь, чтобы я назначил время для вызова на ковер? – с надеждой спросил бесенок.

– Упаси боги. Сейчас подпишу отчет, и кончено. Э... спасибо. Не мог бы ты подсчитать и остальное?

Бесенок просиял.

– Разумеется!

Ваймс оставил его работать и подошел к окну.

«Они не признают наш закон и подрывают наш город. Это не просто кучка глубинных гномов, которые не позволяют собратьям уклониться с

пути истинного. Как далеко тянутся их туннели? Гномы копают как сумасшедшие. Но почему именно здесь? Что они ищут? Любой бог мне свидетель, под Арк-Морпорком нет ни клада, ни спящего дракона, ни тайного королевства. Только вода, грязь и тьма. Как далеко тянутся туннели? Сколько... Погодите-ка, мы это знаем. Современная Стража располагает всякими данными...»

– Бесенок, – позвал он, оборачиваясь.

– Что, Введи-Свое-Имя?

– Видишь вон ту грудку бумаг в углу? – сказал Ваймс. – Где-то там – отчеты городских привратников за последние полгода. Можешь сравнить с аналогичным отчетом за последнюю неделю? Меня интересует количество помойных фургонов, покинувших город.

– «Помойный фургон», не найдено в основном словаре, поискать в словаре сленга... бип... бип... бип... «помойный фургон», также см. «золотарня», «полуночный экспресс», «дерьмовоз» и производные.

– В точку, – сказал Ваймс, который раньше не слышал варианта «полуночный экспресс». – Сможешь подсчитать?

– О да, – ответил бесенок. – Спасибо, что воспользовались бесорганайзером «Груша», модель пять, самым современным...

– Да, да, я понял. Подсчитай только те фурунны, что выезжали через Узловые ворота. Они ближе всего к Паточной улице.

– Тогда лучше посторонись, Введи-Свое-Имя, – попросил бесенок.

– Зачем?

Бесенок прыгнул в кучу бумаг. Послышался шелест, несколько мышей бросились наутек – и грудка взорвалась. Ваймс поспешно попятился, когда бумаги взмыли в воздух и повисли, поддерживаемые на весу бледно-зеленым облаком.

Ваймс настоял, чтобы стоявшие у ворот патрульные вели записи, не потому, что его крайне интересовали результаты, а затем, чтобы ребята не расслаблялись. Безопасности, конечно, это не добавляло. Анк-Морпорк – настолько открытый город, что дальше некуда. Но перепись телег приносила некоторую пользу. Во-первых, стражники не засыпали на посту, а во-вторых, у них появлялся законный повод для любопытства.

Нечистоты нужно вывозить, точка. Это город, в конце концов. Если ты живешь далеко от реки, единственный способ – вывезти их на телеге. «Черт возьми, – подумал Ваймс, – нужно было попросить бесенка подсчитать, не ввозили ли в последнее время больше камней и балок. Если выкапываешь ход в глине, нужно как-то его подпирать...»

Летавшие кругами бумаги упали обратно в кучу. Зеленый туман с

легким жужжанием съежился, и перед Ваймсом вновь оказался бесенок, который буквально лопался от гордости.

– За последние шесть месяцев помойных фургонов стало на одну целую одну десятую больше! – объявил он. – Спасибо, Введи-Свое-Имя. Cogito ergo sum, Введи-Свое-Имя. Я существую, следовательно, я суммирую!

– Э... да, спасибо, – сказал Ваймс.

Хм. Чуть более одного фургона за ночь? В каждом максимум пара тонн. Не так уж много. Может быть, люди, живущие вблизи Узловых ворот, в последнее время часто хворали. Но... как бы поступил он на месте гномов?

Он уж точно не стал бы вывозить отходы через ближайšie ворота. Ох, боги, да если гномы копают повсюду, то могут свалить строительный мусор где угодно...

– Бесенок, послушай... – Ваймс замялся. – Кстати, как тебя зовут?

– Как меня зовут, Введи-Свое-Имя? – Бесенок явно пришел в замешательство. – Никак. Таких, как я, выпускают десятками, Введи-Свое-Имя. Наверное, глупо было бы давать нам имена.

– Тогда я буду звать тебя «Груша». И так, Груша, не мог бы ты произвести такой же подсчет по всем городским воротам? А еще учесть количество телег с лесоматериалами и камнем?

– Понадобится некоторое время, Введи-Свое-Имя, но... да! Я охотно этим займусь.

– И, пока будешь считать, глянь заодно, нет ли жалоб на оседание почвы. Мало ли – обваливаются стены, трескаются дома... ну и так далее.

– Разумеется, Введи-Свое-Имя. Можешь положиться на меня, Введи-Свое-Имя!

– Тогда за работу!

– Да, Введи-Свое-Имя! Спасибо, Введи-Свое-Имя! Я гораздо лучше соображаю, когда не сижу в коробке, Введи-Свое-Имя!

Бз-з-з. Бумаги опять взлетели.

Кто бы мог подумать? Может быть, эта штукovina, в конце концов, способна приносить пользу.

Из переговорника послышался свист. Ваймс снял трубку с крючка и сказал:

– Ваймс слушает.

– У меня вечерний выпуск «Таймс», сэр, – произнес отдаленный голос сержанта Задранец. Шелли явно была встревожена.

– Прекрасно. Давай ее сюда.

– А еще кое-кто хочет вас видеть, сэр. – В голосе Шелли зазвучала опаска.

– Они тебя слышат? – уточнил Ваймс.

– Да, сэр. Они настаивают на том, чтобы увидеться лично. Говорят, у них важное сообщение.

– Похоже, что от них могут быть неприятности?

– Еще как похоже, сэр.

– Сейчас спущусь.

Ваймс повесил трубку. Тролли с сообщением. Вряд ли они принесли приглашение на литературный вечер.

– Э... Груша? – окликнул он.

И снова бледно-зеленое сияние превратилось в радостно улыбающегося бесенка.

– Я нашел нужные цифры, Введи-Свое-Имя. Как раз обрабатываю данные, – сообщил он и отсалютовал.

– Прекрасно, но пока полезай обратно в коробку. Нам надо идти.

– Конечно, Введи-Свое-Имя! Спасибо, что выбрал...

Ваймс сунул коробку в карман и спустился.

В приемной стоял не только стол дежурного, но и с полдюжину столиков поменьше, за которые усаживались стражники, когда вынуждены были заниматься особенно трудоемкой работой, например правильной расстановкой знаков препинания в рапортах. В приемную выходило множество дверей. Полезный результат был налицо: любая суматоха очень быстро привлекала общее внимание.

Если два тролля, торчавших посредине комнаты, действительно замыслили неладное, то время они выбрали неудачное. Как раз менялись смены. И тролли безуспешно пытались придать себе развязный вид, стоя неподвижно под пристальными и подозрительными взглядами семи-восьми стражников самого разного обличья.

У гостей было на лбу написано, что они ПЛОХИЕ. По крайней мере, они пытались внушить это окружающим. Но безуспешно. Ваймс повидел плохих троллей, и эти парни были не из их числа. Они честно старались. О, как они старались! Их головы и плечи покрывал лишайник, тела украшала клановая татуировка, а один даже щеголял резьбой на руке, хотя, наверное, ради нее пришлось потерпеть. Все для того, чтобы выглядеть круто. Ношение традиционного пояса из гномьих либо человеческих черепов заканчивалось для владельца тем, что его пятки прочерчивали глубокие колеи по направлению к ближайшей каталажке, а обезьяньи черепа обычно влекли за собой стычку с гномами, плохо разбиравшимися в антропологии.

Эти тролли... Ваймс усмехнулся. Они постарались по мере сил обойтись – ох, боги – овечьими и козьими черепами. Молодцы, парни, очень жутко выглядит.

Как грустно. В прежние времена плохие тролли не занимались такой ерундой. Они просто били жертву по голове ее же собственной рукой, пока до бедолаги не доходило.

– Ну, джентльмены? – сказал он. – Я Ваймс.

Тролли уставились друг на друга сквозь заросли лишайника, и один проиграл.

– Ета, мистер Хризопраз, типа, хочет тебя видеть, – угрюмо произнес он.

– И что? – уточнил Ваймс.

– Он, ета, хочет тебя видеть прямо щас, – продолжал тролль.

– Он знает, где я живу.

– Ага. Знает.

Два слова грянули в тишине, словно взрыв. Все дело было в том, как тролль их произнес. Самоубийственным образом.

Паузу прервал стальной лязг засовов, за которым последовал щелчок. Тролли обернулись. Сержант Детрит вытаскивал ключ из замка толстых двойных дверей Псевдополис-Ярда. Затем он обернулся и опустил тяжелые руки на плечи троллей.

И вздохнул.

– Парни, – сказал Детрит, – если б, ета, был первый приз за глупость, вы б его точно получили.

Троль, который произнес почти неприкрытую угрозу, сделал еще одну ошибку. Должно быть, его телом двигал либо ужас, либо тупое бахвальство. Никакой тролль с хотя бы одной функционирующей мозговой клеткой не выбрал бы эту минуту для того, чтобы принять позу, которая, с троллей точки зрения, является агрессивной.

Кулак Детрита мелькнул как молния. Он вошел в соприкосновение с черепом тролля с таким треском, что задребезжала мебель.

Ваймс открыл было рот... и тут же закрыл. Троллий язык основан на физическом контакте. Нужно уважать культурные традиции, не так ли? Не только гномам позволяется их иметь. И потом, троллий череп не расколешь, даже вооружившись молотком и стамеской. «Он угрожал твоей семье, – добавил мозг. – Так ему и надо...»

Рана на руке отозвалась болью – и эхом ответила голова. Черт возьми! А Игорь сказал, что мазь свое дело сделает.

Оглушенный тролль покачался несколько секунд на месте и рухнул

ничком, не меняя положения тела.

Детрит подошел к Ваймсу, по пути пнув лежащего.

– Ета, простите, сэр, – сказал он. Шлем зазвенел, когда тролль отсалютовал. – Совсем вести себя не умеют.

– Спасибо, достаточно. – И Ваймс обратился к оставшемуся посланцу, который внезапно ощутил свое одиночество: – Так зачем Хризопразу нужно меня видеть?

– Етим тупицам он бы, ета, все равно не сказал, – заметил Детрит, опасно ухмыляясь. Развязность с молодого тролля как рукой сняло.

– Ета, типа, из-за того, что убили *хоруга*, больше я ничего не знаю, – буркнул он, напустив на себя угрюмый вид. Все присутствующие гномы немедленно прищурились. Это было очень плохое слово.

– Ну, парень, ну, парень, ну ты и... – Детрит помедлил.

– ...парень, – подсказал Ваймс.

– ...парень! – торжествуя закончил Детрит. – Ты сегодня, ета, заводишь друзей как нечего делать.

– Где назначена встреча? – спросил Ваймс.

– На складе Будущей Свинины, – ответил тролль. – Ты, ета, должен прийти один... – Он запнулся, разом осознав свое положение, и добавил: – Ета, если ты не против.

– Ступай и скажи своему боссу, что я, возможно, прогуляюсь в том направлении, слышишь? – сказал Ваймс. – А теперь убирайся отсюда. Сержант, проводи.

– И вынеси мусор! – загремел Детрит.

Он захлопнул дверь за троллем, согнувшимся под тяжестью своего бесчувственного собрата.

– Так, – сказал Ваймс, как только напряжение ослабло. – Вы слышали, что он сказал. Добропорядочные граждане хотят помочь Страже. Я пойду и узнаю, что он...

Его взгляд упал на первую страницу «Таймс», лежавшей на столе. «Черт подери, – устало подумал он. – Вот оно. Именно в такое время мы получаем картинку, на которой стражник-тролль держит гнома, оторвав его на фут от земли».

– Детрит отлично получился, сэр, – нервно сказала сержант Задранец.

– «Длинная рука закона», – прочитал Ваймс. – Это, типа, смешно, да?

– Наверное. Для тех, кто сочиняет заголовки, – предположила Шелли.

«Бедролом убит, – продолжал читать Ваймс. – Стража ведет расследование».

– Откуда газетчикам все известно? – поинтересовался он вслух. – Кто

им рассказывает? Скоро мне придется читать «Таймс», чтобы узнать, чем я сегодня занят!

Он швырнул газету на стол.

– Есть еще что-нибудь важное, что мне нужно знать прямо сейчас?

– Сержант Колон говорит, произошло ограбление в Королевском... – начала Шелли, но Ваймс отмахнулся.

– Поважнее ограблений, я имею в виду.

– Э... еще два стражника подали в отставку, с тех пор как я отнесла вам записку, сэр, – сказала Шелли. – Капрал Кольцедел и констебль Сланец с Читлинг-стрит. Оба утверждают, э, что по личным обстоятельствам, сэр.

– Сланец был хорошим стражником, – прогудел Детрит, качая головой.

– Похоже, он решил стать хорошим троллем, – заметил Ваймс.

За спиной командора кто-то шевельнулся. Его все еще слушали. Значит, настало время произнести Речь.

– Я знаю, что сейчас троллям и гномам приходится нелегко, – сказал он, обращаясь ко всем присутствующим. – Если тебе пришлось стукнуть сородича дубинкой за то, что он попытался лягнуть тебя по шарам, ты чувствуешь себя так, как будто перешел на сторону врага. Людям тоже невесело, но вам хуже всех. Значок кажется слишком тяжелым бременем, правда? Ваши соплеменники смотрят на вас и гадают, на чьей вы стороне. Вы на стороне Города. Именно на этой стороне должен быть закон. На стороне тех, кто находится там, за спинами толпы. Они ошеломлены, испуганы и боятся выходить из дома по вечерам. Как ни странно, идиоты, которые стоят перед вами и чуть что лезут к морде, тоже горожане, но, поскольку они об этом позабыли, нужно оказать им услугу и слегка охладить их пыл. Помните об этом и держитесь вместе. По-вашему, лучше сбегать домой и убедиться, что ваша старая матушка здорова? Думаете, вам не устоять против толпы? Вместе мы сможем сделать так, чтобы до драки не дошло. А пока подождем. Я знаю, мы измучились, но сейчас мне нужны все кто есть, и тогда завтра будет раздача слонов и бесплатное пиво в придачу. Может быть, я даже закрою глаза, когда буду подписывать выплаты за сверхурочные дежурства, кто знает. Вы поняли? И я хочу, чтобы вы все – все, кто бы вы ни были, – поняли одну вещь: я не терплю идиотов, которые тащат старую вражду за пятьсот миль и тысячу лет. Это Анк-Морпорк, а не Кумская долина. Вы знаете, что сегодня предстоит тяжелая ночь. Я буду на посту. Если вы со мной, я хочу знать, что могу положиться на вас. Что вы прикроете мою спину, так же, как я прикрою вашу. Если я не могу на вас положиться, то не желаю видеть рядом с собой. Вопросы есть?

Последовало смущенное молчание, как всегда бывает в подобных

случаях. Наконец поднялась чья-то рука. Она принадлежала гному.

– Правда, что какой-то тролль убил грага? – спросил стражник. Послышалось общее бормотание, и гном слегка приободрился. В конце концов, он все-таки задал этот вопрос.

– Капитан Моркоу ведет расследование, – ответил Ваймс. – Сейчас мы еще блуждаем в потемках. Но если действительно случилось убийство, уж я позабочусь, чтобы преступник предстал перед правосудием, и неважно, какого он роста и обличья, кто он такой и где сейчас находится. Гарантирую. *Лично* гарантирую. Принято?

Атмосфера в комнате ощутимо изменилась. Видимо, ответ был положительный.

– Отлично, – сказал Ваймс. – А теперь ступайте и ведите себя как положено стражникам. За работу!

Все вышли, не считая тех, кто продолжал корпеть над нелегким вопросом, куда ставить запятую.

– Ета... разрешите обратиться неофициально? – спросил Детрит, подходя ближе.

Ваймс уставился на него. «Когда мы впервые встретились, ты был прикован к стене, как цепной пес, и даже не умел говорить, – подумал он. – Ей-богу, волки иногда перестают смотреть в лес».

– Да, конечно, – ответил он.

– Ета, вы серьезно? Вы правда собираетесь к етому куску копролита, в смысле к Хризопразу, сэр?

– А что самое худшее может со мной случиться?

– Он оторвет вам голову, изрубит в фарш и сварит суп из костей, сэр, – немедленно отозвался Детрит. – А будь вы, ета, троллем, он бы вам все зубы вышиб, чтобы сделать из них запонки.

– С какой стати ему сейчас рисковать? Думаешь, он хочет развязать войну? Но это не его способ. Хризопраз вряд ли намерен убивать меня во время встречи. Он хочет поговорить. Должно быть, это как-то связано со случившимся. Возможно, он что-то знает. Я не смею не пойти. Но я хочу, чтоб ты пошел со мной. Собери-ка отряд...

«Отряд – это весьма разумно, – признал Ваймс. – На улицах сейчас слишком... беспокойно». Он решил довольствоваться Детритом и теми, кто сейчас не дежурил. По крайней мере, про Стражу можно было сказать, что она репрезентативна. Никто не рискнул бы утверждать, что Стража на стороне хоть *какой-нибудь* отдельной расы. И этой тактики стоило придерживаться.

Снаружи стало спокойней, на улицах было гораздо меньше людей, чем

обычно. Нехороший знак. Анк-Морпорк чуял беду заранее, как пауки чувят завтрашний дождь.

Что это было?..

Существо бороздило незнакомый мозг. С сотворения Вселенной оно побывало в сотнях сознаний, но на сей раз ему попало нечто странное.

Этот мозг напоминал город. Призрачные колеблющиеся здания виднелись сквозь пелену ночного дождя. Разумеется, двух похожих сознаний не бывает...

Существо было древним, хотя, наверное, правильнее сказать, что оно возникло давно. Когда в начале всех начал первобытные облака сознания разделились на богов, демонов и души разных рангов, оно оказалось среди тех, кто так ни с чем и не сросся. Поэтому оно бродило по Вселенной без цели, без предназначения, никому не принадлежа, – клочок бытия, летящий куда попало и проникающий куда придется, нечто вроде необычной мысли, ищущей подходящую голову. В последнее время – то есть в течение примерно десяти тысяч лет – оно подрабатывало суеверием.

И наконец оказалось в этом странном темном городе. Вокруг что-то двигалось. Жило. И шел дождь.

На мгновение оно увидело открытую дверь, вспышку ярости, которой можно было воспользоваться. Но, едва существо бросилось вперед, чтобы овладеть чужим сознанием, нечто невидимое и сильное ухватило его и отбросило прочь.

Как странно.

Взмахнув хвостом, существо исчезло в переулке.

Склад Будущей Свинины был одним из тех строений, которые появляются в любом городе, который слишком долго сосуществует бок о бок с магией. Тайной причиной, если можно так выразиться, было следующее: свинину активно потребляли в Анк-Морпорке. Торговцы постоянно продавали будущих – иногда еще даже не рожденных – свиней, которые, таким образом, должны были где-то существовать. И тогда возник склад Будущей Свинины. В его ледяном нутре мясо совершало обратное путешествие во времени. Тут хранили провизию – и сюда забредали тролли, когда хотели соображать побыстрее.

Даже здесь, вдали от беспокойных кварталов, люди на улицах... были настороже.

И теперь они наблюдали за Ваймсом и его пестрым отрядом, который маячил возле одной из дверей склада.

– Я так думаю, эта, хотя бы один должен пойти туда с вами, – сказал Детрит, заботливый, как нежная мать. – Хризопраз уж точно не будет один, зуб даю.

Троль снял с плеча Шматотворец – арбалет, который он лично переделал из осадного орудия. При выстреле его многочисленные стрелы разлетались на кусочки исключительно от трения о воздух. Шматотворец не просто высаживал дверь – он мог заодно нащепать ее на спички. Фантастическая неточность при стрельбе была его неотъемлемой чертой. Отряд немедленно спрятался за спиной Детрита.

– Значит, пойдешь ты, сержант, – сказал Ваймс. – Остальные зайдут, если услышат крик. Мой.

Он помедлил и вытащил Грушу, который что-то напевал под нос.

– И не встревай, ясно?

– Да, Введи-Свое-Имя!

Ваймс открыл дверь. Его окутал мертвый, холодный воздух. Под ногами похрустывал слой инея. Дыхание немедленно превратилось в пар.

Он ненавидел склад Будущей Свины. При виде полупрозрачных будущих туш, которые висели в воздухе, с каждым днем обретая реальность, Ваймса пробирала дрожь, и отнюдь не из-за низких температур. Сэм Ваймс полагал, что хрустящий бекон возникает на тарелке сам по себе, и зрелище свины, путешествующей во времени, вызывало у него тошноту.

Он сделал несколько шагов и всмотрелся в сырой морозный сумрак.

– Командор Ваймс, – сказал он, чувствуя себя немного глупо.

В нескольких шагах от двери морозный туман достигал колен. Сквозь него к Ваймсу брели два тролля. Еще больше лишайника. Больше клановых татуировок. Больше овечьих черепов.

– Оставьте оружие здесь, – прорычали они.

– Ага, сейчас, – отозвался Ваймс, поспешно проходя между ними.

За спиной послышался щелчок. Чуть слышно запела стальная тетива, жаждущая обрести свободу. Детрит упер арбалет в плечо.

– Эта, попытайтесь его у меня забрать, если хотите, – предложил он.

В глубине склада, в тумане, Ваймс заметил других троллей. Двое-трое представляли собой взятую взаймы мышечную силу, зато остальные... Он вздохнул. Детриту достаточно было выстрелить, и тогда большая часть городской организованной преступности превратилась бы в крайне неорганизованную, – как и сам Ваймс, если не успеет вовремя броситься на пол. Но он не стал бы отдавать такой приказ. Есть правила, которые еще серьезнее закона. И потом, сорокафутовая дыра в стене склада – это вам не

шуточки.

Хризопраз сидел на покрытом инеем деревянном ящике. Его всегда можно было отличить в толпе. В то время как прочие тролли обходились лоскутом кожи, Хризопраз носил настоящие костюмы. И галстук с бриллиантовой булавкой. Сегодня на плечах у него покоилась шуба. Несомненно, ради шику, потому что тролли любят холод. Они быстрее соображают, когда мозгам прохладно. Вот почему встречу назначили здесь. «Ладно, – подумал Ваймс, стараясь не стучать зубами, – когда будет моя очередь выбирать, мы встретимся в сауне».

– Мистер Ваймс! Как хорошо, что вы пришли, – добродушно сказал Хризопраз. – Все эти джентльмены – первоклассные бизнесмены и мои знакомые. Думаю, вы их узнаете...

– Да. Это Лавина, – сказал Ваймс.

– Слушайте, мистер Ваймс, вы же знаете, что никакой Лавины не существует, – невинно произнес Хризопраз. – Мы просто держимся вместе, чтобы защищать тролльи интересы в этом городе с помощью разных мероприятий на благотворительных началах. Можно сказать, мы – главы диаспоры. Не надо вешать на нас ярлыки.

«Главы диаспоры, – подумал Ваймс. – В последнее время у нас только и разговоров, что о главах диаспор. «Главы диаспор призывают к спокойствию» – эту фразу в «Таймс» печатали так часто, что, наверное, наборщики перестали разбирать матрицы». Ваймс гадал, кто они такие, эти главы, каким образом их назначают, и не предполагает ли «призыв к спокойствию» странного подмигивания и слов: «Не беритесь за топоры, ребята, за сверкающие новенькие топоры, которые стоят в шкафу... нет, не в том, а рядом». Бедролом, например, тоже был главой диаспоры.

– Ты говорил, что хочешь побеседовать со мной наедине, – напомнил Ваймс, кивком указывая на фигуры в полутьме. Некоторые из них прятали лица.

– Да, да. Ах, эти джентльмены, которые там стоят?.. Они сейчас уйдут, – сказал Хризопраз и помахал рукой. – Они здесь, чтоб вы поняли, что тролль, который сейчас перед вами, говорит от лица многих. И, кстати, ваш славный сержант и мой добрый друг Детрит сейчас выйдет покурить, договорились? Этот разговор состоится между нами с глазу на глаз – или не состоится вовсе.

Ваймс обернулся и кивнул Детриту. Сержант, хмуро поглядев на Хризопраза, удалился. Прочие тролли тоже. Иней закрипел под ногами, и наконец захлопнулась дверь.

Ваймс и Хризопраз смотрели друг на друга буквально в ледяном

молчании.

– Я слышу, как у вас стучат зубы, – сказал Хризопраз. – Для тролля это место в самый раз, а вы вот-вот превратитесь в ледышку. Вот зачем я прихватил шубу, – он сбросил ее с плеч и протянул Ваймсу. – Только между нами.

Гордость – одно дело. Когда ты не чувствуешь собственных пальцев – другое. Ваймс завернулся в мягкий теплый мех.

– Вот так. Не могу говорить с человеком, у которого уши отмерзают, – сказал Хризопраз, вытаскивая огромный портсигар. – Во-первых, я слышал, один из моих парней проявил неуважение. Он намекнул, что я из этих троллей, которые переходят на личности. Из тех, что способны поднять руку на вашу милую леди и славного мальчугана, который так быстро растет. Ни уважения, ни стиля, ни тонкости. Если хотите новую альпийскую горку в саду, только скажите слово.

– Просто сделайте так, чтоб я больше никогда его не видел, – коротко попросил Ваймс.

– Это не проблема, – ответил тролль, указав на небольшую коробку, объемом примерно в квадратный фут, стоящую рядом с ним. Она была слишком, слишком маленькой, чтобы вместить тролля целиком.

Ваймс тщетно пытался не обращать на нее внимания.

– И это все, зачем ты хотел меня видеть? – поинтересовался он, стараясь обуздать воображение, которое разыгрывало доморощенный фильм ужасов перед его внутренним взором.

– Курите, мистер Ваймс? – Хризопраз открыл портсигар. – Эти, которые слева, годятся для людей. Первый сорт.

– У меня свои, – ответил Ваймс, доставая потрепанную пачку. – Так в чем дело? Я занятой человек.

Хризопраз зажег серебристую троллю сигару и затянулся. Запахло горячей жостью.

– Да уж, вы очень заняты, потому что умер этот старый гном, – сказал он, не глядя на Ваймса.

– И?

– Тролли в этом не виноваты.

– Откуда ты знаешь?

Хризопраз пристально посмотрел на Ваймса.

– Если б были виноваты, я б уже знал. Я спрашивал.

– Мы тоже.

– Я спрашиваю чуточку погромче, – сказал тролль. – И мне отвечают. Иногда даже на те вопросы, которые я еще не успел задать.

«Да уж, – подумал Ваймс. – А я должен подчиняться правилам».

– Какая вам забота, кто убил гнома? – спросил он.

– Мистер Ваймс, я честный гражданин! Заботиться об этом – моя прямая обязанность! – Хризопраз изучал лицо Ваймса, ожидая реакции. Наконец он ухмыльнулся. – Эта дурацкая суета вокруг Кумской долины плохо сказывается на делах. Все нервничают, шныряют вокруг, задают вопросы. Я сижу тут и волнуюсь. А потом слышу, что етим делом занимается мой старый друг мистер Ваймс, и думаю: ага, мистер Ваймс, может, и равнодушен к некоторым ню-янсам троллей культуры, но зато прям как стрела, и его не проведешь. Он узнает, что етот так называемый тролль потерял свою дубину, и животик со смеху надорвет. Яснее ясного, что ето сделал какой-то гном, который хотел подставить троллей.

Он откинулся назад.

– Какую дубину? – негромко спросил Ваймс.

– Что?

– Я не упоминал про дубину. В газетах нет ни слова про троллю дубину.

– Дорогой мой мистер Ваймс, так сказало ето садовое украшение, – сказал Хризопраз.

– И гномы тоже вам отвечают?

Тролль задумчиво посмотрел на потолок и выпустил клуб дыма.

– В конце концов, – произнес он, – ето всего лишь детали. Между нами говоря, здесь и сейчас. Мы оба все понимаем. Ясно как день, что ети чокнутые гномы поссорились, ну или старый гном помер, потому что слишком долго прожил на свете, или...

– ...или вы задали ему несколько вопросов?

– Не надо, мистер Ваймс. Эта дубинка, так сказать, пахнет. Ее подложили гномы.

– Ну, или какой-то тролль убил грага, бросил дубину и сбежал, – сказал Ваймс. – Или же он был умный и подумал: никто не поверит, что тролль может быть настолько глупым, чтобы забыть дубину, поэтому, если я ее здесь оставлю, во всем обвинят гномов.

– Хорошо, что тут холодно, не то б я за вами не поспевал! – Хризопраз рассмеялся. – Но вот что я скажу. Тролль угодил прямо в гущу етих паршивых копачей и убил только одного? Ни за что, Хозе. Он бы перебил сколько смог, шмяк, шмяк!

Заметив удивление Ваймса, Хризопраз вздохнул.

– Начать с того, что только ненормальный тролль туда ползет. Знаете, как парни волнуются? Им твердят про честь, славу, предназначение, про то,

что от копролита мозги сохнут быстрее, чем от «Скреба», и даже быстрее, чем от «Сполза». Насколько я знаю, гнома пришибли чисто и тихо. Мы тут ни при чем, мистер Ваймс. Вы играли в эту игру и знаете правила. Если тролль окажется в толпе гномов, он будет как лиса посреди етих... такие, с крыльями, несут, как их, яйца...

– Как лиса в курятнике?

– Вы попали прямо в это, как его, круглое, на дереве...

– В яблочко?

– Точно. Пристукнуть одного гнома и удрать? Никакой тролль на этом не остановится, мистер Ваймс. Это очень по-вашему, по-людски. А вот в игре оно все верно схвачено...

– В какой игре?

– Вы никогда не играли в «Шмяк»? – с удивлением спросил Хризопраз.

– Ах, это. Я ни во что не играю, – сказал Ваймс. – А что касается «Сполза», то самые крупные поставки идут именно через тебя. Между нами говоря, здесь и сейчас.

– Нет, я вышел из этого дела. – Хризопраз добродушно помахал сигарой. – Я, так сказать, осознал свои заблуждения. Отныне и навсегда я чист как стеклышко. Недвижимость и финансы – вот чем я теперь занимаюсь.

– Приятно слышать.

– Приходят все новые парни, – продолжал Хризопраз. – Осадочное барахло. Они толкут «Сполз» пополам с неочищенными сульфидами и варят с железным хлоридом и прочим дерьмом. Думаете, «Сполз» – это плохо? Вы бы видели «Сход». От «Сполза» тролль садится и видит красивые яркие пятнушки, он никому не мешает, все тихо и спокойно. А под «Сходом» ему кажется, что он самый большой и сильный тролль в мире, что ему не нужно есть, не нужно спать. А через две-три недели ему и жить не нужно. Нет, это не для меня.

– Ну да, зачем убивать клиентов, – сказал Ваймс.

– Запрещенный удар, мистер Ваймс, запрещенный удар. Новые парни почти все время сидят на «Сходе». Слишком много драк, никакого уважения... – Хризопраз прищурился и подался вперед. – Я знаю имена и места.

– В таком случае ваш долг как добропорядочного гражданина – сказать мне.

«Ох, боги, за кого он меня принимает? Но я хочу знать эти имена. «Сход», судя по всему, неприятная штука. Сейчас тролли-берсерки нужны

нам не больше, чем дырка в черепе. Боюсь, для некоторых именно ею все и закончится».

– Не могу. В этом и проблема, – сказал Хризопраз. – Сейчас не время. Сами знаете, что творится. Если эти глупые гномы захотят драться, нам пригодится каждый тролль. Я скажу моим ребятам: дайте Ваймсу шанс. Будьте умницами, не раскачивайте лодку. Они еще слушают меня и моих... коллег. Но долго это не продлится. Я на вас очень надеюсь, мистер Ваймс.

– Следствие ведет капрал Моркоу, – сказал Ваймс.

Хризопраз вновь прищурился.

– Моркоу Железобетонссон? Этот большой гном? Он славный парень и большой умница, только троллям это не понравится, скажу честно.

– Гномам тоже не нравится, если уж на то пошло, – ответил Ваймс. – Но это – моя Стража. Никто не смеет указывать мне, кому поручать расследование.

– Вы ему доверяете? – спросил Хризопраз.

– Да!

– Он умеет думать, он толковый парень. Но... Железобетонссон? Его зовут как гнома, в том-то и беда. Зато Ваймс... *это* имя что-то да значит. Ваймса нельзя подкупить. Однажды он арестовал самого патриция. Не семи пядей во лбу, зато честный и никогда не останавливается на полпути... – Хризопраз заметил выражение лица Ваймса. – Так говорят. Хотел бы я, чтоб это дело расследовал Ваймс, потому что мы с ним похожи. Мы с ним откровенные парни, и он быстро докапывается до истины. И я вот что ему скажу: никакой тролль этого не сделал бы, ни за что.

«Он говорит на уличном жаргоне, – сказал себе Ваймс, – чтобы сойти за обыкновенного тролля. Но это же Хризопраз. Он вывел из игры большую часть старых гангстеров, которые и сами были ребята не промах. Он одной рукой удерживает на почтительном расстоянии Гильдию воров. И для этого ему даже необязательно сидеть в сугробе. Ты знаешь, что он прав. Но... «не семи пядей во лбу»?! Ну, спасибо. Зато капитан Моркоу – славный парень».

Ваймс всегда искал причинно-следственные связи. Он вдруг спросил:

– Кто такой мистер Блеск?

Хризопраз сидел абсолютно неподвижно, только от сигары вился зеленоватый дымок. Затем он ответил непривычно бодрым тоном:

– Мистер Блеск? А, это сказочка для детей. Типа, тролля легенда из давно грядущих дней, – сказал он^[8].

– Вроде как народный герой?

– Ага, ну да. Глупая сказка, какую рассказывают в тяжелые времена.

Болтовня, и больше ничего. Мы, это, живем в современном мире.

Видимо, на этом он решил поставить точку.

Ваймс встал.

– Ладно, я тебя выслушал, – сказал он. – А теперь мне пора идти управлять Стражей.

Хризопраз пыхнул сигарой и сбросил пепел в снег. Пепел зашипел.

– Вы пойдете обратно в Ярд через Сноваповоротный переулок? – поинтересовался он.

– Нет, это же совсем не... – Ваймс замолчал. В голосе тролля он уловил намек.

– Передавайте привет старушке, которая живет рядом с кондитерской, – сказал Хризопраз.

– Э... обязательно, – удивленно ответил Ваймс. – Сержант!

Дверь в дальнем конце с грохотом отворилась, и вбежал Детрит, с арбалетом на изготовку. Ваймс, который знал, что одним из немногих недостатков Детрита была полная неспособность понять, для чего нужен предохранитель, подавил сильнейшее желание броситься на пол.

– Наступает время, когда каждому придется понять, на чьей он стороне, – задумчиво произнес Хризопраз, как будто обращаясь к призрачной свинине. – И кто стоит рядом.

Когда Ваймс зашагал к дверям, тролль добавил:

– Подарите эту шубу вашей супруге, мистер Ваймс. С моими наилучшими пожеланиями.

Ваймс замер как вкопанный и посмотрел на шубу, окутывавшую его плечи. Она была сшита из какого-то серебристого, очень теплого меха – и все-таки грела гораздо меньше, чем поднимавшаяся в душе волна гнева. Он чуть не унес шубу. Чуть не унес!

Он сбросил ее и свернул в ком. Ради нее умерли несколько десятков маленьких редких пискунов, но он уж позаботится, чтобы их смерть оказалась не совсем уж напрасной.

Ваймс подбросил шубу высоко в воздух, гаркнул: «Сержант!» и бросился на пол. Послышался щелчок тетивы и нечто похожее на гудение роя разъяренных пчел. Осколки стрел, со звуком «плим-плим-плим», превратили железную крышу над головой в дуршлаг. Запахло паленой шерстью.

Ваймс поднялся на ноги. Вокруг шел снег из серебристых волосков.

Он встретился взглядом с Хризопразом.

– Попытка подкупить офицера Стражи – тяжкое преступление, – сказал он.

Троль подмигнул.

– Я так им и сказал, что Ваймс честный парень. Приятно было поболтать, мистер Ваймс.

Когда они вышли, Ваймс втащил Детрита в проулок, насколько возможно втащить куда-либо тролля.

– Так. Что ты знаешь про «Сход»?

Красные глаза тролля сверкнули.

– Я, ета, слышал, что говорят.

– Ступай на улицу Паточной шахты и собери отряд побольше. Потом пойдешь в Сноваповоротный переулок. Там, если не ошибаюсь, есть магазин свадебных тортов. У тебя чутье на наркотики. Поищи хорошенько, сержант.

– Ага, – сказал Детрит. – Вам что-то такое намекнули, сэр?

– Скажем так, это было доказательство благих намерений.

– Чего-чего доказательство?

– Э... один наш знакомый хочет доказать, что он честный гражданин.

Короче, займись делом, ясно?

Детрит закинул арбалет за плечо, чтобы проще было нести, и поспешно заковылял прочь. Ваймс привалился к стене. Предстоял долгий день.

А теперь...

На стене, чуть выше головы Ваймса, какой-то тролль грубо начертил огранный бриллиант. Тролльи граффити трудно было не заметить – их рисовали ногтем, и они примерно на дюйм уходили в глубину кладки.

Рядом с рисунком была подпись: «БЛЕСК».

– Кхе-кхе, – негромко донеслось из кармана.

Ваймс вздохнул и вытащил Грушу, продолжая разглядывать надпись.

– Что?

– Ты сказал, чтобы тебе не мешали... – осторожно произнес бесенок.

– Ну? Чего ты хотел?

– Без одиннадцати минут шесть, Введи-Свое-Имя, – кротко сказал Груша.

– Ох, боги! Почему ты раньше не предупредил?

– Потому что ты сказал, чтобы тебе не мешали! – дрожащим голосом ответил бесенок.

– Да, но не... – Ваймс замолчал.

Одиннадцать минут. Он не доберется даже бегом. Только не в это время суток.

– Шесть часов... это же очень важно!

– Ты же меня не предупредил! – бесенок схватился за голову. – Ты всего лишь сказал, чтобы тебе не мешали! Прости, мне очень, очень жаль...

Позабыв про граффити, Ваймс с отчаянием оглядел соседние дома. Здесь, где район боен граничил с доками, клик-башен обычно не строили, но все-таки он заметил большую семафорную вышку над домом главного зрителя.

– Беги туда! – велел он, открывая коробочку. – Скажи, что ты от меня и что дело крайне срочное, понял? Пусть передадут в Псевдополис-Ярд, что я двинулся отсюда. Я перейду реку по мосту Незаконнорожденных и побегу вдоль Праутс! Дежурные в Ярде поймут, что это значит. Пошел!

Бесенок за одно мгновение перешел от отчаяния к энтузиазму.

– Есть, сэр. Встроенная функция передачи сообщений не подведет тебя, Введи-Свое-Имя. Сейчас установлю связь!

Он выпрыгнул и превратился в исчезающее вдали зеленое облачко.

Ваймс побежал к докам и помчался по набережной, мимо кораблей. В доках всегда было слишком людно, они представляли собой сплошное препятствие: кипы товаров, веревки, груды ящиков, перепалки через каждые десять шагов. Но Ваймс был бегуном от природы и прекрасно умел пробираться по забитым городским улицам. Он пригибался и прыгал, увертывался и уклонялся, а при необходимости – толкал. Он споткнулся о канат, перекатился и вскочил; в него врезался грузчик, но Ваймс уложил его апперкотом и прибавил шагу, на тот случай, если у грузчика поблизости были приятели.

Шесть часов – это очень важно...

Из-за угла Обезьяньей улицы показалась сверкающая карета четверней, с двумя лакеями на запятках. Ваймс набрал скорость, сделал отчаянный рывок, схватился за ручку, втиснулся между ошеломленными лакеями, прополз по колыхающейся крыше и плюхнулся на сиденье рядом с юным кучером.

– Городская Стража! – объявил он, показывая значок. – Езжай прямо!

– Но мне надо свернуть на... – начал молодой человек.

– И подстегни-ка лошадей, пожалуйста, – перебил Ваймс, не обращая внимания. – У меня срочное дело!

– А, ладно! Настоящая смертельная погоня! – воскликнул кучер, вдруг исполнившись энтузиазма. – Супер! Вот это мне по душе! Знаете, а я могу сделать так, чтоб карета пятьдесят метров проехала на двух колесах. Только старая мисс Робинсон не позволяет. На правых колесах или на левых, сэр, как вам будет угодно! Хэйя!.. Хэйя!..

– Слушай, мне надо только... – начал Ваймс, когда над головой кучера

засвистел кнут.

– Непросто заставить лошадей бежать на двух ногах. Тогда они не столько бегут, сколько прыгают, – продолжал кучер, развернув кепи козырьком назад для пущей обтекаемости. – Эй, хотите, я поставлю карету на бок?

– Нет, – ответил Ваймс, глядя вперед.

– Искры так и посыплутся, ей-богу! Хэйя!

Все вокруг сливалось. Впереди маячил проулок, ведущий к Двухпинтовому причалу. Там стоял разводной мост...

...вот именно.

И сейчас он был разведен. Ваймс увидел мачты корабля, который выходил из дока.

– А, не бойтесь, сэр! – завопил кучер. – Мы погоним вдоль причала и прыгнем!

– Нельзя перепрыгнуть двухмачтовый корабль на четырехконной запряжке, парень!

– А вот и можно, если целить между мачт, сэр! Хэйя, хэйя!..

Люди разбежались от кареты в поисках укрытия. Лакеи, некогда стоявшие на запятках, срочно искали нового хозяина. Ваймс оттолкнул парня к стенке, схватил вожжи, уперся обеими ногами и потянул.

Колеса остановились. Лошади начали поворачивать. Карета заскользила, из-под металлических ободьев полетели искры, послышался душераздирающий скрежет. Лошади продолжали поворачивать. Летящая карета увлекла их за собой. Они вращались, как на ярмарочной карусели. Подковы оставляли отметины на булыжниках. Тогда Ваймс разжал пальцы, схватился одной рукой за низ сиденья, а другой за поручень, закрыл глаза и подождал, пока стихнет шум.

Слава всем богам, он наконец стих. Остался только нетерпеливый стук в крышу кареты изнутри. Судя по всему, кто-то стучал тростью. Недовольный старушечий голос спросил:

– Джонни? Ты снова ехал быстро, негодник?

– «Разворот контрабандиста»! – выдохнул Джонни, глядя на четверку взмыленных коней, которые теперь стояли мордами в ту сторону, откуда прискакали. – Вот это да!

Он обернулся к Ваймсу, но того уже не было.

Люди, которые тянули корабль, побросали веревки и удрали, увидев карету четверней, которая неслась на них по улице. Вход на причал был узким. Ничего не стоило вскарабкаться по канату на палубу, бегом пересечь корабль и спрыгнуть на мостовую с другой стороны.

И Ваймс только что это проделал.

Набрав скорость, он понял, что на мосту Незаконнорожденных ему придется нелегко. Перегруженная сеновозка застряла между шатких домиков, наполовину снесла кому-то верхний этаж и растеряла в процессе часть груза. Между возчиком и незадачливым владельцем только что возникшего бунгало завязалась потасовка. Ваймс терял ценные секунды, прокладывая себе дорогу сквозь сено, и наконец оказался в гуще транспорта, скопившегося на спуске с моста. Впереди расстилалась широкая улица, известная под названием Праутс, полная телег и экипажей и ведущая все время в гору.

Ваймс понял, что не успеет. Было уже без пяти шесть. Он представил себе маленькое личико...

– Мистер Ваймс!

Ваймс обернулся. К нему рысцой приближалась почтовая карета. Рядом с кучером сидел Моркоу и что есть сил махал рукой.

– Лезьте на подножку, сэр! – крикнул он. – У вас мало времени!

Ваймс снова побежал и, поравнявшись с каретой, прыгнул на подножку и повис.

– Разве она не идет в Квирм? – спросил он, когда кучер поднял лошадей в галоп.

– Так точно, сэр, – ответил Моркоу. – Но я объяснил, что у нас дело чрезвычайной важности.

Ваймс уцепился покрепче. В почтовые кареты впрягали хороших лошадей. Колеса – совсем рядом с ним – превратились в мелькающие круги.

– Каким чудом вы добрались сюда так быстро? – прокричал он.

– Срезали через Аптекарский огород, сэр!

– Что? По тропинке у реки? Там ни за что не протиснется такая машина!

– Пришлось нелегко, сэр, тут вы правы. Мы поехали гораздо быстрее, когда с крыши сорвало фонари.

Ваймс наконец оценил состояние кареты. Краска с одного бока была полностью ободрана.

– Ладно! – крикнул он. – Скажи кучеру, что я, разумеется, возьму расходы на себя. Только вы зря старались, Моркоу. Парк-Лейн в это время суток забита наглухо!

– Не беспокойтесь, сэр. И на вашем месте я бы держался покрепче!

Ваймс услышал щелчок кнута. Это была *настоящая* почтовая карета. Мешкам с почтой удобства ни к чему. Он ощутил, как карета набирает

скорость.

Парк-Лейн должна была вот-вот показаться впереди. Ваймс мало что видел, потому что от ветра у него слезились глаза, но прекрасно помнил, что им предстояло преодолеть одну из великолепнейших городских пробок. В любое время суток на Парк-Лейн было тесновато, но хуже всего приходилось вечером, поскольку жители Анк-Морпорка свято полагали, что право первоочередного проезда принадлежит самому тяжелогруженному либо самому наглому. То и дело происходили небольшие столкновения, после которых оба виновника неизбежно перегораживали перекресток и слезали наземь, чтобы обсудить вопросы дорожной безопасности при помощи предметов, подвернувшихся под руку. Иными словами, почтовая карета галопом стремилась в хаос брыкающихся лошадей, спешащих пешеходов и ругающихся возчиков.

Ваймс закрыл глаза, но, услышав новый звук под колесами, осмелился вновь их открыть.

Карета на всем скаку миновала перекресток. Ваймс мельком заметил огромную очередь, которая буквально дымилась от ярости и вопила, стоя за спинами двух неподвижных стражников-троллей. А потом карета понеслась к Скун-авеню.

– Ты перекрыл дорогу? Ты перекрыл Праутс?! – перекрикивая шум ветра, заорал Ваймс.

– И Королевский проезд заодно, сэр. На всякий случай, – ответил Моркоу.

– Ты перекрыл две главных улицы? Две, черт подери, главных улицы? В час пик?

– Да, сэр, – сказал Моркоу. – Это был единственный способ.

Ваймс стоял на подножке, утратив дар речи. Посмел бы он сделать то же самое? О, это было в духе Моркоу. Налиествовала проблема – и он ее решил. Скорее всего, весь город сейчас под завязку забился груженными телегами... но это уже *следующая* проблема.

Он успеет домой вовремя. Может быть, минута опоздания не сыграет роли. И даже наверное нет, хотя у Юного Сэма оказались весьма точные внутренние часы. Возможно, даже две минуты сойдут ему с рук. Или целых три. Ну, допустим, пять. Но не больше. Сначала ты опоздаешь на пять минут, затем на десять, на полчаса, на два часа... а потом весь вечер не увидишь сына. Поэтому – точка. В шесть часов ровно, каждый день, он читал книжку Юному Сэму. Никаких отговорок. Ваймс дал себе слово. *Никаких* отговорок. Вообще никаких. Потому что вслед за благовидным предлогом появляются и неблагоприятные.

В ночных кошмарах ему снилось, что он опоздал.

Ваймсу часто снились кошмары про Юного Сэма. В них были пустая кровать и темнота.

Все шло как-то уж слишком... хорошо. Всего за несколько лет он, Сэм Ваймс, поднялся на самый верх, словно летя по воздуху. Он стал герцогом, командовал Стражей, обладал властью и женился на женщине, чьей любви, нежности и понимания, строго говоря, не заслуживал. Вдобавок он был богат как Креозот. Фортуна взирала на него благосклонно, и Ваймс огромными глотками пил из чаши бытия. Все случилось так быстро.

А потом появился Юный Сэм. Сначала жизнь шла спокойно. Юный Сэм ничем не отличался от других младенцев – болтающаяся голова, пузыри, рассеянный взгляд. Полностью на материнском попечении. Но однажды вечером сын повернулся и устремил прямо на Ваймса глаза, которые, с точки зрения счастливого отца, сияли ярче всех фонарей на свете. И тогда страх могучей волной вторгся в жизнь Сэма Ваймса. Огромная удача и неподдельная радость... все это было как-то неправильно. Разумеется, Вселенная не позволит одному-единственному человеку быть настолько счастливым. Однажды она предьявит счет. Где-то нарастала огромная темная волна. Когда она обрушится ему на голову, то сметет все. Иногда Ваймсу казалось, что он слышит ее отдаленный гул...

Выкрикивая бессвязные благодарности, он спрыгнул, как только карета замедлила ход, с трудом удержал равновесие и помчался по подъездной дорожке. Дверь открылась, едва он подбежал, разбрасывая башмаками гравий. Вилликинс держал наготове Книгу. Ваймс схватил ее и понесся по лестнице в ту самую минуту, когда в городе часы начали в разных вариантах отбивать шесть.

Сибилла была непоколебима – она считала, что брать няньку не нужно. Но Ваймс в кои-то веки тоже был непоколебим: нянька им нужна, а также помощница в загоне для породистых драконов. В конце концов, человеческие силы ограничены. Ваймс победил. Пьюрити – очень приличная девушка – только что закончила укладывать Юного Сэма в кровать, когда Ваймс, пошатываясь, вошел в детскую. Она на треть успела проделать книксен, прежде чем заметила уязвленное выражение его лица и припомнила недавнюю импровизированную лекцию о Правах Человека. Пьюрити поспешно вышла. Было очень важно, чтобы Ваймс остался с сыном наедине. Эта минута целиком и полностью принадлежала двум Сэмам.

Юный Сэм подтянулся, держась за перила кровати, и сказал:

– Па!

Мир стал таким нежным.

Ваймс погладил сына по голове. Ей-богу, забавно. Целый день он орал, ругался и вопил... но здесь, в тихой комнате, где пахло (спасибо Пьюрити) мылом, Ваймс не знал, что сказать. Он буквально немел в присутствии ребенка четырнадцати месяцев от роду. Все, что он мог придумать, например «А кто тут папочкин любимый мальчик?», звучало чертовски фальшиво, как будто он брал фразы из книжки. Ему нечего было сказать – впрочем, в этой пастельной комнате ничего и не нужно было говорить.

Из-под кровати послышалось ворчание. Там дремал дракон по кличке Слюня. Дряхлый, потухший, с обтрепанными крыльями, беззубый, он каждый день карабкался вверх по лестнице и занимал пост под кроватью. Никто не знал, зачем. Во сне Слюня издавал легкий свист.

Счастливая тишина, окутавшая Ваймса, не могла длиться долго. Предстояло читать Книгу с Картинками. В этом и заключался смысл *шести часов*.

Ваймс читал одну и ту же книгу каждый день. Ее углы были круглыми и мягкими в тех местах, где Юный Сэм их пожевал, но, по крайней мере, один человек в детской считал ее Книгой Книг, величайшей историей из всех когда-либо существовавших на свете. Ваймс уже не нуждался в том, чтобы смотреть на страницу. Он знал текст наизусть.

Книжка называлась «Где моя коровка?».

Безымянный истец потерял корову. Собственно, в этом и заключался сюжет.

Первая страница начиналась многообещающе:

Где моя коровка?
Ты моя коровка?
– Бе-е-е!
Это же овечка!
Это не коровка!

Затем автор вступал в борьбу с неподатливым материалом.

Где моя коровка?
Ты моя коровка?
– Иго-го!
Это же лошадка!
Это не коровка!

Наконец поэт, в муках творчества, исторгал вопль из глубин своей измученной души:

Где моя коровка?
Ты моя коровка?
– Урр-ргх!
Это бегемотик!
Это не коровка!

Юный Сэм широко улыбался и радовался поворотам сюжета.

В конце концов корова находилась. Ничего не скажешь, увлекательное чтение. Разумеется, до некоторой степени читателя удерживали в напряжении картинки (хотя они могли сбить с толку разве что котенка, воспитанного в темной комнате). Лошадь стояла перед вешалкой для шляп, как это часто случается в жизни, а бегемот ел из колоды, к которой были прислонены вилы. Если посмотреть с определенного ракурса, то на секунду его и впрямь можно было принять за корову...

Впрочем, Юному Сэму нравилось. Наверное, ни одну книгу на свете не обнимали так часто, как эту.

Тем не менее кое-что не давало покоя Ваймсу, хотя ему отлично удавались разные животные звуки, а в отношении «урр-ргх» он мог заткнуть за пояс любого. Зачем эта книжка городскому ребенку? Где он услышит блеяние и мычание? Единственный звук, который издают животные в городе, – это шипение мяса на сковородке. Но создатели детской как будто участвовали в тайном сговоре: везде, куда ни глянь, были ягнята, мишки и пушистые утята.

Однажды вечером, после трудного дня, Ваймс озвучил сыну уличную версию:

Где мой папаша?
Это мой папаша?
– Черт подери! Десница тысячелетия
и моллюск!
Это Старикашка Рон!
Это не папаша!

Все шло хорошо, пока Ваймс не услышал многозначительное покашливание из дверного проема, где стояла Сибилла. На следующий день Юный Сэм, влекомый безошибочным младенческим инстинктом, сказал Пьюрити: «Челт!» Ваймсу пришлось поставить точку, хотя Сибилла никогда об этом не упоминала, даже наедине. Отныне Сэм ревностно придерживался каноничной версии.

Сегодня, пока он читал книгу, дождь стучал по окнам, и маленький мирок детской, такой спокойный, розово-голубой, полный мягких, пушистых, мохнатых созданий, как будто обволакивал их обоих. На часах маленький курчавый ягненок отсчитывал секунды.

...В сумерках, в полусне, ощущая в сознании странные обрывки темных снов, Ваймс непонимающе уставился в пустоту. Его наполняла паника. Где он? Откуда здесь все эти ухмыляющиеся животные? Что лежит у него на ноге? Кто задает вопросы и почему он укутан синей шалью с уточками?

Слава всем богам, он тут же припомнил. Юный Сэм спал, сжимая шлем Ваймса, словно плюшевого мишку, а Слюня, любитель теплых местечек, лежал, опустив голову на башмак Ваймса. Верх уже был покрыт слизью.

Ваймс осторожно вытащил шлем, подобрал шаль и спустился в прихожую. Увидев свет в библиотеке, он, все еще слегка сбитый с толку, толкнул дверь.

Двое стражников встали. Сибилла, сидевшая у огня, повернулась в кресле. Ваймс почувствовал, как шаль с уточками медленно сползает с плеч, чтобы кучкой свалиться на пол.

– Я решила тебя не будить, Сэм, – сказала леди Сибилла. – Вчера ты вернулся только в три часа ночи.

– Все работают по две смены, дорогая, – ответил Сэм, взглядом намекая Моркоу и Салли, что с ними будет, если они кому-нибудь проболтаются, что видели шефа в синей шали с уточками. – Я должен подавать пример.

– Несомненно, у тебя благие намерения, Сэм, но выглядишь ты скорее как зловещее предупреждение, – сказала Сибилла. – Когда ты ел в последний раз?

– Я съел сэндвич с салатом, помидорами и беконом, дорогая, – ответил Ваймс, стараясь интонацией подчеркнуть, что бекон был скорее приправой и отнюдь не представлял собой кусище, едва уместившийся под хлебом.

– Да уж, не сомневаюсь, – сказала Сибилла, безошибочно доведя до сведения супруга, что она не поверила ни единому слову. – Капитан

Моркоу хочет что-то тебе сказать. Сядь, а я посмотрю, как там ужин.

Когда Сибилла скрылась в направлении кухни, Ваймс повернулся к стражникам и ненадолго задумался, не изобразить ли глуповатую улыбку, которая в сочетании с закатыванием глаз переводится с мужского языка как: «Ох уж эти женщины». Впрочем, Ваймс решил этого не делать, поскольку младший констебль Хампеддинг сочла бы его идиотом, а капитан Моркоу попросту бы не понял.

Вместо этого Ваймс сказал:

– Ну?

– Мы старались как могли, сэра, – ответил Моркоу. – Я был прав. Эта шахта – несчастливое место.

– Как и всякое место преступления, пожалуй.

– На самом деле я сомневаюсь, что мы нашли место преступления, сэра.

– Вы разве не видели тело?

– Видели, сэра. Я так думаю. Честное слово, сэра, вам лучше сходить туда...

– Я не выдержу, – прошипела Ангва, шагая по Паточной улице.

– В чем дело? – спросил Моркоу. Ангва ткнула пальцем через плечо.

– В ней! Вампир не компания вервольфу!

– Но у Салли же Черная ленточка, – сдержанно возразил Моркоу. – Она не...

– Ей необязательно что-либо *делать*! Она вампир, и точка! Присутствие вампира гарантирует любому вервольфу чертовски скверный день! И уж поверь мне, вервольф знает, что такое *по-настоящему* скверный день!

– Это из-за запаха? – спросил Моркоу.

– В том числе, но проблема не только в запахе. Вампиры такие... спокойные. Безупречные. Я подхожу к ней... и у меня шерсть дыбом встает. Ничего не могу поделать, это тысячелетний инстинкт! Проблема в том, *какие* они. Сдержанные, властные... а вервольфы – всего лишь грязные животные. Недособаки.

– Неправда. Многие вампиры-абстиненты – полные неврастеники, а ты такая сдержанная и...

– *Нет*, когда рядом вампиры! Они действуют мне на нервы! Послушай, перестань искать в этом логику! Ненавижу, когда ты ищешь во мне логику. Почему мистер Ваймс не отказался?.. Ладно, ладно, я сильнее обстоятельств. Но это нелегко. Вот и все.

– Ей наверняка тоже непросто... – начал Моркоу.

Ангва посмотрела на него. «Это Моркоу, – подумала она. – Он действительно так считает. Он не понимает, что порой сказать нечто подобное сродни оскорблению. Ей тоже тяжело? А мне хоть когда-нибудь было легко? По крайней мере, Салли не приходится прятать одежду в тайниках по всему городу! Конечно, превращаться в летучую мышь неприятно, но мы-то, хочешь не хочешь, превращаемся каждый месяц! И разве я хоть раз кому-нибудь перегрызла горло? Я охочусь на цыплят! И плачу за них вперед! У вампиров вообще бывает ПЛС?^[9] Сомневаюсь! Ох, боги, луна уже давно миновала первую четверть! Я буквально чувствую, как у меня растет шерсть. Проклятые вампиры! Они поднимают столько шума вокруг того, что они, черт подери, больше не сосут кровь! Им достается все сочувствие! Даже Моркоу им симпатизирует!»

Эти мысли промелькнули в одну секунду. Ангва сказала:

– Ладно, пошли вниз. Закончим дело и уберемся отсюда.

Возле входа по-прежнему ожидала толпа, и в ней – Отто Шрик. Заметив Моркоу, он слегка пожал плечами.

Гномы стояли на посту, но, несомненно, кто-то сказал им пару слов. Они кивнули стражникам. Один из них сам открыл дверь. Очень вежливо.

Моркоу подозвал остальных поближе.

– Все, что мы скажем, будет услышано, ясно? – сказал он. – Буквально все. Поэтому будьте осторожны. И помните – они не знают, что вы видите в темноте.

Он вошел первым – туда, где стоял Мудрошлем, улыбочивый и нервный.

– Приветствую тебя, Головостук, – сказал гном.

– Э... если уж мы говорим на морпоркском, зови меня «капитан Моркоу».

– Как тебе угодно, нюхач, – ответил гном. – Подъемник ждет.

Во время спуска Моркоу спросил:

– Как он движется?

– Это все Устройства, – ответил Мудрошлем. Гордость победила волнение.

– Правда? И какие?

– Вал и Регулятор.

– Регулятор? Я о нем только слышал.

– Нам повезло. Я охотно вам покажу. Они просто незаменимы, когда готовишь еду, – болтал Мудрошлем. – А еще внизу у нас кубы разной мощности. От нюхача ничего нельзя скрывать. Мне велено показать тебе все, что ты пожелаешь увидеть, и рассказать все, что ты захочешь знать.

– Спасибо, – сказал Моркоу, и тут подъемник остановился в темноте, усеянной пятнышками света. – Насколько масштабны ваши работы?

– Этого я не могу сказать, – быстро ответил Мудрошлем. – Я не знаю. А вот и Пламен. Мне нужно вернуться наверх...

– Нет, Мудрошлем, останься с нами, пожалуйста, – произнесла тень во мраке. – Тебе тоже стоит это видеть. Добрый день, капитан Моркоу, и вы, дамы... – Ангва уловила легкое отвлечение в голосе. – Пожалуйста, следуйте за мной. Прошу прощения за недостаток света. Надеюсь, ваши глаза привыкнут. Я охотно опишу вам любой предмет, которого вы коснетесь. А теперь давайте пройдем туда, где случилось это злополучное... недоразумение.

Ангва огляделась, когда их вели по коридору. Она заметила, что Моркоу вынужден был идти, слегка сгибая колени. «Головостук? Ну надо же. Ты почему-то никогда об этом не упоминал!»

Примерно каждые десять метров Пламен останавливался перед круглой дверью, неизбежно окруженной вурмами, и поворачивал колесо. Дверь со скрипом открывалась – открывалась неохотно, давая понять, какая она тяжелая. Там и сям в туннелях виднелись разные... штуки, всякие приспособления, которые свешивались со стен и явно имели какое-то назначение. Вокруг кишели вурмы. Ангва понятия не имела, для чего эти штуки нужны, но Моркоу смотрел на них с энтузиазмом и восторгом, как школьник.

– Водолазный колокол! Непромокаемые сапоги! Мистер Пламен! Я о них только слышал!

– Если не ошибаюсь, капитан, вы выросли в Медянке, где сплошь скала. Копать здесь, на сырой равнине, – все равно что вести шахту в море.

– Эти железные двери водонепроницаемые?

– О да. И воздухопроницаемые.

– Поразительно! Я охотно побываю здесь еще разок, когда окончится это досадное разбирательство. Настоящая гномья шахта под городом! Трудно поверить!

– Несомненно, мы сумеем договориться о визите, капитан.

Моркоу за работой. Такой невинный, дружелюбный... глупый, как щенок. А потом он внезапно превращался в стальную плиту, в которую ты врезался с разбегу. Судя по запаху, Салли с интересом наблюдала за капитаном.

«Будь благоразумной, – внушала себе Ангва. – Не поддавайся на вампирьи штуки. Не верь, что ты глупая и неуклюжая. У тебя есть мозги».

Здесь, в темноте, можно было сойти с ума. Ангва поняла, что проще закрыть глаза. Если ничто ее не отвлекало, под землей нос работал лучше. Темнота помогала сосредоточиться. Ангва шла вперед с закрытыми глазами, и в сознании танцевали пятна цвета. Впрочем, если бы не запах Салли, она бы учуяла гораздо больше. Но проклятая вампирья вонь отравляла все вокруг. «Держись, не начинай об этом думать, не позволяй себе об этом думать, держись, ты неправа...»

В углу следующего помещения, довольно просторного, на полу виднелись какие-то слабые очертания. Они походили на контур. Меловой контур.

Сияющий меловой контур.

– Насколько я понимаю, таков признанный полицейский метод? – спросил Пламен. – Это так называемый ночной мел, капитан. Сделан из давленных вурмов. Продолжает светиться примерно сутки. На полу вы увидите – или, скорее, нащупаете – дубину, которая нанесла смертельный удар. Прямо у вас под рукой, капитан. На ней кровь. Прошу прощения, что так темно, но вурмов мы отсюда убрали. Иначе, сами понимаете, они бы воспользовались.

Ангва видела Моркоу – силуэт, обрисованный неизменным запахом мыла. Чувствовала, как он идет через зал и касается очередной железной двери.

– Что там, сэр? – спросил Моркоу, постучав по ней.

– Она ведет во внешние помещения.

– Дверь была открыта, когда тролль напал на грага?

«Ты правда веришь, что это сделал тролль?» – удивилась Ангва.

– Да, – ответил Пламен.

– Тогда, пожалуйста, откройте ее.

– Я не могу исполнить вашу просьбу, капитан.

– Это не просьба, сэр. А когда дверь откроют, я желаю знать, кто находился в шахте в то самое время, когда сюда вломился тролль. Мне нужно поговорить с ними и с теми, кто обнаружил труп. *Хара'г д'каргра.*

Запах Пламена изменился. Гном, защищенный несколькими слоями брони, вдруг заколебался. Оказавшись в эпицентре неприятностей, он медлил несколько секунд, прежде чем ответить.

– Я... постараюсь выполнить твою про... твоё требование, нюхач, – сказал он. – Но сейчас я вас оставляю. Идем, Мудрошлем.

– *Грз дава'дж?* – спросил Моркоу. – *К'закра'д? Д'дж х'рагна ра'дж!*

Пламен шагнул вперед, еще более неуверенно, и протянул обе руки ладонями вниз. На мгновение, пока рукава не скользнули на запястья,

Ангва увидела на правом слабо светившийся знак. У каждого глубинного гнома есть драхт – своего рода удостоверение личности в мире капюшонов и шлемов. Она слышала, что драхты наносят, делая татуировку кровью вурмов. Наверное, это больно.

Моркоу взял Пламена за руки и тут же отпустил.

– Спасибо, – сказал он, как будто до тех пор ни слова не говорил погноми. Пламен и Мудрошлем заспешили прочь.

– И что это было? – поинтересовалась Ангва.

– Я его убедил, – бодро ответил Моркоу.

Он полез в карман.

– Ну, раз уж мы здесь, давайте осветим помещение.

Ангва почувяла, как его рука энергично взмахнула несколько раз, как будто Моркоу красил стену. Запахло... пирогом со свининой?

– Сейчас будет светлее, – пообещал капитан.

– Капитан Моркоу, это не... – начала Салли.

– Всему свое время, младший констебль, – твердо перебил Моркоу. –

Пока что мы просто осмотримся.

– Но я должна сказать...

– Позже, младший констебль, – Моркоу чуть повысил голос.

Вурмы кишели вокруг открытой двери, через которую вошли стражники, и на каменной кладке.

– Кстати... э... Салли. С тобой все будет в порядке, когда мы увидим труп?

«Да, конечно, – подумала Ангва, – заботься о ней. Мне приходится иметь дело с кровью каждый день. Походил бы ты в моей шкуре!»

– Старая кровь – не проблема, сэр, – сказала Салли. – Она тут тоже есть. Но...

– Они перенесли труп в отдельное помещение, – быстро перебил Моркоу. – Погребальные ритуалы довольно сложны.

«Ритуалы? – прорычал внутренний волк. – Да, детка, они хотят жить как дома».

Вурмы расползались, целенаправленно перемещаясь по стене.

Ангва присела, чтобы нос оказался ближе к полу. «Чую гномов. Много гномов. Троллей почувять трудно, особенно под землей. Кровь на дубине... как цветок. И гномий запах... но он тут повсюду. Я чую... погодите-ка, что-то знакомое...»

От пола пахло в основном илом и глиной. Выделялись следы Моркоу – и ее следы. Пахло гномами. Ангва по-прежнему различала запах их тревоги. Здесь они и нашли труп? Но один клочок пола чем-то отличался.

Грязь была плотно утоптана, но по-прежнему пахла как глина с Песчаниковой улицы. Кто живет на Песчаниковой улице? Большинство городских троллей.

Улика.

Ангва улыбнулась в отступающих сумерках. Как всегда говорил мистер Ваймс, проблема с уликами в том, что их очень легко подделать. Можно принести в кармане чертову прорву улик.

Темнота рассеивалась, становилось все светлее. Ангва подняла голову.

На стене, в том месте, где ее коснулся Моркоу, сиял огромный яркий знак. Моркоу провел по ней куском мясного пирога, догадалась Ангва. Вурмы сползли к еде...

Пламен вернулся, за ним следовал Мудрошлем.

Он успел сказать:

– Эту дверь можно открыть, но, к сожалению, мы...

И замолчал.

Вурмы ликовали. По своим зеленовато-белым стандартам, они сияли просто ослепительно. За спиной Моркоу светился круг, перечеркнутый двумя диагональными линиями. Оба гнома смотрели на него словно громом пораженные.

– Ну, давайте посмотрим, – сказал Моркоу, как будто ничего не замечая.

– Мы, к сожалению... вода... вода... дверь не вполне водонепроницаема... та, другая дверь... из-за тролля туннель залило... – забормотал Пламен, не сводя глаз с сияющего знака.

– Но вы же сказали, что мы, по крайней мере, можем войти? – вежливо уточнил Моркоу, указывая на запечатанную дверь.

– Э... да. Да. Конечно.

Мудрошлем заспешил к двери и извлек ключ. Колесо легко повернулось. Ангва с особой остротой заметила, как блестели и вздувались мускулы на обнаженных предплечьях Моркоу, когда тот отворил железную дверь.

О нет, нет, только не сейчас. Она рассчитывала как минимум еще на один день! Это все из-за вампирши, вот что. Из-за вампирши, которая стоит тут с невинным видом. Некоторые части тела буквально *требовали*, чтобы Ангва стала волком, здесь и сейчас, чтобы она *защищалась*...

За дверью оказался зал с колоннами, сырой и недостроенный. На потолке копошились вурмы, но пол был мокрый и хлюпал под ногами.

Ангва разглядела одну дверь в дальнем конце помещения – и другую на противоположной стене.

– Мы вывозим отвал на пустырь, – сказал Пламен. – Э... мы полагаем, что тролль прошел именно здесь. Непростительная халатность.

Он по-прежнему был встревожен.

– И тролля не заметили? – спросил Моркоу, поддевая башмаком грязь.

– Нет. Здесь работы закончены. Рабочие находились в другом месте, они спешили как могли... Мы полагаем, что граг зашел сюда в поисках уединения. Умереть от руки какой-то дряни!..

– Тролля повезло, правда? – резко спросила Ангва. – Он чисто случайно забрел сюда и сразу повстречал Бедролома.

Башмак Моркоу наткнулся на что-то металлическое. Капитан расшвырял грязь и спросил:

– Вы проложили рельсы? Должно быть, отсюда вывозят уйму земли, сэр.

– Лучше катить, чем тащить, – ответит Пламен. – А теперь я...

– Погодите-ка. Что это такое?

Моркоу сидел на корточках и указывал на что-то светлое.

– Кажется, обломок кости. На веревке.

– Здесь множество старых костей, – сказал Пламен. – А теперь...

Череп с чавканьем вылез из грязи и ухмыльнулся стражникам в тусклом свете.

– Он не такой уж старый, сэр, – заметил Моркоу.

Ангве хватило одного вдоха.

– Овечий череп, – сказала она. – Примерно трехмесячной давности.

«Еще одна улика, – добавила она мысленно. – Как это приятно и удобно, что мы его нашли».

– Вероятно, череп уронил тролль, – сказал Моркоу.

– Тролля? – Пламен попятился.

Ангва не ожидала такой реакции. Пламен давно нервничал, но теперь под многочисленными слоями одежд бурлила настоящая паника.

– Вы ведь сказали, что тролль напал на грага, не так ли? – уточнил Моркоу.

– Но мы никогда... мы раньше не видели этот череп! Почему мы его не нашли? Неужели тролль вернулся?

– Все двери заперты, сэр, – терпеливо сказал Моркоу. – Ведь так?

– Значит, мы заперли тролля вместе с собой?!

Пламен почти кричал.

– О, вы бы его непременно заметили, сэр, – сказал Моркоу. – Тролля трудно не заметить.

– Я должен позвать стражу! – Пламен попятился к единственной

открытой двери. – Он может быть где угодно!

– Тогда, возможно, вы направляетесь прямо ему навстречу, сэр, – заметила Ангва.

Пламен на мгновение замер, потом всхлипнул и бегом бросился в темноту. Мудрошлем последовал за ним.

– И что это было? – с недоброй улыбкой спросила Ангва. – Что ты сказал по-гномьи? «Ты знаешь, что во всемирном братстве гномов я – гном?»

– Э... «с абсолютной уверенностью я заявляю, что ты меня знаешь. Я соблюдаю ритуалы гномов. Кто/что я? Я говорю от лица братства», – осторожно произнесла Салли.

– Отлично, младший констебль! – воскликнул Моркоу. – Превосходный перевод!

– Однажды ты укусила ученого? – поинтересовалась Ангва.

– У меня Черная ленточка, сержант, – кротко ответила Салли. – И врожденная склонность к иностранным языкам. Пока мы одни, капитан, можно кое-что сказать?

– Разумеется, – ответил Моркоу, пытаясь повернуть колесо на запертой двери.

– По-моему, здесь много странного, сэр. Например, то, как Пламен отреагировал на этот череп. И с чего он взял, что тролль спустя столько времени по-прежнему здесь?

– Тролль, попавший в гномью шахту, способен причинить массу вреда, прежде чем его остановят, – сказал Моркоу.

– Пламен не ожидал обнаружить череп, сэр, – настаивала Салли. – Я слышала, как у него заколотилось сердце. Он испугался. И... еще кое-что, сэр. Поблизости много городских гномов. Десятки. Я слышу. И шесть грагов. Их сердца бьются очень медленно. Есть и другие гномы. Какие-то странные. Их меньше. Может быть, десятеро.

– Очень полезные сведения, младший констебль, большое спасибо.

– Да, я прямо не знаю, как мы до сих пор без тебя обходились, – сказала Ангва и быстро перешла в другую часть сырой комнаты, чтобы никто не видел ее лица.

Она нуждалась в свежем воздухе, а здесь царила липкая, всепроникающая, застоявшаяся вонь. Сознание так и вопило. Лига воздержания? «Больше ни капли»? Казалось бы – кто хоть на минуту способен в это поверить? Но люди ловятся на удочку, потому что вампиры чертовски обаятельные. Ну разумеется. Такова вампирья натура. Единственный способ сделать так, чтобы гость остался на ночь в старом

замке! Каждый дурак знает, что леопард не меняет своих полосок. Но нет, носи дурацкую черную ленточку и пой «Губы, покрытые пятнами крови, моих не коснутся вовеки...» – и окружающие купятся. Кто такие вервольфы? Просто чудовища. Плевать, что для тебя жизнь – ежедневная борьба с внутренним волком. Плевать, что ты усилием воли заставляешь себя проходить мимо фонарных столбов, плевать, что при каждой мелкой ссоре ты подавляешь желание покончить с оппонентом раз и навсегда одним укусом. Потому что любому известно: существо, представляющее собой помесь волка и человека, – это почти собака. От вервольфа *ожидают* примерного поведения. Внутренний голос вопил, что она неправа, что виноваты ПЛС и присутствие вампира, но теперь, когда запахи вокруг стали такими сильными, что буквально обрели осязаемость, Ангва не желала прислушиваться ни к каким голосам. Ей хотелось *нюхать* мир, она буквально жила носом. В конце концов, именно поэтому она и оказалась в Страже. Благодаря своему носу.

Новый запах, новый запах...

Резкий серо-синий запах лишайника, коричневые и лиловые тона гнилых отбросов, оттенки дерева и кожи... даже в волчьем облике она никогда еще не смаковала воздух с таким профессионализмом. Мощно пахло сыростью и гномами, но в воздухе реяли легкие нотки, похожие на звуки флейты-пикколо в реквиеме, и сливались в единое целое...

– Тролль, – прохрипела Ангва. – Тролль! Тролль с черепами на поясе и с дредами из лишайника. На «Сползе» или на чем-то похожем. Тролль! – Ангва почти лаяла, стоя у задней двери. – Откройте дверь! Сюда!

Она почти не нуждалась в глазах. Там, на железном листе, кто-то углем нарисовал кружок, пересеченный двумя диагональными линиями.

Моркоу мгновенно оказался рядом. По крайней мере, у него хватило такта удержаться от вопроса: «Ты уверена?» Он покрутил большое колесо. Дверь была заперта.

– Сомневаюсь, что за ней вода, – сказал он.

– Ох, боги, – проговорила Ангва. – Ты же понимаешь, они это придумали, чтобы не пустить нас!

Моркоу повернулся – к ним бегом направлялся целый отряд гномов. Они спешили к двери, как будто не замечая присутствия стражников.

– Не позволяй им войти первыми! – сквозь стиснутые зубы прорычала Ангва. – След... очень слабый!

Моркоу одной рукой вытащил меч, другой значок.

– Городская Стража! – загремел он. – Пожалуйста, опустите оружие. Всем спасибо!

Гномы замедлили ход. Задние неизбежно навалились кучей на передних.

– Это – место преступления! – объявил Моркоу. – А я – все еще нюхач! Мистер Пламен, вы здесь? За дверью стоят стражники?

Пламен протолкался сквозь толпу.

– Нет, думаю, что нет, – ответил он. – Тролль там?

Моркоу взглянул на Салли, и та пожала плечами. Вампиры не развили в себе способности прослушивать тролльи сердца. А зачем?..

– Возможно, но лично я сомневаюсь, – сказал Моркоу. – Пожалуйста, отоприте дверь. Вдруг мы сумеем взять след.

– Капитан Моркоу, вы знаете, что безопасность шахты стоит на первом месте, – сказал Пламен. – Разумеется, вы вправе преследовать преступника. Но сначала мы откроем дверь и удостоверимся, что за ней нет никакой опасности. Вы должны уступить.

– Пускай смотрят, – прошипела Ангва. – Запах там все равно будет сильным. Я справлюсь.

Моркоу кивнул и ответил шепотом:

– Молодчина!

Ангва почувствовала, как незримый хвост начал вилять. Ей хотелось лизнуть Моркоу в лицо. Собачья часть души давала себя знать. Ты хорошая собачка. Нужно быть хорошей собачкой...

Моркоу потянул ее в сторону, когда два гнома решительно зашагали к двери.

– Тролль давно ушел, – пробормотала Ангва, когда в затылок первым двум встали еще двое. – След оставлен самое малое двенадцать часов назад...

– Что они делают? – спросил Моркоу, как будто ни к кому не обращаясь. Первых двух гномов, как и Пламена, также защищала кожаная броня с ног до головы, но поверх вдобавок была надета кольчуга. Шлемы полностью закрывали лицо и голову, оставляя лишь прорезь для глаз. На спине у каждого был большой черный мешок, а в руках копье.

– О нет, – начал Моркоу, – только не здесь...

По команде дверь отворилась. Зазияла темнота.

Из кончиков копий вырвались длинные желтые языки пламени. Черные гномы медленно двинулись вперед. Густой вонючий дым наполнил воздух.

Ангва упала в обморок.

Темнота.

Сэм Ваймс поднимался в горку, измученный до крайнего предела.

Было тепло – теплее, чем он ожидал. От пота щипало глаза. Под ногами плескалась вода, и башмаки скользили. Впереди, на холме, рыдал ребенок.

Ваймс кричал. Он слышал собственное хриплое дыхание, чувствовал, как шевелятся губы, но не мог разобрать слова, которые повторял снова и снова. Темнота напоминала холодные чернила. Щупальца мрака цеплялись за тело и разум, заставляли замедлить шаг, тянули назад...

А потом ему навстречу ударил огонь.

Ваймс моргнул и понял, что сидит, глядя в камин. Пламя мирно потрескивало.

Послышалось шуршание платья: Сибилла вошла в комнату, села и снова взялась за штопку.

Ваймс тупо наблюдал за женой. Она штопала носки. Дом кишмя кишел прислужгой, а Сибилла штопала ему носки. У них было столько денег, что он мог покупать новую пару каждый день. Но Сибилла вбила себе в голову, что такова обязанность жены. Поэтому она штопала носки. И Сэму, как ни странно, было приятно. Жаль, что Сибилле не особенно давалось рукоделие, и в итоге он получал носки с огромными бугрящимися пятками. Но он все равно их носил и не жаловался.

– Оружие, которое стреляет огнем, – медленно произнес он.

– Да, сэр, – подтвердил Моркоу.

– У гномов есть оружие, которое стреляет огнем.

– Глубинные гномы пользуются им, чтобы взрывать карманы с рудничным газом, – объяснил Моркоу. – Я даже не ожидал увидеть эту штуку здесь!

– Если какой-нибудь сукин сын нацелит ее на меня, значит, это оружие! – сказал Ваймс. – Они что, ожидали найти под Анк-Морпорком газ?

– Сэр, если лето жаркое, горит даже река.

– Ладно, ладно, ты прав, – неохотно ответил Ваймс. – И предупреди всех. Если стражник увидит кого-нибудь на поверхности с этой дрянью, сначала он выстрелит, а потом... а потом уже не будет необходимости задавать вопросы. Ох, боги, вот чего нам только не хватало. Ты больше ничего не хочешь рассказать, капитан?

– Ну, нам все-таки показали тело Бедролома, – сказал Моркоу. – Что я могу сказать? Его можно опознать благодаря драхту на запястье. У Бедролома светлая кожа. И страшная рана на затылке. Мне *сказали*, что это Бедролом. Я не могу это доказать. Но я знаю, что он умер не там, где, по

словам гномов, произошло нападение. И не тогда.

– С чего ты взял? – спросил Ваймс.

– Кровь, сэр, – ответила Салли. – Там было бы много крови. Я видела рану. Бедролом умер раньше, чем его ударили дубиной по голове. И погиб он не в том туннеле.

Ваймс несколько раз медленно вдохнул. Плохих вестей было столько, что он предпочитал осмыслять их по одной.

– Мне тревожно, капитан, – сказал он. – И знаешь, почему? Боюсь, очень скоро меня попросят подтвердить, что в шахте есть улики, указывающие на тролля. И это, друг мой, будет равносильно объявлению войны.

– Вы сами попросили нас заняться расследованием, сэр, – сказал Моркоу.

– Да, но я ожидал, что вы вернетесь с другим результатом! Улики – сплошная липа. Ведь глину с Песчаниковой улицы *принесли* в шахту, не так ли?

– Вполне может быть. Тролли не заботятся о чистоте ног, но вряд ли возможно всю дорогу шлепать по грязи.

– И тролли не забывают свои дубины, – прорычал Ваймс. – Значит, все подстроено? А теперь оказывается, что там действительно побывал тролль! Ангва уверена?

– Абсолютно, сэр, – сказал Моркоу. – До сих пор у нас не было причин не доверять ее носу. Простите, сэр, ей пришлось выйти на свежий воздух. Она перенапряглась и вдобавок наглоталась дыма.

– Представляю себе, – сказал Ваймс.

«Черт возьми, – подумал он. – Я уже собирался сказать Ветинари, что это похоже на нелепую подделку, устроенную кем-то из своих, чтобы свалить убийство на троллей. И вдруг мы обнаруживаем, что там действительно был тролль. Вот и полагайся на улики».

Салли вежливо кашлянула.

– Пламен был потрясен и испуган, когда капитан нашел череп, сэр, – сказала она. – Он не притворялся, я уверена. Он чуть не упал в обморок от ужаса. И Мудрошлем тоже.

– Спасибо, младший констебль, – мрачно сказал Ваймс. – Наверное, я примерно так же буду себя чувствовать, когда выйду на улицу с рупором и крикну: «Эй, парни, добро пожаловать в Кумскую долину. Давайте устроим ее здесь и сейчас!»

– Сомневаюсь, что вы прямо так и выразитесь, сэр, – заметил Моркоу.

– Да-да, спасибо, что намекнул, – я, возможно, попытаюсь высказаться

деликатнее.

– И это будет как минимум шестнадцатая битва, носящая название Кумской, – продолжал Моркоу, – или семнадцатая, если считать битву в ущелье Вилинуса, которая была скорее стычкой. Лишь три битвы произошли на изначальном месте, которое обессмерчено на картине Плуто. Говорят, оно изображено очень точно. Разумеется, на работу у него ушли годы.

– Потрясающая картина, – отозвалась Сибилла, не отрываясь от штопки. – Она принадлежала моей семье, прежде чем мы пожертвовали ее в музей.

– Прогресс – удивительная штука, капитан, – сказал Ваймс, вложив в эти слова как можно больше сарказма, чтобы Моркоу уж точно его распознал. – Когда в городе стряется очередная Кумская битва, наш друг Отто сделает цветную иконографию за долю секунды. Просто прелесть. Анк-Морпорк уже давным-давно не сжигали дотла.

Нужно было немедленно действовать. Раньше он бы так и поступил. Но, возможно, стоило употребить несколько бесценных секунд на то, чтобы понять, что делать, прежде чем броситься бегом.

Ваймс пытался думать. «Не рисуй себе клубок змей. Рассматривай каждую змею в отдельности. Попробуй разобраться. Что нужно сделать сначала?»

Все.

Ладно, попробуем другой подход.

– Что значат эти знаки в шахтах? – спросил Ваймс. – Мудрошлем начертил один такой при мне. На стене он тоже был. И ты его нарисовал.

– «Подступающая Тьма», – сказал Моркоу. – Да. Он тут повсюду нацарапан.

– И что он значит?

– Страх, сэр, – немедленно ответил Моркоу. – Предупреждение о приближающихся ужасах.

– Ну, если кто-нибудь из этих мелких гаденышей появится на поверхности с огненным оружием, то ужасы ему обеспечены. Но зачем рисовать знаки на стенах?..

Моркоу кивнул.

– Это гномья шахта, сэр. Своего рода...

«...средоточие эмоций под гнетом», – подумал Ваймс, хотя ни один гном так бы не выразился. Люди сошли бы с ума, если бы им пришлось жить вот так – сгрудившись кучей, без возможности уединиться и побыть в тишине, видя одни и те же лица каждый день, из года в год. А поскольку

вокруг полно острых предметов, с потолков рано или поздно закапала бы кровь – это было бы лишь вопросом времени.

Гномы не сходят с ума. Они задумчивы, серьезны и сосредоточены на работе. Но они царапают в шахтах знаки. Это нечто вроде неофициального голосования посредством граффити. Гномы высказывают свое мнение об увиденном. В условиях шахты любая проблема быстро становится общей, стресс передается от гнома к гному со скоростью молнии. Знаки это подтверждают. Они служат отдушиной, способом выразить то, что ты чувствуешь, никого при том не оскорбив (в отличие от острых предметов).

«Подступающая Тьма». Мы с ужасом ждем того, что воспоследует. По сути, перевод гласил: покайтесь, грешники!

– Есть сотни рун, обозначающих темноту, – продолжал Моркоу. – Некоторые входят в обычный гномий лексикон, например «Долгая Тьма». Таких очень много. Но другие...

– Мистические? – подсказал Ваймс.

– Невероятно мистические, сэр. Им посвящены сотни книг. Как гномы относятся к книгам, словам и рунам... вы себе просто не представляете, сэр. Мы... они думают, что некогда весь мир был написан, сэр. Слова обладают огромной силой. Уничтожить книгу – хуже, чем убить глубинного гнома.

– Да, я в курсе, – сказал Дежурный по Доске Ваймс.

– Некоторые глубинные гномы полагают, что знаки Тьмы – настоящие.

– Да уж, если ты видишь письмена на стене... – начал Ваймс.

– Настоящие, в смысле живые, – сказал Моркоу. – Как будто они существуют где-то в темноте, в нижнем мире, и... проявляются в написанном виде. Есть «Стережущая Тьма» – это темнота, которая наполняет новый туннель. Есть «Смыкающаяся Тьма»... про нее я не знаю, но есть и «Открывающаяся Тьма». Есть «Дышащая Тьма» – редкий знак. «Призывающая Тьма», очень опасная штука. «Говорящая Тьма», «Хватающая Тьма», «Тайная Тьма»... я их видел, это нормальные знаки. Но «Подступающая Тьма» – очень плохой знак. Я слышал, как о нем говорили старые гномы. Якобы он заставляет лампы гаснуть, и это еще не самое худшее. Когда гномы начинают чертить знак «Подступающая Тьма», значит, дела очень скверные.

– Очень интересно, но...

– Гномы страшно нервничают, сэр. Напряжены до предела. Ангва это чувствует... но и я тоже чувствую, сэр. Я вырос в шахте. Если что-то не так, все это ощущают. В такие дни, сэр, мой отец обычно прекращал подземные

работы. Иначе может быть слишком много несчастных случаев. Говоря напрямик, сэр, гномы просто вне себя от тревоги. Повсюду знаки Подступающей Тьмы. Может быть, их оставили рудокопы, которых глубинные наняли, когда поселились здесь. Гномы чувствуют, что что-то неладно, но единственное, что они могут сделать, – это начертить знак.

– Ну, у них погиб верховный граг...

– Я чувствую атмосферу в шахте, сэр. Как и всякий гном. Там пахнет страхом, трепетом, чудовищным недоумением. В Глубинах есть вещи похуже Подступающей Тьмы.

Ваймс на мгновение представил мстительную темноту, которая поднимается из пещер, как волна. Быстрее любого человека...

...Как глупо. Нельзя увидеть темноту.

Подожди, подожди... иногда можно. В прежние времена, когда он постоянно дежурил по ночам, Ваймс знал все оттенки темноты. Иногда тьма бывала такой густой, что буквально приходилось сквозь нее продираться. Бывали ночи, когда лошади артачились, собаки скулили, а на бойнях скот вырывался из загонов. Совершенно необъяснимые ночи, ясные и серебристые, пусть даже на небе не было луны. Тогда-то Ваймс и приучился не зажигать фонарик. Свет лишь мешает видеть, он ослепляет. В темноту надо смотреть, пока она не моргнет первой. Ее нужно переглядеть.

– Капитан, я что-то слегка запутался, – сказал Ваймс. – Я-то не вырос в шахте. Все эти знаки появляются, потому что гномы *думают*, что скоро случится нечто плохое, и хотят уберечься, или потому что шахта *заслуживает*, чтобы случилось нечто плохое, или потому, что гномы *хотят*, чтобы случилось нечто плохое?

– Может быть и то, и другое, и третье одновременно, – вздрогнув, ответил Моркоу. – Когда в шахте дела плохи, атмосфера здорово накаляется.

– Ох, боги.

– Бывает жутко, сэр. Уж поверьте. Но никто никогда не станет чертить самый страшный знак и *желать*, чтобы случилось что-нибудь плохое. Одного рисунка, во всяком случае, недостаточно. Надо изо всех сил *хотеть*, чтобы это случилось.

– И каков же самый страшный знак?

– Вы, право, не хотите знать, сэр.

– А вот и хочу, – сказал Ваймс.

– Нет. Поверьте, вы не хотите знать. Честное слово, сэр.

Ваймс уже собирался прикрикнуть, но на мгновение остановился и задумался.

– Пожалуй... да, я, наверное, не хочу, – согласился он. – Все это – сплошная истерия и мистика. Страшные сказки. Гномы в них верят. А я – нет. Ну... и как же ты заставил вурмов расположиться в форме знака?

– Запросто, сэр. Всего лишь потер стену куском мяса. Вурмы поползли к еде. Я хотел слегка встряхнуть Пламена, чтоб он занервничал. Как вы меня учили, сэр. Я решил показать ему, что мне известно про знаки. В конце концов, я гном.

– Капитан, возможно, сейчас не время открывать тебе глаза, но...

– Да, я знаю, что люди смеются, сэр. Гном в шесть футов ростом! Но быть человеком всего лишь значит быть рожденным людьми. Это несложно. Но чтобы быть гномом, необязательно родиться в гномьей семье, хотя и желательно. Быть гномом – значит совершать определенные вещи. Некоторые ритуалы. И я их совершаю. Поэтому я и человек и гном. Глубинным довольно трудно с этим примириться...

– Снова мистика, да? – устало спросил Ваймс.

– Да, сэр. – Моркоу кашлянул.

Ваймс хорошо знал этот кашель. Он значил, что у капитана были наготове дурные вести и Моркоу сомневался, найдется ли для них место в переполненной и без того голове Ваймса.

– Валяй, капитан.

– Э... ваш малыш вернулся, – сказал Моркоу, разжимая кулак. Там сидел бесенок Груша.

– Я бежал всю дорогу, Введи-Свое-Имя! – похвалился он.

– Мы заметили, как он скакал вдоль канавы, – сказал Моркоу. – Его было не так уж трудно увидеть, потому что он светился бледно-зеленым.

Ваймс вытащил коробочку из кармана и поставил на пол. Бесенок запрыгнул внутрь.

– Вот и славно, – заявил он. – И не напоминайте мне про крыс и кошек!

– Они за тобой гонялись? Но ты же – магическое существо!

– Но они-то этого не знают! – ответил бесенок. – Так, что я хотел... ах да. Ты просил меня выяснить насчет ночных перевозок. За последние три месяца груз помойных фургонов увеличился в среднем на сорок тонн за ночь.

– Сорок тонн? Хватит, чтобы завалить большую комнату! Почему мы об этом не знали?

– А вот и знали, Введи-Свое-Имя! – сказал бесенок. – Но фургоны выезжали из всех ворот. Какой стражник обратит внимание на одну-две лишних телеги?

– Да, но каждый вечер привратники писали рапорты! Почему мы ничего не заметили?

Последовала неловкая пауза. Бесенок кашлянул.

– Э... никто не читает рапорты, Введи-Свое-Имя. Мы называем такие документы – «для галочки».

– И что, ни в чьи обязанности не входит их читать? – поинтересовался Ваймс.

Вновь воцарилась оглушительная тишина.

– Я думала, что в твои, дорогой, – сказала Сибилла, не сводя глаз с носка.

– Но у меня полно дел! – возразил Вайсмс.

– Да, дорогой. В том-то и проблема.

– Но я не могу тратить все свое время на возню с бумажками!

– Тогда найди кого-нибудь, кто этим займется, дорогой.

– Я вправе это сделать? – уточнил Ваймс.

– Да, сэр, – ответил Моркоу. – Вы главный.

Ваймс взглянул на бесенка. Тот с надеждой улыбнулся.

– Ты бы мог просмотреть бумаги на подносах...

– ...и на полу... – пробормотала Сибилла.

– ...и выбрать все важное?

– Рад помочь, Введи-Свое-Имя! Один вопрос, Введи-Свое-Имя. А что важно?

– Например, подтверждения тому, что дерьмочисты теперь вывозят из города намного больше мусора. По-моему, это чертовски важно. Тебе так не кажется?

– Не знаю, Введи-Свое-Имя, – ответил бесенок. – Лично я так не думаю. И если бы я привлек твое внимание к этому факту месяц назад, ты велел бы мне засунуть голову утке в зад.

– Ты прав, – Ваймс кивнул. – Скорее всего, велел бы. Капитан Моркоу?

– Сэр! – Моркоу сел по стойке смирно.

– Какова ситуация на улицах?

– Тролльи шайки весь день бродят по городу. Гномьи тоже. Множество гномов слоняется по Сатор-сквер, сэр, а тролли собираются на площади Ущербных Лун.

– Множество – это примерно сколько? – поинтересовался Ваймс.

– Говорят, тысячи. Разумеется, пьяные.

– То есть настроены подраться.

– Да, сэр. Достаточно пьяные, чтобы натворить глупостей, но недостаточно, чтобы упасть.

– Интересное наблюдение, капитан, – задумчиво произнес Ваймс.

– Да, сэр. Ходит слух, что они намерены начать в десять. Насколько я понимаю, сейчас идут приготовления.

– Тогда, прежде чем стемнеет, между ними окажется отряд Стражи, – сказал Ваймс. – Оповести все посты.

– Сделано, сэр, – ответил Моркоу.

– И пусть начнут строить баррикады.

– Уже, сэр.

– И собери добровольцев.

– Примерно час назад, сэр.

Ваймс помедлил.

– Я должен быть там, капитан.

– У нас достаточно людей, сэр, – сказал Моркоу.

– Но недостаточно командиров. Если Ветинари завтра спустит с меня шкуру из-за того, что в центре города случился мятеж, я не хочу говорить ему, что провел тихий вечер дома.

Он повернулся к жене.

– Прости, Сибилла.

Леди Сибилла вздохнула.

– Пожалуй, я скажу пару слов Хэвлоку по поводу твоего рабочего графика, – сказала она. – Сам знаешь, сверхурочные тебе не на пользу.

– Такая работа, милая. Извини.

– Хорошо, что я попросила кухарку налить супа во фляжку.

– Уже?

– Разумеется. Я тебя знаю, Сэм. А в сумке несколько сэндвичей. Капитан Моркоу, проследите, чтобы он съел яблоко и банан. Доктор Лоун говорит, что Сэм должен есть побольше фруктов и овощей!

Ваймс ледяным взглядом уставился на Моркоу и Салли, намекая, что первый, кто улыбнется или когда-нибудь, *хоть когда-нибудь*, сболтнет лишнее, столкнется с серьезными неприятностями.

– И, кстати говоря, кетчуп – это не овощи, – продолжала Сибилла. – Даже засохшие остатки на дне бутылки. Так. Ну и чего вы все ждете?

– Есть одна вещь, о которой я не хотел упоминать в присутствии ее светлости, – сказал Моркоу, пока они спешно шагали в Ярд. – Э... Гораций Досихпор умер, сэр.

– Кто такой Досихпор?

– Младший констебль Гораций Досихпор, сэр. Получил удар по голове вчера вечером, когда мы дежурили на митинге. Когда случилось... э...

волнение. Его отправили в Бесплатную больницу.

– Ох, боги, – сказал Ваймс. – А как будто прошла уже неделя. Он ведь прослужил в Страже всего пару месяцев!

– В больнице сказали, у него отключился мозг, сэр. Не сомневаюсь, они сделали все что могли.

«А мы? – подумал Ваймс. – Но ведь свалка была жуткая, и булыжник прилетел как будто из ниоткуда. Он мог бы попасть в меня или в Моркоу. Но попал в этого парнишку. Что я скажу его родителям? Убит при исполнении служебного долга? А кто сказал, что его долг – мешать одной кучке идиотов поубивать другую? Ситуация вышла из-под контроля. Нас слишком мало. А теперь стало еще меньше».

– Я поговорю с его родителями зав... – начал Ваймс, и тут наконец его осенило. – Э... кажется, у него брат служит в Страже?

– Да, сэр, – ответил Моркоу. – Младший констебль Гектор Досихпор, сэр. Они вместе завербовались. Он сейчас на Читлинг-стрит.

– Тогда разыщи сержанта и скажи, чтобы тот не выпускал Гектора сегодня на улицу, слышишь? Пусть познакомится со всеми прелестями бумажной работы. По возможности, сидя в погребе. В крепком шлеме.

– Понятно, сэр, – сказал Моркоу.

– Как там Ангва?

– Думаю, все будет в порядке, как только она отлежится, сэр. В шахте ей пришлось нелегко.

– Мне очень, очень жаль... – начала Салли.

– Вы не виноваты, младший констебль... Салли, – сказал Ваймс. – Это моя вина. Я знаю, что вампиры и вервольфы не ладят, но я нуждался в вас обеих. Поэтому я и принял такое решение. Предлагаю тебе взять отгул на вечер. Да, это приказ. Для первого дня ты неплохо потрудились. Ступай. Поосторожней там... и вообще.

Они проводили девушку взглядом, прежде чем отправиться дальше.

– Она отлично работает, сэр, – сказал Моркоу. – Быстро учится.

– Да, очень. Видимо, она и впрямь будет нам полезна, – задумчиво произнес Ваймс. – Тебе ничего не кажется странным, капитан? Салли появилась именно тогда, когда мы в ней нуждались.

– Она уже прожила в Анк-Морпорке пару месяцев, – заметил Моркоу. – И Лига за нее ручается.

– Пара месяцев... примерно столько же здесь провел и Бедролом. Если тебе нужно что-нибудь выяснить, вступить в Стражу – не худший вариант. Мы официально имеем право всюду совать нос.

– Сэр, не думаете же вы...

– Нет, я не сомневаюсь, что у нее Черная ленточка, но вряд ли вампир потащится сюда из Убервальда лишь затем, чтобы играть на виолончели. И все-таки, как ты и сказал, Салли неплохо справляется... – Ваймс некоторое время смотрел в никуда, а затем задумчиво произнес: – Если не ошибаюсь, кто-то из наших добровольцев служит в клик-фирме?

– Энди Хэнкок, сэр, – сказал Моркоу.

– Ох, боги. Энди Два Меча?

– Так точно, сэр. Очень ловкий парень.

– Да, я видел рапорт. Обычно тренировочных чучел хватает не на один месяц, капитан. А он изрубил три штуки за полчаса!

– Он сейчас наверняка в Ярде, сэр. Хотите с ним поговорить?

– Нет. Ты сам с ним поговоришь.

Ваймс понизил голос. Моркоу тоже. Они зашептались. Потом Моркоу спросил:

– Это полностью законно, сэр?

– Понятия не имею. Вот и выясним. Кстати, этого разговора не было, капитан.

– Ясно, сэр.

«Ох, боги, было намного лучше, когда мы вчетвером вышли против того чертова дракона, – думал Ваймс на ходу. – Конечно, несколько раз мы чуть не сгорели заживо, но, по крайней мере, все было ясно. Чертов огромный дракон, и точка. Мы видели, как он приближается. И никакой политики...»

Начался назойливый дождь, когда они наконец добрались до Псевдополис-Ярда. Ваймс, хоть и с крайней неохотой, отдал должное Моркоу. Капитан умел организовывать. Ярд так и кипел. Из ворот старой лимонадной фабрики выезжали подводы, груженные черно-желтыми материалами для сооружения баррикад. Отовсюду сходились стражники.

– Я постарался, сэр, – сказал Моркоу. – Я подумал, что это очень важно.

– Молодчина, капитан, – сказал Ваймс. Они стояли как острова на реке. – Но, подозреваю, по части перспективного планирования ты кое-что упустил...

– Правда, сэр? А я думал, что обо всем позаботился... – Моркоу явно был озадачен.

Ваймс похлопал его по плечу.

– Боюсь, об этом ты позабыл, – сказал он.

И добавил мысленно: «Потому что ты, капитан, лучше меня».

Бесцельно и озадаченно тролль бродил по миру...

Голова у Кирпича страшно гудела. Чесслово, он не хотел. Просто попал в дурную компанию. Вообще, он часто попадал в дурную компанию, хоть иногда и приходилось целый день ее искать, потому что Кирпич был страшный неудачник. Тролль без клана и без шайки, которого даже сородичи считают твердолобым, вынужден присоединяться к любой дурной компании, какую только удастся найти. И вот Кирпич повстречал Полного Шлака, Жесткача и Большого Мрамора, и проще было, ета, связаться с ними, чем отказать, а потом они сошлись еще с другими троллями, а потом...

«Расслабься, парень», – думал он, трусая вслед за ними и подтягивая клановую песню (Кирпич отставал на полтакта, потому что не знал слов). Да, да, оказаться в самой гуще толпы троллей не значит «залечь на дно», ета, что правда, то правда. Но Полный Шлак, ета, сказал, что Стража ищет тролля, который побывал в той шахте. Ведь так? И, если подумать, ета, то лучше всего троллю затеряться в большой толпе, потому что Стража, ета, будет лазать по подвалам, где тысяч плохие тролли. Она не станет искать здесь. А если вдруг станет и если какой-нибудь стражник ткнет в него пальцем, то ведь братья-тролли, ета, его выручат. Дык.

Насчет последнего Кирпич в глубине души был не очень уверен. Отрицательный IQ, полное отсутствие уличного авторитета, а главное, неистребимое желание нюхать, сосать, глотать и жевать все, от чего начинал искриться мозг, привели к тому, что Кирпича отвергла даже банда «Как-ее-там-с-Десятой-Яичной-Улицы» – по слухам, такая отстойная, что в ее состав входил кусок бетона на веревке. Никто и никогда даже не думал о Кирпиче. Но все-таки здесь и сейчас, ета, все тролли были братья – и только они во всем городе чего-то стоили.

Он толкнул локтем соседа – украшенный ожерельем из черепов, множеством граффити и лишайниками, тот воинственно шагал рядом, волоча огромную дубину.

– Я тя уважаю, брат! – сказал Кирпич, сжимая тощий кулачишко.

– Иди, ета, к гхангу, кусок копролита, – буркнул тролль.

– Дык! – отозвался Кирпич.

Кабинет был набит битком, но Ваймс, прокладывая себе дорогу тычками и окриками, пробрался к столу дежурного. Шелли выдерживала настоящую осаду.

– Все не так страшно, как кажется, сэр! – крикнула она, перекрывая шум. – Детрит и констебль Сланец сейчас в Чаме, и с ними три голема.

Стражники выстраиваются в линию. Обе толпы слишком заняты тем, что взвинчивают себя до нужного состояния!

– Отличная работа, сержант.

Шелли подалась вперед и понизила голос. Ваймсу пришлось уцепиться за стол, чтобы толпа его не унесла.

– Фред Колон записывает добровольцев на старой лимонадной фабрике, сэр. А еще вас искал мистер де Словв из «Таймс».

– Прости, сержант, не расслышал, – громко сказал Ваймс. – На лимонадной фабрике, говоришь? Отлично.

Он развернулся и чуть не врезался в мистера Э. И. Пессимала, державшего в руках аккуратный блокнот.

– А, ваша светлость. Я бы хотел обсудить с вами некоторые нюансы, – произнес инспектор с ослепительной улыбкой.

У Ваймса отвисла челюсть.

– Думаете, сейчас подходящее время? – поинтересовался он, когда его толкнул констебль, тащивший охапку мечей.

– Э... да, я обнаружил ряд финансовых и организационных проблем, – спокойно ответил Э. И. Пессимал. – На мой взгляд, крайне необходимо уяснить...

Ваймс, со зловещей улыбкой, схватил инспектора за плечо.

– Да! Конечно! Именно! – воскликнул он. – Дорогой мой мистер Пессимал, и о чем я только думал? Вы, несомненно, сейчас уясните все. Пожалуйста, идите со мной.

Он почти выволок ошеломленного инспектора через заднюю дверь, приподнял, чтобы избежать столкновения с груженной телегой, провел через переполненный двор и втащил на старую лимонадную фабрику, где снаряжались добровольцы.

Теоретически это было городское ополчение, но, как выразился Фред Колон, «пусть лучше они торчат у нас, чем болтаются по городу». Добровольцы исполняли обязанности стражников при крайней необходимости, поскольку вступить в Стражу официально им, как правило, мешали рост, профессия, возраст, а иногда – состояние мозга.

Большинство профессиональных констеблей не любили волонтеров, но Ваймс недавно пришел к мысли, что, когда приходится налегать на колесо изо всех сил, приятнее делать это бок о бок с другими горожанами. И заодно можно поучить их правильно держать меч, иначе рука, которую они неуклюже отсекут, окажется твоей.

Ваймс проталкивал Э. И. Пессимала через скопление тел, пока не добрался до Фреда Колона, который раздавал шлемы (которые были всем

велики или малы ровно на один размер).

– Новый боец, Фред, – громко сказал Ваймс. – Мистер Э. И. Пессимал. Просто Э.И., если однажды он заведет друзей. Правительственный инспектор. Снаряди его как положено и не забудь большой щит. Э. И. хочет исследовать работу Стражи изнутри, поэтому он добровольно вызвался постоять с нами на баррикаде в качестве резерва.

Поверх головы Э. И. Пессимала командор подмигнул Фреду.

– А... ну да, – ответил Фред, и его лицо в мерцающем свете фонарей озарилось невинной улыбкой человека, который намерен превратить жизнь ближнего в сущий ад. Он подался вперед, через складной столик.

– Умеешь владеть мечом, констебль Пессимал? – спросил он, нахлобучивая на голову инспектора шлем, который тут же перевернулся задом наперед.

– Честно говоря, я не вполне... – начал тот, но тут Фред притащил волоком старый-престарый меч, а следом – тяжелую дубинку.

– А щит? Умеешь обращаться со щитом? – поинтересовался он, вручая его Пессималу.

– Признаться, я не имел в виду... – Инспектор попытался удержать одновременно меч и дубинку и уронил и то и другое. Кое-как ухватив меч, дубинку и щит, он выронил все три предмета.

– Можешь пробежать сто метров за десять секунд? В полном доспехе? – продолжал Фред. Рваная кольчуга медленно сползла со стола, как клубок змей, и приземлилась на сверкающие ботиночки Э. И. Пессимала.

– Э... сомневаюсь...

– Умеешь стоять недвижно и справлять нужду очень быстро? – крикнул Фред. – Ну да ладно. Скоро научишься.

Ваймс развернул Пессимала к себе, взял тридцатипятифунтовую ржавую кольчугу и сунул ему в руки. Инспектор сложился пополам.

– Я познакомлю вас с некоторыми из ваших сограждан, которые сегодня будут сражаться бок о бок с вами, – сказал он, пока Пессимал ковылял следом. – Это Вилликинс, мой дворецкий. Сегодня никаких заточенных монет в шляпе, да, Вилликинс?

– Да, сэр, – ответит тот, глядя на согнувшегося Э. И. Пессимала.

– Приятно слышать. Это констебль Пессимал. – И Ваймс подмигнул.

– Рад познакомиться, констебль, сэр, – торжественно сказал Вилликинс. – Теперь, когда вы, сэр, с нами, я уверен, что негодяи немедленно разбегутся. Сэру когда-нибудь доводилось выходить один на один с троллем? Нет? Тогда небольшой совет, сэр. Самое главное –

оказаться прямо перед ним и увернуться от первого удара. Тролли всегда забывают о защите. Тогда вы, сэр, можете шагнуть вперед и наметить место для удара по вашему, сэр, усмотрению.

– Э... а что, если... если я *не* окажусь прямо перед ним, когда он попытается меня ударить? – спросил Э. И. Пессимал, загипнотизированный словами Вилликинса, и снова уронил меч. – Что, если он зайдет сзади?

– Тогда, боюсь, сэр, придется вернуться на исходную и начать все сначала.

– Э... и что для этого надо сделать?

– Как правило, родиться на свет, сэр, – Вилликинс покачал головой.

Ваймс кивнул дворецкому и повел трепещущего Пессимала через шумную толпу. Шел дождь, поднимался туман, факелы мерцали...

– Вечер добрый, сэр, – произнес бодрый голос.

Да, да, это был доброволец Хэнкок, дружелюбного вида бородач с добродушной улыбкой и таким количеством холодного оружия, что Ваймсу всякий раз становилось не по себе. В том-то и заключалась проблема. Порой добровольцы втягивались всерьез. Они приносили собственное оружие, которое неизменно оказывалось лучше, чем запасы Стражи. Некоторые бряцали на ходу громче гномов. У них появлялись патентованные наручники, складные дубинки, особо мягкие подшлемники, пишущие под водой карандаши – а констебль Хэнкок, например, носил за спиной два агатянских меча. Они производили неизгладимое впечатление на тех, кто осмеливался заглянуть на тренировочную площадку, когда Хэнкок там упражнялся. Ваймс слышал, что агатянский ниндзя способен побрить муху на лету и сделать ей модную стрижку, но от этого ему ничуть не становилось легче.

– Привет... Энди, – сказал он. – Я думаю...

– Капитан Моркоу кое-что мне шепнул, – доброволец Хэнкок многозначительно подмигнул. – Положитесь на меня!

– Несомненно, – ответил Ваймс, которому до боли хотелось намекнуть, что, возможно, одного меча вполне достаточно. – Э... против нас будут тролли. По крайней мере, сначала. Не забывай, что вокруг – свои, ладно? Помнишь констебля Пиггля?

– Зато какой получился ровный срез, сэр, – сказал Хэнкок. – Игорь сказал, ему еще никогда не было так легко шить.

– Тем не менее сегодня мы действуем только дубинками, Энди, пока я не отдам другого приказа. Ясно?

– Ясно, командор Ваймс. Кстати, я только что обзавелся новой.

Какое-то шестое чувство вынудило Ваймса спросить:

– Правда? Можно взглянуть?

– Да не вопрос, сэр, – Хэнкок вытащил какую-то штуку, которая, с точки зрения Ваймса, представляла собой целых две дубинки, соединенных куском цепи.

– Это агатынские мумчаки, сэр. Вообще никаких острых краев.

Ваймс для пробы взмахнул мумчаками, стукнул себе по локтю и поспешно вернул оружие хозяину.

– У тебя наверняка лучше получается, парень. Надеюсь, они таки заставят тролля остановиться и подумать.

Мистер Пессимал в ужасе смотрел на обоих. В том числе потому, что одна из дубинок в полете едва разминулась с ним.

– Это мистер Пессимал, Энди, – сказал Ваймс. – Он хочет понять, как работает Стража. Мистер Хэнкок – один из наших самых... рьяных добровольцев, мистер Пессимал.

– Приятно познакомиться, мистер Пессимал, – сказал Хэнкок. – Если понадобится каталог оружия, обращайтесь.

Ваймс быстро двинулся дальше, в надежде, что Хэнкок не успеет вытащить мечи, и тут же столкнулся с куда более приятной фигурой.

– А, мистер Боггис, – сказал он. – Очень рад вас видеть. Мистер Боггис – президент гильдии воров, мистер Пессимал.

Мистер Боггис гордо отсалютовал. Он только что получил от Фреда кольчугу, но никакая сила в мире не заставила бы его расстаться с коричневым котелком. Впрочем, никакая сила и не попыталась бы – потому что ей пришлось бы иметь дело с двумя молодцами, которые стояли по бокам, сузив глаза и выпятив каменные челюсти. Один чистил ногти опасной бритвой. У них не было ни оружия, ни доспехов, но каким-то странным образом они недвусмысленно давали понять, что констебль Хэнкок в сравнении с ними далеко не так опасен.

– А также Безухий Винни Лудд и Гарри «Как-Там-Его-Погоняло» Джонс, – добавил Ваймс. – Вы привели с собой телохранителей, мистер Боггис?

– Винни и Гарри не прочь подышать свежим воздухом, мистер Ваймс, – ответил президент гильдии воров. – Вы, кажется, тоже прихватили... телохранителя?

Он взглянул сверху вниз на Э. И. Пессимала и ухмыльнулся.

– Ох уж эти малорослые драчуны, мистер Ваймс. Отхватят нос, и моргнуть не успеете. Уж я-то с первого взгляда распознаю классного бойца. Удачи, мистер Пессимал.

Ваймс увел ошеломленного инспектора, прежде чем мистера Боггиса

успела покарать богиня Чересчур, и чуть не врезался в еще одного констебля, который гарантированно не отличался болтливостью.

– Мистер Пессимал, познакомьтесь – университетский библиотекарь, – сказал Ваймс. – Для хорошей драки человек что надо!

– Но... но это же не человек! Это орангутанг! Pongo rongo, водится в Бхангбангдуке и на окрестных островах...

– Уук, – сказал библиотекарь, похлопал Э. И. Пессимала по голове и протянул ему банановую шкурку.

– Отлично сказано, Э. И., – заметил Ваймс. – Такой точностью отличаются немногие.

Ваймс потащил инспектора обратно через толпу отсыревших стражников в доспехах, знакомя его направо и налево. Затем он втолкнул Пессимала в угол и, не обращая внимания на слабые возражения, стащил с него через голову кольчугу.

– Держитесь позади меня, мистер Пессимал, – приказал он, когда инспектор попытался шевельнуться. – Скоро тут может стать опасно. Тролли – на площади, гномы – в сквере, и обе компании уже выпили для храбрости достаточно, чтобы начать заварушку. Поэтому мы выстроимся в линию между ними. Тонкая коричневая линия, ха-ха. Гномы предпочитают боевые топоры, а тролли – дубины. План А – дубинки, план Б – ноги. Иными словами, мы будем драпать что есть духу.

– Но... но у вас же есть мечи! – выпалил Э. И. Пессимал.

– У нас есть мечи, констебль. Да, есть, но проделывать дырки в телах мирных граждан – недопустимая жестокость, и мы уж постараемся без нее обойтись. Пошли, я не хочу, чтоб вы пропустили хоть что-нибудь.

Он снова вывел инспектора на улицу, и оба влились в поток стражников, которые направлялись в Чам. Не считая Стражи, улица была пуста. Инстинкт велел жителям Анк-Морпорка оставаться дома, когда на улице мелькало слишком много боевых топоров и шипастых дубин.

Чам, по сути, представлял собой широкий проезд, некогда предназначенный для проведения церемониальных парадов – память о тех днях, когда городу еще было что отмечать торжественными церемониями. Шел мелкий дождь. Он мочил мостовую и отражал свет огней на баррикадах.

Баррикады... по крайней мере, так они числились в инвентарной ведомости Стражи. Ха. Доски, размалеванные черными и желтыми полосами и поставленные на подпорки, – это не баррикада. Особенно для того, кто побывал на настоящей баррикаде, состоящей из разного барахла, мебели, бочек, страха и отчаянного сопротивления. Нет, эти черно-желтые

штуки были всего лишь физическим воплощением идеи. Чертой, проведенной на песке. Они гласили: «Ни шагу дальше. Здесь начинается Закон. Шагни за черту – и ты окажешься *вне* закона. Шагни за черту со своим здоровенным топором, огромным моргенштерном или тяжелой, чертовски тяжелой шипастой палицей – и мы, немногочисленные счастливцы, вооруженные деревянными дубинками... мы... мы...

...в общем, лучше не переступай черту, ладно?»

Желто-черные границы Закона были установлены примерно в двенадцати футах друг от друга, и две шеренги стражников стояли спина к спине, глядя в толпу.

Ваймс втащил мистера Пессимала в самый центр, между линиями, и выпустил.

– Есть вопросы? – спросил он, пока опоздавшие проталкивались мимо них на свои места.

Маленький инспектор уставился на площадь, где тролли зажгли большой костер, потом повернулся и посмотрел в другую сторону, где гномы сложили *несколько* костров. Слышалось отдаленное пение.

– Да, да, сначала они поют. Чтобы, так сказать, закипела кровь, – охотно объяснил Ваймс. – Они поют про героев, великие победы, убийство врагов и вино, налитое в еще теплые черепа. Ну и все такое.

– А потом... э... они на нас нападут? – спросил Э. И. Пессимал.

– Ну, не совсем так, – поправил Ваймс. – Они попытаются напасть друг на друга. А мы окажемся между ними.

– Может быть, они нас обойдут? – с надеждой спросил Э. И. Пессимал.

– О, сомневаюсь. Они не в том настроении, чтобы пробираться узкими переулками. Скоро их мышление станет на редкость прямолинейным. Ори и бей, вот и все.

– Здесь же недалеко до Университета! – воскликнул Э. И. Пессимал, как будто впервые заметив массивную громаду Незримого Университета. – Разумеется, волшебники могут...

– ...сделать так, чтобы оружие вылетело у гномов и троллей из рук и чтобы при этом пальцы, возможно, остались на месте? Волшебным образом загнать буянов в камеры? Превратить в хорьков? И что дальше, мистер Пессимал? – Ваймс закурил сигару, заслонив спичку ладонью, так что огонек на мгновение озарил его лицо. – Мы будем прибегать к волшебству и впредь? Махать палочкой, чтобы выяснить, кто и в чем виноват? Исправлять преступников с помощью магии? Вы скажете: невиновным нечего бояться. А я бы и на два пенса не поспорил, мистер

Пессимал. Волшебство – живая и непростая штука. Когда ты думаешь, что ухватил магию за горло, она кусает тебя за задницу. Никакой магии в моей Страже, мистер Пессимал. Только старые испытанные методы.

– Но их слишком много, командор!

– Да, в общем и целом примерно тысяча, – спокойно согласился Ваймс. – И бог весть сколько еще выжидает, чтобы поучаствовать, если мы позволим событиям выйти из-под контроля. Сейчас тут только горячие головы и уличные банды.

– Э... может быть, просто не мешать?..

– Нет, мистер Пессимал, потому что тогда начнется полный и абсолютный, черт его дери, бардак, как выражаются в Страже. Он не прекратится и разрастется очень быстро. Нужно поставить точку немедленно, поэтому...

Со стороны площади донесся глухой удар – достаточно громкий, чтобы по улице разнеслось эхо.

– Что это? – спросил Э. И. Пессимал, быстро озираясь.

– Не волнуйтесь, этого следовало ожидать, – ответил Ваймс.

Пессимал слегка расслабился.

– Правда?

– Да. Это гаханка. Тролли колотят дубинами по земле, прежде чем пойти в бой, – сказал Ваймс. – Говорят, всякий, кто услышит гаханку, через десять минут будет мертв.

Детрит, стоя за спиной Пессимала, ухмыльнулся. Свет факела превратил его бриллиантовые зубы в рубины.

– Это... действительно так?

– О, вряд ли, – ответил Ваймс. – А теперь, пожалуйста, извините меня, констебль Пессимал. Я оставлю вас в надежных руках Детрита и на несколько минут отлучусь к моим бойцам. Укреплю их дух и все такое.

Он быстро отошел.

Ваймс твердил себе, что нельзя так поступать с беднягой чиновником, оказавшимся в неподходящее время в неподходящем месте. Скорее всего, Пессимал был неплохим человеком. Проблема заключалась в том, что тролли на площади, вероятно, не были плохими троллями, а гномы в сквере – плохими гномами. Но неплохой тролль и неплохой гном вполне способны тебя прикончить.

Эхо гаханки разлеталось по городу, когда Ваймс подошел к Фреду Колону.

– Старая добрая гаханка, сэр, – сказал сержант с наигранной бодростью.

– Ага. Я так понимаю, скоро они двинутся. – Ваймс прищурился, пытаясь разглядеть фигуры на фоне далекого огня. Тролли движутся медленно, зато на марше напоминают приближающуюся стену. Скорее всего, недостаточно будет вытянуть руку и твердым властным голосом крикнуть: «Стоять!»

– Вспоминаете ту, другую, баррикаду, мистер Ваймс? – спросил Фред.

– Э? – Ваймс отогнал мысленное зрелище самого себя, раскатанного по мостовой.

– Баррикады, сэр, – повторил Колон. – Тридцать лет тому назад...

Ваймс коротко кивнул. Да, он помнил Славную Революцию. В общем, это была и не революция, и не славная, разве что с точки зрения тех, кто считал славной раннюю смерть. И там тоже одни люди погибали из-за других, которые, за исключением одного или двух, в общем, были не так уж плохи...

– Да, – ответил он. – Как будто это случилось вчера.

И подумал: «Мне каждый раз кажется, что это случилось вчера».

– Помните старого сержанта Киля? Старик был не промах, э? – Сержант Колон, как и Э. И. Пессимал, говорил со странной надеждой в голосе.

Ваймс кивнул.

– Я так понимаю, вы тоже припасли парочку козырей в рукаве, сэр? – продолжал Фред. Надежда зазвучала неприкрыто и бессовестно.

– Ты меня знаешь, Фред. Я охотно учусь, – неопределенно отозвался Ваймс. Он побрел вперед, одним кивая, других похлопывая по спине и стараясь ни с кем не встречаться взглядом. Каждое лицо так или иначе напоминало Фреда Колона. Ваймс буквально читал мысли стражников, в то время как грохот пятисот дубин, дружно опускающихся на булыжники, бил по барабанным перепонкам, словно молотком.

«Вы ведь все продумали, да, мистер Ваймс? Нас не зажмут посередке, как мясо в сэндвиче, правда? Это какой-то хитрый план, сэр? Сэр?..»

«Ох, надеюсь, – подумал Ваймс. – Но, так или иначе, Стража должна быть здесь. В том-то, черт возьми, и дело».

Ритм *гаханки* изменился. Если прислушаться, можно было заметить, что некоторые дубины ударялись оземь, чуть выбиваясь из общего ритма.

Ага.

Ваймс подошел к Шелли и Моркоу, которые смотрели на гномьи костры.

– Кажется, близится развязка, сэр, – сказал Моркоу.

– Да уж я, черт возьми, надеюсь! Что там у гномов?

– Они почти перестали петь, сэр, – ответила Шелли.

– И прекрасно.

– Мы ведь справимся, сэр, правда? – спросил Моркоу. – Тем более на нашей стороне големы. Если дойдет до драки...

«Нет, не справимся, – ответил внутренний голос. – Мы можем лишь доблестно умереть. Но я уже видел, как доблестно умирают. Это... закрытый финал».

– Я не хочу, чтоб дошло до драки, капитан... – И тут Ваймс замолчал. В сумерках шевельнулась какая-то тень.

– Пароль? – быстро произнес Ваймс.

Тень, в плаще и капюшоне, замерла.

– Пароль? Простите, я его где-то жапишал...

– А, Игорь. Проходи, – сказал Моркоу.

– Как вы ужнали, что это я, шэр? – спросил Игорь, ныряя под баррикаду.

– По запаху одеколона, – ответил Ваймс, подмигнув капитану. – Как там дела?

– Вше как вы шкажали, шэр. – Игорь откинул капюшон. – Жаодно я отшкреб операционный штол дочишта. Мой кузен Игорь шоглашился помогать. Лишние руки не помешают, ешли вдруг шлучитша какая-нибудь маленькая неприятношть...

– Спасибо, что подумал обо всем этом, Игорь, – сказал Ваймс, как будто Игорю в состоянии думать о чем-либо другом. – Надеюсь, ваша помощь не понадобится.

Он посмотрел по сторонам. Лило как из ведра. В кои-то веки дождь – верный спутник стражника – появился, когда действительно был нужен. Обычно он охлаждает воинственный пыл.

– Кто-нибудь видел Шнобби? – спросил он.

Из темноты ответили:

– Тут, мистер Ваймс! Я уж пять минут как тут!

– Тогда почему ты не отзывался?

– Запомятовал пароль, сэр! Я думал – подожду, пока Игорь его не назовет.

– Ладно, иди сюда. Как там дела?

– Просто прекрасно, сэр, – ответил Шнобби. По его плащу струился дождь.

Ваймс отступил на шаг.

– Ладно, парни, пора. Моркоу и Шелли, двигайтесь к гномам, мы с Детритом займемся троллями. Вы знаете, что делать. Линии наступают

медленно. Никакого острого оружия. Повторяю, никакого острого оружия, пока не придется рубить, чтобы выжить! Будем действовать, как положено Страже, ясно? Слушать мою команду!

Он заспешил обратно, вдоль линии баррикад, и одновременно по рядам стражников бежал шумок. Детрит неподвижно ждал. Когда Ваймс подошел, тролль прорычал:

– Ета, они перестали стучать, сэр.

– Слышу, сержант. – Ваймс снял плащ из промасленной кожи и повесил его на баррикаду, чтобы не стеснял движений.

– Кстати, как дела на Сноваповоротной улице? – поинтересовался он, потягиваясь и делая глубокий вдох.

– Ета, отлично, сэр, – радостно ответил Детрит. – Шесть алхимиков и полста фунтов свежего «Сполза». Раз, два, и все сидят в «Ганти».

– Они не догадались, кто стукнул? – уточнил Ваймс.

Детрит обиженно взглянул на командора.

– Ну, нет, сэр, – сказал он. – Я уж постарался, чтоб они поняли, что это я их стукнул.

И тут Ваймс заметил мистера Пессимала. Инспектор стоял на прежнем месте, и его лицо в сумерках напоминало бледный круг.

Ладно, хватит. Наверное, этот мелкий придурок кое-что понял, стоя на улице под дождем и дожидаясь приближения двух вопящих толп. Наверное, ему хватило времени поразмыслить, каково провести всю жизнь в подобных переделках. Служить в Страже потруднее, чем писать бумажки, правда?

– На вашем месте я бы остался здесь, мистер Пессимал, – сказал Ваймс как можно добродушнее. – На площади может быть опасно...

– Нет, командор, – ответил Э. И. Пессимал, глядя снизу вверх.

– Что?

– Я принял к сведению все, что вы говорили, и намерен встретить врага лицом к лицу, командор.

– Послушайте, мистер Песси... послушай, Э. И., – сказал Ваймс, положил руку на плечо маленького инспектора и замолчал. Э. И. Пессимал так дрожал, что кольчуга слегка позвякивала.

– Иди домой, ладно? – настойчиво продолжал Ваймс. – Здесь тебе делать нечего...

Он неуверенно похлопал Э. И. Пессимала по плечу.

– Командор Ваймс! – резко произнес тот.

– Э... что?

Э. И. Пессимал обратил к нему лицо, которое было мокро не только от

дождя.

– Я – констебль-доброволец, если не ошибаюсь?

– Да, да, я так сказал, но я не думал, что вы примете всерьез...

– Я серьезный человек, командор Ваймс. И сейчас я предпочту быть именно здесь, а не в другом месте! – произнес доброволец Пессимал, стуча зубами. – И я предпочту быть здесь именно сейчас, а не в другое время! Давайте начинать, что ли.

Ваймс взглянул на Детрита. Тот пожал огромными плечами. Что-то происходило в мозгу маленького инспектора, которому тролль мог переломить хребет одной рукой.

– Как вам угодно, – безнадежно сказал Ваймс. – Ты слышал инспектора, сержант Детрит. Давайте начинать, что ли.

Тролль кивнул и повернулся к тролльему лагерю. Он сложил ладони рупором и выкрикнул что-то. По улице прокатилось эхо.

– Лучше что-нибудь, понятное всем, – предложил Ваймс, когда настала тишина.

Э. И. Пессимал шагнул вперед и набрал побольше воздуха.

– СЫПЬТЕ СЮДА, ЕСЛИ ВЫ ТАКИЕ КРУТЫЕ! – бешено завопил он.

Ваймс кашлянул.

– Спасибо, мистер Пессимал, – тихо произнес он. – Это именно то, что нужно.

Луна скрылась за облаками, но Ангве необязательно было ее видеть. Моркоу подарил ей на день рожденья специальные часы, в виде маленькой луны, которая совершала полный оборот, с белой стороны на черную, за двадцать восемь дней. Наверняка эта штука стоила уйму денег. Теперь Ангва носила часы на ошейнике – предмете туалета, который она могла не снимать весь месяц. Она так и не сумела сказать Моркоу, что не нуждается в них. Вервольфы всегда *знают*, что с ними происходит.

Прямо сейчас трудно было понять что-то еще, потому что Ангва думала носом. В том-то и проблема: когда ты волк, нос берет командование на себя.

Ангва обыскивала переулки в окрестностях Паточной улицы, начав от входа в гномью шахту. Она перемещалась в мире красок: запахи накладывались один на другой, плавали вокруг, лезли в ноздри. Нос – единственный орган чувств, способный перемещаться назад во времени.

Она уже посетила груды земли на пустыре. Там пахло троллем. Там он выбрался на поверхность, но что проку идти по давно остывшему следу. Сотни уличных троллей носили лишайник и черепа. Но мерзкий

маслянистый запах не желал покидать память. Наверняка у мелких плутов есть и другие входы. И шахту нужно как-то проветривать, так? А значит, хотя бы легчайший запах масла обязан найти путь наружу. Скорее всего, сильным он не будет, но ей и не надо. Легкого дуновения достаточно. Более чем достаточно.

Рыся по проулкам и перескакивая через стены, Ангва сжимала в зубах маленький кожаный мешочек – неприкосновенный запас всякого здравомыслящего вервольфа. То есть такого, который помнит, что одежда не следует за ним волшебным образом. В мешочке лежали тонкое шелковое платье и большой флакон с ополаскивателем для рта. С точки зрения Ангвы – величайшее изобретение за последние сто лет.

Она обнаружила то, что искала, на задворках Главной улицы. Нужный запах выделялся среди знакомых органических ароматов города и напоминал тонкую черную ленточку, которая змеилась в воздухе. Дуновения ветра и проезжавшие мимо телеги колыхали ее туда-сюда.

Ангва начала двигаться осторожнее. Этот район не походил на Паточную улицу, здесь жили состоятельные люди, которые нередко тратили деньги на больших собак и таблички «Стреляю без предупреждения». Пробираясь вдоль заборов, она слышала громыхание цепей и скулеж. Ангва ненавидела разборки с огромными свирепыми псами. Всегда было много крови, и даже полоскатель потом не помогал.

Запах струился сквозь ограду Эмпирического Полумесяца – этого, так сказать, полудрагоценного камня в архитектурной короне города. Несмотря на престижность района, люди не рвались жить в Полумесяце. Жильцы редко задерживались здесь дольше чем на два-три месяца, после чего торопливо съезжали, иногда бросая имущество^[10].

Ангва легко и беззвучно перескочила через забор и приземлилась на все четыре лапы на заросшей гравиевой дорожке. Обитатели Полумесяца редко занимались садоводством. Зачем, если не знаешь наверняка, в чьем саду прорастут посаженные тобой луковицы?..

Следуя указаниям носа, Ангва сунулась в густые заросли чертополоха. Заплесневелые кирпичи, уложенные кругом, намекали, что когда-то здесь был колодец.

Помимо густого маслянистого запаха, она ощутила кое-что еще, посвежее и посложнее. И тогда у Ангвы на загривке встала дыбом шерсть.

Там, внизу, был вампир.

Кто-то выдергал сорняки и оттащил мусор, в том числе неизбежный полусгнивший матрас и развалившееся кресло^[11]. Салли? Что она тут

забыла?

Ангва выковыряла из основания колодца старый кирпич и бросила вниз. Вместо всплеска послышался деревянный стук.

Чтобы спуститься, Ангва вернулась в человеческое обличье. Когти – это хорошо, но у обезьян некоторые штуки получаются лучше. Разумеется, стенки колодца были скользкими, но за много лет из них вывалилось столько кирпичей, что спускаться оказалось проще, чем Ангва рассчитывала. Колодец был глубиной примерно в шестьдесят футов; его вырыли в те дни, когда повсюду господствовало убеждение, что вода, в которой кишат в изобилии маленькие усатые твари, просто *обязана* быть полезной для здоровья.

На дне оказались несгнившие доски. Кто-то – разумеется, гномы – недавно проник в колодец и притащил пару досок. Они дорылись до сих пор – и остановились. Но почему? Потому что уперлись в колодец?

Под досками хлюпала грязная вода или, точнее, грязная жидкость. Туннель слегка расширился. Гномы, как почуяла Ангва, побывали здесь несколько дней назад, не больше. Да. Гномы явились, пошныряли вокруг, а потом внезапно ушли. Даже не удосужились прибрать за собой. Ангва как будто видела все собственными глазами.

Она прокралась вперед. Карта туннелей запечатлевалась в ее носу. Они оказались далеко не так хорошо обустроены, как те ходы, по которым их водил Пламен. Они были примитивнее, со множеством зигзагов и тупиков. Нетесанные доски и деревянные балки удерживали зловонную грязь, которая, тем не менее, сочилась отовсюду. Эти туннели строили не на века; их проложили для быстрой и, несомненно, грязной работы – лишь бы продержались, пока рабочие не уйдут.

Значит... гномы что-то искали, но не знали, где оно находится, пока не оказались примерно... в двадцати футах. И тогда они почуяли эту штуку? Заметили ее? Последний отрезок туннеля, ведущий к колодцу, был прям как стрела. То есть гномы знали, куда движутся.

Ангва пробиралась вперед, согнувшись почти вдвое, чтобы не стукнуться о низкий потолок, а потом сдалась и превратилась в волка. Туннель снова выпрямился, время от времени от него отходили боковые коридоры. Ангва не обращала на них внимания, но нос подсказывал, что они были длинными. Запах вампира по-прежнему звучал раздражающим диссонансом в симфонии запахов, почти заглушая вонь стоялой воды, сочившейся из стен. Там и сям на потолке кишели вурмы. И летучие мыши. Они шевелились.

Наконец, проходя мимо очередной дыры, Ангва учуяла новый запах.

Довольно слабый, но несомненный запах разложения.

Недавняя смерть...

Три недавних смерти. В конце короткого бокового хода лежали тела трех гномов, наполовину погрузившиеся в грязь. Они светились. Моркоу сказал: у вурмов нет зубов. Они ждут, пока потенциальная еда сама не станет полужидкой. И тогда, дождавшись величайшей удачи в своей жизни, они пируют. Здесь, внизу, вдали от городских улиц, гномы превращались в свет.

Ангва фыркнула.

Очень свежая смерть...

– Они что-то обнаружили, – произнес голос ее за спиной. – А потом это что-то их убило.

Ангва прыгнула.

Прыжок был ненамеренный. Приказ отдал спинной мозг. Головной мозг, который помнил, что сержанты не должны выпускать кишки младшим констеблям без достаточного повода, попытался затормозить прыжок в полете, но к тому моменту в силу уже вступили законы баллистики. Ангва успела лишь извернуться в воздухе и удариться о мягкую стену плечом.

Рядом затрепетали крылья, и послышался долгий звук, несомненно органического происхождения, наводивший на мысль о мяснике, которому попался на редкость упорный хрящ.

– Знаешь, сержант, – произнесла Салли, как будто ничего не произошло, – вам, вервольфам, хорошо. Вы остаетесь в одном теле и не испытываете никаких проблем с распределением массы. Знаешь, во сколько летучих мышей мне нужно превратиться, чтобы распределить свой вес? Примерно в полтора раза, между прочим. И какая-нибудь одна обязательно потеряется или свернет не туда. А у меня голова не работает, если не все мышцы на месте. Про слияние я вообще молчу. Это – как будто изо всех сил чихаешь, только в обратную сторону.

Скромничать смысла не было, особенно в темноте. Ангва заставила себя превратиться в человека, каждой клеточкой мозга пересиливая зов зубов и когтей. Гнев ей помог.

– Какого дьявола ты здесь делаешь? – спросила она, как только пасть сменилась ртом.

– У меня выходной, – заметила Салли, приблизившись. – Вот я и решила проверить, не найду ли чего-нибудь...

Она тоже была совершенно обнаженной.

- Тебе могло и не повезти, – прорычала Ангва.
- Ну, мой нюх похуже твоего, сержант, – с любезной улыбкой отвечала Салли. – Но вместо одного носа у меня их сто пятьдесят пять плюс крылья, так что я могу осмотреть большую площадь.
- А я думала, вампиры превращаются обратно вместе с одеждой, – с упреком произнесла Ангва. – Вот Отто Шрик это умеет.
- А женщины нет. Никто не знает почему. Наверное, это из той же серии, что и кружевные ночнушки и все такое. Опять-таки, здесь вервольфам повезло больше. Когда разделяешься на сто пятьдесят летучих мышей, трудно помнить, что две из них должны нести трусики... – Салли посмотрела на потолок и вздохнула. – Слушай, я понимаю, к чему ты клонишь. Проблема в капитане Моркоу, да?
- Я видела, как ты ему улыбалась!
- Прости. Вампиры и правда бывают очень привлекательны. Ничего не могу поделать...
- Ты, если не ошибаюсь, *очень* старалась ему понравиться.
- А ты нет? Он из тех мужчин, которым любая не прочь понравиться! Они подозрительно посмотрели друг на друга.
- Он принадлежит мне, – произнесла Ангва, чувствуя, как ногти сменяются когтями.
- То есть ты принадлежишь ему? – уточнила Салли. – Я права, и ты сама это знаешь. Ты хвостом бегаешь за ним!
- Ну, извини! Ничего не могу поделать! – взвыла Ангва.
- Хватит! – Салли примиряющим жестом вытянула обе руки. – Давай лучше уладим один вопрос, прежде чем зайдем слишком далеко.
- Да?
- Да. Мы, абсолютно голые, стоим на земле, которая, как ты, возможно, заметила, стремительно превращается в жидкую грязь, и готовимся к драке. Ну, допустим. Но чего-то недостает, тебе так не кажется?
- И чего же?
- Зрителей с кошельками. Мы могли бы заработать целое состояние. – Салли подмигнула. – Давай лучше займемся делом, ради которого мы обе сюда спустились.
- Ангва заставила себя расслабиться. Эти слова должна была произнести она. Она, в конце концов, сержант, не так ли?
- Ладно, ладно, – сказала она. – Мы здесь, и давай поставим точку. Ты сказала, что этих гномов убило... нечто, живущее в колодце?
- Возможно. Но если и так, оно воспользовалось топором, – ответила

Салли. – Посмотри. Только сначала соскреби грязь. Она успела их покрыть, с тех пор как я сюда спустилась. Поэтому ты и не заметила, – великодушно добавила она.

Ангва выволокла труп из сияющей слизи.

– Вижу, – сказала она, роняя мертвеца обратно. – Он мертв не более двух дней. И, кажется, его не особенно пытались спрятать.

– А зачем возиться? Гномы перестали осушать эти туннели. Подпорки временные, грязь ползет обратно. И потом, какой дурак сюда ползет?

Кусок стены ополз с чавкающим звуком, как коровья лепешка. В туннеле послышались негромкие всплески и бульканья. Анк-морпоркское подземье воровато вступало в свои законные права.

Ангва закрыла глаза и сосредоточилась. Вонючая слизь, запах вампира и вода, поднявшаяся уже до лодыжек, в равной мере требовали внимания, но Ангва не собиралась сдаваться.

Нельзя, чтобы вампирша была главной. Это так... традиционно.

– Здесь побывали и другие гномы, – пробормотала она. – Два... нет, три... еще четыре. Я чую... какое-то черное масло. Вдалеке кровь. Там, дальше в туннеле.

Ангва выпрямилась так резко, что чуть не стукнулась головой о потолок.

– Пошли!

– Здесь становится небезопасно...

– Мы должны разобраться! Идем! Уж тебе-то нечего бояться смерти!

Ангва зашлепала по коридору.

– Думаешь, весело провести несколько тысяч лет в тине? – крикнула Салли, но слушали ее лишь жидкая глина да зловонная пустота. Она помедлила, вздохнула и последовала за Ангвой.

От главного туннеля ответвлялись другие коридоры. С обеих сторон из них, точно холодная лава, вытекали реки жидкой грязи. Салли миновала нечто вроде огромной валторны, которая медленно поворачивалась, плывя по течению.

Здесь туннель был надежнее, чем отрезок у колодца. В конце виднелся бледный свет – и Ангва, присевшая на корточки у большой круглой гномьей двери. Салли не обратила на нее внимания. Она едва взглянула и на гнома, привалившегося спиной к двери.

Вместо этого она уставилась на огромный знак, нарисованный на металле. Большой и грубо очерченный, он походил на широко распахнутый круглый глаз с хвостом и сверкал зеленовато-белым сиянием вурмов.

– Гном сделал рисунок собственной кровью, – сказала Ангва, не

поднимая головы. – Его приняли за мертвого и бросили, но он не умер. Он сумел добраться сюда, но убийцы заперли дверь. Он скреб ее – судя по запаху – и обломал все ногти. Тогда он начертил этот знак собственной горячей кровью, а потом сидел здесь, зажимая рану и наблюдая, как сползаются вурмы. Я бы предположила, что он умер часов восемнадцать назад. Что скажешь?

– Что надо выбираться отсюда поскорее. – Салли попятилась. – Ты знаешь, что означает эта штука?

– Я знаю, что это рудничный знак, и больше ничего. А ты знаешь, что он означает?

– Нет, но мне известно, что он означает нечто очень плохое. Встретить его в шахте – дурное предзнаменование. Что ты делаешь с трупом? – спросила Салли, пятясь все дальше и дальше.

– Пытаюсь понять, кто он такой, – ответила Ангва, обыскивая одежду убитого. – Как и положено стражнику. Мы не стоим на месте и не пугаемся рисунков на стене. В чем проблема?

– Которая из? – уточнила Салли. – Э... он слегка сочится...

– Если я справляюсь, справишься и ты. В нашей работе крови хватает. И мой тебе совет, не пытайся ее пить, – сказала Ангва, не прерываясь. – Ага... на нем ожерелье с рунами. А еще... – она вытащила руку из кармана гномьей куртки, – не могу как следует разглядеть, но чую чернила, так что, наверное, это письмо. Ладно, давай сваливать.

Она посмотрела на Салли.

– Ты меня слышала?

– Этот знак был начерчен умирающим, – произнесла та, по-прежнему держась поодаль.

– И что?

– Возможно, это проклятие.

– Ну и что? Не мы же его убили, – ответила Ангва, с некоторым усилием поднимаясь на ноги.

Они посмотрели на жидкую грязь, которая уже достигала коленей.

– Думаешь, проклятию не все равно? – спокойно поинтересовалась Салли.

– Прямо сейчас я думаю, что в том туннеле, мимо которого мы прошли, должен быть второй выход наверх, – сказала Ангва, указывая пальцем.

Исполненная слепой решимости, целая вереница вурмов проползла по текущему потолку почти с той же скоростью, с какой по полу текла грязь. Сверкающим ручейком они устремились в боковой ход.

Салли пожала плечами.

– Стоит попытаться.

Они ушли, и вскоре плеск шагов замер вдалеке.

Грязь с тихим шепотом поднималась в темноте. Цепочка вурмов постепенно исчезала. Вурмы, облепившие знак на двери, впрочем, остались: еда стояла того, чтобы за нее умереть.

Их свет мерк постепенно – они умирали один за другим.

Подземная темнота окутала знак, который вспыхнул алым и погас.

А темнота осталась.

В этот самый день в 1802 году художник Методия Плут попытался спрятать картину под грудку старых мешков, из опасения, что она разбудит Цыпленка. Он закончил рисовать последнего тролля, самой тонкой кисточкой поставив точку на месте зрачка.

Было пять часов утра. С неба струился дождь – не сильный, но весьма настойчивый.

На Сатор-сквер и на площади Ущербных Лун он падал на белый пепел костров. Оранжевые угли вспыхивали время от времени, шипели и плевались.

Вокруг сновало семейство гноллов, каждый из которых тащил за собой тележку. Стражники за ними присматривали. Гноллы не особенно разборчивы в отношении того, что берут, лишь бы оно не сопротивлялось, да и то... Ходили разные слухи. Но гноллов в городе терпели. Никто не умел так чисто прибираться.

Издали гноллы казались троллями в миниатюре. Голову каждого венчала огромная компостная куча. Она составляла имущество гнолла – и почти все оно было сплошь гнилым.

Сэм Ваймс поморщился от боли в боку. Вечно ему не везет. В этой передраге пострадали двое стражников – и он непременно должен был оказаться в их числе? Игорь постарался как мог, но сломанные ребра есть сломанные ребра; пройдет неделя-другая, прежде чем подозрительная зеленая мазь всерьез подействует.

И все-таки он наслаждался приятным внутренним теплом. Они сумели обойтись старыми добрыми методами. Поскольку старые добрые стражники неизменно оказываются в меньшинстве, Ваймс счел возможным прибегнуть к старой хитрости, обману и любому, черт возьми, оружию, какое только подвернулось.

Даже драки толком не было. Гномы в основном сидели и распевали

мрачные песни; они падали, когда пытались встать, – а некоторые, уже попытавшись, теперь лежали и храпели. Тролли, напротив, по большей части стояли, но тут же валялись, стоило их толкнуть. Двое-трое троллей, сохранивших чуть более ясную голову, попробовали завязать неуклюжую и нелепую рукопашную, но пали жертвой старого доброго приема – хорошо рассчитанного пинка.

По крайней мере, почти все. Ваймс переступил с ноги на ногу в надежде умерить боль в боку. Нужно было это предусмотреть...

Но все хорошо, что хорошо кончается, не так ли? Никаких жертв, и вдобавок, вящего удовольствия ради, Ваймс раздобыл утренний экземпляр «Таймс». В передовице шла речь о бандах, наводнивших город, и о Страже, которая, «судя по всему, не намерена наводить порядок на улицах».

«А вот и намерена, дурень ты этакий». Ваймс чиркнул спичкой по какому-то постаменту и зажег сигару, праздную маленькую, но несомненную, хоть и мрачноватую, победу. Ей-богу, они нуждались в небольшом торжестве. Стража предотвратила очередную Кумскую долину, и было так приятно, что у них появился повод гордиться. В конце концов, они добились несомненного результата...

Ваймс уставился на постамент. Он не помнил, чья статуя некогда здесь стояла. С тех пор на постаменте отметились поколения уличных художников.

Постамент украшали тролли граффити, сведя на нет труды тех, кто пользовался обыкновенной краской. Ваймс прочел:

МИСТЕР БЛЕСК ОН АЛМАЗ

Рудничные знаки, городские надписи... Когда дела идут скверно, горожане пишут на стенах.

– Командор!

Ваймс повернулся. Капитан Моркоу, в сверкающей броне, спешил навстречу, и его лицо, как обычно, лучилось чистым, стопроцентным энтузиазмом.

– А я думал, что велел всем стражникам, которые не охраняют арестованных, идти спать, капитан, – сказал Ваймс.

– Я только хотел кое-что уточнить, сэр, – сказал Моркоу. – Ветинари прислал в Ярд записку. Он требует рапорта. Я решил, что лучше сказать вам, сэр.

– Я тут как раз подумал, капитан... – не сдержался Ваймс. – Может

быть, установить небольшую табличку? С незатейливой надписью. Например, «Кумская битва НЕ состоялась здесь 5 грюня в год Креветки». Может быть, кто-нибудь даже выпустит дурацкую почтовую марку. Что скажешь?

– Что вам самому надо поспать, командор, – ответил Моркоу. – И потом, годовщина Кумской битвы только в субботу.

– Разумеется, памятник в честь битвы, которая не случилась, – это я слегка загнул, но хотя бы марка...

– Леди Сибилла очень обеспокоена, сэр, – Моркоу просто излучал тревогу.

Гул в голове Ваймса утих. Словно очнувшись при упоминании Сибиллы, разные части организма выстроились в очередь, словно кредиторы, размахивающие долговыми расписками. Ноги, страшно уставшие и нуждавшиеся в ванне; урчащий живот; огнем горящие ребра; больная спина; мозг, отравленный собственным ядом. Вымыться, поесть, поспать... какие отличные идеи.

Но сначала нужно было еще кое-что сделать.

– Как там наш мистер Пессимал? – спросил Ваймс.

– Игорь его подлатал, сэр. Он слегка ошалел в суматохе. Конечно, я не могу приказать вам пойти и повидать его светлость...

– Не можешь, потому что командир тут я, – сказал Ваймс, все еще как пьяный от изнеможения.

– ...но Ветинари может – и он приказывает, сэр. Ваш экипаж будет ждать у дворца, когда вы выйдете. Это приказ леди Сибиллы, сэр, – закончил Моркоу, апеллируя к высшей инстанции.

Ваймс посмотрел на уродливую громаду дворца. Чистые простыни вдруг показались такими соблазнительными.

– Я не могу появиться перед патрицием в таком виде, – проговорил он.

– Я договорился с секретарем Стукпостуком, сэр. Горячая вода, бритва и большая кружка кофе ждут во дворце.

– Ты обо всем позаботился, Моркоу...

– Надеюсь, сэр. Теперь ступайте.

– Но и я кое о чем позаботился, а? – заявил Ваймс, радостно покачиваясь. – Лучше мертвецки пьяный, чем просто мертвый, да?

– Классический прием, сэр, – заверил его Моркоу. – Годится для учебника истории. А теперь идите, сэр. Я поищу Ангву. Ее постель не смята.

– Но в это время месяца...

– Знаю, сэр. В корзинке она тоже не ночевала.

Из сырого погреба, который некогда был чердаком и в котором теперь хлюпала грязь, вурмы выползали сквозь маленькую дырку меж давным-давно сгнившими деревянными планками.

Доску пробил чей-то кулак. Промокшее дерево треснуло и раскрошилось.

Ангва протиснулась в очередную темноту и наклонилась, чтобы помочь Салли. Та отозвалась:

– Ну вот, опять какая-то дыра.

– Я надеюсь, – сказала Ангва. – Думаю, нам нужно подняться еще как минимум на один уровень. Здесь есть арка. Пошли.

Столько тупиков, заброшенных вонючих комнат и ложных надежд... и слишком много грязи.

Наконец запах сделался почти осязаемым, он стал частью темноты. Ангва и Салли перебирались из одного зловонного и мокрого помещения в другое, ощупывая грязные стены в поисках замурованных дверей и ища хотя бы крошечный лучик света на потолках, покрытых хоть и необычными, но все равно отвратительными наростами.

И тут обе услышали музыку. Пять минут они брели, поскользываясь, прежде чем оказались у замурованной двери, но поскольку ее заделали, используя суперсовременный анк-морпорский раствор из песка, лошадиного навоза и овощных очистков, несколько кирпичей уже вывалились сами собой. Салли выбила почти все остальные одним ударом.

– Прошу прощения, – сказала она. – Вампирская привычка.

За разбитой стеной стояли бочонки. Судя по всему, сюда регулярно заходили. В погребе была нормальная дверь. Монотонная унылая музыка доносилась сквозь доски потолка. В нем виднелся люк.

– Так, – произнесла Ангва. – Там, наверху, люди. Я их чувую...

– Я могу насчитать пятьдесят семь бьющихся сердец, – добавила Салли.

Ангва многозначительно посмотрела на нее.

– Знаешь, я бы на твоём месте не хвасталась таким талантом.

– Извини, сержант.

– Людям неприятно это слышать, – продолжала Ангва. – Лично я, например, способна раздавить в пасти человеческий череп, но я же не сообщаю об этом направо и налево...

– Я запомню, сержант, – сказала Салли с неестественной кротостью.

– Вот и хорошо. Так... на кого мы похожи? На болотных чудищ?

– Да, сержант. Твои волосы – сплошной комок зеленой слизи.

- Зеленой?..
- Боюсь, что так.
- А платье осталось где-то внизу. И вдобавок уже настало утро. Э... ты сейчас можешь превратиться в стаю мышей?
- При дневном свете?! Разделиться на сто пятьдесят слепых частей? Нет! Но ты-то, если не ошибаюсь, можешь стать волком!
- С твоего позволения, я бы предпочла не появляться из-под пола в виде покрытого слизью чудовища, – заметила Ангва.
- Да, понимаю. Это плохая реклама для заведения. – Салли соскребла с себя комок слизи. – Фу. Какая дрянь.
- Лучшее, на что мы можем надеяться, – что нас никто не узнает, когда мы бросимся бежать, – сказала Ангва, вытряхивая желеобразную зеленую гадость из волос. – По крайней мере мы... О нет.
- В чем дело?
- Шнобби Шноббс! Он там! Я его чувю! – Ангва энергично ткнула в половицы над головой.
- То есть... капрал Шноббс? Тот маленький прыщавый... человечек? – уточнила Салли.
- Надеюсь, мы не под Ярдом? – Ангва в панике огляделась.
- Сомневаюсь. Кто-то танцует, судя по звуку. Но послушай, как ты можешь учуять человека... в таком хаосе?
- Поверь, эта способность всегда со мной.
- В случае капрала Шноббса запахи прелой капусты, мази от прыщей и незаразной кожной болезни слились в странное амбре, которое касалось носа, производя примерно тот же эффект, что и пила, касающаяся струн арфы. Запах был не такой уж мерзкий, но очень напоминал своего хозяина. Нечто странное, вездесущее и совершенно незабываемое.
- В конце концов, он наш коллега-стражник, не так ли? Разве он нас не выручит? – спросила Салли.
- Мы голые, младший констебль!
- Теоретически – да. Но грязь такая липкая...
- Мы голые под грязью!
- Да, но будь на нас одежда, под ней мы тоже были бы голыми, – заметила Салли.
- К черту логику! Сейчас я меньше всего хочу видеть, как Шнобби скалится, глядя на меня!
- Но ведь он видел тебя в волчьем обличье? – спросила Салли.
- И что? – огрызнулась Ангва.
- Ну, чисто теоретически ты тогда тоже голая...

– Не говори ему этого!

Шнобби Шноббс, сидевший в теплом красном свете, толкнул локтем сержанта Колона.

– Не надо закрывать глаза, сержант, – сказал он. – Здесь все законно. Беллочка говорит, это художественное торжество женского тела. И потом, она же одета.

– Две кисточки и сложенный носовой платок – не одежда, Шнобби, – ответил Фред, уходя в глубь кресла.

«Розовая киска»! Нет, разумеется, он служил в армии, а потом в Страже. Невозможно провести столько времени на службе, не повидав хоть раз нечто подобное. Три раза, если быть совсем уж точным. Вдобавок Шнобби совершенно справедливо заметил, что одежда балерины тоже не оставляет большого простора для воображения (по крайней мере, для воображения Шнобби), но, раз уж на то пошло, балет – это искусство, судя по тому, сколько стоит на него посмотреть, хоть балету и недостает пьедесталов и амфор. Кроме того, балерины не крутятся вниз головой. А хуже всего было то, что Колон уже заметил среди зрителей двоих знакомых. К счастью, они его не видели – всякий раз, когда он украдкой посматривал на них, они глядели в противоположную сторону.

– А вот это самая сложная штука, – бодро прошептал Шнобби.

– Э... правда? – Фред Колон снова закрыл глаза.

– Да. Называется «тройной штопор».

– Слушай, а дирекция не возражает, что ты сюда ходишь? – спросил Фред, еще глубже уходя в кресло.

– Не-а. Им нравится, что в клубе бывает стражник, – ответил Шнобби, продолжая смотреть на сцену. – Они говорят – тогда публика хорошо себя ведет. И потом, я прихожу только затем, чтобы проводить Бетти домой.

– Бетти?..

– Беллочка – это клубный псевдоним, – объяснил Шнобби. – Она говорит, никто не станет смотреть на экзотическую танцовщицу, которую зовут Бетти. Имя Бетти больше подходит для девушки, у которой в руках скалка и сковородка.

Колон закрыл глаза, пытаясь изгнать из головы сочетание гибкой смуглой фигуры на сцене, скалки и сковородки.

– Я лучше пойду подышу свежим воздухом, – простонал он.

– Не уходи, сержант. Следующей выступает Брокколи. Представляешь, она может коснуться пяткой затылка...

– В жизни не поверю!

– Чесслово, сержант, я сам видел...
– Я в жизни не поверю, что танцовщицу могут звать Брокколи!
– Ну, раньше ее звали Кэнди, сержант, но потом она узнала, что капуста увеличивает...

– Капрал Шноббс!

Звук как будто исходил из-под стола.

Шноббс уставился на Фреда Колона, потом посмотрел вниз.

– Чего? – осторожно спросил он.

– Это сержант Ангва, – сказали снизу.

– Да?

– Что это за место? – продолжал голос.

– Клуб «Розовая киска», сержант, – покорно ответил Шноббс.

– Ох, боги...

Внизу кто-то с кем-то совещался. Наконец голос произнес:

– Наверху есть женщины?

– Да, сержант. Э... а что вы делаете внизу, сержант?

– Отдаю тебе приказ, Шноббс! Так там есть женщины?

– Да, сержант. Полно.

– Отлично. Пожалуйста, попроси одну из них спуститься в пивной погреб. Нам нужны два ведра теплой воды и полотенца. Понятно?

Шноббс заметил, что музыканты перестали играть, а Беллочка замерла в полуобороте. Все прислушивались к говорящему полу.

– Да, сержант, – сказал Шноббс. – Понял.

– И чистая одежда. И... – вновь послышался подземный шепот. – И несколько ведер с водой. И мочалка. И гребень. И... еще один гребень. И побольше полотенец. А еще две пары туфель, одна пара шестого размера, а другая... четвертый с половиной? Правда? Ну ладно. Фред Колон с тобой или я задаю дурацкий вопрос?

Фред кашлянул.

– Я тут, сержант, – сказал он. – Но я просто проходил мимо...

– Мне нужны твои нашивки. У меня дурное предчувствие насчет следующих нескольких часов, и я не хочу, чтобы кто-нибудь позабыл, что я сержант. Вы оба – поняли?

– Полнолуние, – шепнул Фред Шноббс как мужчина мужчине и ответил вслух:

– Да, сержант. Но понадобится некоторое...

– Нет, не понадобится! Потому что здесь вервольф и вампир! У меня выдался очень скверный день, а у Салли ноют зубы! Мы выйдем через десять минут в человеческом виде... или мы выйдем в любом случае!

Что? – снова послышался шепот. – Зачем тебе свекла? С какого перепуга, по-твоему, в «Киске» может оказаться свекла? Что? Ладно. Яблоко тебя устроит? Шнобби, младшему констеблю Хампеддинг нужно яблоко. Срочно. Или хоть что-нибудь, что она сможет укусить. Живей!

Кофе порой бывает единственным способом вкусить отдых, на который по праву рассчитывает твой стареющий организм. Ваймс выпил две чашки, помылся и, по крайней мере, попытался побриться; он чувствовал себя почти по-человечески, за исключением того, что голова у него как будто была набита теплой шерстью. Наконец, решив, что он достаточно набрался сил и, возможно, в состоянии будет отвечать на длинные вопросы, Ваймс вошел в Продолговатый кабинет анк-морпорского патриция.

– А, командор, – сказал Ветинари после внушительной паузы, поднимая взгляд и отодвигая в сторону какие-то бумаги. – Спасибо, что пришли. Похоже, я должен вас поздравить. По крайней мере, так мне сообщили.

– С чем поздравить, сэр? – спросил Ваймс, и его лицо приобрело специальное выражение «для разговоров с Ветинари».

– Перестаньте, Ваймс. Вчера мы думали, что у нас разразится межнациональное побоище прямо в центре города – и вдруг все пришло в норму. Уличные банды способны нагнать страху, насколько мне известно.

– Большинство заснуло или перессорилось между собой, прежде чем появилась Стража, сэр. Нам осталось только прибраться.

– О да, – ответил Ветинари. – Просто удивительно. Садитесь. Необязательно тянуться передо мной, как капрал на посту.

– Не понимаю, что тут удивительного, сэр, – сказал Ваймс, охотно плюхаясь в кресло.

– Правда? Я имел в виду, Ваймс, ту скорость, с которой обе стороны под действием крепких напитков в одно и то же время вышли из строя...

– Я тут ни при чем, сэр.

Это была автоматическая реакция, изрядно упрощавшая жизнь.

– Да? Если не ошибаюсь, Ваймс, и тролли и гномы, укрепляясь духом к предстоящей драке, выпили нечто, что приняли, насколько я понимаю, за пиво...

– Они ужра... напились еще с утра, сэр, – заметил Ваймс.

– Да, Ваймс, и, возможно, именно поэтому гномы проявили недостаточную осмотрительность, охотно принявшись за пиво, которое оказалось в значительной мере... укрепленным. Окрестности Сатор-сквер,

насколько мне известно, до сих пор слабо пахнут яблоками, Ваймс. Остается предположить, что они пили смесь крепкого пива и укипаловки, которую, как вы знаете, гонят из яблок...

– Э... в основном из яблок, сэр, – охотно подсказал Ваймс.

– Да. Этот коктейль известен под названием «Пшик», если не ошибаюсь. А что касается троллей, я так полагаю, нелегко сделать троллье пиво еще опаснее, чем оно есть, но, возможно, вы слышали, Ваймс, что примесь кое-каких металлических солей превращает его в напиток под названием *лугларр*, или «Большой молот»?

– Ни разу не слышал, сэр.

– Ваймс, камни на площади кое-где буквально выжжены этим пойлом!

– Очень жаль, сэр.

Ветинари побарабанил пальцами по столу.

– Что вы сделаете, Ваймс, если я задам вам прямой вопрос?

– Я откровенно солгу, сэр.

– Тогда я не стану спрашивать. – Патриций тонко улыбнулся.

– Спасибо, сэр. Тогда я не стану лгать.

– Где арестованные?

– Распределены по участкам, сэр, – ответил Ваймс. – Когда они проснутся, мы вымоем их под струей из пожарной кишки, запишем имена, выдадим квитанцию на оружие, напоим чем-нибудь горячим и вытолкаем на улицу.

– Оружие очень важно для них с культурной точки зрения, Ваймс, – напомнил Ветинари.

– Да, сэр, я в курсе. Но лично у меня сильнейшее культурное предубеждение против того, чтобы мне вышибали мозги или подсекали колени, – сказал Ваймс, подавив зевок, и ребра тут же запротестовали.

– Да уж. Есть пострадавшие?

– Ничего такого, что нельзя вылечить, – Ваймс поморщился. – Должен сообщить, что мистер Э. И. Пессимал отделался сломанной рукой и множественными ушибами.

Ветинари не на шутку удивился.

– Инспектор? Что он там забыл?

– Э... он набросился на тролля, сэр.

– *Прошу прощения? Мистер Э. И. Пессимал набросился на тролля?*

– Да, сэр.

– Мистер Э. И. Пессимал?

– Так точно, сэр.

– На целого тролля?

– Да, сэр. Он его укусил.
– Мистер Э. И. Пессимал? Вы уверены? Человечек в начищенных ботинках?
– Да, сэр.
В бушующем море вопросов Ветинари ухватился за спасительное:
– *Зачем?!*
Ваймс кашлянул.
– В общем, сэр...

Тролли превратились в живую картину. Они стояли и сидели там, где их застал «Большой молот». Несколько пьянчужек вяло пытались драться, а один защищал бутылку контрабандного шерри, намереваясь любой ценой высосать последнюю каплю, но констебль Дорфл, голем, перехватил его и стукнул головой оземь.

Ваймс брел по площади, пока стражники волокли или катили сонных троллей, складывая их аккуратными рядами в ожидании полицейского фургона. А потом...

...у Кирпича выдался неудачный день. Он выпил кружку пива. Ну, может, не одну. Эта, ну и что тут плохого?

И тут прямо перед ним, эта, появился какой-то в шлеме, и все такое, ага, мож, и гном, насколько могло судить бурлящее, блуждающее закоулками сознание Кирпича. Какого черта, решило сознание, раз это не тролль, то, типа, все нормально. Дык. И вот она, дубинка, эта, прямо в руках...

Повинуясь инстинкту, Ваймс обернулся в ту секунду, когда тролль, открыв красные глаза, моргнул и размахнулся дубиной. Ваймс, как будто в замедленном действии, попытался увернуться, но дубина врезалась ему в бок, подняла, подбросила в воздух и швырнула наземь. Он услышал крики – и тут тролль тяжело шагнул вперед, занеся дубину, чтобы сровнять противника с землей.

Кирпич понял, что на него напали. Он остановился и посмотрел вниз, на свое правое колено. Мозг так и искрил. Эта, какой-то мелкий гном или типа того набросился на него с тупым мечом, пинал и вопил как чокнутый. Кирпич решил, что это пиво виновато. От пива ему казалось, что у него из ушей валит огонь, че. Он одним движением руки смахнул мелкого надоеду.

Ваймс беспомощно смотрел, как Э. И. Пессимал катится по мостовой. Потом тролль вновь обернулся к нему, сжимая дубину. Но Детрит, который наконец подоспел на выручку, громадной ручищей выхватил оружие у

тролля – а потом обрушил кулак, подобный гневу богов.

У Кирпича все в глазах потемне...

– Вы хотите мне внушить, – сказал патриций Ветинари, – что мистер Э. И. Пессимал попытался практически голыми руками атаковать тролля?

– И ногами тоже, сэр, – заметил Ваймс. – А еще он его укусил.

– Разве он не шел на верную смерть? – спросил Ветинари.

– Кажется, это его не волновало, сэр.

В последний раз Ваймс видел Э. И. Пессимала, когда того перевязывал Игорь. Инспектор полубессознательно улыбнулся. Стражники то и дело заглядывали, чтобы сказать что-нибудь вроде «Ну ты даешь, громила» и похлопать его по спине. Мир перевернулся для Э. И. Пессимала.

– Могу я полюбопытствовать, Ваймс, отчего один из моих наиболее добросовестных и несомненно *штатских* служащих оказался в таком положении?

Ваймс неловко заерзжал.

– Он изучал Стражу, сэр. Хотел побольше про нас узнать.

Он посмотрел на Ветинари, как бы говоря: «Еще немного – и мне придется солгать».

Ветинари ответил взглядом: «Я знаю».

– Вы сами не слишком сильно пострадали? – спросил он вслух.

– Несколько царапин, сэр.

Во взгляде патриция читалось: «Сломанные ребра?»

Ваймс ответил: «Ерунда».

Ветинари подошел к окну и взглянул на просыпавшийся город. Некоторое время он молчал, а потом вздохнул.

– Как досадно, что многие из них родились здесь... – произнес он.

Ваймс решил промолчать. Этого обычно хватало.

– Может быть, мне следовало предпринять какие-нибудь действия против того проклятого гнома, – продолжал Ветинари.

– Да, сэр.

– Вы так считаете? Мудрый правитель думает дважды, прежде чем применить силу по отношению к тем, чьи высказывания он не одобряет.

Ваймс опять-таки промолчал. Сам он применял силу ежедневно, и весьма охотно, по отношению к тем, чьи высказывания (например, «Отдай мне все свои деньги!» или «Ну и что ты мне сделаешь, коп?») он не одобрял. Но, возможно, правители и должны рассуждать иначе.

Он сказал:

– Кто-то другой не стал думать дважды, сэр.

– Спасибо, Ваймс, – ответил Ветинари и быстро обернулся. – Вы уже выяснили, кто убил грага?

– Следствие продолжается, сэр. Вчера вечером нам помешала эта заварушка.

– Есть какие-нибудь свидетельства того, что преступление совершил тролль?

– Мы нашли... странные улики, сэр. Стража... можно сказать, собирает головоломку.

Правда, недостает крайних фрагментов, да и схема сборки не помешала бы. Поскольку выражение лица Ветинари стало хищным, Ваймс продолжил вслух:

– Если вы ждете, что я вытащу кролика из шлема, сэр, то даже не надейтесь. Гномы *уверены*, что виноват тролль. Им так говорит тысячелетний инстинкт. Они не нуждаются в доказательствах. Тролли не думают, что виноват тролль, но, возможно, не прочь, чтоб так оно и было. Дело не в убийстве, сэр. Что-то щелкнуло, и всем порядочным людям – ну, в широком смысле слова, сэр, – охота устроить Кумскую битву еще разок. В той шахте творится что-то странное, я знаю. Что-то посерьезнее убийства. Все эти туннели... зачем они нужны? Я чую ложь, и ее там в избытке.

– На ней многое держится, Ваймс, – сказал Ветинари. – Все серьезнее, чем вы думаете. Сегодня утром я получил клик-сообщение от Риса Риссона, Короля-под-Горой. У всех политиков, разумеется, есть враги. Есть, скажем так, фракции, которые не согласны с ним, с его политикой в отношении Анк-Морпорка, с оппортунистическим подходом к троллям, с позицией, которую он занял по поводу этого злополучного *га'ак*... А теперь пойдут слухи, что тролль убил грага – и, да, слухи о том, что Стража угрожает гномам.

Ветинари вскинул бледную руку, как только Ваймс открыл рот, чтобы возразить.

– Нам нужна правда, Ваймс. Правда командора Сэма Ваймса. Это важнее, чем вам, возможно, кажется. На Равнинах и за Равнинами люди знают вас, командор. Знают потомка стражника, который свято верил, что если продажный суд отказывается обезглавить злого короля, то стражник должен сделать это сам...

– Король был только один, – возразил Ваймс.

– Сэм Ваймс однажды арестовал *меня* за измену, – спокойно напомнил Ветинари. – Сэм Ваймс арестовал дракона. Сэм Ваймс остановил войну между двумя государствами, арестовав обоих главнокомандующих. Сэм

Ваймс убил вервольфа голыми руками. Он несет закон, как зажженный фонарь...

– Что это все значит?

– Стражники на половине континента подтвердят, что Сэм Ваймс прям как стрела. Он неподкупен, непогрешим и никогда не берет взятки. Послушайте меня. Если Рис падет, следующим Королем-под-Горой уж точно будет тот, кто не станет говорить с троллями. Объяснить попроще? Тролльи кланы, предводители которых имеют дело с Рисом, скорее всего, решат, что их держали за идиотов. Тогда они свергнут упомянутых предводителей и заменят их воинственными и тупыми троллями – то есть *настоящими* идиотами. И тогда начнется война, Ваймс. Она придет сюда. И это будет не смычка банд, вроде той, что ты предотвратил вчера вечером. Мы не сможем ни помешать, ни остаться в стороне. Потому что у нас тоже хватает идиотов, Ваймс, и я не сомневаюсь, что вам это известно. Они потребуют, чтобы мы выбрали, на чьей мы стороне. Кумская долина будет повсюду. Найди убийцу, Ваймс. Выследи его и вытащи на свет. Неважно, тролль это, гном или человек. По крайней мере, мы узнаем правду и сможем воспользоваться ею, как оружием. Сейчас наш главный враг – слухи и сомнения. Трон Короля-под-Горой шатается, Ваймс. Основания мира – тоже.

Ветинари замолчал и осторожно сложил перед собой бумаги, как будто почувствовав, что зашел слишком далеко.

– В любом случае я не хочу оказывать на вас никакого давления, – закончил он.

Измученный и озадаченный мозг Ваймса выбросил на поверхность одно-единственное слово.

– Смычка?

– Должно быть, я имел в виду «стычка», – бодро произнес Ветинари.

Ваймс все еще пытался уложить в голове международную сводку новостей.

– Столько шуму из-за одного убийства? – уточнил он, стараясь подавить зевок.

– Нет, Ваймс. Вы сами сказали: виной тому – тысячи лет напряжения, интриг и политической борьбы. В последнее время разные происшествия изменили баланс сил. Есть те, кому хотелось бы, чтобы все стало как прежде, даже ценой моря крови. Что такое один гном? Но если его смерть можно превратить в *casus belli*... – тут патриций Ветинари посмотрел в сонные глаза Ваймса и продолжал: – то есть в повод для войны, то внезапно он становится самым важным гномом в мире. Когда вы в

последний раз как следует спали, Ваймс?

Ваймс пробормотал, что «недавно».

– Ступайте и поспите еще. А потом найдите убийцу. Побыстрее. Хорошего вам дня.

«Шатаются не только троны королей, – подумал Ваймс. – Твое кресло тоже слегка покачнулось. Очень скоро люди спросят: кто пустил сюда всех этих гномов? Они роют туннели под городом и не подчиняются нашим законам. А тролли? Раньше их держали на цепи, как собак, а теперь они разгуливают по улицам и угрожают мирным жителям!»

Скоро заговорщики начнут собираться кучками. Те, кто тихонько беседует в углу на вечеринке. Те, кто умеет превращать мнения в ножи. Исход заварушки вчера ночью, возможно, напугал этих болтунов, но дважды такое не провернешь. Как только неприятности начнутся в массовом порядке, как только погибнет несколько человек, они перестанут говорить за закрытыми дверями. Толпа их охотно поддержит...

«Они роют туннели под городом и не подчиняются нашим законам».

Ваймс забрался в карету, с трудом переставляя ноги, которые лишь приблизительно повиновались его воле, невнятно приказал ехать в Псевдополис-Ярд и заснул.

В городе бесконечного дождя продолжалась ночь. Там всегда была ночь. Там никогда не всходило солнце.

Тварь лежала, свернувшись в переулке.

Что-то было всерьез не так. Она ожидала сопротивления. Жертвы всегда сопротивлялись, но тварь неизменно побеждала. Но даже теперь, когда незримая городская суэта утихла, она не могла прорваться внутрь сознания. Раз за разом она нащупывала нужный рычаг – вспышку гнева, которой можно было воспользоваться, – и раз за разом дверь захлопывалась, отбрасывая тварь в темный переулок с вонючими сточными канавами.

Это было не обычное сознание. Тварь боролась что есть силы.

Никто до сих пор ее не побеждал. Всегда есть какой-нибудь способ...

По обломкам мира брел тролль...

Кирпич вышел из участка на улице Сестричек Долли, одной рукой потирая голову, а в другой держа пакетик с зубами. Со всеми, какие удалось собрать Детриту. Кирпич подумал: сержант еще неплохо с ним обошелся. Детрит в подробностях объяснил, что было бы, если бы Кирпич успел ударить мистера Ваймса во второй раз. Между прочим, он намекнул, что

тогда проблемой было бы не собрать зубы, а найти для них новую голову.

Еще Детрит сказал, что в Страже всегда найдется место для тролля, способного устоять на ногах после изрядной порции «Большого молота», так что, может быть, Кирпич попробует в будущем вести себя поприличнее, и тогда перед ним откроются разные перспективы.

Кирпич раздумывал – насколько это слово применимо к мозгу, в течение двух дней одурманенному «Большим молотом». Упомянутое будущее казалось настолько ярким, что приходилось идти с закрытыми глазами, хотя, возможно, в этом тоже был виноват «Большой молот».

Но...

Он слышал, о чем говорили другие тролли. И стражники. Ета, какой-то тролль кокнул гнома в новой шахте. Кирпич был абсолютно уверен, что не убивал гнома, даже под «Скребом». Он крутил и крутил эту мысль в той части мозга, которая заслуживала такого наименования. У Стражи, ета, полно всяких фокусов, вот в чем беда, они только глянут на твою тарелку и сразу, ета, скажут, что ты ел на ужин. А еще Кирпич потерял там, внизу, череп, ета точно. Они теперь его понюхают и сразу скажут, что это был он! Только это ж был не он! Потому что, типа, тот тролль потерял дубинку, а Кирпич нет, потому что потом он, ета, стукнул своей дубинкой того главного стражника, а значит, у него была ета, как ее, алибя. Дык.

Несмотря на побулькивание «Молота», который постепенно выветривался из головы, Кирпич понял, что никакого не дык. И ваще, если они ищут тролля, который это сделал, и вдруг узнают, что я там был и потерял череп, а я скажу, типа, ну ладно, я там был, только гнома я не трогал, они скажут: нет, берите этого тролля, он виноват.

Кирпич чувствовал себя очень одиноким.

И ничего поделаться было нельзя. Но, ета, он знал, кто мог ему помочь. Пока, типа, башка от мыслей не треснула.

Ныряя в переулки, прижимаясь к стенам, не поднимая головы и избегая всех живых существ, Кирпич отправился на поиски мистера Блеска.

Ангва решила отправиться прямо в Псевдополис-Ярд, а не в ближайший участок. В конце концов, в Ярде находилась штаб-квартира, и там в шкафчике она всегда держала запасную форму.

Ее раздражала легкость, с которой Салли шагала на шестидюймовых шпильках. Ох уж эти вампиры. Ангва давно сбросила туфли и несла их в руках. Либо так, либо вывих лодыжки. В клубе «Розовая киска» был весьма ограниченный выбор обуви. В отношении одежды выбрать тоже оказалось

особенно не из чего, если исходить из того, что одежда должна хотя бы частично прикрывать тело.

Ангва изрядно удивилась, когда в костюмерной нашлась женская униформа, но с крошечным нагрудником из папье-маше и юбочкой, которая была слишком коротка, чтобы прикрыть хоть что-то. Беллочка, осторожно подбирая слова, объяснила, что иногда мужчинам хочется посмотреть на красивую девушку в форме. Ангва, твердо помнившая, что мужчины, которых она арестовывала, никогда не были особо рады ее видеть, всерьез задумалась. В итоге она остановила свой выбор на расшитом золотыми блестками платье (которое ей не шло). Салли предпочла нечто простое, синее, с разрезом до бедра – разумеется, как только она его надела, платье стало выглядеть потрясающе.

И Салли в нем выглядела потрясающе.

Поэтому, когда Ангва вошла в Ярд, захлопнув за собой дверь, и услышала насмешливый свист, незадачливый стражник отлетел к стене и грянулся об нее. Два острия прижались к его шее, и Ангва прорычала:

– Хочешь увидеть волка сию секунду? Скажи: нет, сержант Ангва.

– Нет, сержант Ангва!

– Уверен? Может быть, я ошиблась?

Острия прижались посильнее. Стражник с легкостью представил, как стальные когти протыкают ему сонную артерию.

– Не знаю, сержант Ангва!

– У меня нервы на пределе! – взвыла та.

– Я не заметил, сержант Ангва!

– Все мы сейчас слегка напряжены, правда?

– Это точно, сержант Ангва!

Ангва выпустила бедолагу, позволив коснуться ногами земли, и всунула в безвольно обвисшие руки две черные блестящие туфли с очень острыми каблуками.

– Окажи мне, пожалуйста, большую услугу и отнеси их в клуб «Розовая киска», – любезно попросила она. – Если не ошибаюсь, они принадлежат девушке по имени Шерили. Спасибо.

Она повернулась к столику дежурного. Моркоу с раскрытым ртом глядел на нее. Прекрасно сознавая, какую бучу она подняла, Ангва подошла к нему сквозь толпу потрясанных зрителей и бросила на раскрытую книгу записи происшествий облепленное грязью ожерелье.

– Четверо гномов, убитых гномами же, в Долгой Тьме, – сообщила она. – Нюх меня не подводит. Это принадлежало одному из них. Вот что еще у него было, – Ангва положила грязный конверт рядом с ожерельем. –

Слегка запачкано, но разобрать можно. Мистер Ваймс с ума сойдет... – Она посмотрела в голубые глаза Моркоу. – Где он?

– Спит в кабинете на матрасе, – ответил тот, пожав плечами. – Леди Сибилла знала, что он не поедет домой, поэтому она велела Вилликинсу постелить прямо здесь. Вы обе в порядке?

– Да, сэр, – сказала Салли.

– Я очень волновался... – начал Моркоу.

– Четыре убитых гнома, капитан, – перебила Ангва. – Городских гнома. Вот о чем надо волноваться. Трое наполовину погребены на месте, один уполз.

Моркоу взял ожерелье и прочел руны.

– Ларс Сильноступ, – сказал он. – Кажется, я знаю эту семью. Ты уверена, что его убили?

– Ему перерезали горло. Не похоже на самоубийство. Но он умер не сразу. Он добрался до одной из треклятых дверей, которую убийцы заперли за собой, и собственной кровью начертил какой-то гномий знак. Потом он сел и стал в темноте дожидаться смерти. В темноте, черт подери, Моркоу! Это были обыкновенные гномы! С лопатами и тачками! Они работали там, внизу, а потом, когда они перестали быть нужны, их прикончили! Зарубили и бросили в грязь! Может быть, он был еще жив, когда в шахту спустились мы с мистером Ваймсом! Он лежал за чертовой толстой дверью и медленно умирал! Ты знаешь, что это такое? – Она вытащила из-за корсажа сложенную карточку и протянула Моркоу.

– Меню? – удивился тот.

– Открой, – огрызнулась Ангва. – Прости, писать пришлось помадой. Больше ничего не нашли.

Моркоу развернул карточку.

– Еще один знак тьмы? Боюсь, он мне незнаком...

В помещении были и другие гномы-стражники. Моркоу поднял рисунок над головой.

– Кто-нибудь знает, что это такое?

Несколько голов в шлемах качнулось, несколько гномов попятнулись, и чей-то низкий голос из коридора отозвался:

– Да, капитан Моркоу, я знаю, что это. Если не ошибаюсь, знак похож на глаз с хвостом?

– Э... да... сэр? – Моркоу всматривался в коридор. Тень шевельнулась.

– Этот знак начертил в темноте умирающий гном? Собственной кровью? Это Призывающая Тьма, капитан. И она движется. Доброе утро. Меня зовут мистер Блеск.

У Моркоу отвисла челюсть. Стражники повернулись, чтобы посмотреть на вошедшего. Он маячил в дверях, почти одинаковый в ширину и в высоту, в черном плаще с капюшоном, скрывавшим все черты.

– *Тот самый* мистер Блеск? – уточнил Моркоу.

– К сожалению, да, капитан, и я настоятельно прошу, чтобы никто не покидал комнаты в течение нескольких минут после моего ухода. Я предпочитаю перемещаться... неофициально.

– Я думал, вы не настоящий, сэр!

– Поверьте, молодой человек, хотел бы я и дальше поддерживать вас в приятном заблуждении, – ответила фигура в капюшоне. – Но мне *пришлось* прийти.

Мистер Блеск шагнул вперед, втащив в комнату какое-то тощее существо. Это был тролль, и угрюмо-дерзкое выражение его лица отнюдь не скрывало всепоглощающего ужаса.

– Это Кирпич, капитан. Вверяю его персональной опеке сержанта Детрита. Кирпич располагает кое-какой полезной для вас информацией. Я выслушал его. Я ему верю. Действуйте быстро. Призывающая Тьма, возможно, уже нашла себе жертву. Что еще... ах да, ни в коем случае не держите этот знак в темноте. Пусть он все время будет на свету. А теперь извините за некоторую театральность...

Черный плащ распахнулся. Ослепительный, резкий белый свет на мгновение залил комнату. Когда он померк, мистер Блеск уже исчез. Остался только большой яйцообразный камень на затоптанном полу.

Моркоу моргнул и тут же пришел в себя.

– Так, вы слышали, – произнес он, обращаясь к внезапно оживившимся слушателям. – Не вздумайте преследовать мистера Блеска, понятно?

– Преследовать *его*, капитан? – переспросил какой-то гном. – Ну нет, мы не психи.

– Это точно, – подхватил какой-то тролль. – Говорят, он может забраться внутрь тебя и, ета, остановить твое сердце.

– Мистер Блеск? – уточнила Ангва. – Тот самый, о котором повсюду пишут на стенах?

– Похоже на то, – коротко ответил Моркоу. – Он сказал, что у нас мало времени. Мистер... Кирпич, если не ошибаюсь?

Если тролли Хризопраза умудрялись развязно покачиваться, даже стоя на месте, то Кирпич каким-то образом скучивался в одиночку. Обычно нужны как минимум двое, чтобы скучиться, но этот тролль пытался спрятаться сам у себя за спиной. Впрочем, спина Кирпича мало подходила

для того, чтоб за ней укрываться: он был тощим как жердь, можно сказать, кожа да кости. Дешевый и вялый лишайник и тот смастерили из капустных кочерыжек в каком-нибудь глухом переулке близ Каменоломной улицы. Пояс был просто убогий, с черепами из папье-маше, которые продаются в любом магазинчике розыгрышей. У одного черепа был красный нос.

Кирпич нервно огляделся. Послышался стук: он выронил дубинку.

– Я в глубокой етой самой, да? – уточнил он.

– Несомненно, нам нужно с вами поговорить, – сказал Моркоу. – Хотите адвоката?

– Не, я уже поел.

– Вы питаетесь адвокатами? – спросил Моркоу.

Кирпич тупо смотрел на него, пока мозг не сработал.

– Как называются ети, которые хрустят, когда их ешь?

Моркоу посмотрел на Детрита и Ангву в надежде получить хоть какую-нибудь подсказку.

– Не исключено, что это и впрямь адвокаты, – наконец признал он.

– Они, ета, размокают, если их во что-нибудь окунуть, – продолжал Кирпич, как будто производя судебно-медицинскую экспертизу.

– Вы, наверное, имеете в виду печенье? – догадался Моркоу.

– А, ну может. Ета, в пакетиках, бумага и все такое. Ага, печенье.

– Попробуем по-другому, – сказал Моркоу. – Вы хотите, чтобы кто-нибудь вам помогал, когда мы будем с вами разговаривать?

– Да, пожалуйста. Пусть мне все помогают, – поспешно ответил Кирпич.

Оказаться в центре внимания целой толпы стражников было его худшим кошмаром. Не, погодите, а как же тот раз, когда он, ета, принял «Скреба» пополам с аммиачной селитрой? Йо-хо-хо! До свиданья, уши. Дык. Ета был его второй худший кошмар. Нет, если хорошенько подумать, был еще один, когда он, ета, принял ту штуку, которую Жесткач добыл у Одноглазого Чертпобери, ета было ваще. Знать бы, куда его тогда занесло. Аж зубы танцевали, а заодно и... Не-не, погоди, припомни-ка, как ты позавтракал «Сползом», и у тебя руки отвалились. Да, да, хреново тебе было, так что, может, ета и был самый худший... ну нет, ты, ета, позабыл, как надрался «Скрапом» и нюхнул цинкового порошка, а потом думал, что пятки горлом вылезут? Аааргх, а вот еще было дело, когда ты... не-ет, в другой раз, когда... ааргх...

Кирпич добрался до своего девятнадцатого худшего кошмара, прежде чем голос Моркоу прорезал тьму.

– Мистер Кирпич?

– Э... ета вы мне? – нервно спросил тот. Честное слово, он бы сейчас не отказался от «Сполза»...

– Адвокат обычно бывает только один, – объяснил Моркоу. – Мы намерены задать вам несколько довольно сложных вопросов. Вы можете прибегнуть к чьей-нибудь помощи. Нет ли у вас друга, которого мы могли бы вызвать сюда?

Кирпич задумался. На ум ему пришли только Полный Шлак и Большой Мрамор, хотя скорее они входили в категорию тех, кто «не швыряет в меня камнями всякий раз, когда увидит, а иногда дает нюхнуть». Здесь и сейчас это были не самые уместные качества.

Он указал на сержанта Детрита и сказал:

– Он. Он, ета, помог мне собрать зубы.

– Я не уверен, что кадровый офицер... – начал Моркоу.

– Я вызываюсь добровольно, капитан, – произнес тонкий голосок.

Моркоу перегнулся через край стола.

– Мистер Пессимал? Вам еще рано вставать...

– Э... на самом деле я действующий младший констебль, капитан, – напомнил Э. И. Пессимал вежливо, но твердо. Он опирался на костыли.

– Да? Э... допустим, но все-таки я думаю, что вам нужно лежать.

– Я должен послужить правосудию, – заявил Э. И. Пессимал.

Кирпич нагнулся и внимательно посмотрел на инспектора.

– Да это тот гном со вчера, – сказал он. – Не, мне его не надо.

– Вы можете назвать хоть кого-нибудь? – спросил Моркоу.

Кирпич вновь задумался и наконец просветлел.

– Ага, могу, – сказал он. – Запросто. Тот, кто мне поможет отвечать на вопросы, да?

– Совершенно верно.

– Ета проще некуда. Если вы найдете гнома, кого я видел в той шахте, так он меня выручит.

В комнате воцарилась мертвая тишина.

– Но с какой стати ему это делать? – осторожно спросил Моркоу.

– Он вам скажет, зачем он стукнул того, другого, гнома по башке, – ответил Кирпич. – То есть я-то не знаю. Но, наверно, ета, он сюда не захочет прийти, потому что я тролль, так что я уж выберу сержанта Детрита, если, типа, вам не все равно.

– По-моему, дело зашло слишком далеко, капитан, – заметил Э. И. Пессимал.

В наступившей тишине голос Моркоу прозвучал очень громко:

– А теперь, мистер Пессимал, я полагаю, что пора разбудить

командора Ваймса.

Есть старая солдатская поговорка, которой пользовался Фред Колон, описывая полнейшую неразбериху и замешательство. В подобной ситуации, если верить Фреду, легко «спутать божий дар с яичницей».

Эта поговорка всегда озадачивала Ваймса. Он ломал голову, по каким параметрам проводилось сравнение. Даже теперь, с послевкусием вчерашних событий во рту и с подозрительно обостренным зрением, он полагал, что в состоянии понять разницу. Для начала, лишь последний из компонентов сопровождался кружкой кофе.

Сейчас перед Ваймсом стоял кофе, следовательно, был обычный завтрак. На самом деле почти обед, но какая разница.

Троль, известный всем окружающим и периодически самому себе под именем Кирпич, сидел в одной из просторных тролльих камер, но, поскольку никто не мог решить, арестован он или нет, дверь оставили незапертой. Никто не помешал бы ему уйти – поскольку он не стал бы и пытаться. Кирпич уплетал третью миску обогащенной минералами глины – этакий троллий питательный суп.

– Что такое «Сполз»? – поинтересовался Ваймс, откинувшись на спинку свободного стула и глядя на Кирпича, как зоолог на интересное, но совершенно непредсказуемое животное. Он положил каменное яйцо, оставленное загадочным мистером Блеском, на стол рядом с миской, чтобы посмотреть, какая будет реакция, но троль не обратил на него внимания.

– «Сполз»? Да в наши дни, эта, его почти не найдешь, раз «Скреб» так подешевел, – пророкотал Детрит, который по-хозяйски обзрел найденьша, точь-в-точь как курица-наседка смотрит на цыпленка, который намеревается покинуть гнездо. – Это, типа, что сумеешь наскрести. Немножко сухого «Сполза» вскипятить в жестянке вместе со спиртным и голубиными етими самыми. Его потребляют уличные тролли, когда у них, это, туго с деньгами и... с чем еще у них туго, Кирпич?

Ложка замерла в воздухе.

– У них туго с самоуважением, сержант, – ответил Кирпич, явно повторяя урок, который орали ему на ухо в течение двадцати минут.

– Клянусь Ио, он запомнил! – воскликнул Детрит, хлопнув тощего Кирпича по спине с такой силой, что юный троль уронил ложку в дымящийся суп. – Этот парень мне пообещал, что теперь все это позади и он завяжет, потому что присоединился к моей программе «Бросай за один шаг». Я, эта, прав, Кирпич? Больше никакого «Скреба», «Сполза», «Слизи», «Сброса», «Снюха», да, парень?

– Да, сержант, – послушно отозвался Кирпич.

– Сержант, почему названия всех тролльных наркотиков начинаются на «с»? – спросил Ваймс.

– Чтоб проще запомнить, сэр, – ответил Детрит, глубокомысленно кивая.

– А, ну конечно. Я не подумал, – сказал Ваймс. – Сержант Детрит объяснил тебе, Кирпич, почему его программа называется «За один шаг»?

– Э... потому что шагнуть не туда он мне не позволит, сэр, – отозвался Кирпич как по писаному.

– Ета, он хочет еще кое-что сказать вам, да, Кирпич? – заботливо произнес Детрит. – Давай, скажи мистеру Ваймсу.

Кирпич уперся взглядом в стол и прошептал:

– Простите, что хотел вас убить, миссис Ваймс.

– Ладно, проехали, – сказал Ваймс, не придумав ничего лучшего в ответ. – Кстати говоря, ты, наверное, имел в виду «мистер Ваймс», и я в любом случае предпочитаю, чтобы так меня называли только те, кто дерется рядом со мной.

– Ну, теоретически Кирпич дрался ря... – начал Детрит, но Ваймс решительно поставил кружку с кофе на стол. Ребра у него ныли.

– Нет, это не значит «рядом», сержант, – сказал он. – Правда не значит.

– Он, в общем, не виноват, сэр, – он, ета, обознался, – возразил Детрит.

– То есть он не знал, кто я такой? По-моему, это не...

– Нет, сэр. Он не знал, кто *он* такой, сэр. Он думал, что он – пучок огня и фейерверков. Поверьте, сэр, я сумею кое-что сделать из этого парня. Ну пожалуйста, сэр. Он по уши налился «Молотом» и после этого еще держался на ногах!

Ваймс несколько секунд смотрел на Детрита, потом перевел взгляд на Кирпича.

– Мистер Кирпич, расскажите, как вы оказались в шахте, – сказал он.

– Я сказал тому, другому, стражнику... – начал Кирпич.

– А теперь расскажи мистеру Ваймсу! – прогремел Детрит. – И сию секунду!

Потребовалось некоторое время, с паузами, во время которых отдельные фрагменты сознания Кирпича вставали на место, но Ваймс понял примерно следующее.

Бедолага Кирпич употребил «Скреб» вместе с какими-то уличными троллями, своими приятелями, на старом складе в лабиринте закоулков позади Парковой улицы и забрел в старый погреб в поисках укромного местечка, чтобы посмотреть картинки. Пол под ним провалился. Судя по

всему, он пролетел немало, но, исходя из естественного для него состояния, Кирпич, скорее всего, спорхнул вниз, как бабочка. В конце концов он оказался в туннеле, «типа шахты, ага, с деревянными столбами, которые, эта, держали потолок», и побрел вперед в надежде, что туннель приведет его на поверхность или к какой-нибудь еде.

Он ни о чем не беспокоился, пока не оказался в туннеле пошире, и тогда слово «гномы» наконец достигло какого-то закоулка мозга, которому ничего не оставалось, кроме как отреагировать.

Троль в гномьей шахте *должен* буйствовать. Это аксиома, вроде слона в посудной лавке. Но в Кирпиче было на удивление мало ненависти к любым живым существам. Если поблизости имелось некоторое количество штуквин, которые начинались на букву «с» и от которых у него звенела голова – а в городе их более чем хватало, – Кирпича не особенно волновало все остальное. Этот уличный троль пал ниже слизи. Неудивительно, что даже подонки Хризопраза отказались его принять. Кирпич был мусором, через который переступают.

Возможно, до Кирпича, стоявшего в темноте и слышавшего вдалеке гномьи голоса, даже дошло, что пора испугаться. А потом он увидел сквозь круглый дверной проем, как один гном догнал второго и ударил его по голове. Был непроглядный мрак, но у троллей хорошее ночное зрение, и вдобавок в шахте кишели вурмы. Троль не разобрал подробностей, да и не особенно стремился. Какая разница, чем заняты гномы между собой? Пока они не делали ничего плохого *ему*, Кирпич не видел проблемы. Но когда гном, который нанес удар, начал орать, проблема возникла. Просто огромная.

Большая металлическая дверь прямо перед ним распахнулась и врезала ему по лицу. Выглянув из-за нее, Кирпич увидел, как мимо пробежали несколько вооруженных гномов. Они не подумали, что кто-то может прятаться за дверью. Пока не подумали. Они поступили самым естественным образом – бросились на крик. Кирпич, напротив, был заинтересован только в том, чтобы убраться как можно дальше от источника шума, и прямо перед ним оказалась открытая дверь. Он бежал не останавливаясь, пока не выбрался на свежий воздух.

За ним не гнались. Ваймс ничуть не удивился. Чтобы быть стражником, требуется особый склад ума. Обыкновенный стражник часами стоит и ни на что не смотрит. Он не требует большого жалованья. Он, скорее всего, не начнет поиски с осмотра туннеля, по которому только что прибежал.

Он не отличается умом.

Бесцельно и бессмысленно, без злого умысла и даже не из любопытства, бродячий тролль забрел в гномью шахту, затуманенными от наркотиков глазами увидел убийство и скрылся. Кто мог это предвидеть? Где тут логика? Где здравый смысл?

Ваймс посмотрел в слезящиеся, похожие на желтки в яичнице глаза тролля, окинул взглядом тощее тело и тонкую струйку бог весть чего, стекающую из запекшейся ноздри. Кирпич не лгал. У него и без выдумок было достаточно неприятностей.

– Скажи мистеру Ваймсу про вуквук, – приказал Детрит.

– А, ну да, – отозвался Кирпич. – В той пещере, ета, был большой вуквук.

– Кажется, я не улавливаю главного, – заметил Ваймс.

– Вуквук – ето такая штука, которую делают из каменного угля, селитры и «Схода», – пояснил сержант. – И закатывают в бумажку, как сигару.

– Мы их зовем «вуквук», потому что, ну... они, типа, похожи на вуквук, – с застенчивой улыбкой сказал Кирпич.

– Да, я, кажется, понимаю, – устало ответил Ваймс. – Ты попытался ее закурить?

– Нет, сэр. Она была очень уж *большая*, – сказал Кирпич. – Она лежала в етом вонючем туннеле, куда я провалился.

Ваймс попытался встроить вуквук в общую картину и на время предпочел оставить его за кадром. Значит... виноват гном? Ну да. Он верил Кирпичу, хотя из ведра лягушек и то получился бы более дельный свидетель. Прямо сейчас, впрочем, не было особого смысла продолжать давить на бедолагу.

– Ладно, – сказал Ваймс и взял загадочный камень, который мистер Блеск оставил на полу в кабинете. Он был примерно восьми дюймов в поперечнике, но на удивление легкий.

– Расскажи мне при мистера Блеска, Кирпич. Он твой друг?

– Мистер Блеск повсюду! – горячо воскликнул Кирпич. – Он алмаз!

– Так или иначе, полчаса назад он побывал в Ярде, – сказал Ваймс. – Детрит!

– Сэр? – отозвался сержант, и на его лице появилось виноватое выражение.

– А что *ты* знаешь про мистера Блеска?

– Э... он, ета, вроде тролльего бога... – проямлил Детрит.

– Здесь у нас нечасто бывают боги, – заметил Ваймс. – Кто-то спер небесный огонь или золотое яблоко? Просто удивительно, но в

детективных романах такие сюжеты – большая редкость. Он ведь тоже тролль?

– Он, типа... король, – сказал Детрит, как будто каждое слово тащили из него клещами.

– А я думал, у троллей в наше время нет королей, – сказал Ваймс. – Я думал, каждый клан сам по себе.

– Да, да, – ответил Детрит. – Слушайте, мистер Ваймс, мистер Блеск – это мистер Блеск. Мы не говорим о нем лишнего.

Он вперил в Ваймса печальный и упрямый взгляд.

Ваймс решил избрать мишень попроще.

– Где ты его нашел, Кирпич? Я просто хочу...

– Он пришел, чтобы помочь вам! – рыкнул Детрит. – Что вы делаете, мистер Ваймс? Зачем задаете вопросы? Когда дело касается гномов, вы, эта, вокруг них пляшете, чтоб их не обидеть, а если речь о троллях, что вы тогда делаете? Приказываете выбить дверь, и никаких проблем! Мистер Блеск привел вам Кирпича, дал хороший совет, а вы, эта, говорите о нем так, как будто он уличный тролль! Я слышал, капитан Моркоу говорил гномам, что он – Два Брата. Думаете, меня эта радует? Мы знаем эту старую гномью выдумку! Да! Мы *стонем*, когда ее слышим! Да! Если хотите видеть мистера Блеска, надо проявить уважение. Проявить уважение, да!

«Снова Кумская долина», – подумал Ваймс. Он еще никогда не видел Детрита в таком гневе, по крайней мере, по отношению к себе. Детрит всегда был рядом, надежный и непоколебимо верный.

А в Кумской долине встретились два племени, и никто не отступил...

– Я прошу прощения, – сказал Ваймс, сморгнув. – Я не знал. И никого не хотел обидеть.

– Вот так! – ответил Детрит, пристукнув огромной ладонью по столу.

Ложка вылетела из пустой миски. Загадочный камень, постукивая, покатился по столу, свалился на пол и раскололся пополам.

Ваймс взглянул на две аккуратные половинки.

– Да он полон кристаллов, – произнес он. Потом всмотрелся ближе.

Внутри сверкающего полушария лежал листок бумаги.

Ваймс поднял его и прочел:

– «Пойнтер и Пиклз, Кристаллы, минералы и шлифовальные инструменты, Анк-Морпорк, Десятая Яичная улица, дом 3».

Ваймс аккуратно положил листок, подобрал обе половинки и сложил вместе. Они сошлись, не оставив даже крошечной трещинки. Никаких признаков клея не было.

Он взглянул на Детрита.

– Ты знал, что так будет?

– Нет, – ответил тролль. – Но я думаю, ета, мистер Блеск знал.

– Он оставил мне свой адрес, сержант.

– Ага. Наверное, он хочет, чтоб вы пришли, – сказал Детрит. – Это большая честь, сэр. Не вы ищете мистера Блеска, а мистер Блеск находит вас.

– Как он нашел *тебя*, Кирпич? – спросил Ваймс.

Кирпич со страхом взглянул на Детрита. Сержант пожал плечами.

– Подобрал. Дал еды, – промямлил Кирпич. – И сказал, куда, ета, приходите за ещем. Он велел мне, ета, бросить марафет. Но...

– Что?

Кирпич развел узловатыми, сплошь в рубцах, руками. Этот жест яснее всяких слов говорил: он бы бросил, но что поделаешь, если на одной стороне весь мир, а на другой только Кирпич?

«И тогда его поручили Детриту, – подумал Ваймс. – Это сколько-то уравнило шансы...»

Он встал и кивнул сержанту.

– Мне взять что-нибудь с собой?

Тролль задумался.

– Нет, – ответил он. – Но кое-какие мысли лучше, ета, оставить дома.

«Я отвечаю за операцию в шахте, – думал Ваймс. – Возможно, мы близки к войне. Людям впоследствии приятнее будет думать, что там было какое-нибудь должностное лицо, когда все это случилось. Так почему же мне кажется, что важнее повидать загадочного мистера Блеска?»

Капитан Моркоу был занят. Городские гномы его любили. Поэтому он сделал то, что не мог сделать Ваймс – по крайней мере, не мог сделать как следует. Он отнес облепленное грязью гномье ожерелье в дом на Новой Булыжной улице и объяснил двум старикам-гномам, что случилось. После этого события разворачивались быстро. В том числе потому, что шахту закрыли. Стражники, рабочие и искатели наставлений обнаруживали запертую дверь. Долги накапливались, а гномы в таких вещах настроены решительно. Значительная часть гномьей премудрости касается контрактов. Всякий да получит плату.

«Больше никакой политики, – сказал себе Ваймс. – Кто-то убил четверых *наших* гномов, которые отнюдь не были сумасшедшими подстрекателями, и оставил их лежать в темноте. Мне плевать, кто виноват. Я вытащу преступника на свет. Таков закон. Наверху и внизу. Но пусть

гномы займутся этим сами. Они отлично справятся. Перекопают грязь. И извлекут улики».

Он вошел в штаб-квартиру. Там сидел Моркоу с полудесятком других стражников-гномов. Вид у них был мрачный.

– Все уладили? – спросил Ваймс.

– Да, сэр. Встречаемся с остальными на Эмпирическом Полумесяце.

– Землекопов у вас достаточно?

– Все гномы – землекопы, сэр, – торжественно ответил Моркоу. – Еще нам везут брусья и лебедки. Кое-кто из тех, кто идет с нами, помогали прокладывать эту шахту, сэр. Они знали тех парней. Они... озадачены и злы, сэр.

– Да уж не сомневаюсь. То есть они нам верят? – спросил Ваймс.

– Э... более или менее, сэр. Хотя, если мы не найдем трупы, у нас будут неприятности.

– Ты прав. Гномы знали, что именно они искали, когда прокладывали шахту?

– Нет, сэр. Они просто получали приказы от глубинных. Разные партии копали в разных направлениях. Копали далеко. Они говорят – аж до Деньгоперехватного проезда и Шляпной улицы.

– Изрядный кусок города!

– Да, сэр. Но было и кое-что странное.

– Валяй, капитан, – сказал Ваймс. – Нам не привыкать.

– То и дело всем приказывали прекратить работу, и тогда пришлые гномы прослушивали стены какой-то большой штуковиной, похожей на слуховой рожок. Салли нашла одну из них, когда спускалась в шахту.

– Они прослушивали стены? В сплошной грязи? И что они искали? Поющих червей?

– Гномы не знают, сэр. Они думали, что ищут заваленных шахтеров. В этом есть определенный смысл. Масса туннелей проходит через старые каменные строения, и вполне вероятно, что кого-нибудь могло завалить там, где еще был воздух.

– Но вряд ли они бы сумели продержаться несколько недель! И зачем рыть в разных направлениях?

– Это загадка, сэр, тут сомневаться не приходится. Но скоро мы доберемся до сути. Парни так и рвутся в бой.

– Отлично. Только не преувеличивай роль Стражи, понятно? Группа встревоженных граждан Анк-Морпорка пытается найти родных и близких, после того как в шахте произошел несчастный случай. А стражники просто им помогают.

– То есть не забывать, что я гном, сэр?

– Спасибо, Моркоу. Вот именно, – сказал Ваймс. – А теперь я пойду и повидаюсь с легендой, которую зовут как средство для чистки ботинок.

Выходя, он заметил знак Призывающей Тьмы. Меню из «Розовой киски» аккуратно пристроили на полку у окна, где было светлее всего. Знак сиял. Возможно, дело было в помаде «Горячие губки», которую создавали, памятуя о том, что ее должно быть видно даже в переполненном баре при плохом освещении. Так или иначе, знак как будто парил над нелепыми крикливыми названиями коктейлей («Чистый секс», «Скачи галопом» и «Крыши нет»). По сравнению с ним они казались ненастоящими.

Кто-то – и не один, судя по всему, – поставил перед картонкой зажженные свечи. На ночь.

«Как можно светлее, – подумал Ваймс. – Ну, дай-то боги».

У Пойнтера и Пиклза было пыльно. Пыль преобладала в этом месте. Ваймс наверняка тысячу раз проходил мимо; такой уж это был магазинчик, мимо которого всегда проходишь не останавливаясь. Маленькую витрину наполняли дохлые мухи и пыль, за стеклом смутно виднелись большие запыленные глыбы.

Колокольчик над дверью пыльно звякнул, когда Ваймс вошел в темный магазин. Звон замер, и у Ваймса возникло отчетливое ощущение, что веселье на сегодня закончено.

В тяжелой тишине послышалось далекое шарканье. Оно исходило от древней старухи, которая на первый взгляд казалась такой же пыльной, как и камни, которыми она, предположительно, торговала. Хотя Ваймс даже в этом сомневался. Хозяева подобных магазинчиков зачастую приравнивали продажу товара к предательству священной веры. Как бы в подтверждение этого старуха держала в руках дубинку с гвоздем.

Когда хозяйка подошла достаточно близко для разговора, Ваймс сказал:

– Я пришел, чтобы...

– Вы верите в целительную силу кристаллов, молодой человек? – перебила старуха, угрожающе поднимая дубинку.

– Что? Какая целительная сила? – переспросил Ваймс.

Старуха трескуче засмеялась и бросила дубинку.

– Вот и славно, – сказала она. – Мы предпочитаем, чтобы клиенты серьезно относились к геологии. На этой неделе нам привезли троллит.

– Прекрасно, но на самом деле я...

– Это единственный минерал, который путешествует назад во

времени.

– Я пришел, чтобы увидеть мистера Блеска, – вставил Ваймс.

– Мистера кого? – переспросила старуха, поднося ладонь к уху.

– Мистера Блеска, – повторил Ваймс, и уверенность его покинула.

– Никогда о нем не слышала, дорогой мой.

– Э... он дал мне вот это, – сказал Ваймс, показывая ей две половинки каменного яйца.

– Аметистовая жеода, отличный образец. Даю семь долларов, – предложила старуха.

– Простите, вы Пиклз или Пойнтер? – спросил Ваймс в поисках хоть какой-то опоры.

– Я мисс Пиклз, дорогой мой. Мисс Пойнт...

Она замолчала. Лицо у нее изменилось, стало немного моложе и, несомненно, бодрее.

– А я мисс Пойнтер, – сказала старуха. – Не беспокойтесь насчет Пиклз, она главная в этом теле, когда у меня другие дела. Вы командор Ваймс?

Ваймс уставился на нее.

– Вы хотите сказать, что вы – два разных человека? В одном теле?

– Да, дорогой. Считается, что это болезнь, но лично я могу сказать, что мы с мисс Пиклз прекрасно ладим. Я не рассказываю ей про мистера Блеска. Осторожность не повредит. Идите сюда.

Она прошла среди пыльных кристаллов и камней к дальней стене, где начинался широкий коридор, увешанный полками. На них поблескивали кристаллы самых разных размеров.

– Тролли, разумеется, всегда представляли интерес для геологов, поскольку они состоят из метаморфической породы, – живо продолжала мисс Пойнтер-Пиклз. – Сами-то вы не интересуетесь камнями, командор?

– Иногда ими в меня швыряют, – ответил Ваймс. – Но я никогда не удосуживался взглянуть, какой они породы.

– Ха. Очень жаль, что город стоит на суглинке, – сказала старуха.

Невдалеке слышался гул негромких голосов. Хозяйка открыла дверь и шагнула в сторону.

– Я сдаю им комнату. Заходите же.

Ваймс посмотрел на первые несколько ступенек лестницы, уходившей вниз. «Ох, боги, – подумал он. – Снова лезть под землю». Но там виднелся теплый свет, и голоса зазвучали громче.

Погреб был большим и прохладным. Повсюду стояли столы, и за каждым сидели двое, согнувшись над расчерченной на клеточки доской.

Игорный дом? Среди игроков были гномы, тролли и люди, и всех объединяла невероятная сосредоточенность. Равнодушные взгляды устремились на Ваймса, который застыл на полпути вниз, и вновь вернулись к игре.

Ваймс достиг нижней ступеньки. Здесь должно произойти нечто важное, не так ли? Мистер Блеск хотел, чтобы он сюда пришел.

Люди, тролли, гномы во что-то играли. Время от времени противники пожимали друг другу руки, потом один из игроков пересаживался за другой столик.

– Что вы видите, мистер Ваймс? – произнес низкий голос за спиной.

Ваймс заставил себя обернуться *медленно*.

Фигура, сидевшая в тени рядом с лестницей и полностью закутанная в черное, была на целую голову выше Ваймса.

– Они все молоды, – произнес тот и добавил: – Мистер Блеск?

– Вы совершенно правы. Действительно, по вечерам сюда приходит все больше молодежи. Садитесь, сэр.

– Зачем я здесь, мистер Блеск? – поинтересовался Ваймс, садясь.

– Потому что вы сами хотите это выяснить, – ответила темная фигура. – Потому что вы блуждаете в темноте. Потому что мистер Ваймс, с его значком и дубинкой, полон ярости. Больше, чем обычно. Бойтесь собственного гнева, мистер Ваймс.

«Мистика», – подумал Ваймс.

– Я предпочитаю видеть, с кем говорю, – сказал он. – Кто вы такой?

– Вы ничего не увидите, если я сниму капюшон, – ответил мистер Блеск. – А что касается того, кто я такой, ответьте сначала на вопрос: правда ли, что капитан Моркоу, который с такой радостью служит в Страже, является законным королем Анк-Морпорка?

– Не вполне уверен насчет «законного».

– Я так и подумал. Возможно, именно поэтому Моркоу и предпочел не предъявлять своих прав, – сказал мистер Блеск. – Впрочем, неважно. Ну а я – законный, уж простите меня, и неоспоримый король троллей.

– Правда? – спросил Ваймс. Ответ не блистал остроумием, но варианты были весьма ограниченны.

– Да. И когда я говорю «неоспоримый», так оно и есть, мистер Ваймс. Человеческие короли инкогнито вынуждены предъявлять волшебные мечи или совершать легендарные подвиги, чтобы доказать свои права. А я нет. Мне достаточно просто *быть*. Вы ведь знаете, что тролли состоят из метаморфической породы?

– То есть выглядят как определенные разновидности камней?

– Вот именно. Сланец, Слюда и так далее. Даже Кирпич, бедный юный Кирпич. Никто не знает, почему все так, и на объяснения потрачены тысячи слов. Впрочем, к черту, как у вас говорят. Вы заслужили право взглянуть. Заслоните глаза. Мистер Ваймс, я...

Он вытянул руку в черном рукаве и снял черную бархатную перчатку. Ваймс вовремя закрыл глаза, но изнутри веки полыхнули алым...

– ...алмаз, – договорил мистер Блеск.

Сияние слегка померкло. Ваймс рискнул чуть-чуть приоткрыть глаза и различил руку, каждый палец на которой сверкал всеми огнями. Игроки подняли головы, но они уже и раньше это видели.

– Иней оседает быстро, – заметил мистер Блеск. Когда Ваймс осмелился наконец поднять веки, рука уже сверкала как сердце Зимы.

– Вы скрываетесь от ювелиров? – выговорил он ошеломленно.

– Ха! На самом деле ваш город – самое подходящее место для того, кто не хочет быть замеченным, мистер Ваймс. У меня есть друзья. И некоторые способности. Я совершенно не бросаюсь в глаза, когда желаю остаться в тени. А еще я, откровенно скажем, умен, причем постоянно. Я не нуждаюсь в складе Будущей Свинины, поскольку могу регулировать температуру мозга, отражая тепло. Алмазные тролли – большая редкость. Когда мы появляемся, наше предназначение – царствовать.

Ваймс ждал. Мистер Блеск, который теперь сидел, натягивая перчатку, казалось, заранее составил план разговора. Самым разумным было позволить ему говорить, пока не замаячит некий смысл.

– Знаете, что происходит, когда мы становимся королями? – спросил мистер Блеск, вновь надежно завернувшись в плащ.

– Кумская битва? – предположил Ваймс.

– В точку. Тролли объединяются, и раздражается все та же надоевшая война, за которой следуют сотни лет мелких стычек. Такова грустная и глупая история троллей и гномов. И на сей раз в нее впутался Анк-Морпорк. Вы же знаете, что за время правления Ветинари численность гномов и троллей выросла в разы.

– Допустим. Но если вы король, разве вы не можете объявить мир?

– Просто взять и объявить? Этого недостаточно. – Капюшон грустно покачался. – Вы очень плохо нас знаете, мистер Ваймс. Вы видите троллей, которые слоняются по улицам и разговаривают, эта, типа, вот так. Вы не знаете, что такое историческая песнь, Долгий Танец и каменная музыка. Вы видите сгорбленного тролля, который волочит за собой дубину. Вот в чем вина троллей. Они превратили сами себя в вашем представлении в жалких безмозглых чудовищ.

– Не надо на меня так смотреть, – заметил Ваймс. – Детрит – один из моих лучших офицеров!

Наступила тишина. Наконец мистер Блеск произнес:

– Сказать ли вам, что, по моему мнению, искали гномы, мистер Ваймс? Нечто принадлежащее им. Нечто умеющее говорить. И они нашли его. Я думаю, что-то сказанное этой вещью послужило причиной пяти смертей. Кажется, я знаю, как раскрыть секрет Кумской долины. Через две-три недели это сможет всякий, но тогда, боюсь, будет уже слишком поздно. Вы должны разгадать тайну, прежде чем война сметет нас всех.

– Откуда вы знаете? – спросил Ваймс.

– Потому что я волшебное существо, – ответил голос из-под капюшона.

– Если вы именно так... – начал Ваймс.

– Терпение, командир, – перебил мистер Блеск. – Я... слегка упростил. Примите как факт, что я очень... умен. У меня аналитическое мышление. Я изучал историю и предания моего потомственного врага. Среди моих друзей есть гномы. Хорошо осведомленные гномы. Достаточно... влиятельные гномы, которые не меньше меня хотят положить конец этой дурацкой розни. И потом, я люблю игры и загадки. «Энциклопедия» оказалась не таким уж твердым орешком...

– Если это поможет мне найти тех, кто убил гномов в шахте, вы должны рассказать все, что знаете!

– А с какой стати вам верить тому, что я скажу? Я тролль, я скрываюсь. А вдруг я хочу направить следствие по ложному пути?

– Может быть, уже направили, – горячо отозвался Ваймс. Он знал, что выставляет себя на посмешище, и от этого злился еще сильнее.

– Боги, какой характер! – воскликнул мистер Блеск. – Проверьте все, что я вам сказал. Где бы мы были, если бы командор Ваймс полагался на волшебство? Нет, секрет Кумской долины нужно раскрыть с помощью наблюдений, вопросов и фактов, фактов, фактов. Возможно, я помогу найти их чуть быстрее, чем вы бы справились сами. Вам лишь надо проанализировать то, что вы уже знаете, командор. А пока, может быть, сыграем?

Мистер Блеск взял какую-то коробку и высыпал содержимое на стол.

– Это «Шмяк», мистер Ваймс, – произнес он, когда маленькие каменные фигурки покатались по доске. – Гномы против троллей. Восемь троллей и тридцать два гнома, которые вечно ведут бой в картонной Кумской долине.

Он начал расставлять фигурки. Руки в черных перчатках двигались с

необычной для тролля быстротой.

Ваймс отодвинул стул.

– Приятно было познакомиться, мистер Блеск, но вы разговариваете сплошными загадками. И...

– Сядьте, командор.

В этом негромком голосе прозвучали менторские интонации, так что у Ваймса сами собой подогнулись ноги.

– Вот так, – сказал мистер Блеск. – Восемь троллей, тридцать два гнома. Гномы всегда начинают первыми. Гном – маленький и быстрый, он может ходить на сколько угодно клеток в любом направлении. Троль – поскольку мы, как известно, глупы и медлительны – перемещается только на одну клетку в любую сторону. Есть и другие виды ходов, но об этом после. Каково ваше мнение сейчас?

Ваймс попытался сосредоточиться. Игра не похожа на настоящую жизнь. И потом, ответ был настолько очевиден, что он просто не мог оказаться верным.

– Похоже, гномы должны выигрывать всякий раз, – наконец произнес он.

– Да, естественное заключение. Мне нравится. На самом деле примерно половина опытейших игроков склонна отдавать предпочтение троллям, – сказал мистер Блеск. – В основном потому, что при удачно сложившихся обстоятельствах троль способен причинить много вреда. Кстати, как ваши ребра?

– Бывало и получше, – кисло ответил Ваймс. На двадцать блаженных минут он о них забыл, теперь они вновь занули.

– Хорошо. Я рад, что Кирпич нашел Детрита. У парнишки хорошая голова, если только кто-нибудь убедит его не пичкать мозг всякой дрянью каждые полчаса. Но вернемся к нашей игре... на самом деле преимущества каждой из сторон совершенно не важны, поскольку игра как таковая состоит из двух партий. В одной вы играете за гномов. В другой – за троллей. Разумеется, гномам проще играть за гномов, применяя гномью стратегию и приемы атаки. То же самое справедливо и в отношении троллей. Но чтобы выиграть, нужно сыграть на обеих сторонах. То есть уметь думать как твой старинный враг. По-настоящему опытный игрок... посмотрите, командор. Посмотрите вон в тот угол, где мой друг Филлит играет против Нильса Мышемолота.

Ваймс повернулся.

– На что я должен обратить особое внимание? – спросил он.

– На все, что видите.

– Ну, на тролле надето нечто вроде огромного гномьего шлема...

– Да, это подарок одного из здешних гномов. И Филлит неплохо говорит по-гномьи.

– Он пьет из рога, как гном...

– Ему пришлось заказать металлический рог. Троллье пиво расплавил бы сосуд из любого другого материала. А Нильс, в свою очередь, знает немало тролльих эпических песен. Теперь посмотрите на Габбро. Примерный молодой тролль, но он знает все о гномьем боевом хлебе. Если не ошибаюсь, на столе рядом с ним лежит боевой круассан. Исключительно для церемониальных целей, разумеется. Командор?

– Что? – отозвался Ваймс. – Что?

Какой-то щуплый гном, сидевший за одним из столиков, с интересом наблюдал за ним, словно за невиданным чудищем.

Мистер Блеск усмехнулся.

– Чтобы изучить врага, нужно влезть в его шкуру. Оказавшись в шкуре противника, начинаешь смотреть на мир его глазами. Габбро так хорошо играет за гномов, что он стал хуже играть за троллей. Теперь он хочет поехать в Медянку поучиться у тамошних гномьих мастеров игры. Надеюсь, он так и сделает, и они научат его играть за троллей. Никто из этих молодых людей вчера ночью не принимал участия в пьяных драках. В то же время здесь мы стираем горы с лица земли. Вода капает на камень, уничтожает и передвигает. Вода течет в глубине и вырывается наружу в самых неожиданных местах.

– Думаю, каплями тут не обойдешься, – сказал Ваймс. – Вряд ли кучка любителей настольных игр способна в обозримом времени свернуть горы.

– Все зависит от того, куда падают капли, – заметил мистер Блеск. – Может случиться так, что они снесут целую долину. Спросите себя, отчего вам так хотелось спуститься в ту шахту.

– Потому что там произошло убийство!

– Это единственная причина? – спросил загадочный мистер Блеск.

– Разумеется!

– И всем известно, какие гномы сплетники. Что ж, я уверен, что вы сделаете все возможное, командор. Надеюсь, вы найдете убийцу, прежде чем его настигнет Тьма.

– Мистер Блеск, мои люди расставили зажженные свечи вокруг этого треклятого знака!

– Очень предусмотрительно.

– Значит, вы и правда верите, что существует какая-то угроза? Откуда, во всяком случае, вам так много известно про гномьи знаки?

– Я их изучал. Я признаю сам факт их существования. Среди ваших стражников есть верующие. Большинство гномов, в глубине своих маленьких упрямых душ, тоже верят. Можно вывести гнома на свет, но нельзя выбить из него темноту. Эти знаки – очень старые. Они обладают подлинной силой. Кто знает, что за древнее зло таится во мраке под горами? Оно темнее любого мрака.

– А вы, я вижу, любитель дразнить копов, – заметил Ваймс.

– Мистер Ваймс, у вас выдался тяжелый день. Столько всего случилось, и так мало времени на раздумья. Не спешите, осмыслите все, что знаете, сэр. Лично я всегда предпочитаю подумать.

– Командор Ваймс? – раздался голос мисс Пиклз-Пойнтер с середины лестницы. – Вас спрашивает какой-то большой тролль.

– Жаль, – сказал мистер Блеск. – Это, должно быть, сержант Детрит. Боюсь, с плохими новостями. Как я догадываюсь, тролли послали по городу *така-така*. Вам пора, мистер Ваймс. Мы еще увидимся.

– Сомневаюсь, – ответил Ваймс.

Он встал и помедлил.

– Один вопрос. И, пожалуйста, не отвечайте загадками. Скажите, отчего вы помогли Кирпичу? С какой стати вам беспокоиться о задрипанном уличном тролле?

– А с какой стати вам беспокоиться о трех мертвых гномах?

– Потому что кто-то же должен о них побеспокоиться!

– Вот именно. До свиданья, мистер Ваймс.

Ваймс заспешил вверх по лестнице вслед за мисс Пиклз-Пойнтер и вернулся в магазин. Детрит стоял среди образцов и явно чувствовал себя неловко, как человек в морге.

– Что случилось? – спросил Ваймс.

Детрит переступил с ноги на ногу.

– Эта, простите, мистер Ваймс, но, кроме меня, никто не знал, где...

– Хорошо, хорошо. По городу послали *така-така*?

– А откуда вы знаете, сэр?

– Я ни черта не знаю. Что такое така-така?

– Тролля дубина войны, – ответил Детрит. Ваймс, тщетно пытаясь представить себе дубину мира, не удержался и спросил:

– Ее что, рассылают по подписке?

Но подобный блеск сарказма просто пропадал даром, когда дело касалось Детрита. Сержант расценивал юмор как чисто человеческое заболевание, которое поддается излечению, если говорить медленно и терпеливо.

– Нет, сэр. Когда така-така, ета, посылают кланам, ето значит военный призыв, – объяснил он.

– Ох, черт. Кумская долина?

– Да, сэр. Я слышал, Король-под-Горой и убервальдские гномы, ета, уже по пути в Кумскую долину. На улице только об етом и говорят.

– Э... бип-бип-бип? – пропищал чей-то взволнованный голосок.

Ваймс вытащил бесенка Грушу и уставился на него. В такую минуту...

– Ну?

– Двадцать пять минут шестого, Введи-Свое-Имя, – нервно сказал бесенок.

– И что?

– В это время суток и пешком ты должен отправиться немедленно, чтобы успеть домой к шести часам.

– Ета, патриций хочет вас видеть, и клики поступают непрерывно, и все такое, – настаивал Детрит.

Ваймс продолжал смотреть на бесенка, который явно был смущен.

– Я иду домой, – наконец сказал он и зашагал прочь. Над головой сгустились темные облака, предвещая очередную летнюю грозу.

– Возле того колодца, сэр, нашли трех гномов, – сказал Детрит, двигаясь следом. – Похоже, ета, их убили другие гномы, ето точно. Старые граги куда-то делись. Капитан Моркоу поставил стражу у каждого входа, какой только нашел...

«Они копают, – подумал Ваймс. – Кто знает, куда ведут туннели?»

– ...он просит разрешения взломать большую железную дверь на Паточной улице, – продолжал Детрит. – Чтобы добраться до последнего трупа.

– А что говорят гномы? – спросил Ваймс через плечо. – Я имею в виду живые.

– Многие видели, ета, как поднимали убитых из колодца, – сказал Детрит. – Я так думаю, они сами подадут капитану лом.

«Послушаем толпу, – подумал Ваймс. – Коснемся струн ее сентиментальной души. И потом, гроза уже началась. К чему бояться лишней капельки?»

– Ладно, – сказал он. – Передай Моркоу вот что. Я знаю, что Отто будет на месте со своим треклятым ящиком, поэтому пускай дверь открывают гномы. Полная картинка гномов, Детрит.

– Так точно, сэр.

– Как там юный Кирпич? Он даст показания под присягой? Он понимает, что это значит?

– Думаю, что так, сэр.

– В присутствии гномов?

– Он все сделает, если я попрошу, сэр, – сказал Детрит. – Уж это я обещаю.

– Прекрасно. Разошлите клик во все городские участки и всем деревенским констеблям отсюда и до самых гор. Пусть ищут компанию темных гномов. Они забрали то, за чем пришли, и пустились в бега. Это точно.

– Хотите, чтоб их задержали? – спросил сержант.

– Нет! Чтоб никто даже и не пытался! Передай, что у них оружие, которое стреляет огнем. Пускай просто дадут мне знать, куда направляются граги.

– Я, ета, так и скажу, сэр.

«А я пойду домой, – твердил себе Ваймс. – Всем что-то нужно от командора Ваймса, пусть даже он не семи пядей во лбу. И двух-то не наберется. Но в любом случае я Ваймс, а Ваймс в шесть часов читает книжку Юному Сэму. С *правильными* звуками».

Он шел домой бодрым шагом, срезая, где только можно. Мысли плескались туда-сюда, как жидкий суп, ребра ныли, как бы говоря: «Да, мы здесь и болим». Ваймс подошел к парадной двери в то самое мгновение, когда Вилликинс ее отворил.

– Я передам ее светлости, что вы дома, сэр, – сказал дворецкий, когда Ваймс зашпешил вверх по лестнице. – Она чистит драконьи загоны.

Юный Сэм стоял в кроватке и смотрел на дверь. Мир вокруг стал мягким и розовым.

Кресло было завалено любимыми игрушками. Тряпичный мячик, маленький обруч, лохматая змея с одним глазом-пуговицей. Ваймс сбросил игрушки на ковер, сел и снял шлем. Потом промокшие сапоги. После того как Сэм Ваймс разувался, комнату уже не нужно было топить. На стене детской тикали часы, и с каждым «тик-так» маленькая овечка прыгала туда-сюда через забор.

Сэм развернул пожеванную и слегка обслюнявленную книгу.

– Где моя коровка? – объявил он, и Юный Сэм хихикнул. В окно стучал дождь.

– Где моя коровка?

Ты моя коровка?

«Вещь, которая умеет говорить, – думал Ваймс, пока губы и глаза делали свое дело. – Каким образом она внушила гномам желание поубивать друг друга?»

– Бе-е-е!

Это же овечка!

Это не коровка!

«Зачем мы спустились в шахту? Потому что услышали, что произошло убийство, вот почему!»

– Это не коровка!

«Всякий знает, что гномы – сплетники. Глупо было приказывать им держать случившееся в тайне от Стражи. Ох уж эти глубинные гномы. Они думают, что достаточно сказать, и так оно и будет».

– Где моя коровка?

«Вода каплет на камень...»

– Ты моя коровка?

«Где я недавно видел доску для игры в «Шмяк»?»

– Иго-го!

«Ах да, Мудрошлем. Он страшно волновался».

– Это же лошадка!

«У него была доска. Он сказал, что любит играть».

– Это не коровка!

«Насколько я понимаю, Мудрошлем дошел до ручки. Похоже, он до смерти хотел мне что-то рассказать...»

– Где моя коровка?

«Этот взгляд...»

– Ты моя коровка?

«Я страшно злился. Ничего не говорить Страже? Ну и чего они ожидали? Можно подумать, он знал...»

– Урр-ргх!

«Он *знал*, что я полезу на стенку».

– Это бегемотик!

«Он хотел, чтобы я разозлился!»

– Это не коровка!

«Он, черт возьми, *хотел*, чтобы я разозлился!»

Ваймс прохрюкал и промычал весь зоопарк до конца, не пропустив ни единого писка и воя, а потом подоткнул сыну одеяльце и поцеловал.

Снизу донесся звон бьющегося стекла. «Кто-то уронил стакан», – подсказал головной мозг. Но спинной, который в течение пятидесяти лет помогал Ваймсу выживать на враждебных улицах, шепнул: «Черта с два».

У кухарки был выходной. Пьюрити сидела у себя в комнате. Сибилла кормила драконов. Оставался Вилликинс.

Но дворецкие не бьют посуду.

Внизу послышался тихий «хэх», и вслед за тем – звук удара о живую плоть.

Меч Ваймса висел на крючке в дальнем конце коридора, потому что Сибилле не нравилось, когда он носил оружие дома.

Как можно тише он огляделся в поисках чего-нибудь – чего угодно, – что можно было бы использовать как оружие. К сожалению, выбирая игрушки для Юного Сэма, они совершенно пренебрегли твердыми предметами с острыми краями. Кроликов, цыплят и поросят в детской хватало, но...

А, вот. Ваймс заметил нечто подходящее.

Бесшумно ступая в толстых носках с огромными латками на пятках, он спустился по лестнице.

Дверь в винный погреб была открыта. Ваймс бросил пить, но гостям спиртное требовалось, и Вилликинс, исправно исполняя долг дворецкого по отношению к грядущим поколениям, поддерживал погреб в должном состоянии и время от времени покупал многообещающие марочные вина. Что это, треск стекла под ногой? Или лестница скрипнула? Сейчас выясним...

Ваймс добрался до погреба и осторожно вышел из пятна света, падавшего из коридора.

Он почувал... да, слабый запах черного гномьего масла.

Вот мелкие ублюдки!

Кстати, они видят в темноте?..

Ваймс принялся рыться в кармане в поисках спичек. Стук сердца отдавался в ушах. Пальцы нащупали коробок, Ваймс сделал глубокий вдох...

...и чья-то рука схватила его за запястье. Он яростно ударил наугад задней ногой лошадки-качалки, но тут же был обезоружен. Ваймс инстинктивно лягнул темноту и услышал стон. Руки противника разжались, и откуда-то с пола сдавленно донесся голос Вилликинса.

– Прошу прощения, сэра, я, кажется, случайно наступил вам на ногу.

– Вилликинс? Какого черта здесь творится?

– Какие-то гномы, сэра, нанесли визит, пока вы были наверху, – ответил дворецкий, медленно распрямляясь. – Через стену погреба, если быть точным. С прискорбием вынужден сообщить, что я счел необходимым применить суровые меры. Возможно, один из них в результате скончался.

Ваймс огляделся.

– Возможно? Он еще дышит?

– Не знаю, сэра. – Вилликинс очень осторожно поднес спичку к огарку

свечи. – Я слышал бульканье, но теперь, кажется, он замолчал. К сожалению, они напали на меня, когда я выходил из ледника, и мне пришлось защищаться тем, что подвернулось под руку.

– И что это было?

– Нож для колки льда, сэр, – спокойно отозвался Вилликинс. В руке он держал острый зазубренный нож восемнадцати дюймов в длину, предназначенный для того, чтобы резать лед на удобные кубики. – А другого, сэр, я подвесил на крюк для окороков.

– Неужели... – в ужасе начал Ваймс.

– За одежду, сэр, разумеется. Прошу прощения, что схватил вас, но я испугался, что гномье треклятое масло может загореться. Надеюсь, я вытер все. Пользуясь возможностью, хочу извиниться за беспорядок...

Но Ваймс уже был на полпути вверх по лестнице. Когда он оказался в коридоре, сердце у него замерло.

Маленькая темная фигурка мелькнула на верхней площадке и исчезла в детской.

Перед Ваймсом вздымалась широкая парадная лестница – высотой до неба. Он полетел бегом, слыша собственный вопль: «Я убью тебя, убью тебя, убьютебяубьюубьюубью!!!» Его душил бешеный гнев, от ненависти и ужаса легкие как будто наполнились огнем – а лестница все тянулась и тянулась, и ступенькам не было конца. Они уходили в никуда, а Ваймс падал назад, вниз, в преисподнюю...

Но ад придал ему сил, снабдил гнев крыльями, приподнял, вернул обратно...

Когда его дыхание превратилось в сплошной нецензурный крик, он наконец достиг верхней ступеньки...

Гном, спиной вперед и очень быстро, выкатился из детской. Он ударился о лестничные перила, проломил их и полетел вниз. Ваймс, скользя на полированном полу, затормозил у двери. Больше всего он боялся увидеть...

...но увидел Юного Сэма, который мирно спал. На стене ягненок отсчитывал секунды.

Сэм Ваймс подхватил сына, завернутого в синее одеяльце, и рухнул на колени. Он не дышал, взлетая по лестнице, и теперь тело требовало свое. Ваймс втягивал воздух, и с ним облегчение, огромными мучительными глотками. Внутри закипали слезы, он весь содрогался...

Сквозь влажную текучую пелену он увидел на полу нечто странное. На коврике лежали тряпчатый мячик, обруч и мохнатая змея. Мяч закатился почти в середину обруча, змея наполовину развернулась, откинув

голову...

Вместе взятые, в тусклом свете они напоминали огромный глаз с хвостом.

– Сэр? Все в порядке?

Ваймс поднял взгляд и увидел красное лицо Вилликинса.

– Э... да... что? Да... в порядке... спасибо, – выговорил он, кое-как придя в себя. – Все в порядке, Вилликинс. Спасибо.

– Боюсь, один таки прошмыгнул мимо меня в темноте...

– Э... да, это огромное упущение с твоей стороны, – ответил Ваймс и поднялся на ноги, по-прежнему продолжая прижимать к себе сына. – Держу пари, любой другой дворецкий на твоём месте вырубил бы всех троих одним взмахом половой тряпки.

– Вы в порядке, сэр? Потому что...

– ...но ты окончил школу дворецких на Поддельнображной улице. – Ваймс хихикнул. Колени у него дрожали. Отчасти он знал, в чем дело. Вслед за ужасом пришло знакомое пьянящее ощущение: ты жив, и все случившееся кажется чертовски забавным. – Другие дворецкие умеют сражать людей наповал одним взглядом, но ты, Вилликинс, умеешь сражать их при помощи...

– Послушайте, сэр! Он где-то снаружи! – перебил Вилликинс. – А там леди Сибилла!

Ваймс перестал улыбаться.

– Позвольте мне взять Юного Сэма, – предложил дворецкий, потянувшись за ребенком.

Ваймс попятился. Даже тролль, вооруженный кувалдой, не отобрал бы у него сына.

– Нет! Дай сюда нож. А потом ступай и проверь, как там Пьюрити.

Прижимая к себе Юного Сэма, Ваймс бегом спустился по лестнице, пересек прихожую и выскочил в сад. Впоследствии он твердил себе, что поступил глупо, глупо, глупо. Но в ту минуту Сэм Ваймс мыслил исключительно прямолинейно. Было трудно, очень трудно войти в детскую, навстречу ужасам, населявшим отцовское воображение. И он не собирался еще раз это переживать. Гнев нахлынул вновь, но на сей раз Ваймс держал его под контролем. Ярость напоминала реку пламени. Он их найдет, всех до единого, и они *будут гореть*...

Войти в главный загон с драконами можно было, лишь обогнув три больших чугунных огнеупорных щита, которые установили два месяца назад. Разведение драконов – занятие не для неженков и не для тех, кто не готов время от времени перекрашивать весь фасад. В обоих концах загона

были массивные железные двери. Ваймс наугад направился к одной из них, вбежал в сарай и запер дверь за собой.

Внутри было всегда тепло, потому что драконы постоянно срыгивали (а если не срыгивали, то взрывались). В сарае Ваймс увидел Сибиллу в полном облачении драконозаводчика. Она спокойно переходила от загона к загону с ведрами в руках. Вторая дверь, позади нее, вдруг отворилась, и появилась маленькая темная фигурка, державшая копье, на конце которого трепетал язычок пламени...

– Берегись! Сзади! – заорал Ваймс.

Сибилла взглянула на мужа, обернулась, выронила ведра и хотела что-то крикнуть...

...и тут вылетело пламя. Оно ударило Сибиллу в грудь, расплескалось вокруг и иссякло. Гном принялся отчаянно хлопать по своему аппарату.

Сибилла – сплошной столб пламени – произнесла властным голосом, не терпящим возражений:

– На пол, Сэм. Сию секунду!

Она рухнула на посыпанный песком пол, как только драконы во всех загонах подняли головы.

Их ноздри раздувались. Они делали вдох.

Им бросили вызов. Оскорбили.

И вдобавок они только что поужинали.

– Умницы... – лежа на полу, произнесла Сибилла.

Двадцать шесть струй драконьего пламени были ей ответом. Ваймс, заслоняя своим телом Юного Сэма, почувствовал, как ему опалило волосы на шее.

Это пламя не походило на дымно-алый гномий огонь. Его мог извергнуть лишь желудок дракона. Оно было почти невидимым. По крайней мере одна из струй попала в гномье оружие, потому что раздался взрыв и что-то вылетело через крышу. Драконьи загоны строились по тому же принципу, что и фабрика фейерверков: очень толстые стены и тонкая крыша, которая обеспечивала скорейшее попадание на небеса.

Когда шум затих, превратившись в нервное икание, Ваймс рискнул поднять голову. Сибилла поднималась на ноги – немного неуклюже из-за защитного костюма, который носит всякий драконозаводчик^[12].

На железной двери, обведенный алым, чернел силуэт гномьего тела. Рядом остывала пара добела раскалившихся железных сапог в лужице расплавленного песка. Металл *капал* наземь.

Леди Сибилла вытянула руки в толстых перчатках, смахнула с кожаного фартука несколько капель горящего масла и сняла шлем. Он со

стуком упал на пол.

– Сэм... – негромко произнесла она.

– Ты цела? Юный Сэм в порядке. Нужно отсюда выбираться.

– Сэм...

– Сибилла, пожалуйста, возьми ребенка, – произнес Сэм медленно и отчетливо, чтобы пробиться сквозь шок. – Может быть, поблизости другие гномы!

Леди Сибилла пришла в себя.

– Дай его сюда, – велела она. – А сам возьми Раджу.

Ваймс взглянул туда, куда она указала. Молодой вислоухий дракон, довольно добродушный (хоть и слегка стукнутый) на вид, похлопал глазами в ответ. Он принадлежал к породе «золотой ваутер». Ваутеры обладали таким горячим пламенем, что с помощью одного такого взломщика некогда вскрывали банковские сейфы.

Ваймс осторожно поднял дракона.

– Заправь его, – приказала Сибилла.

«Это кровь сказывается», – подумал Ваймс, скармливая ненасытному Радже кусок антрацита. Когда разъяренные толпы штурмовали далекие посольства, женщины из рода Овнецов подавали мужьям заряженные арбалеты. Они рожали детей на спине верблюда или в тени убитого слона, раздавали золотистые шоколадки, пока тролли пытались вышибить дверь, или же просто сидели дома и выхаживали то, что оставалось от мужей и сыновей после очередной междоусобицы. В результате на свет появилась порода женщин, которые превращались в закаленную сталь, как только слышали зов долга.

Ваймс вздрогнул, когда Раджа срыгнул.

– Это ведь был гном? – уточнила Сибилла, баюкая Юного Сэма. – Один из тех, глубинных?

– Да.

– Почему он пытался меня убить?

Если тебя пытаются убить, значит, ты что-то делаешь правильно. Это был закон, по которому жил Ваймс. Но... даже профессиональный убийца вроде Хризопраза до такого бы не додумался. Они сошли с ума...

Они будут гореть. Будут гореть.

– Они испугались, что я кое-что найду, – ответил Ваймс. – Видимо, у них что-то не заладилось, и теперь они хотят меня остановить.

«Неужели они настолько глупы? – подумал он. – Мертвая жена, мертвый ребенок... Неужели они решили, что *это* хоть на секунду меня остановит? Когда я найду тех, кто отдал приказ, – а я их найду, – то,

надеюсь, кто-нибудь окажется рядом, чтобы меня удержать... Они будут гореть за то, что сделали...»

– Сэм... – прошептала Сибилла, и на мгновение стальная маска слетела с ее лица.

– Прости. Я не ожидал такого, – сказал Ваймс. Он опустил дракона и осторожно, почти со страхом, обнял жену. Гнев был пугающе сильным; Ваймсу казалось, что сейчас он порастет шипами или расколется на куски. Голова болела, как будто прямо за глазами выросла свинцовая опухоль.

– Что бы ни случилось, Сэм, не забывай: «хэй-хо, хэй-хо, как приятно добрым быть», – шепнула Сибилла.

– Вилликинс в доме, – сказал он. – Пьюрити тоже.

– Ну так давай их найдем, – произнесла Сибилла и усмехнулась, хоть и слабо. – Просила же я тебя не приносить работу домой.

– На сей раз она меня сама преследует, – мрачно ответил Ваймс. – Но я намерен разобраться, уж поверь мне.

Они будут го... Нет. Их выследят, в какую бы нору они ни забились, и отдадут в руки правосудия. Если только они не вздумают сопротивляться при аресте (пожалуйста, пожалуйста, пусть они сопротивляются...).

Пьюрити стояла в прихожей рядом с Вилликинсом, не очень убедительно сжимая в руках трофейный клатчский меч. Дворецкий пополнил свое вооружение парой топориков для рубки мяса, которые держал с пугающей сноровкой.

– Господи, ты же весь в крови! – воскликнула Сибилла.

– Да, ваша светлость, – спокойно отозвался Вилликинс. – Позвольте мне в свое оправдание заметить, что это не моя кровь.

– Гном залез в драконий сарай, – сказал Ваймс. – Другие не появлялись?

– Нет, сэр. У тех, что в погребке, был некий аппарат для стрельбы огнем, сэр.

– У гнома, которого мы встретили, – тоже, – ответил Ваймс и добавил: – Впрочем, не много ему было проку от этой штуки.

– Правда, сэр? Я ознакомился с использованием этого прибора и для проверки стрелял огнем в туннель, из которого вылезли неожиданные гости, пока не закончилась воспламеняющаяся жидкость. Просто на тот случай, если там были еще гномы. Если не ошибаюсь, горит живая изгородь возле дома номер пять.

Ваймс не встречался с Вилликинсом в юности. У Рьяных Парней был мирный договор с Поддельнобразной улицей, поэтому они не боялись

удара с фланга, пока пытались противостоять территориальной агрессии со стороны шайки Мертвых Мартышек с Поросьячьего холма. Ваймс искренне радовался, что ему не приходилось сталкиваться с юным Вилликинсом в драке.

– Должно быть, там гномы выскочили наружу, – сказал он. – Ладно, Джефферсоны все равно уехали за город.

– Ну, если они не готовы к такому повороту событий, зачем было выращивать рододендроны? – спокойно заметила Сибилла. – Что дальше, Сэм?

– Мы переночуем в Псевдополис-Ярде. И не спорь.

– Овнецы никогда не бегали от опасностей! – заявила Сибилла.

– А Ваймсы только и делали, что удирали, – сказал Сэм, которому хватило деликатности не упоминать о некоторых представителях рода Овнецов, которые возвращались домой в виде паштета. – Они дрались, когда им было угодно драться. Сейчас мы выйдем, сядем в карету и поедем в Ярд. Когда мы доберемся, я пошлю сюда кого-нибудь за нашими вещами. Всего на одну ночь. Понятно?

– Что делать с нашими гостями, сэр? – поинтересовался Вилликинс, искоса поглядывая на леди Сибиллу. – Боюсь, один из них действительно мертв. Если помните, я ударил его ножом для колки льда, который по чистой случайности оказался у меня в руках, поскольку я колол лед для кухни, – добавил он с непроницаемым лицом.

– Привяжи труп к крыше кареты, – велел Ваймс.

– Другой, кажется, тоже умер, сэр. Клянусь, он был жив, когда я его связывал, сэр, потому что он бранил меня по-гномьи.

– Ты ведь не стукнул его слишком сильно? – поинтересовался Ваймс и тут же замолчал. Если бы Вилликинс хотел убить незваного гостя, он не стал бы брать его в плен. Какой сюрприз для наемного убийцы – вломиться в погреб и обнаружить там Вилликинса...

Впрочем, к черту.

– Просто... умер? – уточнил он.

– Да, сэр. У гномов обычно идет зеленая слюна?

– Что?

– Вокруг рта у него зеленая пена, сэр. На мой взгляд, это улика.

– Так. Погрузи и его на крышу. И давайте двигаться.

Ваймсу пришлось настоять, чтобы Сибилла села в карету. Обычно ей удавалось одержать верх и он охотно предоставлял жене делать по-своему, но невысказанное правило гласило, что Сибилла слушалась, если Ваймс *по-настоящему* настаивал.

Ваймс уселся рядом с Вилликинсом и велел остановиться на полпути вниз с холма, чтобы купить у газетчика вечерний выпуск «Таймс», еще сырой от краски.

Картинка на первой странице изображала толпу гномов. Они открывали огромную круглую металлическую дверь, с которой уже были сорваны замки. В центре толпы, ухватившись обеими руками за дверную раму и напряжив мускулы, стоял капитан Моркоу. С обнаженным торсом и радостной улыбкой.

Ваймс что-то довольно буркнул, сложил газету и закурил сигару. Ноги почти перестали дрожать, огонь гнева притих, но еще курился.

– Свободная пресса, Вилликинс. Не задушишь, не убьешь, – сказал он.

– Да, вы часто это говорите, сэр.

Существо скользило по дождливым улицам. Снова поражение! Оно почти проникло внутрь, оно это знало! Его услышали! И все-таки каждый раз, когда оно пыталось продвинуться дальше, его отбрасывали. На пути возникали решетки, двери захлопывались при его приближении. И кто же ему сопротивлялся? Какой-то солдатишка из простолюдинов! Да любой берсерк на его месте уже разгрыз бы свой щит пополам!

Впрочем, главная беда заключалась не в этом. За тварью наблюдали. Такого раньше не было никогда.

В окрестностях Ярда слонялись гномы. Они отнюдь не выглядели воинственно – во всяком случае, не более воинственно, чем обычно (учитывая тот факт, что все гномы по традиции и по привычке круглые сутки носят большой тяжелый шлем, кольчугу, железные сапоги и острый боевой топор). Зато они были явно растеряны и озадачены и как будто сами себя спрашивали, что они здесь делают.

Ваймс велел Вилликинсу въехать в главные ворота и передать трупы незваных гостей Игорю, который наверняка знал, отчего у умирающих бывает зеленая пена на губах.

Сибиллу, Пьюрити и Юного Сэма поспешно провели в помещение почище. «Как интересно... – подумал Ваймс, наблюдая за Шелли и еще несколькими гномами-стражниками, которые возились с ребенком. – Даже теперь – особенно теперь, когда обстановка напряженная и все вернулись к знакомым истинам, – я не рискну с уверенностью сказать, сколько в Страже гномах». Лишь очень смелая представительница гномьей расы могла признать свой пол, поскольку ее окружало общество, в котором даже самое пристойное, до пола длиной, кольчужное платье вместо штанов

автоматически ставило его обладательницу, с моральной точки зрения, на одну доску с Беллочкой и ее трудолюбивыми товарками из клуба «Розовая киска». Но стоит внести в комнату маленького ребенка – и женщины немедленно выдадут себя, несмотря на угрожающий железный лязг и бороду, в которой ничего не стоит заблудиться крысе...

Моркоу протолкался сквозь толпу и отсалютовал:

– Столько всего случилось, сэр!

– Правда? – с маниакальной бодростью спросил Ваймс.

– Да, сэр. Обстановка здорово... накалилась, когда мы подняли из шахты мертвых гномов. В общем, никто не стал возражать, когда мы принялись вскрывать дверь на Паточной улице. Все глубинные гномы скрылись, кроме...

– ...Мудрошлема, – договорил Ваймс, шагая в кабинет.

Моркоу явно был озадачен.

– Верно, сэр. Он сидит в камере. Если вы не против, пожалуйста, сходите взглянуть на него. Он плачет, стонет и дрожит, забившись в угол, а вокруг горят свечи.

– Свечи? Он боится темноты? – уточнил Ваймс.

– Должно быть, так, сэр. Игорь говорит, у него что-то такое в голове.

– И пусть даже не пытается приделать ему новую! – поспешно повернул Ваймс. – Я спущусь как только смогу.

– Я пытался поговорить с Мудрошлемом, но он тупо смотрел на меня, и все. Как вы узнали, что мы задержали именно его?

– Я подобрал несколько странных фрагментов... – начал Ваймс, усаживаясь за стол. Перехватив непонимающий взгляд Моркоу, он объяснил: – Фрагментов головоломки, капитан. В основном это кусочки неба. И все-таки я думаю, что уже почти добрался до конца, потому что мне удалось сложить уголок. Какая такая гномья штука разговаривает под землей?

– Сэр?..

– Ты сам сказал, что гномы пытались что-то услышать. Ты решил, что они искали попавших в ловушку шахтеров. Но... не знаю... есть ли у гномов какие-нибудь штуки, умеющие говорить?

Моркоу нахмурился.

– Вы имеете в виду куб, сэр?

– Не знаю. Может, и имею. Объясни.

– Я видел несколько кубов у здешних глубинных гномов, сэр, но я уверен, что под городом ни одного нового не откопать. Обычно кубы находят в твердых скальных породах. В любом случае их нельзя услышать.

Я никогда не слышал, чтобы они сами начинали говорить, когда их находили. Гномы бьются годами над одним кубом, пытаясь понять, как с ним обращаться!

– Прекрасно. А теперь – что такое куб? – спросил Ваймс, глядя на поднос «входящих». Как чудесно. Никаких записок от Э. И. Пессимала.

– Э... он похож на книжку, сэр. Которая разговаривает. Что-то вроде вашего Груши. Большинство кубов содержат толкования гномьих законов устами древних мудрецов. Это очень старое волшебство... я так думаю.

– Ты так думаешь? – переспросил Ваймс.

– Ну, техномантические Устройства – на вид они как будто сделаны...

– Капитан, я опять тебя не понимаю. Что такое Устройства и почему ты используешь это слово с большой буквы?

– Кубы – тоже Устройства, сэр. Никто не знает, кто их создал и с какой целью. Возможно, они старше, чем мир. Их находят в вулканах и самых глубоких скальных слоях. Большинство кубов в руках у грагов. Они используются в разных...

– Погоди. Ты хочешь сказать, что, когда кубы выкапывают, в них звучат гномьи голоса, которым уже миллион лет? Ей-богу, гномы не так давно...

– Нет, сэр. Гномы появились позже. Я не особо в этом разбираюсь, но полагаю, что в первых найденных кубах в основном звучали природные шумы: льющаяся вода, пение птиц, падение камней и так далее. Граги поняли, каким образом стирать посторонние звуки, чтобы освободить место для слов. Я слышал один такой куб, в котором были звуки леса. Десять лет звучания в предмете размером в два дюйма.

– Эти штуки высоко ценятся?

– Невероятно высоко. Стоят того, чтобы срыть гору гранита, как мы выражаемся... в смысле, мы – гномы, а не мы – стражники, сэр.

– Значит, ради куба стоит прорыть несколько тысяч тонн анк-морпорской грязи?

– Ради куба? Да! Значит, вот в чем дело? Но как он сюда попал? Обычный гном может за всю жизнь не увидеть ни одного куба. Ими пользуются только граги и великие вожди. И с какой стати кубу говорить первым? Его можно оживить, лишь произнеся ключевое слово!

– Погоди. Как выглядят кубы? Помимо того, что они кубические?

– Я видел мало кубов, сэр. Они... ну, не больше шести дюймов в высоту, по цвету как старая бронза... и светятся.

– Зеленым и синим? – быстро подсказал Ваймс.

– Да, сэр! Несколько таких было в шахте на Паточной улице.

– Кажется, я их тоже видел, – ответил Ваймс. – Судя по всему, с тех пор они раздобыли еще один. Голоса из прошлого, э? Почему же я раньше никогда не слышал о кубах?

Моркоу помедлил.

– Вы очень заняты, сэр. Не можете же вы знать все.

Ваймс уловил в словах капитана крошечную толику упрека.

– Ты намекаешь, что я ограничен, капитан?

– Нет-нет, сэр. Вы интересуетесь буквально всеми аспектами полицейской деятельности и криминологии.

Иногда разгадать лицо Моркоу было невозможно. Ваймс не стал и пытаться.

– Я кое-чего не понимаю, – сказал он. – Но не сомневаюсь, что дело касается Кумской долины. Послушай... в чем заключается ее секрет?

– Не знаю, сэр. И не думаю, что там в принципе есть секрет. Наверное, самая большая тайна Кумской долины – кто напал первым. Сами знаете, сэр, обе стороны утверждают, что противник напал из засады.

– Тебе *интересно* это знать? – спросил Ваймс. – И не все ли теперь равно?

– Вы имеете в виду – кто начал первым? Не все равно, сэр! – ответил Моркоу.

– Но я думал, что тролли и гномы ссорились с начала времен.

– Да. Но в Кумской долине произошла первая *официальная* битва, сэр.

– И кто победил?

– Сэр?..

– Я задал несложный вопрос. Кто победил в первой Кумской битве?

– Говорят, им помешал дождь, – сказал Моркоу.

– Битва остановилась из-за дождичка?

– Из-за страшного ливня, сэр. Над горами разразилась гроза. Вниз потекли потоки, полные валунов. Одних бойцов унесло, других убило молнией...

– В общем, день не удался, – закончил Ваймс. – Ладно, капитан. У нас есть какие-нибудь версии, куда могли деваться треклятые граги?

– У них был потайной туннель...

– Разумеется!

– ...который они обрушили за собой. Я велел парням копать...

– Пусть прекратят. Граги могли спрятаться в безопасном месте, выехать из города в повозке или, черт возьми, просто надеть шлемы и кольчуги и сойти за обычных городских гномов. Хватит. Иначе люди измучаются. Пускай граги пока бегут. Думаю, мы еще встретимся.

– Да, сэр. Они скрылись так быстро, что оставили кое-какие Устройства. Я приберег их для общей пользы. Видимо, граги очень испугались. Они взяли только кубы и сбежали. С вами все в порядке, сэр? Вы, кажется, взволнованы.

– На самом деле, капитан, я невероятно бодр. Хочешь послушать, как прошел день у меня?

Душевые в Ярде были притчей во языцех всего города. Ваймс лично оплатил их установку, после того как Ветинари ядовито намекнул, что это слишком дорого. Довольно примитивные, они, по сути, представляли собой всего-навсего шланги, соединенные с баками на верхнем этаже, но после ночи, проведенной в анк-морпоркском подземье, мысль о мытье казалась весьма притягательной. Ангва, тем не менее, медлила.

– Как приятно, – произнесла Салли, изящно поворачиваясь под струей воды. – Ты в порядке?

– Уж как-нибудь разберусь, – огрызнулась Ангва, становясь с краешку. – Полная луна, зов волка и так далее.

Салли перестала тереться мочалкой.

– Понимаю, – сказала она. – «Песика надо вымыть» и все такое, да?

– Обязательно надо было это говорить? – поинтересовалась Ангва, заставляя себя ступить на кафель.

– Ну а как ты обычно моешься? – спросила Салли, протягивая ей мыло.

– Включаю холодную воду и представляю, что это дождь. И не смей смеяться! Смени тему, и поскорее.

– Ну ладно. Как тебе подружка Шнобби?

– Беллочка? Дружелюбная. Хорошенькая.

– Точнее, фантастически красивая. Безупречные формы. Живая классика.

– Ну... да. В общем, да, – признала Ангва.

– И это – подружка Шнобби Шноббса?!

– Кажется, она считает именно так.

– Ты хочешь сказать, что она не заслуживает ничего лучшего? – уточнила Салли.

– Даже Верити Тянитолкай заслуживает лучшего, хотя она страшно косит, у нее руки как у грузчика и она зарабатывает на жизнь, продавая раков, – заметила Ангва. – Поверь, я не преувеличиваю.

– Верити – его прежняя подружка?

– Так утверждает Шнобби. Насколько я знаю, физическая сторона их

отношений состояла в том, что она швыряла в него рыбиной всякий раз, когда он подходил слишком близко.

Ангва выжала остатки слизи из волос. От этой дряни было трудно избавиться. Более того, слизь отчаянно упиралась, застревая на краю сливного отверстия.

Ангва решила, что хватит с нее мытья. Она вообще не любила проводить слишком много времени под душем. Через шесть-семь заходов запах окончательно выветрится. Теперь главное – не забыть воспользоваться полотенцем, вместо того чтобы отряхнуться всем телом.

– Ты думаешь, я полезла в шахту, чтобы впечатлить капитана Моркоу? – стоя сзади, спросила Салли.

Ангва замерла с обмотанной полотенцем головой. Что ж, рано или поздно это должно было случиться...

– Нет, – сказала она.

– Твое сердце говорит иначе, – спокойно заметила Салли. – Не волнуйся, у меня нет шансов. У Моркоу учащается сердечный ритм каждый раз, когда он смотрит на тебя, а твое сердце на мгновение замирает, как только он появляется...

«Ага, сейчас мы поговорим раз и навсегда, – сказал внутренний волк, который всегда маячил неподалеку. – Тут-то мы и выясним отношения, когти против клыков...»

Нет! Не слушай волка.

Но пусть сначала эта тварь перестанет слушать своих летучих мышей.

– Оставь в покое наши сердца, – прорычала Ангва.

– Не могу. Ты ведь не можешь отключить нос, правда?

Внутренний волк замолчал, и Ангва слегка расслабилась. Значит, сердце Моркоу бьется быстрее?..

– Нет, не могу, – ответила она.

– Он когда-нибудь видел тебя без формы?

«Ох, боги», – подумала Ангва и потянулась за рубашкой.

– Э... ну конечно, – пробормотала она.

– Я имею в виду, в какой-нибудь другой одежде. Например, в платье? – продолжала Салли. – Ну же. Каждый коп проводит хотя бы часть времени в штатском. Это помогает ему понять, что он не на службе.

– Мы здесь работаем двадцать четыре часа в сутки и восемь дней в неделю, – буркнула Ангва. – В Страже всегда...

– То есть так работает Моркоу, потому что ему нравится, а ты просто соглашаешься? – уточнила вампирша, и удар попал в цель.

– Это моя жизнь! С какой стати мне выслушивать советы вампира?

– Потому что ты вервольф, – сказала Салли. – И только вампир посмеет тебе советовать. Вовсе необязательно все время ходить за Моркою по пятам.

– Слушай, я знаю! Но мы, вервольфы, такие! Мы не можем с собой совладать!

– Но я же совладала. Черную ленточку я получила не просто за то, что дала торжественное обещание. Вступление в Лигу не значит, что мне перестало хотеться крови. Но я перестала откликаться на зов. По крайней мере, *ты* можешь поохотиться ночью на цыплят!

Настала мертвая тишина. Наконец Ангва спросила:

– Ты знаешь про цыплят?..

– Да.

– Я за них плачу.

– Не сомневаюсь.

– И вообще это не каждую ночь.

– Разумеется. А ты знаешь, что есть люди, которые добровольно... составят вампиру компанию за ужином, лишь бы все было обставлено стильно? И это *нас* считают странными?.. – Салли принялась. – Кстати, чем ты моешь голову?

– Антиблошиный шампунь «Славный песик», «Виллард бразерс», – ответила Ангва. – Он придает блеск, – немедленно добавила она. – Слушай, давай договоримся. Допустим, мы несколько часов вместе бродили по подземелью и, возможно, пару раз спасли друг дружке жизнь, но это не значит, что мы теперь подруги, ясно? Просто... мы оказались в одном и том же месте в одно и то же время!

– Тебе и правда нужен выходной, – сказала Салли. – В любом случае я собиралась угостить Беллочку, и Шелли хотела к нам присоединиться. Что скажешь? Мы в любом случае будем не на дежурстве. Иногда надо развлекаться.

Ангва боролась с эмоциями, которые напоминали клубок змей. Беллочка действительно была очень добра – гораздо добрее, чем ожидаешь от существа, на котором четыре дюйма одежды и шестидюймовые шпильки.

– Ну же, – подбодрила Салли. – Не знаю, как насчет тебя, а я еще не прополоскала горло от подземной грязи.

– Ладно, ладно! Но это не значит, что мы подруги!

– Договорились.

– Я вообще не из тех, кто легко привязывается, – добавила Ангва.

– Да-да. Я вижу.

Ваймс сидел и смотрел в записную книжку. Он записал и обвел слова «говорящий куб».

Краем уха он слышал привычный шум Ярда – сутолоку во дворе старой лимонадной фабрики, где вновь собирались добровольцы, просто на всякий случай, грохот полицейского фургона, слитный гул голосов с нижнего этажа...

Немного подумав, он записал «старый колодец» и тоже обвел.

Он воровал сливы в садах Эмпирического Полумесяца вместе с другими мальчишками. Половина домов пустовала, и никто не гонял воришек. Да, они действительно видели там колодец, но он и тогда уже был засыпан мусором, а сверху порос травой. Они наткнулись на кирпичную кладку только потому, что искали камни, чтобы сбивать сливы.

Значит, что-то лежало прямо на дне – там, куда направлялись гномы. Оно оказалось в колодце пятьдесят или шестьдесят лет назад...

Даже сорок лет назад в Анк-Морпорке редко попадались гномы, и они были не настолько богаты и влиятельны, чтобы приобрести куб. Это были работяги, искавшие лучшей жизни (хотя бы в перспективе). Кто мог выбросить говорящую коробочку, которая стоит гору золота? Этот тип, должно быть, совсем сошел с ума...

Ваймс неподвижно сидел, глядя на собственные каракули. Где-то вдалеке Детрит выкрикивал команды.

Ваймс чувствовал себя как человек, который переходит реку вброд по камням. Он добрался почти до середины, но следующий камень слишком далеко, и до него можно достать лишь ценой нешуточных усилий. В любом случае он уже занес одну ногу, и теперь предстояло либо наступить, либо упасть...

Он написал «Методия Плут» и несколько раз обвел слова, продавливая карандашом дешевую бумагу.

Должно быть, Плут побывал в Кумской долине. Предположим, там он нашел куб, бог вещь как. Например, эта штука просто валялась на земле. Так или иначе, Плут принес ее домой. Он написал свою картину и сошел с ума – а в промежутке между этими двумя событиями куб заговорил...

Ваймс написал «ключевое слово» и обвел кружком – так сильно, что карандаш сломался.

Что, если Плут не мог найти нужное слово, чтобы заставить куб замолчать? И тогда он бросил его в колодец...

Ваймс начал писать сломанным карандашом: «Жил ли Плут в Эмпирическом Полумесяце?», но сдался и попытался просто запомнить.

...потом Плут умер, потом написали эту проклятую книгу. Сначала она не пошла, но недавно ее переиздали, и... да, теперь в городе множество гномов. Некоторые из них прочли книгу и каким-то образом поняли, что секрет в упомянутом кубе. Они решили его найти. Но как? Черт возьми. Разве в книге не сказано, что секрет Кумской долины – в картине? Ну ладно. Может быть, Плут каким-то образом указал на полотно местонахождение куба? Ну и что? Что плохого могла сказать эта штукавина, чтобы убивать бедолаг, услышавших ее?

«По-моему, я ошибаюсь. Это не моя коровка. Это овца с вилами. К сожалению, она еще и крякает».

Ваймс, окончательно запутавшись, расхаживал по кабинету. Наконец он почувствовал, что напал на некий след. Но куда он вел?

«Как обернулись бы события, будь у нас доказательство, что, скажем, гномы первыми напали на троллей из засады? Не случилось бы ничего такого, чего уже не случалось до сих пор. Всегда можно найти оправдание, которое понравится твоим сородичам. Какая разница, что там думают враги? Доказательства не сыграют никакой роли...»

В дверь кабинета тихонько постучали. Так стучат, когда втайне надеются, что ответа не будет. Ваймс вскочил и распахнул дверь.

В коридоре стоял Э. И. Пессимал.

– Привет, Э. И., – сказал Ваймс, возвращаясь к столу и откладывая карандаш. – Заходите. Чем могу помочь? Как ваша рука?

– Э... не могли бы вы уделить мне немного времени, ваша светлость?

«Ваша светлость». На сей раз у Ваймса не достало сил возражать.

Он сел. Э. И. Пессимал так и не снял кольчуги, на которой красовался значок добровольца. Чистеньким его было уже не назвать. От удара Кирпича он как мячик пролетел через всю площадь.

– Э... – начал Э. И. Пессимал.

– Придется начать с младшего констебля, но человек с вашими способностями продвинется до сержанта меньше чем через год. И у вас будет отдельный кабинет, – сказал Ваймс.

Э. И. Пессимал закрыл глаза.

– Откуда вы знаете?..

– Вы укусили пьяного тролля. И тогда я подумал: Э. И. рожден для того, чтобы носить значок стражника. Вы всегда об этом мечтали, правда? Но были слишком маленьким, слабым и застенчивым, чтобы поступить в Стражу. Больших и сильных я найду где угодно, а сейчас мне нужны люди, которые умеют писать, не ломая карандаш. Вы станете моим помощником. Будете заниматься бумажной работой. Читать рапорты и определять, что

важно, а что нет. А чтобы научиться отличать важное от неважного, придется как минимум два раза в неделю дежурить на улицах.

По щеке Э. И. Пессимала скатилась слеза.

– Спасибо, ваша светлость, – хрипло произнес он и выпятил грудь (если можно так выразиться).

– Разумеется, сначала вам нужно закончить отчет для Ветинари, раз уж вы получили такое поручение, – добавил Ваймс. – А пока что, с вашего позволения, я займусь делами. Буду рад видеть вас в Страже, младший констебль Пессимал.

– Спасибо, ваша светлость!

– И не зовите меня «ваша светлость», – сказал Ваймс. Он ненадолго задумался и решил, что Э. И. это заслужил. Одним заходом.

– Зовите меня «мистер Ваймс».

«Мы делаем успехи, – подумал он, когда радостный Э. И. Пессимал ушел. – Патрицию это не понравится, и точка, поэтому, насколько я понимаю, никакой обратной стороны тут нет. Quis custodiet ipsos custodes, qui custodes custodient? «Кто сторожит стража, сторожащего стражников?» Если не ошибаюсь, это переводится именно так. Ну... ваш ход, милорд».

Он снова принялся ломать голову над записями в блокноте, когда без стука отворилась дверь и вошла Сибилла с тарелкой.

– Ты слишком мало ешь, Сэм, – заявила она. – А ваша столовая – просто ужас. Сплошь жир и мучное!

– Боюсь, дорогая, именно такую еду предпочитают мужчины, – виновато ответил Ваймс.

– По крайней мере, я вычистила урну для заварки, – удовлетворенно продолжала Сибилла.

– Урну для заварки? – замогильным голосом переспросил Ваймс. Опустошить урну было все равно что стереть патину с произведения искусства.

– Да, такое ощущение, что внутри была смола. У вас здесь не так уж много приличной еды, но я все-таки сделала тебе сэндвич с беконом, салатом и помидорами.

– Спасибо, дорогая. – Ваймс осторожно приподнял хлеб сломанным карандашом. С его точки зрения, салата было *слишком* много – то есть больше одного листка.

– Тебя хотят видеть гномы, Сэм, – сказала Сибилла. Ее это явно тревожило.

Ваймс встал так быстро, что стул упал.

– Юный Сэм в порядке?

– Да, Сэм. Это городские гномы. Полагаю, ты их всех знаешь. Они говорят, что хотят поговорить с тобой про...

Но Ваймс уже неся по лестнице, по пути вытаскивая меч.

Гномы нервно сгрудились возле столика дежурного. Обилие железа, гладкие бороды и почтенные брюшки намекали, что этим гномам живется хорошо.

Ну, или жилось до сих пор.

Ваймс предстал перед ними как воплощенная ярость.

«Ах вы подлые мелкие крысоеды, тупоголовые обитатели тьмы! Что хорошего вы принесли в наш город? О чем вы думали? Вам были нужны здесь граги? Вы посмели не согласиться с тем, что говорил Бедролом, с этой ядовитой древней ложью, или вы сказали: да, Бедролом заходит слишком далеко, но в чем-то он прав? А теперь вы пришли сюда, ломая руки и твердя, как это ужасно, но вы тут ни при чем? Кто же были те гномы в толпе? Разве не вы – главы диаспоры? Разве не вы возглавляете городских гномов? Теперь, после того как телохранители того ублюдка попытались убить мою семью, вы явились жаловаться? Разве я нарушил какой-нибудь закон, наступил кому-нибудь на тысячелетнюю мозоль? К черту ваши законы. И вас к черту».

Он чувствовал, как эти слова рвались наружу, и от попыток удержать их у Ваймса занял живот и заболели виски. «Пусть только кто-нибудь пискнет, – подумал он. – Пусть только кто-нибудь высокопарно пожалуется. Ну же».

– Ну? – произнес он.

Гномы заметно подались назад. Ваймс подумал: может быть, они прочли его мысли, которые так громко звучали в голове?

Кто-то из гномов кашлянул.

– Командор Ваймс...

– Ты ведь Порс Рукисила, если не ошибаюсь? – спросил Ваймс. – Компаньон в фирме «Коренной-и-Рукисила»? Вы делаете арбалеты.

– Да, командор. И...

– Сложить оружие! Все! Все до единого! – рявкнул Ваймс.

Воцарилось молчание. Краем глаза Ваймс заметил парочку гномов-стражников, которые, по крайней мере, притворялись, что заняты делом, одновременно поднимаясь с мест.

Отчасти он знал, что сделал опасную глупость, хотя прямо сейчас Ваймсу хотелось врезать какому-нибудь гному, но сделать это оружием было нельзя. В любом случае большая часть железа, которую носили гномы, служила лишь для устрашения, но гном скорее останется без

штанов, чем без топора. Это были серьезные городские гномы, которые заседали в гильдиях, и так далее.

Боги, он зашел слишком далеко.

Ваймс буркнул:

– Ладно, оставьте топоры. Все остальное поставьте к стенке. Вам выдадут расписку.

На мгновение – на долгое мгновение – Ваймсу показалось (точнее, он понадеялся), что они откажутся. Но потом кто-то из них сказал:

– Надо сделать так, как велел командор. Времена непростые. Нужно к ним приспособливаться.

Ваймс пошел в кабинет, слыша за спиной лязг и грохот. Он всей тяжестью рухнул в кресло, так что отвалились колесики. Расписка – это был удар ниже пояса. Ваймс похвалил себя.

На столе, на небольшой подставке, которую сделала Сибилла, лежал официальный жезл. На самом деле он был размером с обычную дубинку стражника, но сделан из розового дерева, а не дуба и украшен серебром. Впрочем, весил он изрядно. Во всяком случае, достаточно, чтобы отпечатать на лбу у гнома слова «Защищаю королевский мир».

Гномы вошли, значительно облегченные.

«Хотя бы слово, – подумал Ваймс в ядовитом тумане. – Одно, черт подери, слово. Ну же. Хотя бы дохните неправильно...»

– Так. Чем могу помочь? – поинтересовался он.

– Э... вы, конечно, всех нас знаете, – начал Порс, пытаясь улыбнуться.

– Быть может. Тот, что рядом с тобой, – Хвать Громобой, который недавно выпустил новую линию духов и косметики «Дамский секрет». Моя жена всегда пользуется вашей продукцией.

Громобой, в традиционной кольчуге, трехрогом шлеме и с огромным топором за плечом, смущенно кивнул. Ваймс перевел взгляд дальше.

– А ты Сета Сталегрыз, владелец сети одноименных булочных. Дальше – Гимлет Гимлет, хозяин двух знаменитых гномьих закусовых «Вкус крыс» и еще одной, недавно открытой на Чердачнопчельной улице... – Ваймс обвел глазами кабинет, гном за гномом, пока не вернулся к переднему ряду – и к гному, скромно одетому по гномьим стандартам, который внимательно наблюдал за ним. У Ваймса была хорошая память на лица. Где-то он его недавно видел, но не помнил где. Возможно, за половинкой метко брошенного кирпича...

– А тебя, кажется, я не знаю, – сказал он.

– Нас не представили, командор, – добродушно ответил гном. – Но я очень интересуюсь теорией игр...

«Академия мистера Блеска», – подумал Ваймс. Судя по голосу, именно этот гном несколько минут назад проявил дипломатический талант. На нем были простой круглый шлем и кожаная куртка под кольчугой, борода была подстрижена аккуратнее привычного гномьего фасона «куст терновника». По сравнению с другими он выглядел... каким-то обтекаемым. Ваймс даже топора не заметил.

– Да? – уточнил он. – Ну а я ни во что не играю. Как тебя зовут?

– Грох Грохссон, командор. *Граг* Грохссон.

Ваймс осторожно взял декоративную дубинку и покатал ее в ладонях.

– Ты не глубинный гном? – спросил он.

– Некоторые гномы мыслят современно, сэр. Они полагают, что тьма – это не глубина шахты, а состояние сознания.

– Очень мило с вашей стороны, – сказал Ваймс.

«Ах, какие мы теперь милые и прогрессивные! А где же ты был вчера? Зато теперь все козыри на руках у *меня*! Эти сукины дети убили четырех городских гномов! Они вломились ко мне в дом и попытались убить мою жену! А теперь думают тихонько ускользнуть? Но, куда бы они ни делись, я их откопаю!»

Ваймс вернул дубинку на подставку.

– Я уже сказал: чем могу быть полезен, господа?

Он заметил, что все присутствующие, физически или мысленно, повернулись к Грохссону.

«Понятно. Похоже, здесь десяток обезьянок и один шарманщик...»

– Чем мы можем помочь вам, командор? – спросил граг.

Ваймс уставился на него.

«Вы могли им помешать. Вот как вы могли помочь. И не делайте похоронные лица. Возможно, вы не сказали «да», но вы, черт возьми, не сказали «нет» достаточно громко! Я ничем вам не обязан. И не приходите ко мне, черт подери, за отпущением грехов!»

– Прямо сейчас? Ну, например, вы можете выйти на улицу, подойти к самому большому троллю, какого встретите, и дружески пожать ему руку, – сказал Ваймс. – Впрочем, достаточно будет, если вы просто выйдете на улицу. Честное слово, я сейчас очень занят, господа, а лошадей на переправе не меняют.

– Граги направляются в горы, – произнес Грохссон. – Они обогнут Убервальд и Ланкр, поскольку сомневаются, что их там тепло встретят. То есть они пойдут через Лламедос. Там полно пещер...

Ваймс пожал плечами.

– Мы понимаем, что вы расстроены, мистер Ваймс, – продолжал

Грохссон. – Но мы...

– В морге сейчас лежат два мертвых убийцы, – перебил Ваймс. – Один из них умер от яда. Что вам об этом известно? И называйте меня «командор Ваймс», будьте так любезны.

– Говорят, они принимают медленно действующий яд, прежде чем отправиться на опасное задание, – сказал Грохссон.

– Так сказать, жгут корабли? Как интересно. Но сейчас меня интересуют живые. – Он встал. – Я должен повидать одного арестованного гнома, который не желает со мной разговаривать.

– Это, должно быть, Мудрошлем, – заметил Грохссон. – Он родился в городе, командор, но три месяца назад, против воли родителей, отправился учиться в горы. Я уверен, ничего такого он не задумывал. Он просто пытался обрести себя.

– Пускай займется этим в камере, – резко отозвался Ваймс.

– Я могу присутствовать при вашем разговоре? – спросил граг.

– Зачем?

– Во-первых, чтобы предотвратить слухи о том, что с ним дурно обращались.

– Или запустить их? – намекнул Ваймс.

«Кто сторожит стражников? – спросил он себя. – Я!»

Грохссон спокойно взглянул на командора.

– Я хочу... разрядить атмосферу, сэр.

– В мои привычки не входит избивать арестованных, если вы это имеете в виду.

– И я уверен, что вы не сделаете этого сегодня.

Ваймс открыл рот, чтобы выгнать грага из помещения, но тут же остановился. Мелкий нахал попал в самую точку. Ваймс находился на грани срыва с той минуты, как вышел из дому. У него покалывало пальцы, в животе стягивался узел, от резкой боли ломило голову. Кто-то заплатит за все это... это... в общем, за *это*. Причем необязательно какая-нибудь издерганная пешка вроде Мудрошлема.

Ваймс не поручился бы – о, не поручился бы, – *что* он сделает, если пленник вздумает возражать или умничать. Бить арестованных... коготок увяз – всей птичке пропасть. Стоит сделать это один раз по серьезному поводу – и в дальнейшем повод уже не понадобится вовсе. Хорошие парни не совершают плохих поступков. Иногда зоркий стражник, который сидит в голове у каждого копа, обретает лишнюю пару глаз.

Чтобы вершить правосудие, его нужно *видеть*. Значит, Ваймс присмотрит, чтобы все шло должным порядком.

– Господа, – сказал Ваймс, глядя на грага, но обращаясь ко всем присутствующим. – Я знаю вас, вы знаете меня. Вы – уважаемые гномы, которые обладают определенным положением в городе. Я хочу, чтобы вы поручились за мистера Грохссона, потому что я вижу его первый раз в жизни. Ну же, Сета. Я тебя сто лет знаю. Что скажешь?

– Они убили моего сына, – сказал Сталегрыз.

И в голове у Ваймса как будто обрушился топор. Он рассек трахею, сердце, желудок... и исчез. Ярость сменилась ледяным холодом.

– Простите, командор, – тихо произнес Грохссон. – Но это правда. Сомневаюсь, что Гюнтер Сталегрыз интересовался политикой. Он просто поступил работать в шахту, потому что хотел несколько дней поворожить лопатой и почувствовать себя настоящим гномом.

– Они бросили его умирать в грязи, – продолжал Сталегрыз до жути бесстрастным голосом. – Мы окажем вам любую помощь, какая потребуется. Любую. Но убейте их всех, когда найдете.

Ваймс мог лишь ответить:

– Я их найду.

Он не сказал: «Убить их? Нет. Если они сдадутся, если не обратят против меня оружие... Коготок увяз – всей птичке пропасть».

– Мы сейчас уйдем и не будем больше вам мешать, – сказал Рукисила. – Мы хорошо знаем грага Грохссона. Возможно, он слишком современен. Слишком молод. Не из тех грагов, к каким мы привыкли, но... да, мы ручаемся за него. Доброго вам вечера, командор.

Ваймс уперся взглядом в стол, пока они выходили. Когда он поднял голову, граг стоял перед ним с тонкой терпеливой улыбкой на лице.

– Вы не похожи на грага, – сказал Ваймс. – Вы выглядите как самый обыкновенный гном. Почему я никогда раньше о вас не слышал?

– Наверное, потому, что вы полицейский? – кротко предположил Грохссон.

– Я понял намек. То есть вы не глубинный гном?

Грохссон пожал плечами.

– Я умею *мыслить* глубинно. Я родился в городе, командор, как и Мудрошлем. Мне не нужна гора над головой, чтобы быть гномом.

Ваймс кивнул. Городской парнишка, не какой-нибудь горный бородач. Быстро соображает. Неудивительно, что он нравится лидерам гномьей диаспоры.

– Ладно, мистер Грохссон, пошли. Но при двух условиях. Условие первое: у вас пять минут, чтобы раздобыть набор для «Шмяка». Справитесь?

- Думаю, да, – сказал гном, слегка улыбнувшись. – А второе условие?
- Сколько вам понадобится времени, чтобы научить меня играть?
- Вас? А вы когда-нибудь играли?
- Нет. Один тролль недавно показал мне игру, но я ничем таким не баловался с самого детства. Впрочем, мальчишкой я неплохо играл в «пьяную крысу»^[13].
- Думаю, двух-трех часов будет... – начал Грохссон.
- Некогда, – перебил Ваймс. – У вас есть десять минут.

Пьянка началась в «Ведре» на Блестючей улице. Завсегдатаями этого паба были стражники. Его хозяин, мистер Сырр, знал, что нужно клиентам. Стражники предпочитали пить в таком месте, где ничто не напоминало бы им об их профессии. Бурное веселье здесь не поощрялось.

Потом Беллочка предложила перейти в «Слава богу, здесь открыто».

Ангва была не в лучшем настроении, но у нее не достало духу сказать «нет». Хотя Беллочку судьба наградила телом, способным пробудить ненависть в любой женщине, этот недостаток компенсировался тем, что Беллочка и вправду оказалась очень мила. Во-первых, самоуважения у нее было не больше чем у гусеницы, а во-вторых, и мозгов примерно столько же (и собеседник неизбежно понимал это с первых же фраз). Судя по всему, одно уравновешивало другое; наверное, какой-то добродушный бог сказал: «Прости, детка, ты получилась тупее потолочной балки, но не огорчайся, на это никто не обратит внимания».

И желудок у нее был луженый. Ангва гадала, сколько мужчин скончалось в тщетных попытках напоить Беллочку до потери сознания. Алкоголь совершенно не ударял ей в голову. Возможно, он просто не находил дороги к мозгу. Но Беллочка была приятной и добродушной собутыльницей, если избегать в беседе намеков, иронии, сарказма, юмора, сатиры и трехсложных слов.

Ангва злилась, потому что ей до смерти хотелось пива, а молодой человек за стойкой решил, что «пинта «Винкля» – это название коктейля. Неудивительно, учитывая ассортимент тамошних напитков.

– Что такое «Бурлящий оргазм»? – поинтересовалась Ангва, изучая меню.

– Похоже, мы вовремя с тобой познакомились, – заметила Салли.

– Нет, – Ангва под общий смех вздохнула: типично вампирский ответ! – Я имею в виду, из чего это сделано?

– «Альмонте», «Валулу», виски-крем «Медвежьи объятия» и водка, – сказала Беллочка, которая знала рецепты всех существующих на свете

коктейлей.

– И как он действует? – спросила Шелли, привставая на цыпочки, чтобы посмотреть поверх стойки.

Салли заказала четыре порции и вновь повернулась к Беллочке:

– Значит... ты и Шнобби Шноббс?.. Ну и как у вас?..

Все трое наострили уши.

К чему еще нужно было привыкнуть в присутствии Беллочки, так это к общему молчанию. Как только она входила, воцарялась тишина. Иногда из сумрака доносился вздох. Даже *богиня* пошла бы на преступление ради такого тела, как у Беллочки.

– Шнобби милый, – сказала Беллочка. – Он меня смешит. И не распускает руки.

На трех лицах отразилось сосредоточенное раздумье. Речь шла о Шнобби. Было слишком много вопросов, которые они *не* собирались задавать.

– А ты видела, как он давит прыщи? – поинтересовалась Ангва.

– Да! Я думала, что лопну со смеха! Он такой забавный!

Ангва уставилась в бокал. Шелли кашлянула. Салли принялась изучать меню.

– И он очень верный, – продолжала Беллочка. Словно догадавшись, что этого недостаточно, она грустно добавила: – Если хотите знать, он первый парень, который пригласил меня на свидание.

Салли и Ангва дружно выдохнули. До них дошло. Значит, вот в чем проблема! Притом запущенная...

– Понимаете... у меня слишком густые волосы, слишком длинные ноги и слишком большие сиськи... – продолжала Беллочка, но Салли подняла руку, призывая к молчанию.

– Во-первых, Беллочка...

– Меня зовут Бетти, – сказала та и высморкалась таким изящным жестом, что самый гениальный скульптор в мире продал бы душу, чтобы запечатлеть это в мраморе. Вместо «Бетти» получилось «Брлм».

– Во-первых... Бетти, – повторила Салли, произнеся имя с некоторым усилием, – ни одна женщина младше сорока пяти...

– Пятидесяти, – поправила Ангва.

– Да... так вот, ни одна женщина младше пятидесяти не станет употреблять слово «сиськи» применительно к себе. Не станет – и точка.

– А я и не знала. – Беллочка шмыгнула носом.

– Да уж, – сказала Ангва.

Господи, каким образом объяснить женщине вроде Беллочки, которой

имя «Бетти» подходит ничуть не более гвоздя во лбу, что у нее «синдром никчемушника»? Притом не какой-нибудь частный случай – это был синдром воплощенный, во всей красе, в своей незамутненной сути, классический пример, из которого следовало набить чучело и сохранить в качестве наглядного пособия для студентов. И Беллочка была счастлива с капралом Шнобби!

– Я сейчас тебе кое-что объясню... – начала Ангва и тут же умолкла, пораженная масштабами задачи. – Слушай... может быть, сначала выпьем еще? Какой там следующий коктейль?

Шелли сверилась с меню.

– «Розовый трясун»! – объявила она.

– Прекрасно! Дайте четыре!

Фред Колон заглянул сквозь решетку. В общем и целом он был неплохим тюремщиком – у него всегда стоял наготове горячий чайник, он, как правило, был дружески расположен к большинству людей и слишком туп, чтобы попасться на уловку. Вдобавок он хранил ключи от камер в жестяной коробке в нижнем ящике стола, вне досягаемости палок, рук, собак, хитроумно брошенного пояса или специально обученной паукообразной клатчской обезьяны^[14].

Он слегка беспокоился насчет этого гнома. В тюрьму кто только не попадал – и обычно арестанты изрядно шумели, но этот тип... Колон даже не знал, что хуже – когда гном рыдал или замолкал. Пришлось поставить свечку на табурете у решетки, потому что арестованный страшно нервничал, если было мало света.

Он задумчиво помешал чай и протянул кружку Шнобби.

– Слушай, у нас тут настоящее чудо, – сказал Колон. – Если гном боится темноты, значит, у него крыша поехала. Он даже не притронулся к чаю и бисквитам. Что скажешь?

– Что его бисквиты съем я, – ответил Шнобби, потянувшись к тарелке.

– Чего ты вообще здесь делаешь? – спросил Фред. – Я думал, ты куда-нибудь пойдешь и будешь пялиться на девчонок.

– Беллочка сегодня угощает подруг выпивкой.

– О-о, лучше предупреди ее, – сказал Фред Колон. – Сам знаешь, как оно бывает. В конце концов они перепиваются, визжат и ведут себя неподобающим образом, например срывают лифчики, ну и все такое. Это называется... – он почесал в затылке, – неразборчивое пьянство.

– Она пошла с Ангвой, Салли и Шелли, сержант, – ответил Шнобби, беря очередную бисквит.

– Не теряй бдительности, Шнобби. Женщины сговариваются против мужчин... – Фред вдруг замолчал. – Вампир и вервольф пошли пить вместе? Помяни мое слово, парень: лучше не выходи сегодня на улицу. Если они начнут...

Он заткнулся, услышав голос Сэма Ваймса, донесшийся с верхней площадки каменной лестницы. Вслед за голосом явился и его обладатель.

– Значит, я должен помешать им собраться кучкой, правильно?

– Если играете за троллей, то да, – ответил кто-то. – Плотный гномий строй сулит троллям неприятности.

– Тролли нападают, гномы бросаются.

– Точно.

– И никто не может перепрыгнуть через камень, который лежит в центре.

– Да.

– И все-таки мне кажется, что гномы должны победить.

– Посмотрим. Очень важно...

Ваймс остановился, увидев Шнобби и Колона.

– Так, парни, мне надо поговорить с арестованным. Как он там?

Фред указал на скорчившуюся фигуру на койке в дальнем углу камеры.

– Капитан Моркоу с полчаса назад пытался с ним поговорить – вы ведь знаете, он умеет расположить к себе. Но только он не вытянул из этого гнома ни слова. Я зачитал арестованному его права, но не спрашивайте, понял ли он что-нибудь. Он, во всяком случае, отказался от чая с бисквитами. Они полагаются ему по параграфам 5 и 5-б, – добавил Фред, меряя Грохссона взглядом. – Параграф 5-в он получит, если нам выдадут «Чайное ассорти».

– Он может ходить? – спросил Ваймс.

– Кое-как волочит ноги, сэр.

– Ну, так тащи его сюда, – потребовал Ваймс и, заметив испытующий взгляд Фреда, направленный на Грохссона, продолжал: – Этот джентльмен желает удостовериться, что мы не прибежем к резиновой дубинке, сержант.

– А я и не знал, что она у нас есть, мистер Ваймс.

– Нету, – ответил Ваймс. – И потом, какой смысл лупить арестанта штукой, которая пружинит, – добавил он, взглянув на Грохссона. Тот вновь улыбнулся своей странной тонкой улыбкой.

На столе горела свеча. Фред зачем-то поставил еще одну на табурете рядом с решеткой единственной занятой камеры.

– Здесь темно, а, Фред? – сказал Ваймс, сдвинув кружки и груды

старых газет, которыми был завален стол.

– Да, сэр. Гномы забрали у нас несколько свечей, чтобы поставить вокруг своего прокля... жуткого знака, – ответил Фред, нервно взглянув на Грохссона. – Прошу прощения, сэр.

– Почему его нельзя просто сжечь?.. – буркнул Ваймс, кладя на стол доску для «Шмяка».

– Это очень опасно, особенно теперь, когда Призывающая Тьма вошла в мир, – сказал Грохссон.

– Вы в это верите? – спросил Ваймс.

– Верю? Нет, – ответил граг. – Я просто знаю, что она существует. Троллей надо расставить вокруг центрального камня, – деликатно подсказал он.

Чтобы разместить крошечных воинов на доске, понадобилось некоторое время, как и на то, чтобы вывести из камеры Мудрошлема. Фред Колон осторожно направлял арестованного, держа за плечо, и гном шел, словно во сне, закатив глаза, так что виднелись одни белки. Железные сапоги скрипели на каменном полу.

Фред бережно усадил его на стул и придвинул ближе вторую свечу. Как по волшебству, гном устремил взгляд на игрушечную армию, не обращая внимания больше ни на что вокруг.

– Мы тут играем, мистер Мудрошлем, – негромко сказал Ваймс. – Выбирайте, за кого хотите сыграть.

Мудрошлем протянул дрожащую руку и коснулся фигурки. Тролль. Гном предпочел играть за троллей. Ваймс вопросительно взглянул на стоявшего рядом Грохссона и в ответ вновь получил улыбку.

Так, значит, нужно собрать кучкой как можно больше гномов... Ваймс помедлил и отправил фигурку гнома в другой край доски. Фигурка щелкнула о дерево, и тут же эхом отозвался второй щелчок – Мудрошлем двинул своего тролля. Хотя он и казался спящим, его рука мелькнула с удивительной быстротой.

– Кто убил четверых гномов в шахте, Мудрошлем? – негромко спросил Ваймс. – Кто убил этих городских парней?

Тусклые глаза взглянули на него, затем многозначительно обратились на доску. Ваймс наугад двинул следующую фигурку.

– Темные гномы, – шепотом ответил Мудрошлем, с легким щелчком переставляя тролля.

– Кто приказал?

Снова взгляд, снова ход наугад и ответное движение, такое быстрое, что обе фигурки как будто коснулись доски одновременно.

– Граг Бедролом.

– Зачем?

Щелк-щелк.

– Они слышали, как эта штука говорит.

– Какая штука? Куб?

Щелк-щелк.

– Да. Его вырыли. Он сказал, что говорит голосом Бхриана Кровавого Топора.

Ваймс услышал, как ахнул Грохссон, и поймал взгляд Фреда Колона. Он кивком указал ему на дверь и что-то шепнул.

– Кажется, это легендарный король гномов? – уточнил Ваймс.

Щелк-щелк.

– Да. Он командовал гномами в Кумской долине, – ответил Мудрошлем.

– И что же сказал его голос?

Щелк-щелк.

И еще один щелк – Фред Колон запер дверь и встал перед ней, с совершенно бесстрастным лицом.

– Не знаю. Пламен сказал – что-то такое о битве. Он объяснил, что куб лжет.

– Кто убил грага Бедролома?

Щелк-щелк.

– Не знаю. Пламен позвал меня на совет и сказал, что у грагов случилась ужасная драка. Пламен сказал, один из них убил Бедролома в темноте шахтерским молотком, но неизвестно, кто именно. Они дрались друг с другом...

И все были одеты одинаково, подумал Ваймс. Только силуэты. Запястий не видно...

– Зачем они хотели его убить?

Щелк-щелк.

– Чтобы помешать Бедролому уничтожить слова. Он визжал и бил по кубу молотом!

– В кубе есть... чувствительные места. Если неправильно до них дотронуться, звук может исчезнуть совсем, – шепотом объяснил Грохссон.

– Молоток справится с этой задачей, куда бы он ни ударил, – заметил Ваймс.

– Нет, командор. Кубы необычайно прочны.

– Неудивительно.

Ваймс вновь повернулся к Мудрошлему.

– Уничтожать ложь нельзя, но можно убивать шахтеров? – уточнил он.
Щелк.

Он услышал, как Грохссон со свистом втянул воздух. Да, да, выразиться можно было и удачнее. Ответного «щелк» не последовало. Мудрошлем опустил голову.

– Неправильно было убивать рабочих, – прошептал он. – И ложь уничтожать можно... Но нехорошо так думать, поэтому я... я ничего не сказал. Старые граги разозлились, разволновались и запутались, поэтому Пламен взял все на себя. Он сказал: если один гном убивает другого под землей, людей это не касается. Он сказал, что все уладит, пусть только они его слушаются. Он велел темным стражам перенести труп в недавно отрытое помещение. И... велел мне принести мою дубинку...

Ваймс взглянул на Грохссона и шепотом повторил: «Дубинку?» Граг энергично кивнул в ответ.

Мудрошлем сидел молча, скорчившись, а потом медленно поднял руку и переставил фигурку тролля. Щелк.

Щелк-щелк. Щелк-щелк. Щелк-щелк. Ваймс пытался освободить хотя бы несколько мозговых клеток для игры, в то время как ум мучительно старался сложить воедино разрозненные факты, которые выдавал Мудрошлем.

Значит... все началось, когда граги явились сюда в поисках волшебного куба, умеющего говорить...

– Как они попали в город? Откуда узнали, что куб здесь?

Щелк-щелк.

– Когда я отправился учиться, то взял с собой экземпляр «Энциклопедии». Пламен отобрал ее, но потом они позвали меня на совет и сказали, что это очень важно и они хотят оказать мне честь, взяв с собой в город. Пламен сказал, это прекрасная возможность. Он сказал, что у грага Бедролома великая миссия...

– Они даже не знали про картину?

– Граги живут под горой. Они думают, что люди – ненастоящие. Но Пламен умен. Он сказал, всегда ходили слухи, что из Кумской долины что-то унесли.

«Держу пари, он неглуп, – подумал Ваймс. – Значит, они пришли сюда, взялись за привычную работу и принялись ворошить грязь и искать куб гномьими способами. Они его нашли. Но бедолаги, которые копали туннель, слышали куб. Все знают, что гномы большие сплетники. Поэтому темные стражи уж позаботились, чтобы у этих четверых не было шансов посплетничать».

Щелк-щелк. Щелк-щелк.

«Потом нашему другу Бедролому тоже не понравилось то, что он услышал. Он попытался уничтожить куб. В драке один из грагов оказал миру услугу и раскроил Бедролому череп. Он сделал большую ошибку, потому что верные адепты наверняка хватились бы Бедролома, призывавшего к массовому убийству троллей. Всем известно, что гномы сплетники, и перебить их всех до одного нельзя. Поэтому, пока дело касается только нас, тут, в темноте, мы должны придумать план. И тогда вперед выходит мистер Пламен, который говорит: я знаю, ребята. Мы вытащим тело в туннель, в который мог случайно забраться тролль и стукнуть его по голове дубинкой. Да-да, Бедролома убил какой-то тролль. Какой здравомыслящий гном поверит, что дело обстояло иначе?»

Щелк-щелк.

– А зачем свечи? – спросил Ваймс. – Когда я видел старых грагов, они сидели, залитые ослепительно ярким светом свечей.

Щелк-щелк.

– Так приказали граги, – шепотом ответил Мудрошлем. – Они боялись того, что могло прийти за ними в темноте.

– А что могло за ними прийти?

Щелк.

Рука Мудрошлема повисла в воздухе. Несколько мгновений ничто не двигалось в маленьком круге желтого света, не считая огоньков свечей. Тени склонились, чтобы послушать.

– Я... не могу сказать, – проговорил гном.

Щелк. Щелк-щелк. Щелк. Щелк.

Ваймс уставился на доску. Откуда взялся этот тролль? Мудрошлем смахнул с доски трех гномов за один ход!

– Пламен сказал, всегда виноват тролль. Тролль пробрался в шахту, – продолжал Мудрошлем. – Граги сказали: да, так оно, несомненно, и было.

– Но они же знали правду!

Щелк-щелк. Щелк. Щелк. Еще трех гномов как не бывало...

– Правда – это то, что говорит граг, – сказал Мудрошлем. – Верхний мир – дурной сон. Пламен запретил говорить о том, что случилось. Он велел мне пойти и сказать всем стражам... про тролля.

Свалить все на тролля. Вполне естественный поступок для гнома. Большой тролль совершил преступление и скрылся. Это не просто клубок червей, это гнездо ядовитых гадюк, черт побери!

Ваймс смотрел на доску.

«Будь оно все проклято. Я упираюсь в стенку. Что мне известно?»

Кирпич видел, как один гном ударил другого, но это был не убийца, а Пламен или еще какой-то гном, который придавал мертвому телу Бедролома вид жертвы тролля. Сомневаюсь, что это можно назвать серьезным преступлением. Настоящее убийство совершилось в темноте одним из шести грагов, и пятеро других, возможно, даже не знают, кто виноват! Или же они сговорились молчать... погодите-ка...»

– Но ведь это не Пламен велел ничего не говорить Страже, а вы. Вы хотели, чтобы я разозлился, мистер Мудрошлем?

Ваймс передвинул фигурку гнома. Щелк.

Мудрошлем опустил глаза.

Не дождавшись ответа, Ваймс взял в плен заблудившегося тролля и поставил рядом с доской.

– Я не думал, что вы к нам придете. – Голос Мудрошлема звучал чуть слышно. – Бедролом... я думал... я не... Пламен сказал, вы не станете беспокоиться, потому что граг представлял большую угрозу. Он сказал, что Бедролом велел убить рабочих, и в любом случае все уже кончено. Но я подумал... я... что это неправильно. Неправильно! Я слышал, у вас профессиональная гордость. Нужно было... заинтересовать Стражу.

– Вы думали, я не интересуюсь? Тролля обвинили в убийстве гнома в такое время – и я не интересуюсь? – уточнил Ваймс.

– Пламен уверял, что нет, потому что наши дела не касаются людей. Он сказал, вас не волнует, что происходит у гномов.

– Ему нужно чаще бывать на свежем воздухе!

Мудрошлем плакал, и из носа у него текло и капало на доску. Ливень остановил битву, вспомнил Ваймс. Наконец гном поднял голову и проскулил:

– Эту дубинку мистер Блеск подарил мне за то, что я выиграл пять партий подряд. Он был моим другом! Он сказал, я так хорошо играю за троллей, что мне непременно нужна дубинка! Я объяснил Пламену, что это военный трофей! Но он забрал мою дубинку и ударил ею труп по голове!

«Вода течет на камень, – подумал Ваймс. – Все зависит от того, куда падают капли, так, мистер Блеск? Чему хорошему вы научили этого бедолагу? Он не на той должности, чтобы впускать в свою жизнь сомнение...»

– Ладно, мистер Мудрошлем, спасибо за помощь, – сказал он, откинувшись на спинку стула. – Еще один вопрос. Вы знаете, кто послал в мой дом гномов?

– Гномов?

Ваймс уставился в мокрые красные глаза. Их обладатель либо говорил

правду, либо сцена лишилась великого таланта...

– Они напали на меня и мою семью, – сказал Ваймс.

– Я... я слышал, как Пламен разговаривал с капитаном Стражи, – промямлил Мудрошлем. – Он сказал, нужно предостеречь...

– Предостеречь?! Ты называешь это... – начал Ваймс, но замолчал, увидев, как Грохссон качает головой. Ладно. Ладно. Что проку срываться на Мудрошлема? В любом случае из него уже выжали все что можно.

– Граги испугались, – продолжал Мудрошлем. – Они не понимают города. Не понимают, почему здесь позволено расхаживать троллям. Не понимают людей, которые... не понимают их. Они боятся вас. Теперь они всего боятся.

– Куда они ушли?

– Не знаю. Пламен сказал, они бы все равно ушли, потому что теперь у них и куб, и картина. Он сказал, картина покажет, где спрятана ложь, и тогда граги смогут ее уничтожить. Но больше всего они боятся Призывающей Тьмы, командор. Они чувствуют, что она пришла за ними.

– Это просто рисунок, – заметил Ваймс. – Я не верю.

– А я верю, – спокойно ответил Мудрошлем. – Она уже здесь. Как она сюда попала? Она приходит в темноте, под маской, чтобы отомстить...

У Ваймса по спине побежали мурашки. Шнобби окинул взглядом мрачные каменные стены. Грохссон выпрямился. Даже Фред Колон неуютно заерзал.

«Мистика и чушь, – сказал тебе Ваймс. – Притом даже не человеческая мистика. Я в нее не верю. Но почему мне кажется, что в комнате стало холоднее?»

Он кашлянул.

– Ну, как только эта штука поймет, что граги ушли, то, наверное, направится вслед за ними.

– Она придет за мной, – тем же спокойным голосом отвечал Мудрошлем, сложив руки на груди.

– С какой стати? Вы-то никого не убивали.

– Вы не понимаете! Они... они... когда они убили шахтеров, один умер не сразу... и... и... и мы слышали, как он стучит кулаками в дверь, а я стоял в туннеле и слушал, как он умирает... я *хотел*, чтобы он поскорее умер, чтобы шум прекратился, но... но... когда он умер, шум остался в моей голове, а ведь я мог бы... мог бы открыть дверь, но я боялся темных стражей, потому что у них нет души... я боялся, что темнота заберет и мою...

Тихий голос умолк.

Шнобби нервно кашлянул.

– Спасибо... еще раз, – сказал Ваймс.

«Силы небесные, они совсем заморочили этого бедолагу. А у меня на руках ничего нет. Я мог бы обвинить Пламена в фальсификации улики, но нельзя привести в качестве свидетеля Кирпича, потому что это значит подтвердить, что в шахте таки *был* тролль. У нас нет ничего, кроме юного Мудрошлема, который явно не в том состоянии, чтобы давать показания».

Он повернулся к Грохссону и пожал плечами.

– Думаю, лучше оставить нашего общего друга на сегодня здесь, для его же блага. Подозреваю, ему в любом случае некуда идти. Заявление, которое сделал мистер Мудрошлем, разумеется, подтверждается...

И тут Ваймс замолк. Он развернулся на стуле и пристально посмотрел на горестного Мудрошлема.

– *Какую картину забрали граги?*

– «Кумскую битву», написанную Методией Плутон, – ответил гном, не поднимая лица. – Это очень большая картина. Они украли ее из музея.

– Что? – воскликнул Фред Колон, который заваривал чай в уголке. – Так это сделали они?

– Ты знал, Фред?!

– Мы... да, мистер Ваймс, мы написали рапорт...

– Кумская битва, Кумская битва, Кумская битва! – загремел Ваймс и хлопнул ладонью по столу с такой силой, что подскочили свечи. – Рапорт? Какой, черт подери, мне толк от рапорта? Разве у меня есть время читать рапорты? Почему никто не ска...

Одна свеча упала на пол и погасла. Ваймс попытался подхватить вторую, которая катилась к краю стола, но она выскользнула из пальцев и упала на каменные плиты, фитильком вниз...

...и обрушилась тьма.

Мудрошлем застонал – душераздирающим предсмертным стоном, который странно было слышать от живого существа.

– Шнобби! – заорал Ваймс. – Зажги спичку сию секунду, черт возьми, *это приказ!*

Послышалось лихорадочное царапанье, и спичка вспыхнула ослепительной звездой в темноте.

– Иди сюда! – рявкнул Ваймс. – Зажги свечи!

Мудрошлем по-прежнему продолжал смотреть на доску с раскатившимися фигурками.

Когда разгорелись огоньки свечей, Ваймс тоже уставился на стол.

Человек, склонный видеть предзнаменования, сказал бы, что фигурки

троллей и гномов, рассыпавшись, образовали круг. Еще несколько гномов откатились в сторону и улеглись линией. В целом, если смотреть сверху, получилось нечто вроде круглого глаза с хвостом.

Мудрошлем тихо ахнул и сполз на пол. Ваймс вскочил, чтобы подхватить его, но вовремя вспомнил о политике и заставил себя остановиться.

– Мистер Грохссон, – позвал он. – Я не стану к нему прикасаться. Пожалуйста, помогите.

Граг кивнул и опустился на колени над гномом.

– Пульса нет, сердце не бьется, – сообщил он через несколько секунд. – Мне очень жаль, командор.

– Похоже, теперь я полностью в ваших руках, – сказал Ваймс.

– О да. В руках гнома... – заметил граг, вставая. – Командор Ваймс, я готов показать под присягой, что в моем присутствии с Мудрошлемом обращались исключительно любезно и уважительно. Определенно, вы проявили больше терпимости, чем мог ожидать любой гном. Смерть Мудрошлема не на вашей совести. Его унесла Призывающая Тьма. Гномы поймут.

– А я нет! С какой стати Тьме его убивать? Что такого сделал бедолага Мудрошлем?

– Думаю, справедливо будет сказать, что его убил страх Призывающей Тьмы, – ответил граг. – Он оставил умирать собрата-шахтера. Он слышал его крики в темноте и ничем не помог. С точки зрения гнома, это страшное преступление.

– Хуже, чем стирать написанные слова? – кисло поинтересовался Ваймс. Он перепугался больше, чем был готов признать.

– Намного хуже. Мудрошлема убил страх и муки совести. Можно сказать, у него в голове поселилась собственная Призывающая Тьма. Она живет в каждом из нас, командор.

– Ваша религия опасна, – заметил Ваймс.

– Ничуть, если сравнить с тем, что мы порой делаем друг с другом сами, – произнес Грохссон, спокойно складывая руки мертвого гнома на груди. – Это не просто религия, командор. Так написал мир и его законы, а затем покинул нас. Он не требует, чтобы мы думали о нем. А мы все-таки думаем.

Он встал.

– Я все объясню моим сородичам, командор. И, кстати говоря, я попрошу вас взять меня с собой в Кумскую долину.

– А я разве сказал, что собираюсь в Кумскую долину?

– Допустим, – невозмутимо отозвался граг. – Скажем так: если вам придет в голову отправиться в Кумскую долину, вы возьмете меня с собой. Я знаю это место, знаю его историю, я неплохо разбираюсь в шахтерских рунах, особенно в основных Знаках Тьмы. Я могу оказаться полезен.

– И вы требуете все это только за то, что скажете другим гномам правду?

– Нет. J'ds hasfak'ds' – я торгуюсь без топора в руке. Я скажу правду вне зависимости от того, как вы решите, – ответил Грохссон. – Более того, раз вы не собираетесь в Кумскую долину, командор, я и не настаиваю. Я просто предположил.

Развлечения.

Кому они нужны?

Это не удовольствие, радость, восторг, наслаждение или кайф. Это бессмысленное, жестокое, убудочное времяпрепровождение, которым занимаются, нацепив дурацкую шляпу с рожками и футболку с надписью «Я думаю об ЭТОМ». И зачастую оно заканчивается тем, что ты лежишь мордой в мостовую.

Ангва каким-то образом разжилась пурпурным боа. Оно не принадлежало ей. Оно не принадлежало никому. Оно просто возникло. И еще более унылым оно казалось от своей вопиющей мишурности. В глубине души что-то не давало Ангве покоя, и она злилась, поскольку не понимала, в чем дело.

Они закончили в «Катафалке», как она и предполагала. Это был излюбленный бар всякой нежити, хотя, в принципе, сюда пускали любого, кто не вписывался в рамки нормы.

И уж точно пустили Беллочку. До нее просто не *доходило*. Вот почему мужчины никогда с ней не заговаривали. Ангва подумала: Шнобби не настолько уж плох. Как таковой. Насколько она знала, он всегда был верен мисс Тянитолкай – пускай его побивали рыбой, а потом забрасывали мидиями, он ни разу не задумался ни о какой другой девушке. Душа у него, несомненно, была романтическая, но заключенная в оболочку... Шнобби Шноббса.

Беллочка вместе с Салли отправилась в дамскую комнату (повергнув посетителей в экстаз). Ангва смотрела на очередной список коктейлей, нацарапанный неверным почерком Игоря на доске над стойкой^[15]. Игорь изо всех сил старался выдерживать стиль – точнее, старался бы, если б знал, что это такое, – но тонкости барменского искусства от него ускользали, поэтому в перечне напитков фигурировало... разное.

«Коктейль, какбудто вам фсе зубы вышибли бальшим вонючим кулаком.

Коктейль, какбудто вам башку прибили гвоздем кдвери.

Какбудто пнули по шарам.

Какбудто в ухо воткнули жилезный прут.

Какбудто шею свернули».

Впрочем, Ангва признала, что «шею свернули» не так уж плох.

– Звини, – проговорила Шелли, покачиваясь на табурете, – но что такое с Беллочкой? Я видела, как вы с Салли перемигнулись!

– Что? А, у нее синдром никудышника... – Ангва вспомнила, с кем разговаривает, и добавила: – Ну... у гномов, наверное, такого не бывает. Иногда... женщина настолько красива, что никакой мужчина, если он в здравом уме, даже не подумает пригласить ее на свидание, понимаешь? Потому что, разумеется, она слишком шикарна для него. Ясно?

– Вроде да.

– Вот в чем проблема Беллочки. Честно говоря, Шнобби не назовешь человеком полностью в здравом уме, и он привык, что девушки отказывают ему, когда он приглашает их на свидание... поэтому он и не боится, что его отошьют. Он пригласил Беллочку, потому что подумал: почему бы не рискнуть? И она из благодарности согласилась, поскольку считает, что с ней что-то не так...

– Но он ей нравится.

– Да. Вот это-то и странно.

– У гномов все намного проще.

– Не удивлюсь.

– Но, боюсь, далеко не так интересно, – уныло закончила Шелли.

Беллочка вернулась. Ангва заказала три «свернули шею», тогда как Шелли с надеждой попросила «Бурлящий оргазм»^[16]. А потом, с помощью Салли, Ангва объяснила Беллочке... все.

Потребовалось некоторое время. Нужно было всякий раз повертывать фразы таким образом, чтобы они поместились в отведенное для этого место в мозгу Беллочки. Ангва, впрочем, внушала себе, что девушка не может быть настолько глупа. В конце концов, Беллочка работает в стрип-клубе.

– Как по-твоему, отчего мужчины платят, чтобы посмотреть на тебя на сцене? – спросила она.

– Потому что я хорошо танцую, – немедленно ответила Беллочка. – Когда мне было десять, я получила «Танцора года» по классу балета и чечетки у мисс Девиант.

– Чечетки? – Салли ухмыльнулась. – Почему бы тебе не ввести ее в

репертуар?

Ангва изгнала из сознания образ Беллочки, танцующей чечетку. Иначе клуб сгорит до основания...

– погоди, я скажу по-другому. Говорю тебе как, э, женщина женщине...

Беллочка внимательно слушала, и озадаченное выражение ее лица было само по себе оскорблением для любой представительницы прекрасного пола. Закончив, Ангва с надеждой взглянула на ангелоподобное личико.

– То есть ты хочешь сказать, – заговорила Беллочка, – что ходить на свидания со Шнобби – это все равно что зайти в большой шикарный ресторан и съесть одну только булочку?

– В точку! – воскликнула Ангва. – Ты меня поняла!

– Но я так редко общаюсь с мужчинами! Бабуля всегда говорила, чтобы я не вела себя как потаскушка...

– Тебе не кажется, что работа в... – начала Ангва, но Салли перебила.

– Иногда не грех и потаскаться, – сказала она. – Тебе когда-нибудь случалось зайти в бар и выпить там с парнем?

– Нет.

– Так, – Салли осушила свой бокал. – Эти «сверни шею» мне не нравятся. Давайте пойдем куда-нибудь еще и... – она сделала паузу, – откроем Беллочке мир разнообразных возможностей.

Сибилла в Псевдополис-Ярде. Какое странное ощущение.

Это был один из фамильных особняков Овнецов, прежде чем Сибилла подарила его Страже. Здесь она жила девочкой. Здесь был ее дом.

Осознание этого факта проникло даже в заскорузлые суровые души стражников. До сих пор не отличавшиеся изяществом манер, они стали машинально вытирать ноги при входе и уважительно снимать шлемы. Говорить они тоже начали по-другому, медленно и задумчиво, нервно обдумывая каждую фразу, прежде чем ее озвучить, и старательно избегая экспрессивных выражений. Кто-то даже нашел метлу и подмел пол – или, по крайней мере, сдвинул грязь в незаметное место.

Наверху, в комнате, где находилась общественная касса, в импровизированной кровати мирно спал Юный Сэм. Ваймс мечтал когда-нибудь рассказать сыну, как в одну необыкновенную ночь тот спал под охраной четырех троллей-стражников. Смена у них уже закончилась, но они вызвались дежурить добровольно, прямо-таки надеясь, что какой-нибудь гном *рискнет*. Сэм полагал, что мальчик будет впечатлен. Другие

дети могли рассчитывать, самое большое, лишь на ангелов.

Ваймс устроил штаб в столовой, поскольку там был большой стол. На нем он расстелил карту города. Остальное пространство занимали страницы из «Энциклопедии Кумской битвы».

Это была не игра, а головоломка. Мозаика. И теперь предстояло ее сложить. Он уже нашел почти все уголки.

– Улица Разбитой Чашки, Деньгоперехватный проезд, Криксовый переулок, Болтуний дворик, Пеликунья улица, – сказал Ваймс. – Туннели повсюду. Грагам повезло, они разыскали куб с третьей-четвертой попытки. Мистеру Плуту, судя по всему, довелось пожить на половине улиц в этом районе. Включая Эмпирический полумесяц.

– Но за-ачем? – поинтересовался сэр Рейнольд Сшитт. – Я имею в виду – за-ачем копать туннели повсюду?

– Объясни ему, Моркоу, – велел Ваймс, проводя черту через город.

Моркоу кашлянул.

– Потому что это гномы, сэр, и вдобавок глубинные. Им бы не пришло в голову *не* копать. В основном достаточно было просто расчистить заваленные помещения. Для гнома это приятная прогулка. Они проложили рельсы, а потому могли вывозить отвал где хотели.

– Да-а, но, разумеется... – начал сэр Рейнольд.

– Они искали нечто говорящее – и оказавшееся по итогам на дне старого колодца, – сказал Ваймс, по-прежнему склоняясь над картой. – Сколько у них было шансов за то, что эта штука лежит на виду? И потом, люди обычно нервничают, когда появляется компания гномов и начинает копаться в саду.

– Это оче-ень медленный способ, не так ли?

– О да, сэр. Но они работали в темноте, втайне и все держали под контролем, – продолжал Моркоу. – Они могли пробраться всюду, куда хотели. Могли сделать зигзаг, если сомневались, могли прослушать стену своими трубками, и им не приходилось общаться с людьми или выходить на свет. Тьма, контроль и тайна.

– Глубинные гномы как они есть, – подытожил Ваймс.

– Как интересно! – воскликнул сэр Рейнольд. – Значит, они прорылись в подвалы моего музея!

– Слово тебе, Фред, – сказал Ваймс, осторожно проводя на карте еще одну линию.

– Э... ну да, – отозвался Фред Колон. – Э... мы со Шнобби только пару часов назад выяснили.

Он не стал добавлять: «После того как мистер Ваймс наорал на нас и

велел рассказать все подробно, а потом послал обратно в музей и объяснил, что именно нужно искать». Вместо этого он произнес:

– Они ловко сработали, сэр. Известка даже выглядела старой. Вы небось сказали «ни хрена себе», сэр.

– Да? – озадаченно переспросил сэр Рейнольд. – Обы-ычно я говорю «ох, боги».

– Я так думаю, на сей раз вы сказали: «Ни хрена себе, они забрали картину и выстроили стену заново», сэр. И мы подумали...

– Видимо, один из них остался в помещении, чтобы все подчистить. Он где-то спрятался и вышел поутру, – сказал сэр Рейнольд. – Туда-сюда постоянно ходили сотрудники. Мы, в конце концов, искали большую картину, а не гнома.

– Да, сэр. Видимо, один гном остался в помещении, чтобы все подчистить. Он где-то спрятался и вышел поутру. Туда-сюда постоянно ходили сотрудники. Вы, в конце концов, искали большую картину, а не гнома, – повторил Фред Колон. Он был просто счастлив, что набрел на эту теорию, и твердо вознамерился озвучить ее невзирая ни на что.

Ваймс постучал по карте.

– А здесь, сэр Рейнольд, тролль по имени Кирпич провалился в подвале в гномий туннель. В главной шахте он увидел нечто весьма напоминающее свернутую картину...

– Но, к сожалению, мы ее не нашли, – заметил сэр Рейнольд.

– Простите, сэр, скорее всего, она уже давно покинула город.

– Но за-ачем? – повторил куратор. – Почему бы не рассмотреть ее в музее? Ведь в процессе происходит взаимодействие!

– Взаимодействие? – переспросил Ваймс. – Какое?

– Ну... люди могут... рассматривать ка-артинь, сколько им вздумается, – ответил сэр Рейнольд с легким раздражением: не следует задавать такие вопросы.

– А что при этом делают картины?

– Э... висят, командор.

– То есть люди приходят и смотрят на картины, а картины, со своей стороны, подвергаются осмотру?

– В общем, да, – ответил куратор, ненадолго задумался, решил, что этого, видимо, недостаточно, и добавил: – Но динамически.

– То есть картины воздействуют на людей, сэр? – уточнил Моркоу.

– Да! – воскликнул сэр Рейнольд с огромным облегчением. – Именно! Именно э-это и происходит! Картина Плути много лет была выставлена на всеобщее обозрение. Мы даже принесли в зал стремянку, на тот случай,

если кому-нибудь за-ахочется рассмотреть вершины гор. Некоторые, например, полагают, будто один из воинов на картине указывает на какую-то едва заметную пещеру. Че-естно говоря, будь на полотне секрет, я бы уже давно его раскрыл. Красть картину не было смысла!

– Разве что кто-то таки нашел секрет и не захотел, чтобы другие тоже узнали, – сказал Ваймс.

– Сли-ишком большое совпадение, командор, не правда ли? Сомневаюсь, что за последнее время картина как-то изменилось. Вряд ли мистер Плут воскрес, чтобы нарисовать еще одну гору! Хоть мне и больно об этом говорить, но достаточно было бы уничтожить картину, чтобы обезопасить себя.

Ваймс обошел вокруг стола. «Все фрагменты, – подумал он. – У меня уже есть все фрагменты».

Начнем с легенды о гноме, который спустя несколько недель после битвы добрал до какого-то города полумертвым, бормоча о спрятанном сокровище.

Допустим, он имел в виду говорящий куб. Гном выжил после битвы, где-то спрятался, нашел эту штуку – очень важную штуку... Нужно было перенести ее в безопасное место. Или, может быть, нужно было сделать так, чтобы люди ее услышали. Разумеется, он не взял куб с собой, потому что по долине еще бродили тролли, причем в таком настроении, что сначала они бы шарахнули дубиной, а потом уже стали бы задавать вопросы. Гном нуждался в охране.

Он добрал до людей, но умер на обратном пути к спрятанному сокровищу.

Прошло две тысячи лет. Способен ли куб продержаться так долго? Боги, да они всплывают даже в расплавленной лаве!

Значит, куб лежал в долине. Потом появился Методия Плут, который искал... красивый вид, ну или что-нибудь такое. Он посмотрел под ноги и... Придется принять, что именно так оно и случилось. Он нашел куб и заставил его говорить, бог весть каким образом, но не смог заставить его замолчать. Плут бросил находку в колодец. Куб нашли гномы. Они послушали его, и им не понравилось то, что они услышали. Настолько не понравилось, что Бедролом велел убить четырех шахтеров лишь за то, что они оказались свидетелями. Так при чем здесь картина? На ней нарисовано то, о чем говорит куб? Или указано место, где он находится? Но если куб уже у тебя в руках, разве это не главное?

И вообще, кто поручится, что куб говорит голосом Кровавого Топора? Это может быть кто угодно. И с какой стати верить сказанному?

Ваймс услышал, как сэр Рейнольд говорит Моркоу:

– ...Как я уже объяснял сержанту Колону, действие на картине происходит в нескольких милях от того ме-еста, где произо-ошла настоящая Кумская битва. Мистер Плут нарисовал вообще не ту ча-ась Кумской долины! И это единственный пункт, по которому согласны обе стороны.

– Почему же Плут нарисовал другое место? – поинтересовался Ваймс, глядя на стол, словно в надежде вызвать какую-нибудь подсказку исключительно силой воли.

– Кто его знает?.. Кумская долина есть Кумская долина. Ее площадь примерно двести пятьдесят квадратных миль. Наверное, художник просто выбрал место, которое показалось ему достаточно живописным.

– Хотите чаю? – спросила с порога Сибилла. – Мне нечего было делать, и я заварила чай. А тебе надо бы заняться делами, Сэм.

Сэм Ваймс – представитель власти, внезапно почувствовавший себя как дома, – запаниковал.

– Леди Сибилла, они похитили картину Плута! – воскликнул сэр Рейнольд. – Я знаю, она принадлежала вашей семье.

– Дедушка говорил, что она только мешается, – заметила Сибилла. – Он позволял раскладывать ее на полу в бальной зале. Я давала имена всем гномам. Мы искали секрет. Дедушка говорил, что в долине есть спрятанное сокровище и картина указывает на него. Разумеется, мы ничего не нашли, зато дождливыми вечерами мне было чем развлечься.

– Конечно, ее не назовешь образцом великого искусства, – признал сэр Рейнольд, – и Плут, разумеется, был не в своем уме. Но каким-то образом его картина *говорила*...

– Жаль, мне она ничего не сказала, – произнес Ваймс. – Честное слово, необязательно делать чай для всех, дорогая. Кто-нибудь из стражников...

– Не говори ерунды и вспомни о гостеприимстве, – отрезала Сибилла.

– Разумеется, некоторые пытались делать копии, – продолжал куратор, беря чашку. – Но они были просто ужа-асны. Невозможно сделать сколько-нибудь достовере-ерную копию с картины длиной в пятьдесят футов и высотой в десять...

– Никаких проблем, если лежишь на полу бальной залы и у тебя есть пантограф, – сказала Сибилла, разливая чай. – Ваш чайник просто ужасен, Сэм. Хуже помойного ведра. Его что, никогда не моют?

Она взглянула на лица мужчин.

– Я сказала что-то не то?

– Вы сделали копию картины? – уточнил сэр Рейнольд.

– Да. Целиком, в масштабе один к пяти. Когда мне было четырнадцать. Для школьного проекта. Мы изучали историю гномов, ну и поскольку картина все равно принадлежала нам, было бы глупо упустить такой шанс. Вы ведь знаете, что такое пантограф? Очень простой способ сделать уменьшенную или увеличенную копию картины при помощи геометрии, нескольких деревянных рычагов и заточенного карандаша. Точнее сказать, сначала я сделала копию на пяти листах по десять футов, то есть в натуральную величину, чтобы передать все подробности, а потом вариант один к пяти, чтобы выставить его в классе – так, как хотел бедный мистер Плут. Мисс Мараль поставила мне «отлично». Она учила нас математике и собирала волосы в пучок, который закалывала циркулем и линейкой. Она говорила, что девочка, которая умеет обращаться с угольником и транспортиром, многого добьется в жизни.

– Как жаль, что копия не сохранилась! – вздохнул сэр Рейнольд.

– Почему? Я не сомневаюсь, что она где-то лежит. Одно время она висела прямо у меня в комнате. Сейчас припомню, взяли ли мы ее с собой, когда переехали. Я уверена... – Сибилла просияла. – Ну да. Ты когда-нибудь бывал на чердаке, Сэм?

– Нет, – ответил Ваймс.

– Значит, сейчас побываешь.

– Я раньше никогда не бывала на девичнике, – призналась Шелли, когда они, слегка покачиваясь, брели по ночному городу. – Что, это так и было задумано?

– Что именно? – уточнила Салли.

– Когда бар загорелся.

– Боюсь, что нет, – ответила Ангва.

– Я еще никогда не видела, как мужчины дерутся из-за женщины, – продолжала Шелли.

– Супер, правда? – сказала Салли.

Они проводили Беллочку до дома. Девушка пребывала в глубокой задумчивости.

– Она всего лишь улыбнулась какому-то типу, – заметила Шелли.

– Да, – отозвалась Ангва, пытаясь сосредоточиться на ходьбе.

– Впрочем, мне будет жаль Шнобби, если Беллочка усвоит эту мысль.

«Спасите меня от болтливых пря... пля... пьяниц», – подумала Ангва.

Вслух она произнесла:

– Да, но как же мисс Тянитолкай? Она несколько лет швыряла в Шнобби не самой дешевой рыбой.

– «За безобразных женщин отплатив», – процитировала Салли. – Туфли, мужчины, гробы... никогда не хватай первое, что увидишь.

– А, туфли, – сказала Шелли. – Кстати, о туфлях. Вы уже видели новые бронзовые босоножки от Яна Камнемолота?

– Мы не покупаем обувь у кузнецов, дорогуша, – напомнила Салли. – Э... сейчас, кажется, меня вырвет...

– И поделом, не надо было пить столько... вина, – язвительно заметила Ангва.

– Ха-ха, – отозвалась из сумрака вампирша. – С вином – и с многозначительными паузами – у меня нет проблем. Пить мне не надо было все эти липкие штуковины. Названия для них придумывают люди, у которых чувство юмора как у... э... простите... ох, боги...

– Ты в порядке? – спросила Шелли.

– Оказывается, я проглотила маленький бумажный зонтик.

– Бедная!

– И бенгальскую свечу...

– Это ты, сержант Ангва? – раздался голос во мраке. Приоткрылся фонарь, осветив лицо констебля Посети. Когда он приблизился, Ангва заметила толстую пачку брошюр у него под мышкой.

– Привет, Горшок, – сказала она. – Что стряслось?..

– ...и лимонную кожуру... – слабо донеслось из темноты.

– Мистер Ваймс послал меня разыскивать вас в притонах порока и пристанищах беззакония, – произнес Посети.

– А брошюры зачем? Кстати говоря, мог бы добавить к последней фразе слова «ничего личного».

– Раз уж мне велели обойти пристанища греха, сержант, я подумал, что могу совершить благое дело во имя Ома, – объяснил Посети, чье неутомимое проповедническое рвение воистину не знало препятствий^[17]. Порой, когда проносился слух, что по улице идет констебль Посети, завсегда и кабаков полным составом ложились на пол и гасили свет.

Было слышно, как в темноте кого-то рвет.

– «Горе тем, кто подвержен вину!» – провозгласил констебль Посети. Поймав взгляд Ангвы, он добавил: – Ничего личного.

– Мы выжили, – простонала Салли.

– Что хочет Ваймс? – спросила Ангва.

– Снова Кумская долина. Ты нужна в Ярде.

– Но у нас выходной! – возопила Салли.

– Прошу прощения, – бодро отозвался Посети. – Видимо, уже нет.

– Вот что такое моя жизнь... – горько произнесла Шелли.

– Ладно, давайте двигать, – сказала Ангва, пытаясь скрыть облегчение.
– Когда я сказала «моя жизнь», то, разумеется, не имела в виду, что это вся жизнь, – проворчала Шелли, шагая следом за подругами в привычный мир, в котором, слава всем богам, не было развлечений.

Овнецы никогда и ничего не выбрасывали. Их чердаки вселяли тревогу – и не только потому, что там витал слабый запах давно скончавшегося голубя.

Овнецы *подписывали* старые вещи. Ваймс уже побывал на большом чердаке особняка на Скун-авеню и притащил оттуда лошадку-качалку, кровать и целую коробку игрушек для ребенка постарше – мягких, горячо любимых, пропахших нафталином. Овнецы не выбрасывали ничего, что еще могло пригодиться. Все было аккуратно подписано и сложено на чердаке.

Смахивая паутину одной рукой и держа другой фонарь, Сибилла первой пробиралась между коробок («Сапоги мужские, разные», «Смешные куклы, перчаточные и на нитках», «Игрушечный театр, реквизит».) Может быть, именно поэтому Овнецы были так богаты. Они приобретали вещи, которые служили долго, так что теперь Сибилле и Сэму, в принципе, редко приходилось что-либо покупать. Разумеется, кроме еды, но Ваймс не удивился бы, обнаружив коробки с надписями «Сердцевинки яблок, разные» и «Остатки, нужно доесть»^[18].

– Ага, вот, – сказала Сибилла, откладывая связку тренировочных рапир и клюшек для лакросса и извлекая длинный толстый сверток.

– Я, разумеется, не раскрашивала ее, – объяснила она, когда картину потащили к лестнице. – На это ушла бы целая вечность.

Чтобы перенести тяжелый сверток в столовую, пришлось потратить некоторое количество сил и изрядно попотеть, но в конце концов картину водрузили на стол и развернули потрескивающую бумагу.

Пока сэр Рейнольд раскатывал десятифутовые листы и восторгался, Ваймс достал уменьшенную копию, которую сделала Сибилла. Рисунок был именно такого размера, чтобы уместиться на столе; с одного края Ваймс прижал его треснутой кружкой, а с другого – солонкой.

Записи Методии Плуто было жутко читать. И нелегко, потому что они наполовину обгорели. И, помимо того, почерк у него напоминал траекторию паука на трамплине во время землетрясения. Этот человек, несомненно, был безумен как Мартовский заяц – он писал заметки, которые хотел сохранить в тайне от воображаемого цыпленка, а иногда бросал писать на полуслове, если ему казалось, что цыпленок за ним следит. Он,

вероятно, являл собой весьма жалкое зрелище, пока не брался за кисть – работая, Плут успокаивался и будто озарялся странным светом. Вся его жизнь заключалась в огромном продолговатом куске холста.

Методия Плут: родился, написал знаменитую картину, решил, что он цыпленок, умер.

Поскольку у него совершенно точно поехала крыша, кто мог понять то, что он понаписал? Одна относительно лаконичная, хоть и зловещая, заметка официально считалась последней, поскольку ее нашли под его скорчившимся трупом. Она гласила: «Писк! Писк! Он приближается! Он приближается!»

Плут задохнулся, потому что у него был полный рот перьев. А на холсте еще не успела высохнуть краска...

Взгляд Ваймса привлекла запись под номером 39: «Я решил, что это путеводный знак, но он кричит ночью». Знак чего? Или, например, номер 143: «Темнота, в темноте, как звезда в оковах». Ваймс и это занес в блокнот. Он много чего записал. Но самой большой проблемой – или самым большим достоинством, как сказал бы какой-нибудь любитель тайн и загадок – было то, что все эти слова могли означать что угодно. «Создай собственную теорию». Плут умирал от голода и смертельно боялся цыпленка, который существовал только в его воображении.

«Все равно что гадать по облакам...»

Ваймс отодвинул заметки и уставился на аккуратный карандашный рисунок. Даже в уменьшенном виде картина ошеломляла величиной. Можно было пересчитать поры на носсах у гномов. Сибилла педантично скопировала, в том числе, самые далекие фигуры, в полдюйма высотой. Воины размахивали топорами и дубинами, целились копьями, одни атаковали, другие отбивались, третьи завязывали поединки. На всем пространстве картины гномы и тролли были заняты свирепым истреблением друг друга, они рубили и кололи...

Ваймс задумался: чего недостает?

– Сэр Рейнольд, не могли бы вы мне помочь? – негромко позвал он, прежде чем случайная мысль успела ускользнуть.

– Что, командор? – Куратор заспешил к нему. – Признайте, леди Сибилла сделала просто великолепный...

– Да, да, очень красиво, – перебил Ваймс. – Но объясните мне... откуда Плут все это знал?

– Есть мно-ого гномьих песен о Кумской битве и кое-какие тролльи предания. Ну и не-екоторые люди тоже были свидетелями...

– Значит, Плут все это прочитал?

– Да. За исключением того, что художник нарисовал не ту часть долины, картина довольно-таки точна.

Ваймс не сводил взгляда с битвы на бумаге.

– А кто-нибудь знает, отчего Плут нарисовал не то место? – спросил он.

– Есть разные теории. Возможно, его ввел в заблуждение тот факт, что после бу-ури большинство трупов оказались именно там. Также ту-уда снесло много деревьев, из которых гномы сложили погребальные костры. Но лично я полагаю, что художник просто выбрал более красивый пейзаж. Такие живописные горы...

Ваймс сел, глядя на рисунок и пытаясь разгадать его секрет.

Мистер Блеск сказал, что через пару недель все его раскроют. Но как?

– Сэр Рейнольд, что должно было случиться с картиной через пару недель?

– Мы-ы собирались выставить ее в новом зале, – ответил куратор.

– И что в этом такого особенного?

– Я же говорил вам, командор, – с легким упреком произнес сэр Рейнольд. – Это *круглый* зал. Плут всегда мечтал, чтобы его картину смотрели по кругу, как оно и выглядело на самом деле. Чтобы зритель оказался *внутри* происходящего.

«Я и так уже закопался глубже некуда», – подумал Ваймс.

– Думаю, куб рассказал гномам кое-что о Кумской битве, – сказал он отстраненно, как будто уже находился в Кумской долине. – Он дал понять, что его нашли в каком-то очень важном месте. Даже если Плут так не считал. Гномам была нужна карта, и Плут ее нарисовал, сам не сознавая того. Фред!

– Да, сэр?

– Гномы без зазрения совести повредили нижнюю часть картины, поскольку она не содержала ничего важного. Там одни только фигуры. А они склонны перемещаться...

– Командор, при всем к вам уважении, камни тоже перемещаются, – заметил сэр Рейнольд.

– Не важно... Не важно, насколько изменилась долина, картина все равно указывает путь, – твердил Ваймс.

И тут до него стало доходить...

– Но даже реки меняют со временем свое русло, и со склонов скатилось немало камней, – продолжал сэр Рейнольд. – Я слышал, теперь долина выглядит совсем иначе.

– И все-таки, – тем же задумчивым тоном произнес Ваймс, – картина

не утратит своей ценности еще тысячи лет. Это не камень, не пещера и не овраг. Картина *воплощает* нужное место. Я могу указать его, если мне дадут булавку.

– Держите, – торжествующе ответил сэр Рейнольд, доставая булавку из-за лацкана. – Вчера я подобрал ее на улице. Вы, ко-онечно, знаете старую примету: если найдешь булавку, то весь день...

– Да, спасибо, – прервал Ваймс. Он подошел к столу, стащил картину на пол, сколол два конца вместе, поднял над головой получившийся бумажный цилиндр и накрыл им себя...

– Все дело в горах, – проговорил он. – Год за годом вы в музее смотрели на линию гор. А на самом деле это круг.

– Я знаю! – воскликнул сэр Рейнольд.

– Да, сэр, но, наверное, до сих пор вы этого не сознавали. Плут оказался в каком-то очень важном месте...

– Да. И это место – пещера, командор. Он постоянно упоминает какую-то пещеру. Вот почему люди искали вблизи гор. А действие на картине происходит прямо в середине долины, возле реки.

– Значит, там есть что-то, о чем мы еще не знаем! – воскликнул Ваймс, раздосадованный тем, что столь важное открытие оказалось пустяком. – Я выясню, что это такое, когда доберусь туда...

Вот. Он это сказал. Но он же *знал*, что поедет в Кумскую долину. Знал... с каких пор? Похоже, с самого начала. Но считал ли он так вчера? Сегодня утром? Долина представляла перед его мысленным взором. Ваймс и Кумская долина! Он вдыхал ее воздух, слышал шум реки – холодной как лед...

– Сэм... – начала Сибилла.

– Нет, здесь нужно разобраться, – быстро сказал Ваймс. – Никакой дурацкий секрет меня не волнует. Меня волнует то, что граги убили городских гномов. Они полагают, что картина – это карта, которой можно воспользоваться. Поэтому они направляются в долину. Я еду следом.

– Послушай, Сэм, если... – вновь перебила Сибилла.

– Дорогая моя, нельзя сидеть и ждать войны между гномами и троллями. Давешняя драка была просто дурацкой стычкой уличных банд. А настоящая война сметет Анк-Морпорк с лица земли! И каким-то образом все это связано с картиной!

– Я согласна! Я тоже еду! – крикнула Сибилла.

– И потом, со мной все будет в порядке... что? – Ваймс, разинув рот и пытаясь мысленно притормозить, уставился на жену. – Нет. Это слишком опасно.

– Сэм Ваймс, я всю жизнь мечтала побывать в Кумской долине, поэтому даже не надеюсь, что сам ты помчишься туда галопом, а меня оставишь дома!

– Я никуда не помчусь, тем более галопом! Но скоро гномы и тролли начнут войну!

– Я скажу им, что мы в ней не участвуем, – спокойно ответила Сибилла.

– Не сработает.

– Значит, не сработает и в масштабах Анк-Морпорка, – заметила она с видом игрока, который хитроумным ходом снял с доски противника четырех гномов за раз. – Сэм, ты знаешь, что тебе меня не переспорить. Даже не пытайся. И потом, я знаю гномий язык. И мы возьмем с собой Юного Сэма.

– Нет!

– Значит, решено, – сказала Сибилла, пораженная внезапной глухотой. – Если мы хотим нагнать грагов, нужно выехать как можно скорее.

Сэр Рейнольд смотрел на нее с открытым ртом.

– Но леди Сибилла, в долину уже стягиваются армии! Там не место для дамы!

Ваймс вздрогнул.

Наблюдать за исполненной решимости Сибиллой было все равно что второй раз смотреть, как драконы поджаривают гнома.

Грудь леди Сибиллы – по крайней мере, та ее часть, что не поместилась в корсет, – приподнялась, когда ее хозяйка сделала глубокий вдох. У Ваймса возникло ощущение, что Сибилла слегка оторвалась от земли.

– Сэр Рейнольд, – сказала она с ледяной ноткой в голосе, – в год Блохи моя прабабушка однажды собственноручно приготовила ужин на восемнадцать человек в военном редуте, который был со всех сторон окружен клатчцами, жаждущими крови. При этом она не забыла включить в меню шербет и орехи. В год Молчаливой Обезьяны моя бабушка защищала анк-морпоркское посольство в Псевдополисе от разъяренной толпы при помощи одного лишь садовника, говорящего попугая и кастрюли с кипящим маслом. Моя покойная тетушка, когда однажды нашу карету взяли на прицел два отчаянных разбойника, так их отчитала, что они убежали, с плачем зовя мамочку. Разбойники, сэр Рейнольд. Мы знаем, что такое опасность. Должна ли я напоминать вам, что примерно половина гномов, сражавшихся в Кумской долине, были женского пола? И никто не

велел им оставаться дома!

Значит, решено, подумал Ваймс. «Мы»! Черт возьми.

– Капитан, – сказал он, – пошли кого-нибудь за грагом Грохссоном. Передайте ему наилучшие пожелания от командора Ваймса... и что мы выезжаем рано утром.

– Э... да, сэр. Слушаюсь, – отозвался Моркоу.

«Каким образом Грохссон угадал, что я намерен делать? – задумался Ваймс. – Наверное, такой финал был неизбежен. Но нас бы разорвали на части, если бы он сказал, что мы дурно обращались с Мудрошлемом. И он один из учеников мистера Блеска... так что не стоит терять его из виду».

Когда спал патриций Ветинари? Разумеется, время от времени он тоже должен отдыхать – так размышлял Ваймс. Всем людям нужно спать. Если задремывать на час-другой, продержишься некоторое время, но рано или поздно тебе потребуются полноценные восемь часов...

Была уже почти полночь, а Ветинари сидел за столом, свежий, как ромашка на лугу, холодный, как утренняя роса.

– Ты уверен, Ваймс?

– Моркоу тут за всем приглядит. В любом случае банды угомонились. Полагаю, самые горячие головы отправились в Кумскую долину.

– Отличный повод, чтобы тебе туда не ездить. Ваймс, для такого рода вещей у меня есть... агенты.

– Но вы ведь хотели, чтобы я нашел преступников, сэр! – возразил Ваймс.

– В Кумской долине? В такое время? Если привести туда солдат, это будет иметь далеко идущие последствия, Ваймс!

– Прекрасно! Вы велели мне их найти! Так вот, для них далеко идущие последствия – это я!

– Да, конечно, – ответил Ветинари, устремив на Ваймса такой долгий взгляд, что стало неуютно. – Когда ты смело отправишься в далекий путь, тебе понадобятся друзья. Я уж позабочусь, чтобы Король-под-Горой, как минимум, знал о твоём присутствии.

– Не беспокойтесь, сэр, он и так скоро узнает, – прорычал Ваймс.

– Не сомневаюсь. У меня в его владениях свои агенты, у него в Анк-Морпорке – свои. Поэтому я окажу ему любезность и *официально* сообщу то, о чем он узнает и так. Это называется политика, Ваймс. Вот чем мы занимаемся, находясь у власти.

– Шпионы?.. А я думал, мы дружим с Королем-под-Горой.

– Разумеется, дружим, – сказал Ветинари. – И чем больше мы знаем

друг о друге, тем крепче наша дружба. Мы почти не шпионим за врагами – а зачем? Кстати, леди Сибилла охотно тебя отпустила?

– Мы едем вместе. Она настояла.

– Это безопасно?

– А здесь безопасно? – ответил Ваймс, пожав плечами. – К нам через стену явились гномы! Не беспокойтесь, с Сибиллой и Юным Сэмом все будет в порядке. Я возьму с собой Фреда и Шнобби. А еще Ангву, Салли, Детрита и Шелли. Разные виды, сэр. Политика и все такое.

– А как же Призывающая Тьма? Как насчет нее, Ваймс? И не надо так на меня смотреть. Гномы только об этом и говорят. Один из рудокопов, умирая, наложил проклятие на всех, кто находился в шахте. Так мне рассказали.

– Ничего не знаю, сэр. – Лицо Ваймса обрело деревянное выражение, которое так часто его выручало. – Это мистика. А мы в Страже не верим в мистику.

– Я не шучу, Ваймс. Это очень древняя магия. Такая древняя, что большинство гномов успели об этом позабыть. Она очень сильна. Проклятие пойдет за виновниками по пятам.

– Значит, я буду смотреть в оба, не появится ли где большой глаз с хвостом, – ответил Ваймс. – Его нетрудно заметить.

– Ваймс, я не сомневаюсь, ты в курсе, что рисунок и заклятие – не одно и то же!

– Да, сэр. В курсе. Но в Страже нет места магии. Мы не пользуемся ею, чтобы ловить правонарушителей. Не пользуемся ею, чтобы получать признания. Потому что волшебству, черт возьми, нельзя доверять, сэр. Оно живет собственной жизнью. Если за грагами гонится какое-то проклятие, это его дело. Но если я найду их первым, сэр, я их арестую, и проклятию придется сначала иметь дело со мной.

– Ваймс, аркканцлер Чудакулли говорит, что это может быть квазидемоническая сущность, которой миллионы лет!

– Я сказал свое слово, сэр, – произнес Ваймс, глядя в точку над головой Ветинари. – Мой долг – нагнать грагов. Не сомневаюсь, они помогут мне в ходе расследования.

– Но у тебя нет улик, Ваймс. А улики понадобятся очень серьезные.

– Да. Поэтому я намерен привести гномов обратно, и никакие плавающие в воздухе хвостатые глаза меня не остановят. Я найду грагов и их телохранителей, черт их подери. Тогда Стража сможет провести расследование. Кто-нибудь что-нибудь да скажет.

– И ты наконец удовлетворишься? – резко поинтересовался Ветинари.

– Это вопрос на засыпку, сэр?

– Хорошо сказано... – Ветинари смягчился. – Леди Сибилла необыкновенная женщина, Ваймс.

– Да, сэр. Это точно.

И Ваймс ушел.

Некоторое время спустя личный секретарь Ветинари, Стукпостук, неслышно вошел в кабинет и поставил на стол перед патрицием чашку чая.

– Спасибо, Стукпостук. Ты слышал?

– Да, сэр. Командор настроен решительно.

– Они вломились к нему в дом, Стукпостук.

– Да, сэр.

Ветинари откинулся на спинку кресла и посмотрел в потолок.

– Скажи мне, Стукпостук, ты азартен?

– Иногда я склонен немного рискнуть, сэр.

– Если взять с одной стороны невидимую и чертовски сильную квазидемоническую сущность, движимую исключительно чувством мести, а с другой стороны командора... на кого бы ты поставил... допустим, доллар?

– Ни на кого, сэр. Шансы равны.

– О да. – Ветинари задумчиво уставился на закрытую дверь. – О да...

«Я не пользуюсь магией, – думал Ваймс, шагая под дождем к Незримому Университету. – А еще я иногда вру».

Миновав главный вход, он как можно незаметнее направился в переулок Волшебников. Благодаря нескольким вывалившимся кирпичам в стене там был свободный доступ в Университет для всех желающих. Поколения пьяных студентов пользовались этим перелазом, чтобы вернуться в общежитие поздно ночью. Со временем они становились настоящими важными волшебниками, с окладистыми бородами и внушительными брюшками, но даже не заикались о том, чтобы починить стену. В конце концов, это была традиция. И «омары»^[19] там тоже не сторожили – традицию они чтили еще больше волшебников.

Впрочем, как раз сегодня один из них маячил в тени – и подскочил, когда Ваймс похлопал его по плечу.

– А, это вы, командор Ваймс, сэр. Это я, сэр, Уиггли, сэр. Аркканцлер ждет вас в садовом сарае, сэр. Идите за мной, сэр. Только никому не говорите, сэр.

Ваймс зашагал вслед за Уиггли в темноту по сырым газонам. Как ни странно, усталость отступила. День за днем он не высыпался, но

чувствовал себя довольно бодрым, хоть перед глазами слегка и плыло. Его поддерживал азарт погони. Телу предстояло расплатиться за это позже...

Уиггли, предварительно посмотрев в обе стороны с заговорщицким видом, который немедленно привлек бы внимание любого наблюдателя, открыл дверь садового сарая.

Внутри маячила грузная фигура.

– Командор! – радостно проревела она. – Вот так штука! Не хватает только плаща и шпаги!

Только гроза могла заглушить голос аркканцлера Чудакулли, когда тот был в хорошем настроении.

– Пожалуйста, говорите потише, аркканцлер, – попросил Ваймс, спешно прикрывая дверь.

– Простите, – ответил волшебник. – Идите сюда. На мешках с компостом очень удобно сидеть. Итак... чем могу помочь, Сэм?

– Давайте сразу согласимся, что ничем, – сказал Ваймс.

– Интригующе. Продолжайте... – Чудакулли придвинулся ближе.

– Вы знаете, что в Страже я не потерплю магии, – продолжал Ваймс. В темноте командора атаковал свернувшийся змеей садовый шланг, как это у них водится, но Ваймс одержал победу и сбросил его на пол.

– Знаю, сэр, и уважаю вас за это, хотя некоторые и полагают, что вы просто идиот.

– Что ж... – Ваймс попытался пропустить «идиота» мимо ушей. – Мне нужно попасть в Кумскую долину. Очень быстро. Э... как можно быстрее.

– То есть как по волшебству? – намекнул Чудакулли.

– Да, – признал Ваймс. Ему было очень неловко. И что это такое под ним?..

– Хм... – отозвался Чудакулли. – Но, вероятно, без всяких фокусов-покусов? Вам, кажется, неудобно сидеть...

Ваймс торжествующе извлек огромную луковицу.

– Прошу прощения, – сказал он, отбрасывая ее в сторону. – Нет, не надо никаких фокусов. Разве что маленький покус. Мне нужна лишь небольшая фора. Граги ушли вчера.

– Вы намерены путешествовать в одиночку?

– Нет, нас будет одиннадцать. Две кареты.

– Боги мои! То есть исчезнуть в клубах дыма и появиться в другом месте...

– ...для нас не вариант. Мне нужна...

– Фора, – договорил волшебник. – Да. Нечто волшебное по сути, но не с виду. Ничего чересчур очевидного...

– И чтобы никто не превратился в лягушку, – поспешно добавил Ваймс.

– Разумеется. – Чудакулли хлопнул в ладоши. – Что ж, командор, боюсь, мы не в силах вам помочь. Волшебники такими делами не занимаются.

Он понизил голос и продолжал:

– И уж *точно* мы не сможем вам помочь, если вы подгоните две кареты – пустые – к задней двери... скажем, через час.

– Да? Э... договорились, – ответил Ваймс, пытаясь не утратить нить. – Вы ведь не станете приделывать им крылья, правда?

– Мы вообще ничего не станем делать, командор! – жизнерадостно объявил аркканцлер, хлопая его по спине. – Мы ведь договорились! И вам уже пора... хотя, разумеется, вас тут вообще не было. И меня. Умно мы обошли шпионов, да?

Когда Ваймс ушел, Наверн Чудакулли сел на мешок, закурил трубку и той же спичкой зажег свечку в фонаре. Садовник здорово злился, если в сарае разводили бардак, так что, наверное, надо было прибраться...

Аркканцлер уставился на пол. Свернутый шланг и упавшая луковица образовали нечто вроде огромного глаза с хвостом.

Дождь немного остудил Ваймса. Улицы тоже слегка остыли. Только самые упорные способны бунтовать под дождем. И потом, слухи о вчерашних событиях разошлись по городу. Никто, разумеется, не знал наверняка, и эффект «Пшика» в сочетании с «Молотом» оказался таков, что немалое количество мыслящих (хотя бы приблизительно) существ терялось в догадках, что именно произошло. Раз они проснулись, чувствуя себя весьма скверно, значит, что-то случилось.

А сегодня лил дождь, поэтому лучше было остаться в пабе.

Ваймс брел в мокрой, шепчущей тьме, и голова у него пылала.

Как быстро способны путешествовать гномы? Граги стары. Но крепки. Тем не менее дорога в горы находится не в идеальном состоянии, и организм способен выдержать лишь ограниченное количество тряски.

Сибилла намеревалась взять с собой Юного Сэма. Это было глупо и в то же время нет, особенно после того, как к ним в дом вломились гномы. Дом – то место, где чувствуешь себя в безопасности. Если ты перестал чувствовать себя в безопасности, значит, это не дом. Вопреки здравому смыслу Ваймс согласился с Сибиллой. Дом – там, где они вместе. Она уже отправила срочный клик какой-то давней приятельнице, жившей в окрестностях Кумской долины; судя по всему, Сибилла полагала, что их

ждет приятная семейная экскурсия.

На углу околачивалась компания гномов. Тяжеловооруженных. Может быть, бары были переполнены, может быть, этим ребятам тоже было нужно остудиться. В конце концов, закон не воспрещает околачиваться на углу.

«Ну нет, – подумал Ваймс, подходя ближе. – Давайте, идите сюда, парни. Скажите что-нибудь. Схватитесь за оружие. Хотя бы шевельнитесь. Хотя бы дохните. Дайте мне повод прибегнуть к так называемой самообороне. И пусть потом будет мое слово против вашего. Поверьте, ребята, я вряд ли оставлю вам возможность сказать хоть что-нибудь, черт возьми».

Гномы один лишь раз взглянули на приближающийся призрак, окруженный туманом и озаренный светом фонаря, и бросились наутек.

«Правильно».

Существо, известное под именем Призывающей Тьмы, спешило по улицам вечной ночи, мимо призрачных зданий памяти, которые колыхались, когда оно проплывало мимо. Оно приближалось, приближалось. Пришлось отказаться от тысячелетних привычек – но до сих пор оно всегда находило способ пробраться внутрь, пусть даже сквозь щелку размером с замочную скважину. Раньше ему еще никогда не доводилось прикладывать столько усилий и носиться так быстро. Борьба увлекала.

Но всякий раз, когда существо останавливалось у незапертой решетки или каминной трубы, до него доносился звук погони. Погоня шла медленно, но неотступно. И рано или поздно должна была настичь его.

Граг Грохссон жил в разделенном перегородками подвале на Дешевой улице. Арендная плата здесь была низкой, но и условия не ахти: не вставая с узенькой кровати, гном мог дотянуться до всех четырех стен – точнее, до трех стен и плотной занавески, которая отгораживала его от семейства из девятнадцати гномов, занимавшего остальную часть подвала. Но в стоимость аренды была включена еда, и за Грохссоном признавали право на уединение. Иметь жильца-грага считалось почетным, пусть даже этот граг был слишком молод и показывался с открытым лицом. На соседей это все-таки производило впечатление.

По ту сторону занавески шумели ребяташки, плакал младенец, пахло рагу из крысы с капустой. Кто-то точил топор. Кто-то храпел. Гном, живущий в Анк-Морпорке, может уединиться только мысленно.

Место, не занятое кроватью, занимали книги и бумаги. Стол Грохссона

представлял собой доску, которую он клал прямо на колени. Он читал потрепанную книжку в грязной заплесневелой обложке. Перед глазами мелькали руны. «В нашем мире оно не имеет собственной силы. Чтобы исполнить свою миссию, Тьма должна найти бойца – живое существо, которое подчинится ее воле...»

Грохссон вздохнул. Он прочитал эту фразу с десятков раз, надеясь обнаружить в ней иной смысл, помимо очевидного. Он даже переписал ее в блокнот. Потом убрал книжку в сумку, вскинул сумку на спину, вышел из-за занавески, заплатил Тоину Громкоступу за две недели вперед и скрылся под завесой дождя.

Ваймс не помнил, как заснул. Не помнил, что спал. Он вынырнул из темноты, когда Моркоу потряс его и разбудил.

- Кареты во дворе, мистер Ваймс!
- Крбр... – Ваймс заморгал на свету.
- Я велел грузить вещи, сэр, но...
- Что? – Ваймс сел.
- Лучше пойдите и посмотрите сами, сэр.

Когда Ваймс вышел в сырые рассветные сумерки, две кареты действительно стояли во дворе. Детрит лениво наблюдал за погрузкой, опираясь на Шматотворец.

Завидев командора, Моркоу подбежал к нему.

– Волшебники, сэр, – сказал он. – Они что-то такое сделали.

С точки зрения Ваймса, кареты выглядели вполне обычно. Он так и сказал.

– Да, выглядят-то они как всегда, – ответил Моркоу. Он нагнулся, сунул одну руку в окошко и произнес: – Но посмотрите...

Он поднял нагруженную карету над головой.

– Это невозможно, – сказал Ваймс.

– Так точно, сэр, – отозвался Моркоу, осторожно ставя карету на бульжники. – И с пассажирами внутри она не становится тяжелее. И с лошадьми они тоже что-то сделали.

– Хотя бы примерно – что, капитан?

– Вроде бы ничего такого, сэр. Кареты просто стояли позади Университета. Мы с Хэддоком пригнали их сюда. Они стали очень легкие. Но главное, меня беспокоит упряжь. Посмотрите, сэр.

– Какая толстая кожа, – заметил Ваймс. – И что это за медные шишки? Что-нибудь волшебное?

– Не исключено, сэр. Когда разгонишься до тринадцати миль в час, мало ли что может случиться. – Моркоу похлопал карету по стенке, и та откатилась. – Честно говоря, сэр, не понимаю, что нам это даст.

– Карета, которая ничего не весит...

– От этого, несомненно, будет польза, сэр, особенно на подъемах. Но лошади могут бежать со скоростью тринадцать миль лишь некоторое время, сэр, и, как только карета разгонится, она в любом случае превратится в катящийся груз, с которым не бывает особых проблем.

– Тринадцать миль в час... – Ваймс задумался. – Хм. Неплохо.

– Ну, почтовые кареты в наше время в среднем делают девять-десять миль, – сказал Моркоу. – Но дороги здорово ухудшатся, как только мы окажемся в окрестностях Кумской долины.

– Ты ведь не думаешь, что кареты полетят как птички, э?

– Я полагаю, волшебники предупредили бы, если б устроили что-нибудь такое, сэр. Забавно, впрочем, что вы об этом подумали, потому что под каждой каретой прибито семь метел.

– Что? Тогда почему кареты не взлетают?

– Магия, сэр. Наверное, метлы служат балластом.

– Ох, боги, да. И почему я сам не догадался? – кисло произнес Ваймс. – Вот почему я не люблю магию, капитан. Потому что это *магия*. Не задавай вопросов, это *магия*. Никаких объяснений, это *магия*. Неизвестно, откуда оно взялось, – это *магия*! Вот что мне не нравится в магии. В ней все – по волшебству!

– Да, сэр, без волшебства в этом деле никак, – признал Моркоу. – Мне надо приглядеть за погрузкой, прошу прощения...

Ваймс уставился на кареты. Наверное, не следовало впутывать волшебников, но что ему оставалось делать? Они, наверное, могли переправить Сэма Ваймса в Кумскую долину в мгновение ока, но кем бы он прибыл туда и кем вернулся? Откуда ему потом знать, что это он? Он-то не сомневался, что люди не исчезают в клубах дыма.

Сэм Ваймс всегда был по натуре пешеходом. Поэтому он собирался взять с собой Вилликинса, который умел править экипажем. Также дворецкий продемонстрировал Ваймсу способность метнуть обыкновенный нож для рыбы с такой силой, что его с трудом удалось вытащить из стены. В беспокойные времена Ваймсу приятно было сознавать, что некоторые дворецкие обладают такими способностями.

– Звиняйте, сэр, – сказал Детрит из-за спины. – Можно, ета, вас на пару слов? По личному делу.

– Да, конечно, – ответил Ваймс.

– Я, ета, надеюсь, что давеча не наговорил ничего такого...

– Ни слова не помню, – перебил Ваймс.

Детрит облегченно вздохнул.

– Спасибо, сэр. Э... я хочу взять с собой Кирпича, сэр. У него, ета, тут нет родных, он даже не знает, из какого он клана. Он снова куда-нибудь влипнет, если оставить его без присмотра. И он, ета, никогда не видел горы. Никогда даже не выходил из города!

В глазах тролля читалась мольба. Ваймс вспомнил, что у Детрита и Рубины счастливый брак, но детей до сих пор нет.

– Ну, перегрузка для нас не проблема, – сказал он. – Ладно. Но ты будешь за ним присматривать, понял?

Троль просиял.

– Да, сэр! Вы, ета, не пожалеете, сэр!

– Завтрак, Сэм! – провозгласила Сибилла. У Ваймса зашевелилось нехорошее подозрение, и он поспешил к другой карете, где Моркоу укладывал последний сверток.

– Кто собирал еду в дорогу? – поинтересовался он. – Сибилла?

– Да, сэр.

– Там... *фрукты*? – с легким ужасом спросил Ваймс.

– Кажется, да, сэр. Полно. И овощи.

– Надеюсь, мы взяли хоть немножко бекона? – Голос Ваймса зазвучал почти умоляюще. – Бекон – отличная штука в долгом путешествии. Он прекрасно хранится.

– Боюсь, бекон пришлось оставить, – ответил Моркоу. – Должен предупредить, сэр, что леди Сибилла разгадала фокус с сэндвичами. Она просила передать вам, что шуточки кончены, сэр.

– В конце концов, я тут командор, – заметил Ваймс с достоинством (насколько это возможно на пустой желудок).

– Да, сэр. Но леди Сибилла умеет настоять на своем.

– О да... – отозвался Ваймс, шагая по направлению к Ярду. – Но мне страшно повезло, – добавил он на тот случай, если у Моркоу вдруг сложилось неверное впечатление.

– Да, сэр. Вам страшно повезло.

– Капитан!

Они обернулись. Кто-то спешно входил в ворота. За спиной у него торчали два меча.

– А, доброволец Хэнкок, – Моркоу шагнул навстречу. – Ты что-то хотел мне сказать?

– Э... да, капитан. – Хэнкок нервно взглянул на Ваймса.

– Служебное дело, Энди, – ободряюще сказал тот.

– Я мало что знаю, сэр. Но я поспрашивал в городе. Одна молодая особа послала на прошлой неделе по крайней мере два сообщения до востребования в Бонк. Такие клики приходят на главную башню, и их отдают тому, кто назовет правильный пароль. Мы понятия не имеем, кто адресат.

– Неплохо, – сказал Моркоу. – Какие-нибудь приметы?

– Девушка с короткой стрижкой – ничего больше я не знаю. Сообщения подписаны «Иллас».

Ваймс расхохотался.

– Все понятно. Большое спасибо, доброволец Хэнкок.

– Переписка преступников с помощью кликов рискует стать настоящей проблемой, – грустно заметил Моркоу, когда они вновь оказались одни.

– Возможно, капитан, – ответил Ваймс. – Главное – сейчас нам известно, что крошка Салли с нами не до конца откровенна.

– Мы не знаем наверняка, что это была она, сэр.

– Да? – ликующе воскликнул Ваймс. – А я, честно говоря, воспрянул духом. Это – одна из наименее изученных вампирьих слабостей. Вкупе с большими окнами и занавесками, которые легко разорвать. Никто не знает, в чем причина. Своеобразное стремление к вечности. Как бы ни были умны вампиры, они искренне полагают, что никто не распознает их имя, если написать его задом наперед. Пошли.

Ваймс двинулся дальше, когда заметил маленькую аккуратную фигурку, терпеливо – и радостно – ожидавшую у двери. Ваймс вздохнул. «Я торгуюсь без топора в руках...»

– Будете завтракать, мистер Грохссон? – спросил он.

– Как приятно! – сказала Сибилла часом позже, когда кареты выехали из городских ворот. – Ты помнишь, когда мы в последний раз ездили в отпуск, Сэм?

– Это был не настоящий отпуск, дорогая, – отозвался Ваймс. Над ними, воркуя, покачивался в маленьком гамаке Юный Сэм.

– Но все-таки было очень увлекательно.

– Да, дорогая. Например, меня пытались сожрать вервольфы.

Ваймс откинулся на спинку сиденья. Карета изнутри была мягкой и пружинистой. Пока она пробиралась сквозь городской транспорт, магическая потеря веса почти не давала себя знать. Поможет ли это хоть как-то? Насколько быстро способна перемещаться компания престарелых гномов? Если граги действительно угнали какой-нибудь фургон, Ваймс

настигнет их завтра, когда горы еще будут маячить вдали. А до тех пор, по крайней мере, он отдохнет.

Он вытащил потрепанную книгу под названием «Прогулки по Кумской долине». Ее написал Эрик Уилбрейс – человек, который исходил все тропы, считая овечьи, в Ближних Овцепиках^[20]. К книжке прилагалась карта – наиболее достоверная из имеющихся. Эрик был неплохим топографом.

Кумская долина представляла собой сточную трубу. Около тридцати миль мягкого известняка в окружении твердых горных пород. Ее назвали бы каньоном, если бы не ширина. Один конец долины упирался в нижнюю границу снегов, другой сливался с равниной.

Говорили, что даже облака держались подальше от этого унылого места. Впрочем, особой роли это не играло. В долине хватало воды – благодаря талым снегам и сотням водопадов, которые сбегали с окрестных гор. Один из них, под названием Слезы Короля, достигал почти полумили в высоту.

Река Кум не просто *текла* в долине. Она прыгала и скакала. На полпути она превращалась в лабиринт грохочущих струй, которые то стекались, то рассыпались. Они несли и вращали огромные валуны и целые деревья из лесов, растущих на осыпях в предгорьях. Ручьи, журча, исчезали в провалах и вновь вырывались на поверхность фонтанами – несколькими милями дальше. Их невозможно было нанести на карту – то и дело какая-нибудь гроза в горах обрушивала в реку пару валунов размером с дом и сотню деревьев, перегородив отверстия и образовав плотину. Некоторые плотины держались годами, превращаясь в островки посреди бурных вод; на них вырастали рощи и луга, селились колонии крупных птиц. Потом капризная река сдвигала с места опорный камень, и через час роцца исчезала.

В долине никто не селился надолго – по крайней мере, если не умел летать. Гномы пытались приручить реку еще до первой битвы. Ничего не вышло. Сотни гномов и троллей смело во время знаменитого паводка. Большинство так и пропали. Река унесла их в подземные пропасти, ямы и пещеры и погребла навеки.

В долине были места, где брошенный в воду цветной поплавок выплывал в десяти ярдах ниже по течению лишь через двадцать минут.

Ваймс прочел, что сам Эрик видел этот фокус в исполнении проводника, который потребовал полдоллара за демонстрацию. Да, в долине частенько бывали гости – туристы, поэты и художники, искавшие вдохновения на фоне сурового первобытного ландшафта. И были проводники, которые приводили их сюда (за немалые деньги). За несколько

долларов сверх таксы они рассказывали историю Кумской долины. Они утверждали, что вой ветра и шум реки доносят звуки древней битвы, продолжающейся и в посмертии. Быть может, гномы и тролли, которых забрала долина, по-прежнему ведут бой – где-то внизу, в темном лабиринте пещер и грохочущих подземных потоков.

Один из проводников рассказал Эрику, что однажды в детстве, когда стояло холодное лето и талых вод было относительно немного, он спустился на веревке в дыру (как всегда бывает в подобных случаях, история Кумской долины была бы неполной без слухов о несметных сокровищах). Так вот, он самолично слышал шум битвы и крики гномов. «Чесслово, сэр, у меня аж волосы дыбом встали, сэр, ну спасибо вам, сэр...»

Ваймс сел поудобнее.

Правда ли это? Если бы проводник прошел чуть дальше, возможно, он набрел бы на тот самый говорящий куб, который несчастный Методия Плут забрал домой. Но Эрик решил, что у него просто пытаются выклянчить еще несколько долларов, – не исключено, конечно, и все же... Нет, куба, несомненно, уже там не было. Но мысль интересная.

Окошечко со стороны кучера открылось.

– Мы выехали из города, сэр, и дорога впереди пуста, – сообщил Вилликинс.

– Спасибо. – Ваймс потянулся и посмотрел на Сибиллу. – Вот теперь-то мы и выясним, в чем штука. Держи Юного Сэма.

– Наверн не станет устраивать ничего опасного, Сэм.

– Не знаю, право, – ответил Ваймс, открывая дверцу. – Во всяком случае, *нарочно* наверняка не станет.

Он подтянулся и выбрался на крышу кареты, ухватившись за руку Детрита.

Карета катила себе. Солнце сияло. По обе стороны дороги тянулись капустные поля, насыщая воздух нежным ароматом.

Ваймс устроился рядом с Вилликинсом.

– Так, – сказал он. – Все держатся крепко? Тогда валяй!

Вилликинс щелкнул кнутом. Карету дернуло, когда лошади налегли на постромки, и Ваймс почувствовал, как они набирают скорость.

И все? Он ожидал чего-то более впечатляющего. Они двигались быстрее, да, но ничего волшебного в этом не было.

– Примерно двенадцать миль в час, сэр, – сказал дворецкий. – Неплохо. Они хорошо бегут без...

Что-то такое происходило с упряжью. Медные диски засверкали...

– Гляньте на капусту, сэр! – крикнул Детрит.

По обе стороны дороги капуста начала взрываться и взмывать в небо. Лошади бежали все быстрее...

– Я понял, капуста – это наше топливо! – заорал Ваймс, перекрикивая ветер. – А...

Он замолчал. Две передние лошади неторопливо поднимались в воздух. Две задние, у него на глазах, последовали их примеру.

Ваймс рискнул обернуться. Вторая карета не отставала. Он отчетливо видел розовое лицо Фреда Колона, на котором застыл немой ужас.

Когда Ваймс повернулся обратно, все четыре лошади уже оторвались от земли.

Их возглавляла пятая – огромная и прозрачная. Ее было видно только благодаря пыли да случайным солнечным бликам на невидимом крупе. По сути, это был образ лошади, скорость лошади, дух лошади, та ее часть, которая оживает в порыве ветра. Это была, можно сказать, Лошадь как чистая субстанция.

Почти все звуки замерли. Видимо, они не могли угнаться за каретами.

– Сэр? – негромко произнес Вилликинс.

– Что? – ответил Ваймс, у которого слезились глаза от ветра.

– Последнюю милю мы проделали меньше чем за минуту. Я засекаю время между придорожными столбами.

– Шестьдесят миль в час? Чувствую такую. Карета не может ехать так быстро!

– Как скажете, сэр.

Мимо пролетел придорожный столб. Вилликинс услышал, как Ваймс вполголоса считает. Вскоре мелькнул еще один.

– Волшебники, а?.. – слабо сказал Ваймс и вновь уставился вперед.

– О да, сэр, – отозвался Вилликинс. – Могу ли я посоветовать, чтобы мы, оказавшись в Квирме, ехали напрямик?

– Там же сплошные рытвины.

– Я знаю, сэр. Но нам все равно, – заметил дворецкий, не сводя глаз с бесконечной дороги впереди.

– Ну ладно. Если не сбавлять скорости на ухабах...

– Я косвенным образом имел в виду тот факт, сэр, что мы вообще не касаемся земли.

Ваймс, осторожно ухватившись за поручень, посмотрел вниз. Колеса лениво вращались. Дорога превратилась в расплывчатую ленту. Впереди невозмутимо скакала призрачная лошадь.

– В окрестностях Квирма уйма придорожных трактиров, – сказал

Ваймс. – Э... мы сможем остановиться на обед?

– И даже на завтрак, сэр. Впереди почтовая карета, сэр! Держитесь!

Маленькая черная коробочка на дороге становилась все больше. Вилликинс дернул вожжи, Ваймс увидел, как лошади встали на дыбы – и почтовая карета превратилась в исчезающую точку, быстро скрывающуюся в дыму горящей капусты.

– Эти столбы прям так и мелькают, – спокойно заметил Детрит.

Позади него на крыше кареты, крепко зажмурившись, ничком лежал юный Кирпич. Он никогда еще не видел, чтобы небо смыкалось с землей. Он с такой силой вцепился в медные поручни, что на них остались отпечатки пальцев.

– Может, притормозим? – предложил Ваймс. – Осторожно! Повозка!

– Колеса перестанут крутиться, только и всего, сэр! – крикнул Вилликинс, когда воз с сеном пролетел мимо и исчез позади.

– Попробуй слегка натянуть вожжи!

– На такой скорости, сэр?

Ваймс открыл окошко. Сибилла держала Юного Сэма на коленях и надевала на него шерстяной свитер.

– Все в порядке, дорогая?

Сибилла подняла голову и улыбнулась.

– Чудесная мягкая езда, Сэм. Кажется, мы довольно быстро едем.

– Э... сядь, пожалуйста, спиной по ходу, – попросил Сэм. – И держи Юного Сэма крепче. Сейчас может тряхнуть.

Он проследил, чтобы жена пересела, закрыл окошечко и крикнул Вилликинсу:

– Давай!

На первый взгляд ничего не случилось. Дорожные столбы продолжали проноситься мимо.

Потом полет замедлился, и в полях по обе стороны дороги сотни капустных кочанов взмыли в небо, оставляя за собой дымный след. Призрачный конь исчез, лошади плавно устремились к земле и превратились из летящих статуй в скачущую полным галопом упряжку. Карету даже не трянуло.

Ваймс услышал короткий вопль, когда вторая карета просвистела мимо и свернула на поле репы, где наконец затормозила с устрашающим скрипом. И настала тишина, не считая стука падавшей капусты. Детрит успокаивал Кирпича, который выбрал не лучший день для того, чтобы завязать.

Жаворонок, паривший вне досягаемости капустных снарядов,

распевал в небесной синеве. А внизу, не считая всхлипываний Кирпича, было тихо.

Ваймс рассеянно снял со шлема жареный капустный лист.

– Ничего себе, – с подозрительным бесстрашием произнес он, осторожно спустился и открыл дверцу кареты. – Вы тут в порядке?

– Да. А почему мы остановились? – спросила Сибилла.

– У нас закончилось... в общем, что-то закончилось, – ответил Ваймс. – Я пойду проверю, как там остальные.

Ближайший указатель гласил, что до Квирма всего две мили. Ваймс выудил из кармана Грушу. Докрасна раскаленный кочан между тем плюхнулся на дорогу у него за спиной.

– Доброе утро, – бодро сказал он удивленному бесенку. – Который час?

– Без девяти восемь, Введи-Свое-Имя, – ответил тот.

– То есть чуть больше мили в минуту. Неплохо.

Шагая словно во сне, Ваймс перешел дорогу и по колеям из дымящейся репы добрался до второй кареты. Из нее вылезали стражники.

– Все целы? – спросил Ваймс. – На завтрак сегодня капуста жареная, капуста вареная, капуста печеная...

Он вовремя отступил в сторону. Еще одна репа рухнула рядом и взорвалась.

– ...и Реповый Сюрприз, – закончил он. – Где Фред?

– Блюет где-то в укромном местечке, – сказала Ангва.

– Пожалуй, мы тут несколько минут отдохнем.

После этого Сэм Ваймс вернулся к придорожному столбу, сел рядом, обхватил его руками и сидел так, пока ему не полегчало.

«Ты мог нагнать гномов задолго до того, как они окажутся в Кумской долине. Боги, да при такой скорости нужно было смотреть в оба, чтобы не поцеловать их в зад».

Мысли не давали Ваймсу покоя, пока Вилликинс неторопливо выводил карету из Квирма. Оказавшись на пустом участке дороги, он высвободил скрытую лошадиную силу, и они помчались со скоростью сорок миль в час. То есть достаточно быстро.

«В конце концов, никто не пострадал. Ты мог добраться до Кумской долины к вечеру!»

Да, но в планы это не входило.

«Допустим, – подумал Ваймс, – а что же входит в план?»

Несомненная польза крылась в том, что Сибилла знала буквально всех и вся – по крайней мере, всех женщин определенного возраста, некогда

вместе с ней учившихся в Квирмском пансионе для молодых девиц. Их, казалось, были сотни. Школьных подруг сплошь звали Банни, Бубби или как-нибудь в этом духе, все они усиленно переписывались, все были замужем за богатыми и влиятельными мужчинами, все обнимались при встрече и вспоминали добрые старые деньки в третьем классе. Собравшись вместе, они вполне могли покорить мир. Не исключено, решил Ваймс, что они это уже проделали.

Это были Женщины, которые Властвуют.

Ваймс старался что есть силы, но неизменно терпел поражение. Женщин связывала замысловатая сеть корреспонденций, и он решительно не понимал, отчего Сибилла тревожится о ребенке, которого никогда не видела, и о его матери, с которой в последний раз общалась двадцать пять лет назад. Женщины – сплошь загадка.

Путешественникам предстояло остановиться в городке в окрестностях долины у некоей дамы, до сих пор известной ему под именем Банти. Ее муж был городским судьей. По словам Сибиллы, он держал собственную полицию. Ваймс мысленно перевел: «У него личная банда неотесанных, беззубых, вонючих громил», потому что именно так обычно выглядела полиция в заштатных городках. И все-таки от них тоже бывала польза.

Не считая всего этого... никакого плана не было. Ваймс собирался найти грагов, арестовать их и в максимально полном количестве доставить обратно в Анк-Морпорк. Но это было намерение, а не план. Впрочем, весьма твердое намерение. В городе погибли пятеро. Нельзя просто закрыть на это глаза. Он арестует грагов, посадит в тюрьму, огорошит обвинениями и посмотрит, что получится. Вряд ли у них осталось много сторонников. Разумеется, потом в дело вмешается политика – как всегда, – но, по крайней мере, люди будут знать, что Ваймс сделал все что мог и это был максимум. Если повезет, другие не рискнут следовать дурному примеру. Был, конечно, еще и чертов Секрет Долины, но Ваймс подумал: если он его таки найдет и если это окажется всего-навсего доказательством того, что тролли первыми напали на гномов или гномы первыми напали на троллей, он швырнет это самое доказательство в ближайшую дыру. Оно ничего не изменит. Вряд ли Ваймса поджидает в долине горшок золота; на поле битвы золото не носят, потому что тратить его там все равно не на что.

В любом случае они неплохо начали. Они выиграли немного времени. Можно в бодром темпе двигаться дальше и менять лошадей в каждой придорожной гостинице. Но отчего он пытался убедить себя: «Нужно сбавить скорость. Ехать быстро – слишком опасно»?

– Если ехать с нынешней скоростью, доберемся послезавтра? –

спросил Ваймс у Вилликинса, пока они катили между полей молодой кукурузы.

– Как скажете, сэр, – отозвался дворецкий. Ваймс отметил чрезмерную дипломатичность этого ответа.

– Ты так не думаешь? – уточнил он. – Ну же, выскажись честно.

– Гномы, сэр, хотят добраться туда побыстрее, как по-вашему? – спросил Вилликинс.

– Да, полагаю, что так. Вряд ли они настроены медлить. И что?

– Вы думаете, они непременно поедут по дороге, сэр? Они ведь могут лететь на метлах.

– Да, пожалуй, – согласился Ваймс. – Но аркканцлер, разумеется, предупредил бы меня.

– Прошу прощения, сэр, но при чем тут аркканцлер? Граги не станут связываться с господами из Незримого Университета. Всем известно, что лучшие метлы делают гномы в Медянке.

Карета катилась и катилась.

Через некоторое время Ваймс заметил тоном глубоко задумавшегося человека:

– Значит, они должны лететь ночью. Иначе их заметят.

– Именно, сэр, – ответил Вилликинс, глядя вперед.

– Как ты думаешь, эта штука может брать препятствия? – поинтересовался Ваймс.

– Я бы рискнул, сэр, – сказал Вилликинс. – Полагаю, волшебники об этом подумали.

– Какую скорость, по-твоему, мы можем развить?

– Понятия не имею, сэр. Но у меня такое ощущение, что *очень* большую. Не исключено, что до ста миль в час.

– Ты правда так считаешь? Ведь тогда мы покроем полпути за пару часов!

– Ну, вы же сказали, что хотите добраться побыстрее, сэр, – заметил Вилликинс.

Вновь повисло молчание. Наконец Ваймс сказал:

– Ладно, остановись где-нибудь. Я хочу, чтобы все знали, что мы намерены сделать.

– Охотно, сэр, – ответил дворецкий. – А я пока покрепче привяжу шляпу.

Из этого путешествия Ваймс запомнил лучше всего тишину (о, сколь многое он хотел бы забыть!). И *мягкость*.

Да, он чувствовал, как ветер дует в лицо, но это был легчайший ветерок, пусть даже земля внизу превратилась в сплошное зеленое пятно. Воздух вокруг был *видим*. Когда Ваймс, пробы ради, поднял над головой листок бумаги, его немедленно сдуло.

Кукуруза взрывалась не хуже капусты. Когда карета приближалась, зеленые стебли выскакивали из земли, как будто их тянули, и взмывали ввысь наподобие фейерверков.

Кукурузные поля сменились пастбищами, когда Вилликинс сказал:

– Сэр, эта штука сама правит. Смотрите.

Он отпустил вожжи, завидев впереди лесок. Ваймс не успел и заорать, когда карета сама собой обогнула деревья и аккуратно вернулась на прежний курс.

– Больше так не делай! – велел Ваймс.

– Как скажете, сэр, только она правит сама. Сомневаюсь, что я смогу *заставить* ее врезаться во что-нибудь.

– Даже не пытайся, – поспешно сказал Ваймс. – И, по-моему, позади нас только что взорвалась корова. Держись подальше от городов и от людей, слышишь?

Репа и камни взмывали в воздух за каретой и разлетались в разные стороны. Ваймс надеялся, что обойдется без неприятностей^[21].

Еще он заметил, что пейзаж впереди становится синим, в то время как позади он имеет отчетливый красноватый оттенок. Ваймс, впрочем, предпочел промолчать.

Дважды пришлось остановиться, чтобы уточнить дорогу, но к половине пятого они уже находились в двадцати милях от Кумской долины и сидели во дворе гостиницы для проезжающих. Все молчали. Не считая Вилликинса – прирожденного лихача – нормально перенесли путешествие только Сибила и Юный Сэм, абсолютно довольные и счастливые, да еще Детрит, который всю дорогу с видимым наслаждением наблюдал, как мир несется мимо. Кирпич по-прежнему лежал ничком на крыше кареты и крепко держался.

– Десять часов, – сказал Фред Колон. – Включая завтрак и остановку, чтобы поплевать. Поверить не могу.

– А я думал, так быстро ехать просто невозможно... – простонал Шнобби. – Я еще как будто головой дома...

– Если придется ждать, когда твоя голова нас догонит, Шнобби, я, пожалуй, куплю тут домик, – заметил Фред.

Нервы у всех на пределе, мозги размякли... «Вот почему я не люблю магию, – подумал Ваймс. – Но мы здесь, и просто чудо, как местное пиво

помогает прийти в норму».

– Мы даже успеем быстренько взглянуть на долину до темноты, – намекнул он. Ответом был общий стон.

– Нет, Сэм! Всем нужно поесть и отдохнуть, – возразила Сибилла. – Давайте въедем в город как приличные люди, спокойно и неторопливо, а завтра примемся за дело с новыми силами.

– Леди Сибилла права, командор, – сказал Грохссон. – Я бы не советовал ехать в долину ночью, даже в это время года. Там легко заблудиться.

– В долине?!

– Да, сэр, – вмешалась Шелли. – Вы сами увидите, сэр. А если заблудишься – то, скорее всего, погибнешь.

Во время неспешного въезда в город Ваймс читал Юному Сэму «Где моя коровка?», потому что было шесть часов. В представлении участвовали все. Шелли издавала цыплячий писк (у Ваймса это никогда не получалось), а Детрит ревел бегемотом так, что дребезжали стекла. Граг Грохссон, вопреки всем ожиданиям, сумел весьма сносно изобразить свинью. Юный Сэм наблюдал за происходящим круглыми глазами. Для него, несомненно, это было Шоу года.

Банти удивилась, увидев их так рано, но Женщины, которые Властвуют, редко смущаются, если гости приезжают неожиданно.

Оказалось, что Банти зовут Береника Уэйнсбери, урожденная Мышфаттер (вот, должно быть, она радовалась, сменив фамилию); у нее были замужняя дочь, живущая в окрестностях Квирма, и сын, которому пришлось поспешно уехать в Фурек в результате *абсолютного* недоразумения, зато теперь он с огромным энтузиазмом занимался разведением овец. Хозяйка надеялась, что Сибилла и, разумеется, его светлость останутся до субботы, потому что она пригласила всех-всех-всех, а Юный Сэм просто душа... и так далее, и так далее, и «мы вычистили для ваших троллей одну из наших конюшен» (любезная улыбка).

Прежде чем Сибилла или Ваймс успели сказать хоть слово, Детрит снял шлем и поклонился.

– Большое вам спасибо, миссис, – торжественно произнес он. – Иногда, ета, люди забывают сперва почистить конюшню. Такие маленькие знаки внимания, ета, очень трогают.

– Э... благодарю, – ответила Банти. – Какая прелесть. Э... я никогда еще раньше не видела, чтобы тролль носил одежду...

– Могу, ета, снять, если хотите, – сказал Детрит.

Тогда Сибилла ласково взяла подругу за руку и объявила:

– Позволь, я тебя со всеми познакомлю.

Мистер Уэйнсбери, городской судья, вовсе не был продажным чинушей, как ожидал Ваймс. Он был высок, поджар, немногословен и дома проводил все время в кабинете, среди книг, курительных трубок и рыболовных принадлежностей. Поутру он осуществлял правосудие, а вечером рыбачил – и милостиво простил Ваймса за полнейшее равнодушие к сухой мушке.

Маленький городок под названием Хэм-на-Куме в основном жил рекой. Когда река Кум заливала равнину, то расширялась и замедляла бег, и рыбы в ней становилось больше, чем в банке сардин. А еще по обоим берегам появлялись болота и глубокие потайные озера, где жили и кормились бесчисленные птицы.

И черепа тоже попадались.

– Я заодно исполняю обязанности коронера, – объяснил мистер Уэйнсбери, отпирая ящик стола. – Каждую весну река приносит кости. В основном, конечно, кости туристов, которые, к сожалению, не послушали совета. Но иногда попадаются и штуки, имеющие... исторический интерес.

Он положил на крышку стола гномий череп.

– Примерно столетней давности. Тогда состоялась последняя большая битва. Время от времени мы находим и фрагменты доспехов. Мы отвозим их в склеп. Время от времени гномы или тролли приходят с тележкой, чтобы порыться в останках и забрать своих. Они к этому очень серьезно относятся.

– Сокровища вам не попадались? – спросил Ваймс.

– Х-ха. По крайней мере, мне не сообщали. Но я бы непременно узнал, если бы нашли что-нибудь ценное. – Судья вздохнул. – Каждый год сюда приезжают искать сокровища. Некоторым везет.

– Они находят золото?

– Нет. Они возвращаются живыми. А остальные... ну, рано или поздно их выносит из пещер.

Судья взял одну из трубок с подставки на столе и принялся ее набивать.

– Не понимаю, зачем брать с собой в долину оружие. Убивает в итоге она, причем в мгновение ока. Хотите кого-нибудь из моих парней с собой, командор?

– У меня свой проводник, – ответил Ваймс и добавил: – Но все равно спасибо.

Мистер Уэйнсбери запыхтел трубкой.

– Как угодно, как угодно. И все-таки следите за рекой.

Ангву и Салли поселили в одной комнате, и Ангва пыталась не злиться. Хозяйка, в конце концов, не знала. В любом случае приятно было лечь в чистую постель, пусть даже в комнате витал легкий запах плесени. Впрочем, тем меньше пахло вампиром. Во всем есть свои плюсы.

Лежа в темноте, она открыла один глаз.

Кто-то тихонько прошел по комнате. Вампиры не издают шума, но тем не менее воздух движется и среди ночных звуков появляются новые.

Тень скользнула к окну. Оно было заперто; послышался слабый стук – видимо, отодвинули щеколду.

Нетрудно было определить, что окно открылось, – лавиной хлынули новые запахи.

Раздался тихий скрип, который сумело бы уловить только ухо вервольфа; за ним последовал внезапный шелест множества кожистых крыльев. *Маленьких* крыльев.

Ангва закрыла глаз. Вот нахалка! Похоже, Салли совсем перестала опасаться. Впрочем, бессмысленно было ее преследовать. Ангва отказалась от соблазна запереть окно и дверь и послушать, какие оправдания Салли придумает наутро. И мистеру Ваймсу она тоже решила не сообщать. Какие доказательства она сможет предъявить? Скажут, что вампир и вервольф в очередной раз не ладили...

Перед Ваймсом расстилалась Кумская долина, и теперь он понимал, отчего обошелся без предварительных планов. Строить планы в отношении Кумской долины было невозможно, она бы над ними просто посмеялась, стерла бы их с лица земли, как стирала дороги.

– Долина сейчас в лучшем состоянии, какое только возможно в это время года, сэр, – сказала Шелли.

– То есть?..

– Она не пытается нас убить, сэр. И птицы тоже здесь. А когда солнце достигнет нужной точки, вы увидите невероятные радуги.

Птиц действительно было много. Насекомые плодились как сумасшедшие в широких мелких водоемах, которые образовались в долине в конце весны. Большинству этих луж предстояло высохнуть к августу, но сейчас Кумская долина представляла собой сплошной садок жужжащих тварей, и птицы слетались сюда с равнин пировать. Ваймс не разбирался в птицах, но, по большей части, все они походили на ласточек. Миллионы ласточек. К скале, примерно в полумиле от путешественников, лепились

гнезда, и Ваймс слышал птичий гам. Там, где громоздились завалами камни и упавшие лесины, росли зеленые побеги и молодые деревца.

Под узкой тропой, по которой шли путешественники, вода вытекала из полудесятка пещер и сливалась в один огромный водопад, низвергавшийся на равнину.

– Тут все... такое живое, – сказала Ангва. – Я думала, в долине только голый камень.

– Так вот, эта, какое оно, поле битвы, – произнес Детрит, весь блестящий от водяных брызг. – Мой папаша привел меня сюда, эта, когда мы с ним шли в город. Он мне показал это место, стукнул по голове и сказал: «Помни».

– Помни – что? – уточнила Салли.

– Не знаю, он не сказал. С тех пор я, эта, ваще помнил.

«Я этого не ожидал, – подумал Ваймс. – Долина... так хаотична. По крайней мере, вон те скалы совершенно лишние. И все эти чертовы огромные валуны наверняка откуда-то скатились...»

– Я чувствую запах дыма, – заявила Ангва, пока они осторожно пробирались по заваленной обломками тропе.

– Выше в долине разбит лагерь, и не один, – сказала Шелли. – Первые прибывшие, судя по всему.

– Ты хочешь сказать, гномы и тролли выстраиваются в очередь, чтобы подраться? – уточнил Ваймс. – Осторожней, этот камень скользкий.

– О да. Потому что драка начнется только в день Кумской битвы. То есть завтра.

– Черт подери, не понимаю. А нас это не затронет?

Грохссон вежливо кашлянул.

– Не думаю, командор. Здесь слишком опасное место для боя.

– Да уж, будет страшно жаль, если кто-нибудь пострадает, – буркнул Ваймс, перебираясь через большую грудку гнилых стволов. – День, несомненно, будет испорчен.

«Историческая реконструкция, – мрачно думал он, пока компания пробиралась под, над, через и сквозь гудящие от насекомых груды наваленного леса, под неумолчный звон ручейков. – С той разницей, что в Анк-Морпорке это делают люди, которые надевают старинные костюмы и бегают с тупыми мечами, и в толпе продают хотдоги, а девушки недовольны, потому что могут нарядиться только служанками или шлюхами – видимо, это были два единственно доступных женщинам занятия в старину... А гномы и тролли намерены еще раз подраться по-настоящему. Как будто, если они устроят очередную битву, она наконец

пройдет как положено».

Перед ними зияла дыра, наполовину заваленная зимним мусором, но еще достаточно большая, чтобы проглотить целую речушку. Вода, кипя, лилась в бездну. Далеко внизу раздавался гул. Ваймс встал на колени и зачерпнул воды. Она оказалась нестерпимо холодной.

– Будьте осторожны, командор, здесь полно ям, – предупредил Грохссон. – Известняк... Вода быстро его размывает. Мы еще повидаем дыры и побольше. Они часто скрыты завалами. Смотрите куда ступаете.

– Разве их не засыпает?

– Рано или поздно – да, сэр. Вы же видели, какие камни скатываются с гор.

– Похоже на гигантский бильярд.

– Что-то вроде того, – отозвался Грохссон.

Через десять минут Ваймс сел на бревно, снял шлем, вытащил красный носовой платок и вытер лоб.

– Стало жарче, – сказал он. – И эта проклятая долина везде выглядит одинаково... ч-черт! – Он шлепнул себя по руке.

– Мошки тут злые, сэр, – заметила Шелли. – Говорят, особенно сильно они кусаются, если чувствуют приближение грозы.

Оба взглянули на горы. В дальнем конце долины висела желтая дымка, между вершинами собирались облака.

– Та-ак, – сказал Ваймс. – Такое ощущение, что она до кости прокусила.

– Я бы на вашем месте не беспокоилась, – ответила Шелли. – По-настоящему большая буря в Кумской долине случилась только раз.

– Тем, кого она застигла, этого хватило на всю жизнь. Не могу не признать, что чертова долина у меня уже в печенках сидит.

К ним подтянулись остальные. Салли и Детрит явно страдали от жары. Салли, не говоря ни слова, уселась в тени большого камня. Кирпич лег у ручья и сунул голову в ледяную воду.

– Боюсь, от меня сейчас толку мало, сэр, – сказала Ангва. – Я чую гномов, но не более того. Здесь везде слишком много воды!

– Может быть, твой нос нам и не понадобится, – ответил Ваймс. Он отстегнул чехол, в котором лежал рисунок Сибиллы, раскатал лист и сколол концы.

– Помоги-ка, Шелли. Остальные отдыхайте. Только не смейтесь.

Он надел на себя получившийся цилиндр. Ангва кашлянула; Ваймс сделал вид, что ничего не слышал.

– Так, – сказал он, поворачивая над собой бумагу, пока настоящие горы

не совпали с нарисованными. – Там – Медянка, а там – Селести... совсем как на рисунке. Мы уже почти на самом верху!

– Не совсем, командор, – заметил, стоя у него за спиной, Грохссон. – Обе вершины – в четырехстах милях отсюда. Они выглядят почти одинаково из любой точки долины. Смотрите на те горы, что ближе к нам.

Ваймс повернулся.

– Ладно. Что это за крутая гора вон там, слева?

– Королевская гора, сэ, – отозвалась Шелли. – Примерно в десяти милях от нас.

– Да? А кажется ближе...

Ваймс нашел гору на рисунке.

– А вон та, поменьше? С двумя вершинами?

– Не знаю, как она называется, сэ, но я вижу, куда вы показываете.

– Они слишком маленькие и слишком близко друг к другу... – пробормотал Ваймс.

– Тогда пойдемте к ним, сэ. И смотрите под ноги. Наступайте только на камень. И не лезьте через завалы. Граг прав. Под завалом может быть яма, и тогда вы провалитесь.

– Так. Примерно на полпути между ними – осыпь, которая имеет забавную форму. Я буду держать прямо на нее, а вы, пожалуйста, смотрите, куда я ступаю.

Стараясь держать бумагу ровно, спотыкаясь о камни и шлепая по ледяным ручьям, Ваймс шагал по унылой долине.

– Черт подери!

– Сэр?

Ваймс посмотрел вверх бумаги.

– Я потерял Королевскую гору. Вид загораживают эти чертовы огромные валуны. Погодите-ка... я вижу гору, из которой как будто вынут кусок...

А казалось, все будет так просто. Все и было бы просто, будь Кумская долина плоской и не заваленной камнями, похожими на гигантские шары для боулинга. Иногда небольшому отряду приходилось возвращаться, потому что путь преграждала настоящая цитадель из перепутанных, гниющих, кишачих насекомыми деревьев. Или каменная баррикада длиной с улицу. Или огромная, окутанная туманом, грохочущая яма, которая в ином месте получила бы название Ведьмина Котла, а здесь оставалась безымянной, потому что ведьм и котлов на Кумскую долину не напасешься.

Мошки кусались, солнце палило, из-за гниющего дерева, влажного

воздуха и отсутствия ветра в долине было как в болоте, и эта липкая атмосфера как будто высасывала силу. Неудивительно, что битва произошла в другом конце долины, подумал Ваймс. Там – воздух и ветер. По крайней мере, можно сражаться со всеми удобствами.

Иногда они выбирались на пяточок попросторнее, напоминая то, что было нарисовано на картине Плутона, но окрестные горы не совпадали, а потом снова начинался лабиринт. Они искали обходной путь, и еще раз обходной путь, и опять обходной путь...

Наконец Ваймс сел на побелевшее от времени, гнилое бревно и отложил рисунок.

– Мы, наверное, где-то промахнулись, – сказал он, отдуваясь. – Или Плут неправильно нарисовал горы. Или за последние сто лет отвалился какой-нибудь здоровый кусок. Все могло случиться. Может быть, мы прошли в двадцати шагах от того, что ищем, и не заметили этого.

Он снова шлепнул себя по руке.

– Не вешайте носа, сэр. Думаю, мы уже близко, – сказала Шелли.

– Что? С чего ты взяла? – спросил Ваймс, вытирая пот со лба.

– Потому что вы сидите на картине, сэр. По-моему, это свернутый в трубку холст, хоть и очень грязный.

Ваймс быстро встал и осмотрел бревно. То, что он принял за желто-серую кору, оказалось краской...

– И эти палки... – начала Шелли и замолчала, потому что Ваймс поднес палец к губам.

Рядом действительно лежали несколько тонких длинных сосенок с обрубленными ветвями. Они остались бы незамеченными, если бы не скатанная в рулон картина...

«Граги сделали то же, что и мы, – подумал Ваймс. – Им, наверное, было проще, потому что у них больше рук, чтобы держать картину, и горы на ней правильно раскрашены, а не просто нарисованы карандашом. На большом холсте долина выглядит точнее. И спешить грагам тоже было некуда. Они думали, что изрядно опередили меня. Их беспокоил только какой-то дурацкий мистический символ...»

Он вытащил меч и жестом велел Шелли следовать за ним.

«Там не только глубинные гномы, – думал он, осторожно оглядя ближайшие валуны. – Граги не станут торчать наверху при свете дня. Сейчас поглядим, скольких они оставили на страже...»

Оказалось, что ни одного. Это была своего рода неожиданная разрядка. За камнями Ваймс увидел место, которое непременно было бы помечено крестиком, если бы только кто-нибудь додумался его пометить.

«А они чертовски самоуверенны», – подумал Ваймс. Судя по всему, гномы оттащили целую тонну камней и деревьев. В качестве доказательств рядом валялись ломы.

«А вот теперь пускай Ангва и остальные догоняют поскорей».

Прямо перед ними была дыра примерно шести футов в ширину. Поперек нее лежал стальной штырь, вложенный в два недавно вырубленных паза. Со штыря свисала, уходя в темноту, крепкая веревка. Далеко внизу слышался шум подземных вод.

– Мистер Плут был смелым человеком... – сказал Ваймс.

– Думаю, сто лет назад здесь была пробка, – заметила Шелли.

– Знаешь что? – Ваймс пинком сбросил в яму камушек. – Не забывай, что я – горожанин, который ни черта не разбирается в пещерах.

– Пробка – это когда дыру забивает всякий мусор, – терпеливо объяснила Шелли. – Мистеру Плуту, скорее всего, достаточно было просто спуститься по завалу вниз...

Вот оно, это место.

«Так... вот, значит, где Плут нашел говорящий куб», – подумал Ваймс. Не обращая внимания на протесты Шелли – в конце концов, он тут был главным, – он ухватился за веревку и спустился на несколько футов.

Там, чуть ниже порога, из скалы торчал короткий ржавый кусок железа. С него свисало несколько звеньев такой же ржавой цепи.

«Оно пело в оковах...»

– Плут написал, что эта штука была в цепях, – сказал Ваймс. – Здесь действительно есть цепь, а это, кажется, обломок ножа.

– Гномья сталь, сэр, – с легким упреком заметила Шелли. – Сохраняется долго.

– Она пробыла здесь все это время?

– Да, сэр. Думаю, вскоре после того, как здесь побывал Плут, эта яма на некоторое время превратилась в фонтан и вода вытолкнула пробку. В Кумской долине такое бывает то и дело. Э... что вы делаете, сэр?

Ваймс смотрел в темноту. Внизу бурлили незримые воды. Значит, гном с кубом влез в эту дыру? Он искал безопасное место, чтобы спрятать куб, потому что наверху бродили тролли? У боеспособного гнома наверняка был с собой кинжал. И гномы любят цепи. Да... здесь – подходящее место. И он решил, что скоро вернется...

– Ваши старики сюда лазили? – поинтересовался Ваймс, продолжая смотреть вниз.

– Старые гномы, сэр. Да. Мы крепки в любом возрасте. Вы ведь не собираетесь спускаться, сэр?

«Там должен быть боковой туннель...»

– Там должен быть боковой туннель, – сказал Ваймс. Где-то в горах прогремел гром.

– Но скоро подойдут остальные, сэр! По-моему, вы чересчур торопитесь.

«Не жди».

– Вели им следовать за мной. Мы потеряли много времени. Не могу же я весь день тут торчать.

Шелли помедлила, а потом вытащила что-то из мешочка на поясе.

– По крайней мере, возьмите вот это, сэр, – сказала она. Ваймс поймал на лету маленький сверток, который оказался на удивление тяжелым.

– Мощные спички, сэр. Они не намокают. А обертка будет гореть как факел как минимум четыре минуты. А еще там кусочек гномьего хлеба.

– Спасибо, – сказал Ваймс, обращаясь к маленькой круглой тени на фоне желтого неба. – Я просто посмотрю, не видно ли внизу света, и если нет, то сразу же вернусь. Я не настолько глуп.

Он заскользил вниз по веревке. Через каждые несколько футов на ней был узел. После душной долины воздух внизу казался обжигающе холодным. Снизу взлетали брызги.

Там действительно был туннель, прямо над водой. И Ваймс убедил себя, что вдалеке брезжит свет. Он же сказал, что не настолько глуп. Нужно...

«Отпусти».

Руки ослабили хватку. Он даже не успел выругаться, прежде чем вода сомкнулась над его головой.

Ваймс открыл глаза. Медленно – от боли – двигая руками, спустя некоторое время он нащупал собственное лицо и убедился, что глаза открыты.

Осталось ли хоть какое-нибудь местечко, которое бы не болело? Ваймс проверил и обнаружил, что не осталось. Основную мелодию вели ребра, а колени, локти и голова вносили дополнительные тремоло и арпеджио. Каждый раз, когда он ерзал, чтобы облегчить муки, боль перемещалась в другой участок тела. Голова разламывалась, как будто кто-то стучал молотком по глазам.

Он застонал и выплюнул воду.

Под ним был колючий песок. Ваймс слышал где-то рядом шум воды, но песок был просто влажным. Что-то здесь было не так.

Он рискнул перевернуться, в процессе испустив еще несколько стонов.

Ваймс хорошо помнил ледяную воду. О том, чтобы плыть, речи не шло. Можно было только свернуться клубочком, пока вода несла его, волокла и швыряла, словно бильярдный шар, по недрам Кумской долины. Один раз он преодолел подземный водопад и успел даже глотнуть воздуха, прежде чем течение потащило его дальше. А потом он ушел в глубину, и жизнь начала проноситься перед глазами, и последней мыслью было: «Ради всего святого, только не показывайте мне Мэвис Бумкинс...»

И вот он лежал на берегу, довольно далеко от воды. Но в подземелье не бывает приливов и отливов!

Значит, кто-то прятался в темноте и наблюдал за ним. Точно. Его вытащили, а теперь стоят и смотрят...

Ваймс вновь открыл глаза. Боль немного отступила, оставив вместо себя онемение. Ваймсу показалось, что прошло немало времени. Темнота, похожая на черный бархат, давила со всех сторон.

Он опять перевернулся (со стоном) и на сей раз сумел встать на четвереньки.

– Кто здесь? – проговорил он и осторожно поднялся.

Как только Ваймс оказался на ногах, мозг включился.

– Кто-нибудь тут есть?

Темнота поглотила звук. В любом случае, ну и что бы он сделал, если бы кто-нибудь ответил: «Да!»?

Ваймс вытащил меч и заковылял вперед, держа оружие перед собой. Сделав десяток шагов, он наткнулся на скалу.

– Спички. У меня есть спички.

Он нашел сверток и, медленно двигая непослушными пальцами, вытащил спичку. Сцарапав ногтем воск с головки, Ваймс чиркнул спичкой о камень.

От яркого света заболели глаза. Он быстро осмотрелся. Вода, гладкий песок, отпечатки рук и ног, ведущие прочь от воды. Только один комплект? Да. Сухие стены, маленькая пещера, темнота, выход...

Ваймс захромал по направлению к овальному туннелю, как можно быстрее, пока спичка шипела и плевалась у него в руке.

Дальше оказалась еще одна пещера, такая большая, что мрак в ней как будто поглотил весь свет, исходящий от спички.

Спичка обожгла пальцы и потухла.

Темнота вновь сомкнулась, точь-в-точь как занавес, и тогда Ваймс понял, что имели в виду гномы. Эту темноту было не сравнить с темнотой капюшона, погреба или маленькой городской шахты. Он находился глубоко под землей, и мгла навалилась на него всей тяжестью.

То и дело в невидимый водоем звонко падали капли.

Ваймс побрел вперед. Он чувствовал, что истекает кровью. Он не знал, что заставляет его идти, но понимал, что иного выхода нет.

Может быть, он увидит свет. Может быть, найдет бревно, приплывшее по течению, и выберется наружу. Он не умрет. Только не здесь, во мраке, далеко от дома.

Пещера сочилась водой. Капли падали за шиворот, со всех сторон слышалось звонкое «кап-кап». Х-ха. Вода течет по шее, а из теней доносятся странные звуки... именно так и выясняется, настоящий ты стражник или барахло, правда? Но здесь, под землей, теней не было. Потому что не было света.

Может быть, тот бедолага-гном тоже забрел сюда. Но он-то выбрался. Он знал дорогу, или у него была веревка, или он просто был молодым и сильным... в любом случае он выбрался полумертвым, запрятал сокровище подальше, а потом пошел в долину, навстречу смерти. От горя бывает и не такое. Ваймс вспомнил миссис Олдсбертон, которая сошла с ума, когда у нее умер ребенок. Она перемыла все в доме: чашки, ложки, стены, потолок. Она ничего вокруг не видела и не слышала, только трудилась день и ночь. Что-то в голове щелкает, и ты находишь себе занятие – какое угодно, только бы не думать.

Например, не думать о том, что гном выбрался именно там, где Ваймс упал. Он вообще не имел ни малейшего понятия, где находился.

Может быть, проще прыгнуть обратно в воду, на сей раз уже сознательно, и надеяться, что река вынесет его наружу, прежде чем он разобьется о камни, болтаясь в бурном потоке. Может быть...

За каким чертом он вообще отпустил веревку? Он как будто услышал тихий голос, который говорит «прыгай» человеку, стоящему на краю утеса. Никто, разумеется, его не слушает. Ну... как правило, не слушает. Голос сказал: «Отпусти веревку», и он отпустил.

Ваймс ковылял дальше, хромая и истекая кровью, а вокруг сгущались темнота.

– Он скоро вернется, – сказала Сибилла. – Пусть даже в последнюю минуту.

В коридоре большие часы только что пробили половину шестого.

– Конечно, вернется, – подтвердила Банти.

Они купали Юного Сэма.

– Сэм никогда не опаздывает, – продолжала Сибилла. – Он говорит, если хоть раз опоздаешь по серьезному поводу, потом начнешь опаздывать

вообще без всякого повода. И потом, сейчас только половина.

– Еще полно времени, – согласилась Банти.

– Фред и Шнобби уже пошли с лошадьми в долину?

– Да, Сибилла, ты сама их проводила, – ответила Банти.

Она посмотрела через голову Сибиллы на своего долговязого мужа, который стоял на пороге. Тот безнадежно пожал плечами.

– Позавчера он взбежал по лестнице, когда часы уже били шесть, – сказала Сибилла, спокойно намыливая Юного Сэма губкой в форме медвежонка. – То есть в последнюю секунду. Подождем.

...Он хотел спать. Усталость навалилась чудовищная. Ваймс рухнул на колени и опустился на песок.

Когда он заставил себя открыть глаза, то увидел наверху тусклые звезды и вновь ощутил рядом чье-то присутствие.

Он повернул голову, охнув от боли, и заметил на песке маленькое, ярко освещенное складное кресло. В нем сидела с книжкой темная фигура в плаще. Рядом стояла воткнутая в песок коса.

Костлявая рука перевернула страницу.

– Ты Смерть? – спросил Ваймс.

– А, МИСТЕР ВАЙМС. ПРОНИЦАТЕЛЬНЫ, КАК ВСЕГДА. В САМУЮ ТОЧКУ, – ответил Смерть, закладывая книжку пальцем.

– Я тебя уже видел.

– Я МНОГО РАЗ БЫВАЛ НА ВОЛОСОК ОТ ВАС, МИСТЕР ВАЙМС.

– Это конец, да?

– ВАМ НИКОГДА НЕ ПРИХОДИЛО В ГОЛОВУ, ЧТО В КНИГЕ КАК ТАКОВОЙ ВСЕГДА ЕСТЬ НЕЧТО СТРАННОЕ?

Ваймс почувствовал, что собеседник уклоняется от неприятной темы.

– Ну? – настойчиво спросил он. – Все? Сейчас я умру?

– ВОЗМОЖНО.

– Возможно? Что это значит? – поинтересовался Ваймс.

– МЕЖДУ ПРОЧИМ, Я ДАЛ ОЧЕНЬ ТОЧНЫЙ ОТВЕТ. ИЗВОЛИТЕ ВИДЕТЬ, ВЫ НАХОДИТЕСЬ НА ПОРОГЕ СМЕРТИ, И ЭТО ОЗНАЧАЕТ, ЧТО Я, В СВОЮ ОЧЕРЕДЬ, НАХОЖУСЬ НА ПОРОГЕ ВАЙМСА. НЕ ОБРАЩАЙТЕ НА МЕНЯ ВНИМАНИЯ, ДЕЛАЙТЕ СВОЕ ДЕЛО. Я ПОКА ПОЧИТАЮ.

Ваймс перекатился на живот, стиснул зубы и снова поднялся на четвереньки. Он прополз несколько футов, прежде чем вновь плюхнуться наземь.

Он услышал, как кресло скрипнуло по песку.

– Вас больше нигде не ждут? – намекнул он.

– Я ВСЮДУ, – ответил Смерть.

– Вы здесь!

– В ТОМ ЧИСЛЕ. – Смерть перевернул страницу и вздохнул – на удивление правдоподобно для существа, лишенного легких. – ОКАЗЫВАЕТСЯ, ЭТО СДЕЛАЛ ДВОРЕЦКИЙ.

– Что сделал?

– ЭТО ВЫМЫСЕЛ. СТРАННАЯ ШТУКА. ДОСТАТОЧНО ВСЕГО ЛИШЬ ОТКРЫТЬ ПОСЛЕДНЮЮ СТРАНИЦУ, ЧТОБЫ УЗНАТЬ ОТВЕТ. ЗАЧЕМ В ТАКОМ СЛУЧАЕ СОЗНАТЕЛЬНО ОСТАВАТЬСЯ В НЕВЕДЕНИИ?

Ваймсу эти рассуждения показались исключительной чужью, поэтому он не стал слушать. Боль слегка утихла, хотя голова раскалывалась по-прежнему. Во всем теле была пустота, и он страшно хотел спать.

– Часы не спешат?

– Боюсь, что нет, Сибилла.

– Я выйду и подожду во дворе. Книжка уже на столике, – сказала леди Сибилла. – Ему ничто не мешает прийти вовремя.

– Разумеется, – ответила Банти.

– Хотя в это время года в долине может быть опа... – начал ее муж и замолчал, перехватив взгляд супруги.

Было без шести минут шесть.

– Хр-р-р... гл-л-л... бр-р-р...

Звук был сдавленный и булькающий, он исходил откуда-то из кармана бриджей. Сообразив наконец, что и руки и штаны у него на месте, Ваймс полез в карман и с трудом вытащил Грушу. Коробочка была помята, а когда Ваймс открыл крышку, оказалось, что бесенок изрядно побледнел.

– Бр-р-р... грл...

Ваймс уставился на него. Раз бесенок умел говорить, это бульканье что-то значило.

– Хрл... гр-р-р...

Он медленно наклонил коробочку, и из нее полилась вода.

– Ты не слушаешь! Я ору, ору, ты не слушаешь! – пожаловался бесенок. – Без пяти шесть, пора читать книжку Юному Сэму!

Ваймс уронил коробочку на грудь и уставился на тусклые звезды.

– Читать Юному Сэму... – повторил он и закрыл глаза.

И тут же открыл.

– Читать Юному Сэму.

Звезды двигались. Это не было небо. Какое, к черту, небо. Это все та же проклятая пещера.

Ваймс одним движением поднялся на ноги. Звезд стало больше, и они ползли по стенам. Вурмы двигались к цели. По потолку уже текла сияющая река.

В голове у Ваймса тоже слегка прояснилось, пусть даже огонек сознания и угрожал потухнуть. Он посмотрел во мрак, который перестал быть непроницаемым. Этот полунепроницаемый мрак был все равно что дневной свет по сравнению с непроглядной мглой, которая окружала его раньше.

– Читать Юному Сэму, – шепотом произнес Ваймс, обращаясь к гигантским сталактитам и сталагмитам, мокрым от влаги. – Читать Юному Сэму...

Спотыкаясь и скользя в лужах, торопливо пересекая полосы белого песка, он пошел вперед.

Сибилла старалась не смотреть на встревоженные лица хозяев, когда шла через прихожую. Минутная стрелка на больших часах уже почти достигла цифры 12 и слегка дрожала.

Она распахнула входную дверь. Сэма не было ни во дворе, ни на дороге.

Часы ударили. Она услышала за спиной чьи-то шаги.

– Позвольте, я почитаю юному джентльмену, мэм? – предложил Вилликинс. – Возможно, мужской голос...

– Нет, я сама, – тихо ответила Сибилла. – Подождите здесь. Он скоро придет.

– Да, мэм.

– Он, несомненно, торопится изо всех сил.

– Я незамедлительно провожу его светлость наверх, мэм.

– Он придет.

– Да, мэм.

– Даже если ему придется пройти сквозь стену.

Сибилла достигла верхней площадки, когда бой часов затих.

Часы спешат. Ну конечно.

Юного Сэма поселили в бывшей детской – довольно мрачной комнате, в серо-коричневых тонах. Там стояла жуткая лошадка-качалка с огромными зубами и безумным стеклянным взглядом.

Мальчик стоял в кровати. Он улыбался. Но улыбка быстро сменилась

недоумением, когда Сибилла придвинула кресло и села рядом.

– Папочка попросил мамочку почитать тебе сегодня, Сэмми, – бодро объявила Сибилла. – Правда, здорово?

Ее сердце не сжалось. Это было просто невозможно, потому что оно и так уже было сжато до предела. Но сердце застонало от жалости, когда сын посмотрел на нее, на дверь, снова на нее, а потом запрокинул голову и заревел.

Ваймс брел, хромя и подпрыгивая. Вдруг он споткнулся и упал в неглубокую лужу. Он обнаружил, что под ноги ему попался гном. Мертвый. Давно. Так давно, что на нем вырос небольшой сталагмит, а сам он покрылся тонкой молочной коркой, навечно прикрепившей тело к камню, к которому оно привалилось.

– Читать Юному Сэму, – сказал Ваймс, пристально глядя на окаменевший шлем.

Неподалеку, на песке, валялась гномья секира. В голову Ваймсу приходили не самые связные мысли, но он слышал впереди какой-то шум, и инстинкт, старый как мир, подсказал, что оружия не бывает слишком много.

Он подобрал секиру, покрытую тонким слоем ржавчины. Вокруг на полу пещеры виднелись и другие бугорки и холмики – когда Ваймс стал приглядываться, это оказались...

Некогда. Надо читать Юному Сэму.

В конце пещеры начинался подъем, небольшой, но опасный, потому что по нему стекала вода. Лезть было трудно, но Ваймс опирался на секиру. «Решай проблемы по мере поступления. Взобраться на горку. Читать Юному Сэму».

А потом он услышал крик.

Это кричал его сын.

Крик заполнил сознание.

«Они будут гореть...»

Перед мысленным взором Ваймса предстала лестница, бесконечно уходящая вверх, в темноту. Плача и ругаясь, спотыкаясь на каждом шагу, Ваймс взобрался на пригорок. Перед ним открылась еще одна огромная пещера. В ней кишели гномы. Пещера походила на шахту...

В нескольких шагах от Ваймса, у которого перед глазами покачивались и прыгали ягнята, стояли четверо гномов. Они уставились на это нежданное окровавленное, шатающееся видение, которое неуверенно держало в одной руке меч, а в другой секиру.

У них тоже были топоры. Но неведомое существо взглянуло на них и спросило:

– Где моя коровка?..

Они попятились.

– Где моя коровка? – требовательно спросило существо, нетвердо шагая вперед, и печально покачало головой. – Бе-е! Это же овечка...

Оно упало на колени, стиснуло зубы, обратило лицо кверху, а потом, словно под нестерпимой пыткой, словно умоляя всех богов на свете, возопило:

– Это! Не! Коровка!

По пещере раскатилось эхо, проникло сквозь сплошной камень, так огромна была стоявшая за ним сила, растопило горы, прокатилось на много миль. Юный Сэм в мрачной детской перестал плакать и огляделся, счастливый, хоть и озадаченный. К великому удивлению отчаявшейся матери, он вдруг сказал: «Па!»

Гномы попятились. Вурмы на потолке продолжали прибывать, окружая пришельца зеленовато-белым светом.

– Где моя коровка? Ты моя коровка? – продолжал незнакомец, наступая на гномов.

Во всех уголках пещеры работа прекратилась. Гномы медлили. Но, в конце концов, противник был лишь один, и в головы закралась очевидная мысль: что, мы так и будем стоять? Эта мысль еще не эволюционировала до «что, я так и буду стоять?». И потом, где его коровка? Разве здесь внизу водятся коровы?

– Иго-го! Это же лошадка! Это не коровка!

Гномы переглянулись. Лошадка? Кто-нибудь видел лошадку? Кто еще тут есть?

Четверо стражей отправились за советом. Глубинные гномы, сбившись кучкой, яростно шептались и наблюдали за приближающимся человеком...

Но Ваймс видел только пушистых крольчат и крякающих уток.

Он снова упал на колени. Он смотрел в землю и плакал.

Вперед выступили с полдюжину темных стражей. Один из них нес стреляющую огнем трубку. Он осторожно приблизился к чужаку. Пламя, вырывавшееся из ствола, озаряло пещеру ярким светом.

Чужак поднял голову. Огонь отражался алым в его глазах.

Он прорычал:

– Где моя коровка?..

А потом швырнул секиру и попал в мешок с горючей жидкостью.

– Урр-ргх!

«Уг!» – сказал Юный Сэм. Мать обняла его, безмолвно глядя в стену.

Горящее масло брызнуло во все стороны. Несколько капель попали Ваймсу на руку, и он их смахнул. Было больно, очень больно, но он осознавал боль точно так же, как осознавал, что Луна существует. Боль была рядом, но в то же время где-то далеко и не имела к нему никакого отношения.

– Это не коровка! – провозгласил он, вставая.

Он шагал вперед, через лужи горящего масла, сквозь алый дым, мимо гномов, которые отчаянно катались по земле, сбивая пламя. Он как будто что-то искал.

К нему бросились еще двое стражей. Как будто не замечая их, Ваймс пригнулся и завертел мечом над головой. Перед его глазами качался маленький ягненок...

Какой-то гном, сохранивший, в отличие от остальных, способность здраво мыслить, схватил арбалет. Он уже прицелился, когда вокруг зашелестели летучие мыши, и ему пришлось отвлечься, чтобы отогнать их. Он снова поднял арбалет – и услышал звук, похожий на шлепок туши о колоду. Обнаженная женщина подхватила его и швырнула через всю пещеру. Как только перепуганный гном схватился за топор, женщина с улыбкой растворилась в облаке летучих мышей.

Вокруг орали, но Ваймс не обращал на крики никакого внимания. В дыму бегали гномы, он просто отбрасывал их. Наконец он нашел то, что искал...

– Где моя коровка?! Му-у!

Подобрав упавший топор, Ваймс перешел на бег.

– Вот моя коровка!

Граги сгрудились в кольце стражей, в ужасе сбившись кучкой, но глаза Ваймса пылали, и языки пламени срывались со шлема. Гном, державший в руках огнемет, бросил оружие и удрал.

– Ура, ура, чудесный день, вот моя коровка!

Потом говорили, что, наверное, в этом-то и было дело. От берсерка нет защиты, он дерется насмерть, он безумен... но *не настолько*. Четверо стражников, не успевших спохватиться, пали от меча и топора, остальные разбежались.

Ваймс остановился перед испуганными старыми грагами, занес оружие над головой...

...и замер, как статуя.

Ночь. Вечная. Во мраке – город, укрытый тенями, лишь отчасти

реальный. Существо притаилось в аллее, где клубится туман.

Этого не могло случиться!

И все-таки случилось. Улицы вдруг наполнились животными и птицами. Они меняли форму. Кричали и пищали. А над ними – выше крыши – в небе размашистыми замедленными движениями туда-сюда покачивался ягненок, грохоча по мостовой...

А потом упала железная решетка, преградив путь, и существо отлетело назад.

А оно уже подобралось так близко, уже проникло внутрь, начало обретать власть... и вдруг...

В темноте, сквозь шум непрекращающегося дождя послышался звук шагов. Ближе и ближе.

В тумане появилась тень.

Она приближалась.

С металлического шлема и промасленного кожаного плаща стекала вода. Фигура остановилась, невозмутимо заслонила лицо ладонью и закурила сигару. Спичка зашипела, упав на булыжники. Фигура спросила:

– Кто ты?

Существо заизвивалось, как рыба в глубоком пруду. Оно слишком устало, чтобы бежать.

– Я – Призывающая Тьма.

На самом деле оно не умело говорить – но если бы умело, это прозвучало бы как шипение.

– А ты кто такой?

– Я – Стражник.

– Они хотели убить твою семью.

Темнота набросилась – и получила отпор.

– Подумай, скольких они убили! Откуда ты взялся и почему мешаешь мне?

– Он меня создал. *Quis custodiet ipsos custodes?* «Кто сторожит стражей?» Я. Я сторожу его. Всегда. И ты не заставишь его убивать по твоему желанию.

– Кем нужно быть, чтобы держать в голове собственного Стражника?

– Человеком, который боится Тьмы.

– Правильно боится, – с удовлетворением заметило существо.

– О да. Но ты, кажется, неправильно понял. Я нужен не для того, чтобы не впускать тьму внутрь. Я нужен, чтобы не выпускать ее наружу.

Лязнул металл, когда сумрачный стражник поднял фонарь и открыл

маленькую заслонку. Темноту прорезал оранжевый свет.

– Зови меня... Стережущей Тьмой. Представляешь, какова моя сила?

Призывающая Тьма отчаянно попыталась в аллею, но свет преследовал ее, сжигал...

– А теперь, – сказал Стражник, – убирайся из моего города.

...и он упал, когда на спину ему приземлился вервольф.

Из пасти у Ангвы текла слюна. Шерсть вдоль хребта стояла дыбом, напоминая лезвие пилы. Оттянутые губы дрожали. Рык как будто доносился из подземных недр. Все вместе взятое предупреждало любого антропоида, что двинуться означает умереть. Стоять на месте тоже означало умереть, но, по крайней мере, не сейчас, не прямо сию секунду, и любой умный антропоид избрал бы именно этот вариант.

Ваймс не двигался. От волчьего рыка у него разом застыли все мышцы. Им владел ужас.

«Поздравляю», – прозвучал голос, который принадлежал не ему, и он вдруг понял, что чего-то недостает, хотя раньше, когда эта штука была здесь, он не замечал ее присутствия. В темноте, окутывавшей мозг, мелькнул и исчез какой-то темный плавник.

Послышался легкий взвизг, и тяжесть перестала давить на спину. Ваймс перекатился и увидел, как в воздухе исчезают расплывчатые очертания глаза с хвостом. Знак превратился в ничто, и всепоглощающая тьма сменилась светом факелов и вурмов. В пещере пролилась кровь, и вурмы сползались...

Прошло еще некоторое время. Ваймс наконец очнулся.

– Я читал Юному Сэму, – сказал он – больше для того, чтобы убедить самого себя.

– Да, сэр, – прозвучал за спиной голос Ангвы. – Притом очень громко. Мы были более чем в двухстах ярдах отсюда. Здорóво, сэр. Но мы решили, что вам пора отдохнуть...

– Что именно было здорово? – уточнил Ваймс, пытаясь сесть. От этого движения мир наполнился болью, но все-таки он успел быстро осмотреться, прежде чем плюхнуться обратно.

В пещере было много дыма, но теперь уже горели настоящие факелы – там и сям. А вдалеке толпились гномы: одни сидели, другие стояли кучками.

– Почему здесь столько гномов, сержант? – спросил Ваймс, глядя в потолок. – Точнее, почему здесь столько гномов и почему они не пытаются нас убить?

– Это подданные Короля-под-Горой, сэр. Мы вроде как их пленники, сэр... э... но не совсем...

– Пленники Риса?! Черта с два. – Ваймс попытался подняться. – Я, в конце концов, спас ему жизнь!

Он кое-как выпрямился, но тут мир закружился, и Ваймс упал бы, если бы Ангва не подхватила его и не усадила на камень. Ну по крайней мере, он сидел прямо.

– Мы не совсем пленники, – повторила Ангва. – Мы никуда не можем уйти, поскольку мы все равно не знаем, куда идти, это не так уж и плохо. Прошу прощения, сэр, что я в одной рубашке, сами знаете, как у нас бывает. Гномы обещали разыскать мои доспехи. Э... в дело замешалась политика, сэр. Гном, который тут главный, вроде приличный тип, но он придерживается исключительно того, что знает, а знает он немного. Вы помните хоть что-нибудь из того, что тут было? Вы отрубались минут на двадцать...

– Да... тут были... ягнята. – Ваймс замолчал. Что-то в его словах показалось ему самому неправдоподобным. – Никаких ягнят не было, да?

– Лично я не видела, – тактично ответила Ангва. – Зато видела вопящего маньяка с топором, сэр.

Она подумала и добавила:

– Не обижайтесь.

Мысленным взором Ваймс впервые окинул события, которые начали выплывать из памяти.

– Я... – начал он.

– Все... ну, почти в порядке, сэр, – быстро сказала Ангва. – Пойдемте, я хочу вам кое-что показать. Грохссон говорит, вы непременно должны посмотреть.

– Грохссон... наш гном-всезнайка, если не ошибаюсь?

– Ага, память возвращается, – заметила Ангва. – Прекрасно. Грохссон слегка беспокоился.

Ваймс уже уверенней держался на ногах, но правое запястье чертовски болело, да и прочая накопленная за день боль вернулась и весело помахивала ручкой. Ангва осторожно вела его среди луж и камней, скользких как мокрый мрамор, пока они не дошли до сталагмита высотой примерно в восемь футов.

Это был тролль. Не камень в форме тролля, а тролль. Тролли окончательно каменеют после смерти. Ваймс знал это. Черты мертвого тролля были смягчены молочным налетом, накапавшим сверху.

– Только посмотрите, сэр... – сказала Ангва, ведя его дальше. – Граги

пытались их разбить...

Ваймс увидел еще один сталагмит, который лежал на боку в луже, отломанный у основания. И это был мертвый гном.

После смерти гномы разлагаются, как и люди, но благодаря доспеху, кольчуге, цепям и одеждам из толстой кожи для стороннего наблюдателя особой разницы не было. Капель застыла на гноме блестящей дымкой.

Ваймс выпрямился и окинул взглядом пещеру. В сумраке виднелись фигуры – они тянулись вплоть до ближайшей стены, где многолетние потеки слились в прекрасный водопад цвета слоновой кости, застывший во времени.

– Здесь есть и еще?..

– Примерно двадцать гномов и троллей, сэр. Половину граги успели разбить, прежде чем вы... появились. Посмотрите вон туда, сэр. Их хорошо видно. Они сидят спина к спине.

Ваймс уставился на покрытые каменной глазурью фигуры и покачал головой.

Гном и тролль. Рядом. Окаменевшие.

– У нас есть какая-нибудь еда? – спросил он. Благоговения в этих словах было немного, зато Ваймс произнес их с искренним чувством: они исходили не от души, а из желудка.

– Мы потеряли провизию в суматохе, сэр. Но гномы не прочь поделиться. Они довольно дружелюбные, сэр. Просто осторожничают.

– Поделиться? Гномьим хлебом?

– Боюсь, что да, сэр.

– А я думал, кормить им пленных воспрещается. Спасибо, я, пожалуй, подожду. Расскажи-ка мне поподробнее про «суматоху», сержант.

Это не то чтобы была засада, гномы Риса просто шли по пятам за стражниками. Их командир получил довольно расплывчатый приказ: следовать за Ваймсом и остальными – и атмосфера заметно накалилась, когда оказалось, что в числе «остальных» два тролля. В конце концов, Кумская долина есть Кумская долина. Ваймс посочувствовал бедняге капитану: он получил относительно несложное задание, и вдруг в дело вмешалась политика. Плавали, знаем.

И тогда вперед выступил граг Грохссон, который не лез за словом в карман. Раз уж они все равно шли в одну сторону...

Путь оказался долгим. Удиравшие гномы обрушили потолок неподалеку от входа в туннель, и на путешествие, которое заняло у Ваймса несколько минут, преследователи потратили остаток дня, пусть даже

впереди шла Салли. Ангва говорила о больших пещерах, об огромных подземных водопадах. Ваймс отвечал: да, знаю.

А потом под Кумской долиной загремело: «Где моя коровка?», сотрясая вековые камни, так что даже сталактиты сочувственно загудели, и остальное стало лишь вопросом времени...

– Я помню, как читал Юному Сэму, – медленно произнес Ваймс. – У меня в голове были... странные картинки.

Он замолчал. Гнев и обжигающая ярость струились из него потоком, опережая мысли.

– Я поубивал тех стражей...

– Да, почти всех, сэра, – бодро отозвалась Ангва. – А несколько простых гномов, которые попались вам под руку, оклемаются через полгода.

Да, Ваймс начинал припоминать – хоть и без особого желания. В глубине души человек всегда против драки с гномами. Они же ростом с ребенка. Да, гномы при этом не слабее людей, и крепче, и пользуются в бою любым преимуществом, и, если повезет, ты усвоишь эту истину, прежде чем тебе подрубят колени, но все же...

– Я помню тех старых грагов, – сказал Ваймс. – Они корчились от страха, как маленькие дети. Я хотел их зарубить...

– Вы замерли на четыре секунды, сэра, и тогда я вас свалила.

– Хорошо, что так вышло, да?

– Да, сэра. Поэтому вы еще живы, командор, – сказал Грохссон, выходя из-за сталагмита. – Рад видеть вас на ногах. Сегодня исторический день. И вдобавок вы не утратили душу. Разве это не приятно?

– А теперь послушайте меня... – начал Ваймс.

– Нет, *вы* послушайте, командор. Да, я знал, что вы бы все равно отправились в Кумскую долину, потому что сюда должна была прийти Призывающая Тьма. Нет, *слушайте* меня, у нас мало времени. Знак Призывающей Тьмы вызывает к жизни существо, древнее как мир. Но у него нет тела, нет собственной физической силы; оно может преодолеть миллион измерений за одну секунду, но не в состоянии проползти по комнате. Оно действует посредством других живых существ, особенно тех, кого удастся... покорить. Оно нашло вас, командор, когда вы кипели гневом, и по каким-то крошечным признакам поняло, что вы намерены отправиться в долину.

– Я ему верю, сэра, – быстро сказала Ангва. – Призывающая Тьма – это та штука, которую призвал в качестве проклятия умирающий гном. Помните? Тот, который начертил знак собственной кровью. На запертой

двери. А вы...

– Эта дверь словно обожгла меня, когда я ее коснулся. Да, помню... – произнес Ваймс. – Вы имеете в виду, что там, за дверью... ох, боги.

– Я не сомневаюсь, что гном к тому времени уже умер, – перебила Ангва. – Мы никак не смогли бы его спасти.

– Мудрошлем сказал... – начал Ваймс, и Грохссон, должно быть, заметил ужас в его глазах, потому что схватил Ваймса за обе руки и заговорил быстро и настойчиво:

– Нет. Вы не убивали Мудрошлема. Вы к нему даже не притронулись. Вы боялись, что я всем расскажу, если вы примените силу. Помните?

– Он упал мертвым! По-вашему, я не применил к нему силу? – заорал Ваймс. Его голос эхом разлетелся по пещере, и все головы дружно повернулись. – Там ведь был этот чертов знак!

– Да, да, это... создание склонно оставлять свою... подпись на месте событий, но вы должны были дотронуться до Мудрошлема, чтобы повредить ему. А вы не дотронулись. Даже руку не подняли. Вы даже тогда удержались! Удержались и победили! Вы меня слышите? Успокойтесь. Сейчас же. Мудрошлем умер от страха и от раскаяния. Вы должны это понять.

– А в чем ему было раскаиваться?

– Во многом, с точки зрения любого гнома. Шахта буквально давила на него... – Граг повернулся к Ангве. – Сержант, принесите командору воды. В подводных озерах она самая чистая. Только, пожалуйста, выберите озеро, в котором не плавают какой-нибудь труп.

– Вот этого вы могли бы и не говорить, – намекнул Ваймс. Он сел на камень и почувствовал, что весь дрожит.

– Значит, я привел треклятую Тьму сюда? – спросил он.

– Да, командор. А она, в свою очередь, привела вас. Шелли видела, как вы упали в воду примерно в полумиле отсюда. Даже чемпион по плаванию не выжил бы в подземной реке.

– Я очнулся на берегу...

– Эта штука вас сюда доставила. Она управляла вашим телом.

– Да, но я весь исколотился о камни!

– Она не обязана беречь свою жертву, командор. Ей было нужно доставить вас живым. Необязательно невредимым. А потом... вы ее разочаровали. Очень сильно. Или, наоборот, впечатлили. Трудно сказать. Вы не стали убивать беспомощных. Вы устояли. Я велел сержанту Ангве прыгать, потому что боялся, что от внутреннего напряжения у вас жилы полопаются.

– Это были просто перепуганные старые гномы...

– Тьма вас отпустила, – продолжал граг. – И я не понимаю почему. До сих пор все, кем овладевала Призывающая Тьма, умирали, лишившись рассудка.

Ваймс взял у Ангвы кружку с водой. От нее ломило зубы. Ничего вкуснее он до сих пор не пил. Ум работал быстро, призывая на помощь последние остатки здравого смысла. Так всегда бывает, когда пытаешься не сойти с ума и внушить себе, что ничего не было, а если и было, то ничего серьезного.

Все это мистика, вот что. Да, может быть, Грохссон говорит правду, но кто докажет? Нужно верить только в то, что видишь. И старательно напоминать себе об этом. Да, да. Что случилось на самом деле? Ты видел какие-то знаки? Если ты уже на нервах, померещится и не такое. Даже овца может показаться коровой.

А что касается всего остального... да, Грохссон приличный гном, но необязательно смотреть на мир так же, как и он. То же касается и мистера Блеска. Иначе совсем рехнешься.

Он беспокоился о Юном Сэме и, увидев темных стражей, разумеется, бросился в бой. В последнее время он почти забыл об отдыхе. Что ни час, возникала новая проблема. В таком состоянии сознание играет странные штуки. Выжить в подземной реке? Да запросто. Видимо, он как-то сумел удержаться на поверхности. Тело, не желающее умереть, способно на многое.

Ну вот. Стоит немного подумать логически, и мистика становится... проще. Перестаешь ощущать себя марионеткой и вновь делаешься человеком, которым движет некая цель.

Ваймс поставил наземь пустую кружку и встал. Очень целенаправленно.

– Пойду посмотрю, как там мои люди, – заявил он.

– Я с вами, – быстро сказал Грохссон.

– Мне не нужна помощь, – как можно спокойнее ответил Ваймс.

– Не сомневаюсь, что *вам* она не нужна, – сказал гном. – Но капитан Гуд слегка нервничает.

– И еще не так занервничает, если мне не понравится то, что я увижу.

– Именно поэтому я иду с вами, – произнес Грохссон.

Ваймс зашагал через пещеру – чуть быстрее, чем следовало по состоянию тела. Граг вприпрыжку следовал за ним.

– Вы меня плохо знаете, мистер Грохссон, – прорычал Ваймс. – Не думайте, что я пожалел тех сукиных детей. Не думайте, что я такой

жалостливый. Просто... нельзя убивать безоружных. Нельзя.

– Темные стражи, кажется, не испытывали никаких сомнений по этому поводу, – заметил Грохссон.

– *Вот именно!* Кстати, мистер Грохссон, а почему вы не носите топор?

– Поскольку я граг, мое главное оружие – голос, – ответил тот. – И потом, топор ничто без руки, а рука ничто без направляющего ума. Мне достаточно думать о топоре.

– Какая-то мистика.

– Да. Вот мы и пришли.

Они стояли в той части пещеры, которую заняли новоприбывшие гномы. Вид у них был весьма воинственный с точки зрения Ваймса. Они перестроились в оборонительную позицию. «Вы не знаете, кто тут ваш враг. И я не знаю».

Ближайший гном окинул его таким знакомым взглядом – отчасти дерзким, отчасти смущенным – и выпрямился. Ваймс посмотрел через плечо капитана Гуда (что нетрудно было сделать). У стены, сбившись кучкой, сидели Шнобби, Фред Колон, оба тролля и даже Шелли.

– Мои бойцы под арестом, капитан? – уточнил Ваймс.

– Мне было приказано задержать всех, кого я здесь обнаружу, – ответил тот. Ваймс восхитился его бесстрашием. Это значило, что капитан Гуд не расположен к диалогу.

– Кто за вами стоит, капитан? – спросил он.

– Король-под-Горой, закон подземья и шестьдесят вооруженных гномов.

«Черт подери, – подумал Ваймс. – Я забыл про законы подземья. А это проблема. Кажется, придется распределить полномочия. Хорошему командору необязательно решать все задачи самому. Вот и пускай эту задачу решает капитан Гуд».

– Хорошо сказано, капитан, – сказал он. – Я уважаю ваши права.

Одним движением Ваймс протиснулся мимо и зашагал к своим. Он застыл на месте, когда услышал лязг меча, вытаскиваемого из ножен, поднял руки и сказал:

– Граг Грохссон, пожалуйста, разъясните капитану ситуацию. Я ступил в его зону ответственности, а отнюдь не вышел из нее. Сейчас не время и не место для необдуманных действий.

Он двинулся дальше, не дожидаясь ответа. Строго говоря, полагаться на то, что капитан попадет в неприятности, если кого-нибудь убьет, тоже было в некоторой мере необдуманным действием, но Ваймс решил, что он уж как-нибудь переживет.

Ну, или не переживет.

Он склонился над Шнобби и Колоном.

– Простите, мистер Ваймс, – сказал Фред. – Мы ждали на тропе с лошадьми, и тут они повылазили. Мы показали гномам значки, но они не стали и слушать.

– Понятно. Как дела, Шелли?

– Я подумала, что лучше держаться всем вместе, сэр, – горячо ответила та.

– Ясно. А ты, Дет... – Ваймс опустил взгляд и почувствовал прилив ярости. Кирпичу и Детриту сковали ноги.

– И вы позволили надеть на себя цепи? – поинтересовался он.

– Это, типа, политика, мистер Ваймс, – отозвался Детрит. – Только прикажите – и мы их снимем, сэр, никаких проблем. Это, можно сказать, игрушка, а не цепь. Да моя бабушка и то ее порвет.

Ваймс заставил себя успокоиться. Детрит вел себя гораздо разумнее, чем он.

– Не надо, пока я не скажу. А где граги?

– Их стерегут в соседней пещере, сэр, – сказала Шелли. – И простых гномов тоже. Сэр, они сказали, что сюда идет сам Король-под-Горой!

– Хорошо, что пещера большая, иначе места всем не хватит, – заметил Ваймс. Он подошел к капитану и слегка пригнулся.

– Ты сковал моего сержанта?

– Он тролль. Мы в Кумской долине, – спокойно ответил капитан Гуд.

– Да, но вы надели на него цепь, которую могу порвать даже я...

Он поднял голову. Салли и Ангва как ни в чем не бывало сидели в натуральном виде (то есть в доспехах) и внимательно наблюдали за Ваймсом.

– Эти два стражника – вампир и вервольф, – произнес он тем же спокойным тоном. – Вы, как я вижу, в курсе. Вы очень мудро поступили, не притронувшись к ним. А Грохссон – граг. Но вы надели на моего сержанта тонкие цепи, которые он может разорвать одним пальцем. Тогда вы бы убили его якобы при попытке к бегству. Не пытайтесь отрицать. Я умею распознавать грязную игру. Знаете, что я сейчас сделаю? Я дам вам шанс выказать братскую любовь. Отпустите троллей сию же минуту. И всех остальных. Иначе, если только вы меня не убьете, я по мере сил постараюсь испортить вам карьеру. А убить меня вы не посмеете.

Капитан смерил его презрительным взглядом, но в этом искусстве Ваймс уже давным-давно достиг совершенства. Взгляд гнома упал на руку Ваймса; он издал стон и поспешно отступил, вскинув руки.

– Да! Сейчас все сделаю!

– Уж постарайся, – напутствовал Ваймс, слегка озадаченный. А потом тоже посмотрел на свое запястье.

– Это что за чертовщина? – спросил он, повернувшись к Грохссону.

– А. Призывающая Тьма оставила на вас свой след, командор, – ответил граг. – Выходное отверстие, можно сказать.

На мягкой коже запястья, с внутренней стороны, свежим рубцом горел знак Призывающей Тьмы.

Ваймс повернул руку туда-сюда.

– То есть эта тварь все-таки настоящая?

– Да. Но теперь она ушла. Я в этом уверен. Вы иначе держитесь, чем раньше.

Ваймс потер рубец. Больно не было. Просто покрасневшая припухшая кожа.

– Она ведь больше не вернется? – спросил он.

– Сомневаюсь, что она рискнет, сэр, – ответила Ангва.

Ваймс открыл рот, намереваясь спросить, к чему тут сарказм, но тут в пещеру ввалились еще гномы. Самые рослые и плечистые из всех, каких он только видел. В отличие от большинства обычных гномов, они носили простые кольчуги и были вооружены только топорами – большими, отменно сбалансированными. Прочие гномы щетинились множеством различных видов оружия. А у новоприбывших *множеством* казался единственный топор. Они разделились и целенаправленно зашагали по пещере, выстраиваясь в ряды, разгоняя тени. Четверо заняли позицию позади Детрита и Кирпича.

Когда все они наконец с лязгом замерли, из туннеля вышла еще одна группа. Ваймс узнал Риса – Короля-под-Горой. Гном остановился, осмотрелся, мельком взглянул на Ваймса и жестом подозвал капитана Гуда.

– Нашли?

– Ваше величество? – нервно переспросил тот.

– Вы ведь меня поняли, капитан.

– Да, ваше величество. Только мы ничего не нашли, хотя всех обыскали и три раза осмотрели весь пол.

– Прошу прощения, – перебил Ваймс.

– Командор Ваймс! – воскликнул Рис, оборачиваясь и глядя на него, как на давно утраченного сына. – Как приятно вас видеть!

– Вы, черт возьми, потеряли куб? – поинтересовался Ваймс. – Мы столько пережили, а *вы потеряли куб?*

– Какой куб, командор?

Ваймс воистину восхитился актерскими способностями Риса.

– Тот самый, который вы искали, – сказал он. – Тот, который вырыли в Анк-Морпорке. Тот, из-за которого столько шума. Они не могли его выкинуть, потому что они граги. Уничтожать слова нельзя, у вас это самое страшное преступление. Значит, куб где-то здесь.

Король-под-Горой пристально взглянул на капитана Гуда. Тот сглотнул.

– Его нет в пещере, – пробормотал он.

– Они не оставили бы его ни в каком другом месте! – сказал Ваймс. – Только не сейчас! Значит, кто-то еще его нашел!

Злополучный капитан обернулся к королю, тщетно ища помощи.

– Когда мы пришли, здесь царила паника, ваше величество! – запротестовал он. – Все бегали и вопили, кругом были огонь и хаос! Самое большее, что мы могли сделать, это убедиться, что никто не покинул пещеру. Мы всех обыскали, ваше величество. Обыскали их всех!

Ваймс закрыл глаза. Воспоминания быстро угасали, по мере того как здравый смысл стирал из памяти те вещи, которые *не могли* случиться, но все-таки он припомнил перепуганных грагов, столпившихся вокруг... вокруг чего? Вправду ли ему померещились сине-зеленые искорки?

Придется рискнуть...

– Капрал Шноббс, ко мне! – крикнул он. – Пропусти его, капитан. Я настаиваю.

Гуд не стал возражать. Его дух был сломлен. Шноббси неохотно подошел.

– Что, мистер Ваймс? – спросил он.

– Капрал Шноббс, ты нашел ту ценную вещь, которую я поручил твоим заботам? – спросил Ваймс.

– Э... что именно, сэр? – уточнил Шноббси.

У Ваймса сжалось сердце. Лицо Шноббси было открытой книгой – правда, запрещенного цензурой жанра.

– Шноббси, иногда я мирюсь с твоими штучками. Так вот, это не тот случай, – сказал Ваймс. – Ты нашел ту вещь, которую я *просил тебя поискать*?

Шноббси посмотрел ему в глаза.

– Я?.. А, да. Да, сэр! Ну да... мы вбежали, сэр, и это... все тут бегали, и было полно дыма... – Шноббси просиял, его губы беззвучно задвигались в муках творчества, – и... и... и я храбро сражался, а потом вдруг увидел, как по полу покатила какая-то яркая штука, и... я подумал: ну надо же, это та самая яркая штука, которую мистер Ваймс велел поискать... вот она, сэр,

целая и невредимая.

Он вытащил из кармана маленький переливающийся куб.

Ваймс оказался проворнее короля. Он быстро протянул руку, схватил куб и мгновенно сжал его в кулаке.

– Молодчина, капрал Шноббс, благодарю за то, что ты точно выполнил приказ, – сказал он и подавил усмешку, когда Шноббс безупречно отсалютовал.

– Эта вещь принадлежит гномам, командор Ваймс, – спокойно произнес Король-под-Горой.

Ваймс разжал кулак. Куб, всего двух дюймов в поперечнике, посверкивал зеленым и синим, точь-в-точь бронза, которая от старости покрылась красивыми зелеными, синими и коричневыми разводами. Настоящая драгоценность...

«Он король, – подумал Ваймс. – Король на троне, напоминающем лошадку-качалку. И любезности Рису явно недостает. Король – это должность, при которой любезность линяет быстро. Он внедрил в мою Стражу шпиона! Больше никогда не стану доверять королям. Но кому я могу довериться прямо сейчас? Себе. Я знаю твердо: никакой чертов демон не заберется мне в голову, что бы там ни говорили. Я не поддамся, как бы они ни старались. Никто не властен над моей головой, кроме меня. Но играть приходится теми картами, какие тебе сдали...»

– Возьмите, – сказал он, протягивая руку.

На запястье горел знак Призывающей Тьмы.

– Прошу, отдайте его мне, командор, – произнес Рис.

– Возьмите, – повторил Ваймс. И подумал: «Сейчас посмотрим, во что веришь ты».

Король протянул руку, помедлил, отстранился...

– Наверное, будет лучше оставить куб на вашем прославленном попечении, командор Ваймс, – сказал он, как будто эта мысль внезапно пришла ему в голову.

– О да. Я хочу послушать, что он скажет. – Ваймс снова сжал кулак. – Я хочу выяснить, что, по мнению грагов, было слишком опасно знать...

– Я тоже, – произнес король. – Мы перенесем куб в такое место, где...

– Посмотрите вокруг, ваше величество! – загремел Ваймс. – Здесь умирали гномы и тролли! Они не сражались, а ждали смерти плечо к плечу! Оглянитесь! Эта пещера, будь она проклята, похожа на доску для игры! Если они оставили нам завещание, мы его выслушаем! Здесь! Сейчас!

– А если оно слишком страшное?

– И все-таки мы его выслушаем.

– Я – король, Ваймс! У вас здесь нет никакой власти! Это не Анк-Морпорк! Вы бросаете мне вызов, располагая лишь горсткой стражников, в то время как ваши жена и ребенок не далее чем в десяти милях отсюда...

Рис замолчал. Из дальних пещер долетело многослойное эхо, и наконец воцарилась тишина, режущая, как сталь...

Краем уха Ваймс услышал, как Салли проговорила:

– Ох...

Грохссон поспешно выскочил вперед и что-то зашептал на ухо королю. Лицо гнома изменилось, как может измениться только лицо политика. На нем появилось добродушное, хоть и осторожное выражение.

«Я ничего не стану делать, – подумал Ваймс. – Буду просто стоять на месте...»

– Э... я с нетерпением жду новой встречи с леди Сибиллой, – произнес Рис. – И с вашим сыном, разумеется.

– Они не далее чем в десяти милях отсюда, – сказал Ваймс. – Сержант Задранец!

– Да, сэр? – отозвалась Шелли.

– Пожалуйста, возьми с собой младшего констебля Хампединг и отправляйся в город. Передай леди Сибилле, что все в порядке, – добавил Ваймс, не сводя глаз с короля. – Ступай. Сейчас же.

Когда Шелли и Салли ушли, король улыбнулся и обвел взглядом пещеру. Он вздохнул.

– Я не могу позволить себе ссору с Анк-Морпорком. Только не теперь. Ну хорошо, командор. Вы знаете, как заставить куб говорить?

– Нет. А вы?

«Это игра, да? – подумал Ваймс. – Король ни от кого не потерпел бы такой наглости, особенно при численном превосходстве в десять раз. Ссориться с Анк-Морпорком? Да тебе было бы достаточно сказать, что нас застигла буря в Кумской долине, это ведь такое опасное место, как всем известно. «Мы скорбим по нему и, несомненно, передадим родным тело, если однажды его обнаружим...» Но вы даже не станете пытаться, не так ли? Потому что я вам нужен. Вы что-то такое знаете. Поэтому, что бы ни случилось, вам нужен старый честный Сэм Ваймс, который хоть и не семи пядей во лбу, но способен широко разнести слово истины...»

– Все кубы разные, – сказал Рис. – Обычно они содержат слова, но иногда – дыхание, звуки, температуру, образ, запах дождя... что угодно. Насколько мне известно, есть множество кубов, которые так и не удалось раскрыть.

– Но конкретно этот куб болтал не умолкая. И тот, кто вынес его из долины, *хотел*, чтобы куб слышали, поэтому я сомневаюсь, что тут требуется слеза девственницы после дождичка в четверг. Учтите, наш куб заговорил с человеком, который не знал ни слова на гномьем.

– Но, разумеется, тот, кто создал куб, хотел, чтобы его слышали гномы! – возразил король.

– Это легенда двухтысячелетней давности! Мы не знаем, кто и чего хотел! Тебе чего?

Вопрос был обращен к Шнобби, который стоял рядом и с интересом смотрел на куб.

– Как он... как он прошел мимо стражи? – поинтересовался король.

– Просочился, – объяснил Ваймс и добавил, когда двое смущенных стражников опустили тяжелые ладони на плечи Шнобби: – Нет, оставьте его. Ну, Шнобби, давай, скажи что-нибудь, чтобы эта штука заговорила.

– Э... говори, или тебе же будет хуже, – произнес Шнобби.

– Неплохо для начала, – одобрил Ваймс. – Сомневаюсь, ваше величество, что сто лет назад в Анк-Морпорке кто-нибудь умел бегло говорить на гномьем или тролльем. Может быть, послание было адресовано именно людям? На равнине наверняка стояло человеческое поселение, там ведь столько рыбы и птиц...

– Тогда, может быть, э... Шнобби скажет еще что-нибудь? – предложил король.

– Ну... открывайся, оживай, валяй, лопочи, колись...

– Нет-нет, мистер Ваймс, он неправильно говорит, – вмешался Фред Колон. – Дело ведь было в старину, так? Значит, и слова должны быть старинные, например... э... «Реки!»

Ваймс засмеялся, но тут ему кое-что пришло в голову. «Да, возможно, – подумал он. – Возможно, дело вообще не в словах, а в звуках. В шумах...»

Грохссон, с озадаченным выражением лица, наблюдал за попытками.

– Как по-гномьи будет «открыть», мистер Грохссон? – спросил Ваймс.

– Например, «открыть книгу»? «Дхве».

– Хм. Не подходит. А если... «говорить»?

– «Паркгх», а в повелительном наклонении «пирк», командор. Но я сомневаюсь, что...

– Прошу тишины, – властно перебил Ваймс.

Шум затих.

И тогда он сказал:

– ПИСК!

Сине-зеленые огоньки перестали мерцать и задвигались, складываясь в узор из синих и зеленых квадратов.

– А я думал, что Плут не знал гномьего языка, – сказал король.

– Зато хорошо знал цыплячий. Потом объясню.

– Капитан, тащи сюда грагов, – велел Рис. – И пленников. Троллей в том числе. Все должны слышать.

Куб словно изучал Ваймса. Зеленые и синие квадраты как будто слегка выдавались над поверхностью металла.

Послышался скрип, похожий на звучание гномьего языка, хотя Ваймс и не мог разобрать ни слова. Затем раздался громкий двойной стук.

Куб заговорил вновь. Одновременно с тем, как катились древние скрипучие слова, Грохссон переводил:

– Первое, что сделал Так, – он написал себя. Второе, что сделал Так, – он написал Законы. Третье, что сделал Так, – он написал Мир. Четвертое, что сделал Так, – он написал пещеру. Пятое, что сделал Так, – он написал жеоду, каменное яйцо. И в сумеречном чреве пещеры из жеоды вылупились Братья. Первый Брат пошел на свет и встал под открытым небом...

– Это же просто «Что написал Так», – шепнула Ангва Ваймсу. Тот пожал плечами, наблюдая за стражниками, которые загоняли в круг грагов. Среди них был и Пламен.

– То есть ничего нового? – разочарованно спросил он.

– Всякий гном знает эту историю, сэр.

– ...он стал первым Гномом, – продолжал Грохссон. – Он нашел Законы, которые написал Так, и погрузился во тьму...

Голос не умолкал, и вдруг Грохссон, который до сих пор переводил, сосредоточенно закрыв глаза, удивленно распахнул их.

– Э... Потом Так посмотрел на камень, который пытался ожить. Так улыбнулся и написал: «Всякая вещь борется за жизнь». – Грохссон повысил голос, чтобы перекричать нарастающий вокруг шум. – И за услугу, которую оказал ему камень, Так превратил его в первого тролля и позволил радоваться жизни, которая пришла к нему сама. Вот то, что написал Так! – Грохссон уже кричал, потому что в пещере стоял гул.

Ваймс чувствовал себя лишним. Буквально все вокруг, кроме него, спорили. В руках уже мелькали топоры...

– Я – БХРИАН КРОВАВЫЙ ТОПОР, И Я ОБРАЩАЮСЬ К ВАМ КАК ИСТИННЫЙ КОРОЛЬ ГНОМОВ ПО ПРАВУ КОРОЛЕВСКОЙ ЛЕПЕШКИ! – прокричал Грохссон.

Пещера затихла, только из дальних углов еще доносилось эхо.

– Поток унес нас в пещеры. Мы искали друг друга, перекликаясь в

темноте. Мы умираем. Наши тела истерзаны каменными зубьями. Мы слишком слабы, чтобы выбраться. Вода повсюду. Наше завещание мы вверяем молодому Рукисиле, который ослабел меньше остальных. Мы надеемся, что он увидит свет, ибо история этого дня не должна быть забыта. Мы пришли в Кумскую долину, чтобы заключить мир. Это был наш секрет, наш многолетний кропотливый труд!

Куб замолчал. Но в нем слышались слабые стоны и шум воды.

– Ваше величество, я утверждаю, что его нельзя слушать! – заорал Пламен, стоя среди грагов. – Это сплошная ложь! В этих словах нет ни капли правды! Кто докажет, что куб действительно говорит голосом Кровавого Топора?

«Капитан Гуд, кажется, сомневается, – подумал Ваймс. – А королевская гвардия? Ну, эти ребята на вид из тех, кто всегда служит верно и не задумывается о политике. Зато простые гномы злы и растеряны, потому что граги вопят... Кажется, дело вот-вот примет скверный оборот».

– Стража, ко мне! – гаркнул он.

Посторонние шумы в кубе утихли, заговорил другой голос. Детрит быстро вскинул голову.

– Эта древний троллий! – сообщил он.

Грохссон на мгновение помедлил, а затем продолжал.

– Э... я – Алмаз, король троллей, – сказал он, в отчаянии глядя на Ваймса. – Воистину, мы пришли, чтобы заключить мир. Но нас окутал туман, а когда он развеялся, кто-то закричал: «Засада!» Гномы и тролли принялись сражаться, не слушая наших приказов. Тролль убивал тролля, гном убивал гнома, по воле глупцов мы все стали глупцами и сражались, чтобы остановить бой, пока разгневанное небо не смыло нас долой... И теперь мы обращаемся к вам. Здесь, в этой пещере, на краю мира, гном и тролль заключили мирный договор и рука об руку пойдут навстречу Смерти. Потому что враги – это не тролли и не гномы. Наши враги – это злобные, трусливые, нетерпимые клеветники, которые поступают дурно и утверждают, что это хорошо. Мы сражались с ними сегодня. Но упрямый дурак вечен. Он скажет, что...

– Это какой-то фокус! – крикнул Пламен.

– ...это какой-то фокус, – переводил Грохссон. – Посему мы заклинаем вас: спуститесь в пещеры под долиной и посмотрите, как мы вместе покоимся в мире, который ничто не нарушит.

Раскатистый голос замолк. Послышалось приглушенное бормотание, и наконец наступила тишина.

Сине-зеленые квадратики вновь задвигались, как фрагменты

головоломки, и куб зазвучал опять. На сей раз он издавал крики, вопли, грохот...

Ваймс наблюдал за лицом Короля-под-Горой. «Кое-что ты знал, да. Не все. Но, кажется, ты не удивился, когда заговорил Бхриан. Слухи? Старые легенды? Какие-то записи в хрониках? Ты ведь не расскажешь...»

– *Хад'ра*, – произнес Грохссон, и куб замолчал. – Это значит «остановись», командор.

– И вот мы в пещерах, – презрительно заметил Пламен. – И что же мы нашли?

– Вас, – ответил Грохссон. – Мы всякий раз находим вас.

– Мертвые тролли. Мертвые гномы. И ничего, кроме голоса, – продолжал Пламен. – Анк-Морпорк есть Анк-Морпорк. Ему неведома честь. Быть может, этот куб создали не далее чем вчера!

Король смотрел на Пламена и Грохссона. Как и остальные гномы. Ваймсу захотелось крикнуть: «Нечего стоять тут и спорить! Прикажите заковать чертовых грагов, а потом уже разберемся!»

Но быть гномом – значит чтить слова и закон...

– Это – почтенные граги. – Пламен указал на закутанные фигуры. – Они изучали наши предания. Изучали кубы. Перед вами стоит воплощенная мудрость тысячелетий. А вы кто такие? Что вы знаете?

– Вы пришли, чтобы уничтожить правду, – ответил Грохссон. – Вы осмелились ей не поверить. Голос сам по себе ничего не доказывает, зато доказывают эти мертвецы. Вы пришли сюда, чтобы уничтожить их.

Пламен выхватил у стоявшего рядом гнома топор и принялся размахивать им, прежде чем кто-либо из стражников успел спохватиться. Когда наконец все опомнились, гномы кучей двинулись вперед...

– Нет! – крикнул Грохссон. – Ваше величество, пожалуйста! Это спор грагов!

– У тебя даже нет топора! – прорычал Пламен.

– Мне не нужен топор, чтобы быть гномом, – ответил Грохссон. – Мне не нужно ненавидеть троллей, чтобы быть гномом. Никакое разумное существо не станет жить ненавистью.

– Ты наносишь нам удар в самое сердце! В сердце!

– Ну, так дай сдачи, – предложил Грохссон, протягивая руки. – И уберите меч, командор Ваймс, – добавил он, не оборачиваясь. – Это наше гномье дело. Ну, Пламен? Я здесь, прямо перед тобой. Скажи, во что ты веришь? *Ха'ак! Га страк джа'ада!*

Ардемент метнулся вперед, воздев топор. Послышался звук удара чего-то о плоть, и глазам неподвижных зрителей предстала живая картина. Пламен

с занесенным над головой топором. И Грохссон, который, припав на одно колено, почти дружески прижимался головой к груди противника, в то время как его ладонь, повернутая ребром, застыла, впечатавшись в горло Пламена...

Пламен открыл рот, но издал только хрип. По подбородку потекла струйка крови. Пламен попятился и упал. Топор упал на белый окаменевший водопад, расколов тысячелетние потеки. Время разлетелось осколками...

Грохссон выпрямился, с удивленным видом массируя руку.

– Это все равно что драться топором, – сказал он, ни к кому в отдельности не обращаясь, – только без топора...

Снова поднялся шум, но тут сквозь толпу пробился какой-то гном, насквозь мокрый.

– Ваше величество, в долине тролли! Они спрашивают вас! Говорят, что готовы вступить в переговоры.

Рис перешагнул через Пламена, внимательно всматриваясь в дыру, пробитую в каменном водопаде. Под его рукой отвалился еще кусок...

– В их предводителе нет ничего необычного? – задумчиво спросил он, по-прежнему глядя в темноту.

– Есть, ваше величество. Он... весь светится!

– Ага. Ясно, – сказал Король-под-Горой. – Будут ему переговоры. Ведите его сюда.

– То есть этот тролль знаком с кое-какими весьма влиятельными гномами? – намекнул Ваймс.

Король-под-Горой на мгновение встретился с ним взглядом.

– Да, – сказал он и возвысил голос: – Кто-нибудь, принесите факел! Командор Ваймс, пожалуйста, взгляните.

В глубине пещеры, скрытой за окаменелым водопадом, что-то мерцало.

В этот самый день, в 1802 году, художник Методия Плут бросил сверкающую штукловину в самый глубокий колодец в округе, чтоб никто ее не слышал. Потом Цыпленок погнал его домой.

«В легенде все было бы намного проще, – подумал Ваймс. – Меч извлечен из камня, волшебное кольцо брошено в глубины моря, следует всеобщее ликование, мир переворачивается».

Но это была жизнь. Мир не перевернулся, он просто завертелся чуть быстрее. Настал день Кумской битвы, но в Кумской долине не произошло

сражения. Впрочем, там не царил и мир. В долине кишели... делегации. Шли переговоры. Тем не менее до сих пор, насколько мог судить Ваймс, дело не продвинулось особенно далеко – во всяком случае, не дальше назначения встреч. С другой стороны, никто не умер. Разве что от скуки.

Предстояло вытащить на свет изрядный кусок истории, а те, кто не был занят этим деликатным вопросом, тем временем могли развлечься, укрощая Кумскую долину. В подземной пещере находились два национальных героя; достаточно было одной хорошей бури и пары прорванных завалов, чтобы поток, несущий гигантские валуны, стер пещеру с лица земли. До сих пор этого не произошло, но рано или поздно динамическая география Кумской долины должна была взять реванш. Поэтому Кумскую долину больше нельзя было предоставлять самой себе.

Повсюду, куда ни глянь, трудились бригады гномов и троллей – рыли отводные каналы, строили плотины, бурили камень. Они работали уже третий день, но труд предстоял бесконечный, потому что каждую зиму долина выбрасывала новые фокусы. Она буквально *вынуждала* к сотрудничеству.

Запрудить Кумскую долину...

С точки зрения Ваймса, это было слишком банально, но природа вообще такова. Иногда закаты бывают розовые до безвкусицы.

Зато рытье туннеля продвигалось быстро. Гномы с легкостью пробивались сквозь мягкий известняк, и теперь в пещеру можно было пройти напрямик – предварительно отстояв длинную очередь, сплошь из гномов и троллей. Те, кто стоял в очереди, посматривали друг на друга, мягко выражаясь, с сомнением. Те же, кто возвращался наверх, обычно были злы, или на грани слез, или просто смотрели в землю. Выйдя на поверхность, они собирались молчаливыми кучками.

Ваймсу, с Юным Сэмом на руках, не пришлось стоять в очереди. Новости быстро распространялись. Он прошагал мимо гномов и троллей, старательно складывавших из кусочков сломанные сталагмиты (которые, судя по всему, могли простоять как новенькие еще лет пятьсот), и вошел в пещеру, отныне известную под названием Королевской.

И там сидели *они*. Никто не смог бы усомниться. Король гномов согнулся над доской, навеки застыв под тысячелетними потеками, и его борода слилась с камнем, но алмазный король троллей и в смерти сохранил прямую осанку, хоть и подернулся дымкой. Можно было разглядеть стоявшую перед королями игру. Тролль не успел сделать свой ход, из его вытянутой руки свисал маленький сталагмит.

Они использовали вместо фигурок сталагмитики, а потом застыли с

ними в вечности. Процарапанные на каменной доске линии сделались почти невидимыми, но любители «Шмяка», гномы и тролли, уже ломали голову над этой задачей, и схема «Королевской партии» в тот же день появилась в «Таймс». Король троллей играл за гномов. Судя по всему, игра могла завершиться в пользу любого из противников.

Поговаривали, что пещеру закроют, когда все желающие там побывают. По словам гномов, обилие посетителей убивает живую пещеру. И тогда королей оставят в темноте (и, если повезет, – в покое) доигрывать начатую партию.

Вода капает на камень, постепенно изменяя форму мира и стирая с лица земли долины...

«Да, да, – подумал Ваймс. – Но не все так просто. Для каждого нового поколения пещеру придется открывать заново, чтобы все узнали правду».

Сегодня, в любом случае, она была открыта для Ваймса и Юного Сэма, который щеголял в красивой шерстяной шапочке с помпоном.

На страже стояли Кирпич и Салли, а с ними – несколько гномов и два тролля. Они наблюдали за потоком посетителей и друг за другом. Потолок покрывали вурмы. Игральная доска сверкала. Что запомнит Юный Сэм? Наверное, только блеск. Но все-таки нужно было показать это мальчику...

По крайней мере, обе стороны сошлись на том, что короли – подлинные. Резьба на теле алмазного короля и доспехи Кровавого Топора были точь-в-точь такими, как гласила история. Даже продолговатая буханка боевого гномьего хлеба, вполне способная проломить череп тролля, лежала рядом с Бхрианом. Гномьи ученые осторожно и тщательно (затупив пятнадцать пил) отделили от нее крошечный кусочек. Как ни удивительно, хлеб оказался точно таким же несъедобным, как и в тот день, когда его испекли.

Ваймс решил, что одной минуты вполне достаточно для исторического момента. Юный Сэм достиг того возраста, когда дети тащат в рот все подряд. Не хватало только, чтобы он съел культурное наследие.

– Можно тебя на пару слов, младший констебль, когда сменишься с поста? – сказал он, повернувшись к Салли.

– Конечно, сэр, – ответила та.

Ваймс отошел в угол пещеры и подождал, пока не пришла смена во главе с Фредом Колоном и Шнобби.

– Рада, что вступила в Стражу, младший констебль? – поинтересовался он, когда Салли подошла к нему.

– Да, сэр!

– Прекрасно. Давай-ка лучше выйдем на свет.

Она последовала за ним вверх по склону, в теплые и влажные объятия Кумской долины. Ваймс сел на камень и взглянул на Салли. Юный Сэм играл у его ног.

Он спросил:

– Ничего не хочешь мне сказать, младший констебль?

– А надо, сэр?

– Я, разумеется, ничего не смогу доказать. Но ты – агент Короля-под-Горой, не правда ли? Ты за мной шпионила.

Салли задумалась. Над головой эскадрильями шныряли ласточки.

– Э... я выразилась бы иначе, сэр, – наконец произнесла она. – Я наблюдала за Бедроломом, потом узнала про шахты под городом, а когда все завертелось...

– ...ты поступила в Стражу, потому что решила, что это хорошая идея, – закончил Сэм. – Лига в курсе?

– Нет! Послушайте, сэр, я не шпионила за вами...

– Ты предупредила короля, что я направляюсь в Кумскую долину. А когда мы сюда приехали, ночью ты куда-то смоталась. Решила размять крыльшки?

– Я не шпионка, – ответила Салли. – Я служила в полиции в Бонке. Мы пытаемся хоть как-то изменить жизнь к лучшему! И я действительно хотела побывать в Анк-Морпорке, потому что... ну, все этого хотят. Я хотела научиться. Узнать, как у вас это получается. Все говорят о Сэме Ваймсе с таким уважением! А потом Король-под-Горой вызвал меня, и я подумала: что плохого? От Бедролома и в Бонке были неприятности. Э... я никогда вам не врала, сэр.

– Рис и сам уже знал о секрете Долины, да? – уточнил Ваймс.

– Нет, сэр. Но, наверное, он подозревал, что здесь что-то такое кроется.

– Тогда почему он просто не пошел и не проверил?

– Если бы гномы принялись копать в Кумской долине, сэр, тролли бы взбеленились.

– Но тролли бы не пикнули, если бы гномы просто пошли по пятам за анк-морпоркским копом, который ловит в пещере преступников? Особенно если этот коп – старый добрый Сэм Ваймс, который, конечно, не семи пядей во лбу, зато прям как стрела? Сэма Ваймса нельзя подкупить, но можно заморочить...

– Сэр, я понимаю, что вы обижены, но... посмотрите, ваш мальчик играет в Кумской долине, а вокруг гномы и тролли, и они не дерутся. Правда, здорово? Я не лгала вам, сэр, я просто... слегка подправила тут и

там. Разве оно того не стоило? Вы всерьез их переполошили, когда обратились к волшебникам. Мистер Блеск на тот момент еще не покинул город, и Рису пришлось послать за ним метлу! Они последовали вашему примеру, не более того. Единственный, кто ввел вас в заблуждение, – это я... и не то чтобы я особенно преуспела. Они все нуждались в вас, сэр. Посмотрите вокруг и скажите, что оно того не стоило...

В сотне ярдов от них по камням громыхал валун размером с дом. Его толкали и направляли полтора десятка троллей. Валун угодил в дыру и заткнул ее, как пробка. Тролли крикнули: «Ура!»

– И, кстати, сэр, – заметила Салли, – я *знаю*, что у меня за спиной стоит Ангва.

– *Сержант* Ангва, – поправила та. – Меня тоже не надуешь. Я тебя предупредила, что в Страже шпионов не любят. Впрочем, сэр, мой нос говорит, что сейчас она не врет.

– У тебя еще есть доступ к Королю-под-Горой? – спросил Ваймс.

– Да, и я уверена, что он...

– Тогда передай мои требования. Граги и уцелевшие стражи вернутся в Анк-Морпорк со мной. В том числе Пламен, хотя, насколько я знаю, заговорить он сможет не раньше, чем через пару месяцев. Все они предстанут перед Ветинари. Я исполняю свой долг, и никто меня не остановит. Далеко не все обвинения удастся доказать, но я, черт возьми, попытаюсь. А поскольку я готов прозакладывать месячное жалованье, что Ветинари тут изрядно замешан, он, скорее всего, вернет грагов Рису. И уж у короля-то найдется для них достаточно глубокая камера. Ты меня поняла?

– Да, сэр. Еще указания будут?

– Если не поймет с первого раза, повтори погромче. Ясно?

– Да, сэр. Кстати... мне, видимо, придется подать в отставку?

Ваймс прищурился.

– Ты уйдешь в отставку, когда я тебе разрешу, младший констебль! Не забывай, что ты взяла Королевский Шиллинг! И принесла присягу! Поэтому ступай и... подправляй.

– Вы оставите ее в Страже? – уточнила Ангва, когда Салли скрылась.

– Ты сама сказала, что она хороший стражник. Посмотрим. И не надо кривиться, сержант. Когда в политике неладно, все начинают шпионить друг за другом. Так я слышал, по крайней мере. И потом, вспомни слова Салли и посмотри вокруг.

– Это как-то не похоже на вас, сэр, – сказала Ангва, тревожно взглянув на него.

– Не сомневаюсь. Во-первых, я выспался. Во-вторых, сегодня

отличный день. Никто не пытается меня убить, что очень приятно. Спасибо за помощь, сержант, и хорошего тебе вечера.

Ваймс поднял Юного Сэма на руки. Тем лучше, что Салли работала на Риса. Иначе препятствий могло оказаться больше, факт. Оставить ее в Страже? Может быть. Даже Ангва признала, что Салли весьма полезна. И потом, Ваймса, в столь опасное время, буквально вынудили взять в Стражу шпиона. И если теперь он правильно разыграет карты, *никто и никогда* больше не посмеет диктовать ему, кого принимать в Стражу. И пускай Дорин Подмиггинс стучит своими вставными клыками сколько вздумается.

Ох, боги... неужели Ветинари все время думает *так*?

Ваймс услышал, что его окликают. По камням катила карета, и из окошка махала Сибилла. Это тоже был признак прогресса – теперь в долину могли проезжать экипажи.

– Ты ведь не забыл про сегодняшний ужин? – подозрительно спросила Сибилла.

– Нет, дорогая.

Ваймс действительно не забыл, но надеялся, что проблема исчезнет сама собой, если о ней не думать. Ужин предстоял официальный, в присутствии обеих королей и уймы мелких правителей. К сожалению, за столом должен был сидеть и официальный представитель Анк-Морпорка. То есть Сэм Ваймс – отдраенный до блеска.

По крайней мере, удалось обойтись без перьев и лосин. Даже Сибилла была не настолько предусмотрительна. К сожалению, в городке все-таки нашелся приличный портной, который вознамерился пустить в дело всю золотую тесьму, которую купил по дешевке пару лет назад.

– Когда мы вернемся, Вилликинс уже приготовит ванну, – сказала Сибилла, когда карета тронулась.

– Да, дорогая.

– И не будь таким мрачным! Не забывай, что ты поддерживаешь честь Анк-Морпорка.

– Правда, дорогая? А другой рукой можно почесаться? – спросил Ваймс, откидываясь на спинку сиденья.

– Сэм! Сегодня вечером ты будешь ужинать с королями!

«Я бы предпочел брести в полном одиночестве по улице Паточной шахты в три часа ночи, – подумал Ваймс. – Под дождем. Мимо переполненных сточных канав». Но Сибилла упорно выталкивала мужа в люди. Она... гордилась им. Ваймс никогда не мог понять отчего.

Он посмотрел на запястье. По крайней мере, с этим-то он разобрался. Скажут тоже, «выходное отверстие». Просто на руку плеснуло горящее

масло. Пускай рубец и впрямь немного смахивал на чертов знак – достаточно, чтобы перепугать гномов, – но Ваймсу не помеха никакой летающий глаз с хвостом. Здравый смысл и факты – вот что главное.

Спустя некоторое время до него дошло, что они едут не в город. Карета достигла озер и вновь начала подниматься по горной дороге. Внизу распахнулась долина...

Рис и мистер Блеск не давали спуску своим подданным: усталый меньше настроен драться. Рабочие бригады кишели по всей долине, как муравьи. Может быть, они действовали по какому-то плану. И даже скорее всего. Но зимой горы просто посмеялись бы над любыми начинаниями. В долине постоянно нужно было держать рабочих, непрестанно лазать по склонам, находить и дробить опасные валуны, прежде чем те успеют наделать бед.

«Помни Кумскую долину. Потому что, если ты забудешь... то сам станешь историей.

И, может быть, в громе и грохоте подземных вод услышишь смех мертвых королей».

Карета остановилась, и Сибилла открыла дверцу.

– Выходи, Сэм Ваймс, – велела она. – И не спорь. Пора наконец позировать для портрета.

– Прямо здесь? Но... – начал Ваймс.

– Добрый фечер, командор, – бодро сказал Отто Шрик, появляясь перед ним. – Я постафил скамейку, и сфет падает именно так, как надо!

Ваймс признал, что Отто прав. В грозовом свете горы сверкали как золото. Вдалеке серебряной лентой падал водопад Слезы Короля. В воздухе сновали яркие птицы. И над всей долиной висели радуги.

Кумская долина в день Кумской битвы. Он просто обязан был оказаться здесь...

– Пошалюста, пускай фаша сфетлость сядет с малышом на руках, а вы, командор, станьте рядом и полошите руку ей на плешо... – Отто суетился вокруг с большим черным иконографом.

– Отто приехал, чтобы сделать несколько картинок для «Таймс», – прошептала Сибилла. – И я подумала... ну, сейчас или никогда. Изобразительное искусство тоже должно идти в ногу со временем.

– Сколько времени тебе нужно? – поинтересовался Ваймс.

– Всего одна секунда, командор, – ответил Отто.

Ваймс приободрился. Вот это уже другое дело.

Разумеется, секундой не обошлось, но вечер стоял теплый, и Ваймс не возражал. Они с Сибиллой сидели и смотрели прямо перед собой с

застывшими улыбками, как положено людям, гадающим, отчего «одна секунда» превратилась в полчаса. Отто тем временем суетился вокруг иконографа и сердился на непослушный пейзаж.

– Хэвлок наверняка будет ломать голову, как тебя наградить, – прошептала Сибилла, пока Отто суетился вокруг.

– Пусть ломает голову дальше, – ответил Ваймс. – У меня есть все, что нужно.

Он улыбнулся.

Щелк.

– Шестьдесят новых стражников? – уточнил патриций Ветинари.

– Такова цена мирной жизни, сэр, – энергично отозвался капитан Моркоу. – И командор Ваймс не согласится на меньшее. Мы просто сбиваемся с ног.

– Шестьдесят человек – а также, несомненно, гномов и троллей – это больше трети вашего нынешнего состава, – заметил патриций, постукивая тростью по булыжникам. – Мирная жизнь предъявляет крупный счет, капитан.

– И приносит мало дохода, сэр.

Они оба взглянули на знак – перечеркнутый кружок, – нарисованный над дверью шахты, сразу над черно-желтым ограждением, которое натянула Стража, чтобы отогнать любопытных.

– Эта шахта по умолчанию отходит городу? – уточнил Ветинари.

– Полагаю, что так, сэр. Если не ошибаюсь, это называется «суверенное право».

– О да. Иными словами, правительство совершает неприкрытый грабеж.

– Граги выкупили у города право собственности, но вряд ли теперь они придут и потребуют свое.

– Ты прав. А что, гномы действительно умеют делать водонепроницаемые двери?

– Да, сэр. Примерно с тех же самых пор, как и прокладывать шахты. Не желаете ли зайти внутрь? К сожалению, подъемник не работает...

Патриций Ветинари рассматривал перила и маленькие тележки, на которых гномы вывозили отвал. Он пощупал сухую стену. Потом вновь поднялся по лестнице и нахмурился, когда кусок железа, весом не меньше тонны, выскочил из стены, просвистел мимо его носа, пробил противоположную стену и вылетел на улицу.

– Это было запланировано? – уточнил патриций, стряхивая с одежды

пыль.

Чей-то голос у него за спиной восторженно завопил:

– Вот это да! Невозможно! Потрясающе!

Кто-то пролез сквозь пролом в стене и бросился к капитану Моркоу, буквально трепеща от радостного волнения.

– Сверло совершает оборот каждые 6,9 секунды, но сила вращения просто невероятная. Оно сорвалось с зажима! Представляете, какая силища?

– Не представляю, – ответил Моркоу. – В Убервальде...

– Простите, о чем вообще речь? – перебил патриций Ветинари, властно поднимая руку.

Незнакомец посмотрел на него и повернулся к Моркоу.

– Это кто такой? – спросил он.

– Патриций Ветинари, *правитель Анк-Морпорка*, позвольте представить вам мистера Пони из гильдии механиков, – поспешно сказал Моркоу. – Пожалуйста, покажите его светлости Вал, мистер Пони.

– Благодарю, – ответил Ветинари и взял штуку, которую мистер Пони держал в руке. Она напоминала два скрепленных вместе кубика, примерно шести дюймов каждый, точь-в-точь две игральные кости, склеенные «шестерками». Но один из кубиков вращался относительно другого. Очень медленно.

– А, – бесстрастно произнес патриций. – Мило...

– Мило? – повторил Пони. – Вы разве не понимаете? Он способен вращаться вечно.

Моркоу и Пони выжидающе посмотрели на патриция.

– То есть это хорошо? – уточнил тот.

Моркоу кашлянул.

– Да, сэр. Такая вот штуковина обслуживает одну из самых больших шахт в Убервальде. Все насосы, вентиляторы, которые перегоняют воздух, тележки, которые вывозят руду, кузнечные мехи, подъемники... иными словами, все. Один-единственный Вал. Валы – тоже Устройства, как и кубы. Мы не знаем, как они сделаны, они очень редко попадают, но те три штуки, о которых я слышал, непрерывно работают уже сотни лет. Валам не нужно топливо... вообще ничего не нужно. Говорят, им миллионы лет, и никто не знает, кто их создал. Они... просто вращаются.

– Как интересно, – сказал Ветинари. – Они толкают тележки? Под землей?

– Да, – ответил Моркоу. – Не только с рудой, но и с шахтерами.

– Я подумую, – произнес патриций, игнорируя протянутую руку

мистера Пони. – Что эта штука даст нам?

Ветинари и Моркоу вопросительно взглянули на мистера Пони. Тот пожал плечами и ответил:

– Все.

Капля воды звонко упала на голову давным-давно почившего короля Бхриана Кровавого Топора.

– И долго нам здесь еще торчать, сержант? – поинтересовался Шнобби, наблюдая за длинной вереницей, неторопливо бредущей мимо мертвых королей.

– Мистер Ваймс послал в город за сменой, – ответил Фред Колон, переминаясь с ноги на ногу. Сначала в пещере казалось тепло, но потом липкая сырость начинала пробираться до костей. Шнобби, впрочем, от этого не страдал, поскольку был липким и сырым от природы.

– У меня уже мурашки по коже, сержант, – пожаловался Шнобби, указывая на королей. – Если он шевельнется, я заору.

– Думай о том, что Ты Тут Был И Все Видел, Шнобби.

– Я много где был, сержант.

– Да, но когда будут писать учебники истории, то... – Фред Колон замолчал. Он был вынужден признать, что в учебнике вряд ли упомянут его и Шнобби. – В любом случае Беллочка будет тобой гордиться.

– Не знаю, сержант, – грустно ответил Шнобби. – Она славная девушка, но, боюсь, мне придется как-нибудь поаккуратней ее отшить.

– Да ты что!

– Ну да, сержант. Недавно она решила угостить меня ужином и попыталась приготовить Расстройственный пудинг, как моя мамаша.

Кап.

Фред Колон улыбнулся, начиная с желудка.

– О да... никто не мог замутить Расстройственный пудинг лучше твоей мамаша, Шнобби.

– У Беллочки ничего не получилось, Фред, – пожаловался Шнобби, качая головой. – А Смясной пирог... в общем, лучше не упоминать. Беллочка не из тех, кто часто возится у плиты.

– Да уж, Шнобби, ей привычней шест, что правда, то правда.

– И я подумал... что касается старушки Тянитолкай... конечно, никогда толком не поймешь, куда она смотрит... зато она готовит такие ракушки в масле... – Шнобби вздохнул.

– Это весьма греет душу, да, – согласился Фред.

– И знаешь, когда она колотила меня рыбиной, было совсем не

больно... – продолжал Шнобби. – По-моему, мы даже достигли некоторого взаимопонимания.

Кап.

– Верити может разбить омара кулаком, – сказал Колон. – Очень полезное умение.

– Поэтому я и решил поговорить с Ангвой, – произнес Шнобби. – Пускай посоветует, как поделикатнее отшить Беллочку.

– Хорошая идея, Шнобби, – одобрил Фред. – Эй, ничего не трогайте, сэр, иначе я вам пальцы отрублю!

Эти слова, произнесенные самым дружелюбным тоном, были обращены к гному, который благоговейно потянулся к игровой доске.

– Но, разумеется, мы с Беллочкой останемся друзьями, – продолжал Шнобби, когда гном шархнулся. – Пока у меня будет бесплатный вход в «Розовую киску», моя жилетка – ну или кольчуга – всегда в ее распоряжении, если она вдруг захочет поплакаться.

– Ты очень современно мыслишь, Шнобби, – похвалил Фред и улыбнулся в темноте.

Все возвращалось на круги своя.

Кап.

...По миру бродил вечный тролль.

Кирпич плелся за Детритом, волоча за собой дубинку.

Ета, он прям как поднялся на пару ступенек. Говорят, типа, бывает нехорошо, когда бросаешь нюхать и все такое, но Кирпичу всю жизнь было нехорошо, и прямо сейчас, ета, вроде как даже отпустило. Он странно себя чувствовал, потому что, ета, мог додумать предложение до конца, не позабыв начало. И его кормили. Он это оценил, когда наконец перестал блевать. Сержант Детрит, который знал все на свете, сказал Кирпичу, что если он бросит торчать и поумнеет, то однажды, типа, станет ажно младшим констеблем и будет зашибать кучу денег.

Кирпич сам толком, ета, не понимал, что стряслось. Он взял и, типа, свалил из города, потом, типа, была драчка, а потом сержант Детрит показал ему всяких мертвых гномов и троллей, стукнул по башке и сказал: «Помни!» – и Кирпич, ета, изо всех сил постарался запомнить, но его в жизни столько били по башке, притом намного сильнее, что на сей раз он, в общем, почти не почувствовал. Но сержант Детрит, ета, сказал, что больше не надо ненавидеть гномов, и Кирпич не возражал, потому что, честно говоря, у него никогда не хватало сил кого-нибудь ненавидеть. А еще сержант Детрит сказал, что тут, в пещере, они, типа, делают мир лучше.

И, по мнению Кирпича, в очередной раз почувшего еду, сержант Детрит был, эта, совершенно прав.

Тролли и гномы выстроили в долине огромный круглый дом, сложив стены из гигантских валунов, а для крыши растащив половину завалов. Внутри трещал костер тридцати ярдов в длину. На длинных скамьях сидели короли более чем сотни гномьих шахт и вожди восьмидесяти тролльих кланов, все – со своими приближенными, слугами и телохранителями. Шум стоял невероятный, дым висел пеленой, жаром так и сшибало.

Это был удачный день, отмеченный несомненными успехами. Пускай гномы и тролли сидели порознь, но, во всяком случае, они не пытались друг друга убить. Многообещающее начало. Обе стороны соблюдали перемирие.

Сидя за главным столом, король Рис откинулся на спинку самодельного трона и сказал:

– Королю не выдвигают требований. Короля *просят*. А король, в свою очередь, изъявляет милостивое согласие. Неужели он не понимает?

– Боюсь, сэр, ему на это *тра’ака*, прошу прощения, – ответил граг Грохссон, почтительно стоявший подле. – И гномьи старейшины из Анк-Морпорка его вполне поддерживают. Не мое дело, сэр, но я все-таки советую уступить.

– И больше он ничего не хочет? Ему не нужны золото, серебро, земли?

– Нет, сэр, лично ему больше ничего не надо. Но я не сомневаюсь, что вскоре вы получите весточку от патриция Ветинари.

– Да уж, – отозвался король и вздохнул. – Мы живем в новом мире, граг, но некоторые вещи не меняются. Кстати... э... та штука его покинула?

– Полагаю, что да, сэр.

– Ты не знаешь наверняка?

Граг чуть заметно улыбнулся.

– Я думаю, лучше всего ответить согласием на его разумную просьбу, ваше величество.

– Я понял намек, граг. Спасибо.

Король Рис повернулся, склонился через два незанятых места и спросил у Алмазного короля:

– Как вы думаете, с ними ничего не случилось? Уже начало седьмого!

Мистер Блеск улыбнулся, озарив зал светом.

– Думаю, их задержало дело чрезвычайной важности.

– Важнее, чем *мы*? – сердито уточнил король гномов.

...И поскольку некоторые вещи действительно очень важны, перед домом городского судьи наготове стояла карета. Лошади нетерпеливо топали, кучер ждал. Леди Сибилла, сидя в комнате, штопала носок. На ее лице плавала легкая улыбка.

Потому что некоторые вещи действительно очень важны.

А из открытого окна детской несся голос Сэма Ваймса: «Урр-ргх! Это бегемотик! Это не коровка!»

И этого было вполне достаточно.

notes

СНОСКИ

Ваймс признавал, что в случае со Шнобби все далеко не так ясно. Шнобби, как и большинство других стражников, был человеком, хотя и вынужденным носить с собой документ, подтверждающий это.

Что зачастую выражалось в репликах типа: «Старина Фред решил, что теперь его назначат охранять кладовую, вот он и согласился». Поскольку это образчик служебного юмора, ему необязательно быть смешным.

3

Анойя – анк-морпорская богиня вещей, которые застревают в ящиках.

Ваймсу никогда не давались игры сложнее дартса. Особенно его раздражали шахматы. Ваймса неизменно злило, что одни пешки тупо идут убивать других, в то время как короли прохлаждаются в сторонке и ничего не делают. Если бы только пешки объединились и, например, договорились с ладьями, то на доске за десяток ходов установилась бы республика.

Ваймс завел три подноса для документов – «Входящие», «Исходящие» и «Потом разберемся». На последний он сваливал все то, с чем не желал возиться, поскольку был слишком занят, зол, устал или озадачен.

Во всяком случае, как бог высшего разряда. Не из тех, у кого щупальца.

Ваймс придерживался тактики «чистого стола». Тактики «чистого пола» придерживаться было труднее.

Тролли считают, что живые существа на самом деле движутся во времени не вперед, а назад. Это довольно замысловатая система.

Предлунарный синдром.

Этот жилой комплекс находился сразу при съезде с Парковой улицы, в районе с традиционно высокой арендной платой. Она была бы еще выше, если бы не Эмпирический Полумесяц, который, невзирая на отчаянные усилия анк-морпорского общества по сохранению исторического наследия, так и не снесли. В основном потому, что его построил Чертов Тупица Джонсон – человек, который сочетал в своем хрупком теле столько энтузиазма, заблуждений и *гениальной* бесталанности, что сделался одним из величайших героев архитектуры. Только Чертов Тупица Джонсон мог изобрести метр длиной в шестьдесят сантиметров и треугольник с тремя прямыми углами. Только Чертов Тупица Джонсон мог придать материи несуществующие измерения. И только Чертов Тупица Джонсон мог сделать это *случайно*. Его оригинальный многомерный подход к геометрии и послужил причиной возникновения Эмпирического Полумесяца. Снаружи это были нормальные дома, выстроенные из камня медового цвета; там и сям даже попадались колонны и херувимы. Но внутри... входная дверь дома номер 1 отворялась в спальню дома номер 15, из окна на первом этаже номера 3 открывался вид, приличествующий второму этажу номера 9, дым из камина в столовой дома номер 2 выходил из трубы дома номер 19.

Жители Полумесяца, не стесняясь, выбрасывали мусор из окон, поскольку, скорее всего, приземлиться ему предстояло в чужом саду.

А если не носит, то скоро занимает маленькую изящную урночку.

Популярная в Анк-Морпорке уличная игра, уступающая только «крысьим вышибалам». «Дерьмосалочки», судя по всему, окончательно ушли в прошлое, несмотря на попытки возродить их под названием «пятнакакашки».

Иными словами, Фред Колон – уникальный случай в анналах истории тюрем.

Этот Игорь не принадлежал к роду Игорей – его просто так звали. Изрядно рисковал тот, кто отпускал шуточки на эту тему, а особенно просил пришить ему голову обратно.

Терпение – главная гномья добродетель.

Говорят, такой есть в каждом полицейском участке. Констебль Посети-Неверующего-с-Разъяснительной-Брошюрой сходил за двоих.

Эта фраза Сибиллы не давала Ваймсу покоя. Она объявляла за ленчем: «Сегодня будет свинина, ее нужно доесть». У Ваймса никогда не было проблем с тем, чтобы что-то доесть, поскольку он с детства привык лопать все, что перед ним ставили, притом быстро, пока не утащили. Его всегда озадачивала мысль о том, что еде нужно сделать одолжение.

Университетские привратники, которые также исполняли обязанность прокторов (притом с изрядным энтузиазмом). Свое прозвище они заработали благодаря тому, что были исключительно толстокожи, багровели на жаре и обладали крошечным (по сравнению с размером тела) мозгом.

Он дрался с горными козлами на опасных кручах, где из-под ног в пропасть катились камни, и во всеуслышание заявлял, что они препятствуют осуществлению его Права Странствовать. Эрик несокрушимо верил, что Земля Принадлежит Человеку, а также в то, что он именно тот Человек, у которого больше всех прав. На шее у Эрика всегда висела карта, обернутая водонепроницаемой тканью. С такими не шутят.

А если что-нибудь и случилось, люди обвиняли пришельцев, так что в конце концов все обошлось.